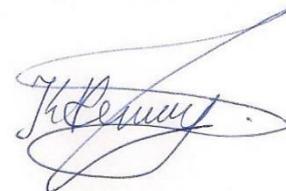

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
"САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО"

На правах рукописи

Фенин Кирилл Вячеславович

**ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА
РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ**

Специальность 08.00.01 - Экономическая теория

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель

Черемисинов Георгий Александрович,
доктор экономических наук, доцент

Саратов 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1 Теоретико-методологические предпосылки	
исследования территориальной структуры и динамики	
социально-экономических систем	12
1.1 Концепция хронотопа - методологическая предпосылка	
междисциплинарного исследования единства	
территориальной и хронологической динамики экономики	12
1.2 Концепции территориальной организации и динамики	
социально-экономических систем.....	23
1.3 Теоретическое моделирование иерархии	
территориального разделения труда, механизмов регулирования	
и социальной структуры экономики	42
Глава 2 Концептуальные основы исследования	
территориально-хронологической динамики экономики	59
2.1 Становление современной научной парадигмы	
территориально-хронологического развития экономики	59
2.2 Концепции кумулятивной и циклической	
территориально-хронологической экономической динамики.....	85
Глава 3 Формирование территориально-хронологической динамики	
экономики России	119
3.1 Параметры территориально-хронологической динамики	
и развитие урбанизации российской экономики	119
3.2 Тенденции территориально-хронологической макроэкономической	
динамики современной России	141
Заключение	166
Список литературы	178
Приложения	210

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Формирование территориально-хронологической динамики экономики России представляет собой серьезную научно-практическую исследовательскую проблему. Конъюнктура современной российской экономики характеризуется негативными трендами рецессии нисходящих фаз экономических циклов разной временной размерности, дивергенцией уровней развития и деградацией экономик субъектов Российской Федерации, социальной поляризацией населения, занятого в системе территориально-отраслевого разделения труда. Для понимания причин и преодоления этих неблагоприятных тенденций макроэкономической динамики необходимо исследование территориальной составляющей и хронологии циклических колебаний хозяйственной конъюнктуры, экономической политики государства.

В экономической науке чаще разрабатывались и использовались теории, объяснявшие либо временной, либо пространственный аспект макроэкономической динамики. Проблематика территориально-хронологических параметров и пространственно-временного анализа экономики фрагментарно затрагивалась в трудах зарубежных и отечественных исследователей, достижениями которых были обоснование динамических теорий и моделирование процессов трансформации экономического пространства, определение критериев и статистических показателей для измерения экономик территорий, изучение влияния территориально-экономических факторов на структуру народного хозяйства.

Назрела необходимость применения методологии хронотопа (единства времени и пространства) в области теоретического моделирования экономики, создания предпосылок целостной концепции двуединой территориально-хронологической экономической динамики на стыке различных экономических дисциплин. Исследование междисциплинарных проблем предполагает выделение ключевого звена - теоретико-методологического обоснования концепций и формирования со-

ответствующей парадигмы фундаментальной экономической науки, а также создает предпосылки для решения прикладных социально-экономических вопросов.

В контексте обозначенных научных и практических проблем особую актуальность приобретает исследование объективно обусловленной территориально-хронологической динамики современной российской экономики.

Степень разработанности проблемы. Формирование территориально-хронологической макроэкономической динамики - комплексная, дуалистическая и разнородно исследованная проблема. Использование методологии концепции хронотопа в экономической науке рассматривалось в трудах Ф. Броделя, А.Г. Домбровского, А.В. Плякина, Г.А. Хакимова, Г.А. Черемисинова.

Теорией и методологией эволюции территориальных экономических систем, истории научных парадигм и школ экономической мысли в области пространственной организации экономики занимались К. Акамацу, М. Блауг, С.Ю. Витте, И.П. Гурова, А.Н. Демьяненко, А. Дженовези, Л.А. Дятлова, Б.Н. Зимин, А.А. Иголкин, С. Касахара, А.П. Киреев, П. Кругман, Ф. Лист, А. Маршалл, П.А. Минакир, В.В. Мотылев, Г. Мюрдаль, М. Накадзима, Г.В. Нинциева, Р.М. Нуреев, А.В. Одинцова, А.Н. Пилясов, Э. Райнерт, И.А. Родионова, В.Т. Рязанов, П. Самуэльсон, А. Серра, Дж. Стиглиц, П.Б. Струве, В.Н. Украинский, В.И. Ульянов-Ленин, Г.Н. Хадиуллина, К. Шрепель, Й. Шумпетер.

Различные аспекты моделирования иерархии территориального разделения труда, механизмов регулирования и социальной структуры экономики рассматривали Дж. Арриги, Ф. Бродель, И. Валлерстайн, А. Вебер, М. Китинг, В. Кристаллер, А. Леш, Б. Олин, Д. Рикардо, А. Смит, И. Тюнен, Э. Хекшер.

Специфика формирования экономики городских поселений исследовалась в работах Е.В. Балацкого, О.С. Балаш, Ф. Броделя, А.Б. Гусева, Н.В. Зубаревич, К.В. Криничанского, Г.М. Лаппо, К.М. Саакянца, С. Сассен, П.В. Строева, Р.В. Фаттахова, Дж. Форрестера, М. Фудзиты, Д. Харви, А.Н. Швецова.

Макроэкономические проблемы кумулятивной регулярной и нерегулярной циклической динамики территориального и отраслевого разделения труда обсуждались в публикациях К. Акамацу, Дж. Арриги, А. Ахерн, Ф. Броделя, И. Валлер-

стайна, Р. Вернона, С.Ю. Глазьева, Л.Е. Гринина, К. Калотая, Т. Камински, Р. Кейттеля, Л.А. Клименко, К. Кодзимы, Н.Д. Кондратьева, А.В. Коротаева, Р. Лоунгани, У. Людвиг, С.М. Меньшикова, А.М. Михайлова, Г. Мюрдаля, Т. Озавы, К. Перес, М. Портера, И.О. Пугачева, Э. Райнерта, М. Суурны, А. Тауша, Дж. Фернелда, К. Фримэна, Дж. Холла, Г.А. Черемисинова, Дж. Шиндлера.

Ряд тенденций территориально-хронологической макроэкономической динамики России исследован С.М. Васиным, Б.Н. Зиминим, Н.В. Зубаревич, Н.Б. Косаревой, М.Ю. Малкиной, Т.Д. Полиди, А.С. Пузановым, В.С. Федоляком и др.

Теоретическая разработанность методов исследования и анализа территориально-хронологической динамики российской экономики далека от завершения. Необходимо решение целого ряда актуальных проблем: обоснование эвристики применения в междисциплинарных исследованиях экономической науки методологии хронотопа; определение теоретико-методологических основ изучения территориальной и хронологической динамики экономики как процесса формирования разноуровневого разделения труда и структуры механизмов хозяйственного регулирования; объяснение условий возникновения территориально-хронологической парадигмы экономической мысли; осмысление иерархии многослойной пространственной и временной организации социально-экономических систем; определение параметров и показателей территориально-хронологического развития экономики; использование в макроэкономике визуализирующей технологии географических информационных систем (ГИС-технологий); выявление закономерностей и тенденций в территориально-хронологической макроэкономической динамике России. Актуальность, недостаточная степень научной разработанности и практическая значимость предопределили выбор темы, цель и задачи диссертационного исследования.

Цель исследования заключается в выявлении предпосылок становления современной парадигмы экономической мысли на основе применения методологии концепции хронотопа в междисциплинарном взаимодействии экономических наук и в использовании полученного приращения знаний для понимания специфики

формирования объективно обусловленной территориально-хронологической динамики российской экономики.

В соответствии с намеченной целью были поставлены и решались следующие **задачи**:

- раскрыть эвристический потенциал применения методологии концепции хронотопа в междисциплинарном исследовании территориально-хронологической динамики экономики;

- выделить ключевые признаки классификации концепций территориальной экономической динамики как процесса формирования разделения труда;

- дать определение территориальной макроэкономической динамики как формирования разделения труда, пространственно организованного в виде многоуровневой иерархической структуры;

- привести дополнительные аргументы в обоснование необходимости и возможности разработки современной парадигмы экономической науки, позволяющей изучать и объяснять территориально-хронологическую динамику социально-экономических систем;

- дать определение территориально-хронологической макроэкономической динамики как формирования разделения труда в виде кумулятивного, хронологически упорядоченного и циклического развития экономики пространственных образований;

- обосновать возможность интерпретации процесса урбанизации в России как хронологически нерегулярного долгосрочного цикла;

- установить взаимосвязь иерархии территориально-отраслевого разделения труда с макроэкономической динамикой России;

- раскрыть зависимость многослойной динамики циклических колебаний хозяйственной конъюнктуры территориальных образований России от плотности экономического пространства, структуры механизмов хозяйственного регулирования и социально-экономической политики государства.

Область исследований. Диссертационная работа соответствует специальности 08.00.01 "Экономическая теория" Паспорта специальностей ВАК (экономиче-

ские науки), выполнена в рамках: п. 1 "Общая экономическая теория", п. 1.1 "Политическая экономия: структура и закономерности развития экономических отношений; теория хозяйственного механизма и его развитие: принципы, особенности, тенденции; закономерности эволюции социально-экономических систем; роль и функции государства и гражданского общества в функционировании экономических систем; формирование экономической политики (стратегии) государства", п. 1.3 "Макроэкономическая теория: теория экономического роста; теория деловых циклов и кризисов"; п. 2 "Экономическая история", п. 2.1 "Общие тенденции и закономерности экономической истории человечества (периодизация экономической истории, особенности и этапы отдельных исторических эпох, цикличность экономических процессов, их страновая и региональная ограниченность или глобализация)", п. 2.3 "Закономерности, особенности, этапы развития отдельных стран и регионов, факторы, обуславливающие специфику их развития"; п. 4 "Методология экономической науки", п. 4.2 "Эволюция парадигмы экономической теории", п. 4.3 "Междисциплинарные взаимодействия в экономической науке".

Объект исследования - территориально-хронологические макроэкономические процессы и структуры в России и зарубежных странах.

Предмет исследования - экономические отношения, возникающие по поводу формирования территориально-хронологической динамики российской экономики.

Теоретическую и методологическую основу исследования составили работы отечественных и зарубежных ученых по проблемам разделения труда, территориальной организации и урбанизации экономики, циклических колебаний макроэкономической конъюнктуры, параметров и показателей территориально-хронологического развития экономики. Методологическую основу исследования составили фундаментальные положения экономической науки, концепции хронотопа, территориально-хронологической экономической динамики, миросистемного анализа, социально-экономической иерархии, теории эволюции разделения труда, регулярных и нерегулярных экономических циклов.

Инструментарно-методический аппарат. В диссертационном исследовании применялись общенаучные подходы: историко-нарративный, структурно-системный, экономико-статистический, верификация, а также методы: научного абстрагирования, ретроспективного и компаративного анализа, классификации, экономико-картографического моделирования, иллюстрации.

Информационно-аналитическая база исследования - тексты монографий, научные публикации и обзоры, данные и материалы официальных сайтов ведомственных органов Российской Федерации и зарубежных статистических служб и прочие источники.

Гипотеза диссертационной работы заключается в предположении о том, что территориально-хронологическая динамика экономики России формируется факторами размеров и структуры территории страны, урбанизации, отраслевой структуры, циклических колебаний хозяйственной конъюнктуры, государственной политики, неравномерного развития субъектов разделения труда. Верификация диссертационной гипотезы возможна на основе следующих теоретико-методологических предпосылок: концепция хронотопа позволяет исследовать иерархически пространственно организованное и циклически конъюнктурно обусловленное развитие разделения труда; существуют условия становления парадигмы экономической мысли, объясняющей взаимодействие территориальной и хронологической динамики социально-экономических систем; допустимо использование ГИС-технологий для определения и интерпретации параметров и показателей территориально-хронологической экономической динамики.

Научная новизна исследования состоит в выявлении тенденций формирования территориально-хронологической динамики российской экономики на основе применения методологии концепции хронотопа в междисциплинарном взаимодействии экономических наук и положений современной, альтернативной мейн-стриму парадигмы экономической мысли. Научная новизна диссертационной работы заключается в следующем:

- раскрыт эвристический потенциал применения методологии концепции хронотопа в междисциплинарном исследовании территориально-хронологической

динамики экономики посредством указания направлений возможного приращения знаний;

- выделены ключевые признаки классификации концепций территориальной экономической динамики как процесса формирования разделения труда: факторы неравномерного распределения хозяйственных ресурсов внутри национальных экономик и между государствами; формирование территориальных структур экономического роста в виде точечных полюсов роста, линейных осей развития, площадных агломераций; стадийное распространение импульсов роста и инноваций по экономическому пространству; отраслевая специфика хозяйственной деятельности; значение городов в инновационном развитии; циклический характер воспроизводства продуктов, технологий, отраслей; международная миграция факторов производства;

- дано определение территориальной макроэкономической динамики как формирования разделения труда, пространственно организованного в виде многоуровневой иерархической структуры: социально-экономических отношений между территориальными образованиями различного уровня и масштаба, макроэкономическими субъектами; экономических укладов; механизмов хозяйственного регулирования;

- приведены дополнительные аргументы в обоснование необходимости и возможности разработки современной парадигмы экономической науки в формате гибкой, открытой концептуальной структуры, которая позволяет критически переосмысливать, включать, интегрировать и верифицировать положения альтернативных течений экономической науки, изучать и объяснять территориальную и хронологическую динамику социально-экономических систем;

- дано определение территориально-хронологической макроэкономической динамики как формирования разделения труда в виде кумулятивного развития экономики пространственных образований, хронологически упорядоченных изменений территориальных социально-экономических систем, иерархической соподчиненности регулярных и нерегулярных циклических колебаний конъюнктуры территориально организованных экономик;

- обосновано, что процесс урбанизации в России с конца XIX в. был хронологически нерегулярным циклом формирования территориально-отраслевого разделения труда, на который воздействовали колебания конъюнктуры К-циклов (больших циклов Кондратьева) и J-циклов (среднесрочных циклов Жюгляра). Выявлено наличие двух долгосрочных тенденций в динамике численности городов и городского населения: восходящей в 1959–1989 гг. и нисходящей в 1989–2018 гг., соответствующих двум фазам К-цикла;

- установлена взаимосвязь иерархии территориально-отраслевого разделения труда с макроэкономической динамикой России. Показано влияние колебаний хозяйственной конъюнктуры на изменения многослойных территориально и иерархически организованных отраслевых и социально-экономических систем;

- раскрыта зависимость многослойной динамики циклических колебаний хозяйственной конъюнктуры территориальных образований России от центр-периферийной иерархии городов, областей, краев и республик, плотности экономического пространства, структуры механизмов хозяйственного регулирования, социально-экономической политики государства. Выявлено активное участие политики правительства в формировании тенденций дивергенции и деиндустриализации экономик территориальных образований России в хронологических рамках нисходящей фазы К-цикла и составлявших ее J-циклов.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в разработке современных подходов к определению закономерностей и тенденций территориально-хронологической динамики российской экономики. Конкретизирована концепция хронотопа посредством применения понятия территориально-хронологической динамики для определения специфики эволюции экономики. Приведены аргументы в пользу создания альтернативной парадигмы экономической мысли на основе междисциплинарного взаимодействия в экономической науке. Углублена методология и теория долгосрочного и среднесрочного хозяйственного развития посредством разработки методики анализа урбанизации и отраслевой структуры экономического пространства с использованием ГИС-технологий. Выявлены особенности формирования макроэкономической территориально-хроно-

логической динамики современной России в условиях наложения конъюнктуры столетнего цикла, К-цикла и J-циклов. Переосмыслены роль и место государства в формировании системы разделения труда в экономике страны.

Практическая значимость диссертационного исследования связана с перспективами применения его результатов при разработке макроэкономической политики федеральными и территориальными органами государственной власти. Теоретические положения работы могут использоваться в учебном процессе при преподавании экономической теории, макроэкономики, экономической истории, истории экономической мысли, государственного регулирования экономики, региональной экономики, экономической географии.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертации обсуждались на Международной научно-практической конференции "Национальное богатство России в глобальных императивах" (Волгоград, 2013); Международной научной конференции "Экономическая система современной России: пути и цели развития" (Москва, 2014); Международной научно-практической конференции "Экономические, институциональные и технологические проблемы повышения конкурентоспособности национальной экономики в условиях внешних вызовов" (Саратов, 2015); Международном молодежном симпозиуме по управлению, экономике и финансам (Казань, 2015); на I, II, III, IV, V, VI международных научно-практических конференциях "Устойчивое развитие: общество и экономика" (Санкт-Петербург, 2014-2019); на I Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых "Fortus: экономические и политические исследования" (Пенза, 2019).

Публикации. Основные результаты исследования представлены в 23 публикациях авторским объемом 14,24 печ. л., из них 7 статей размещены в журналах, определенных ВАК для публикации результатов научных исследований.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложений.

Глава 1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

1.1 Концепция хронотопа - методологическая предпосылка междисциплинарного исследования единства территориальной и хронологической динамики экономики

Исходной точкой исследования макроэкономической динамики служит разделение труда - процесс исторического развития обособления, специализации, кооперирования, видоизменения трудовой деятельности, который формирует территориально и хронологически организованную систему социально-экономических отношений.

Понятие разделения труда определяет и классифицирует его субъектов. В научной литературе есть различные подходы к описанию классификационных признаков отношений разделения труда в зависимости от масштабов и особенностей социально-экономических систем. Не претендуя на исчерпывающее раскрытие проблемы, можно указать часто встречающиеся и значимые дефиниции. Различают международное разделение труда в рамках межгосударственных отношений мировой экономики и разделение труда внутри хозяйств отдельных стран.

По признакам размещения и специализации хозяйственной деятельности различают территориальное и отраслевое разделение труда, которые конкретизируются уточнением пространственных границ субъектов (зон, регионов, областей, районов, населенных пунктов, хозяйственных единиц, работников), детализацией специфики сфер деятельности: разделение труда внутри отраслей, внутри предприятий и организаций, их подразделений, вплоть до единичного рабочего места. Допустимо применять понятие разделения труда к традиционно выделяемым макро-

экономическим субъектам: мировой экономике (внешнеэкономической сфере), государству, бизнесу и наемным работникам (домохозяйствам).

Научно корректной представляется редукция от крупных субъектов (участников) процесса разделения труда к малым субъектам. Детализация и разделение, конкретизирующие состав субъектов экономических отношений, предполагают также и противоположный вектор научного дискурса - агрегирование отдельных, разрозненных хозяйствующих субъектов в укрупненные группы, вплоть до уровня макроэкономических субъектов. Такое понимание формирования систем разделения труда закладывает теоретико-методологические предпосылки сочетания микроэкономического и макроэкономического подходов в исследованиях. При взаимных переходах от уровня отдельных работников и хозяйственных единиц к населенным пунктам, регионам, зонам, отраслям, национальным экономикам и мировому хозяйству (и в обратном направлении) охватывается весь спектр субъектов отношений по поводу участия в разделении труда. Перечисленные классификации создают предпосылки исследования пространственно-временной эволюции сфер разделения труда, выделяемых по разным классификационным признакам, с определением их территориального размещения и хронологии развития.

Понятия территории и хронологии конкретизируют общие, абстрактные категории пространства и времени. Под территорией обычно понимают часть земной поверхности с воздушным пространством и расположенными под ней недрами, известным географическим положением, природными и созданными в результате деятельности людей условиями и ресурсами, с определенными границами, на которую распространяется юрисдикция государства или административной единицы. Под хронологией понимаются даты, перечень и последовательность событий в их временной упорядоченности. Конкретизация определений пространства и времени позволяет включать теоретико-методологический инструментарий территориальных исследований (экономической) географии и хронологических исследований (экономической) истории в научно-понятийное поле и исследовательский инструментарий фундаментальной и прикладной экономической теории.

Изложенное пояснение смысловой значимости соотношения понятий "пространство" и "территория", "время" и "хронология" следует понимать как уточнение предмета диссертационного исследования, как определение методологических границ научного поиска. В тех случаях, когда нет необходимости подчеркивать различия в дефинициях научных категорий, а также по соображениям стилистики преподнесения материала диссертации, понятийные пары "пространство - время" и "территория - хронология" используются в качестве синонимов. Подобное словопотребление не противоречит принятым нормам научной логики. В современной школе французской пространственной экономики понятие "экономическое пространство", связанное с "функциональной логикой", используется реже, чем социально-историческая конструкция - термин "территория" [202, с. 93].

В экономической науке обычно используются теоретические модели, объясняющие либо временной, либо пространственный аспект изучаемых фактов. Назрела необходимость разработки методологии взаимосвязанного пространственно-временного моделирования экономики, инвентаризации имеющихся теорий и выявления их логической совместимости, создания предпосылок теоретико-методологического обобщения двуединой территориально-хронологической экономической динамики в виде целостной концепции. Отправным пунктом научной разработки названной проблемы может стать категория "хронотоп", определяющая существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений [216].

Понятие "хронотоп" (гр. χρόνος, "время" и τόπος, "место"), дословно переводимое как "время-пространство", встречается в естественно-математических науках у Ж.-Л. Лагранжа, А. Эйнштейна, Н.И. Лобачевского [9, 243], в трудах психолога А.А. Ухтомского и литературоведа М.М. Бахтина [10, с. 234-235]. Понятие хронотопа объясняет эволюцию пространственно-временной организации. Континуум множества временных и пространственных состояний объединяет во взаимодействии факты и процессы единой мировой, в том числе экономической, истории. Однако в отечественной науке преобладают социальные и философские аспекты осмысления и концептуального использования термина "хронотоп".

Социальный хронотоп поверхностно рассматривался в публикациях В.Е. Кемерова с позиций социальной философии [70, с. 173; 71, с. 109]. Легковесны "синергетические" размышления об "экономическом хронотопе" А.Г. Домбровского [52, с. 214]. Об инвариантности и вариативности структур хронотопа, о многомерности социального пространства писал К.Э. Бурнашев [17, с. 16]. По мнению Н.В. Барабошиной, методология хронотопа применима к изучению городской среды [9, с. 243-244]. Г.А. Хакимов говорил о потенциале миросистемного анализа капитализма, возникающем "в результате привлечения „емкого концепта“ хронотопа М.М. Бахтина" [233, с. 63].

Теоретико-методологические основы концепции хронотопа в экономической науке получили развитие в исследованиях А.В. Плякина. Ученый понимал хронотоп как пространственно-временной континуум, в котором разворачиваются процессы трансформации экономических систем [131, с. 30]. Концепция обеспечивала логический переход от исходных теоретико-методологических посылок к моделированию воспроизводственных процессов региональной экономики во взаимодействии исторических и географических аспектов. Несомненная заслуга автора - попытка обоснования практического применения концепции экономического хронотопа посредством технологий ГИС (географических информационных систем) для агрегирования статистической информации о природно-ресурсном, хозяйственном и социально-экономическом состоянии территории региона. Представляется целесообразным шире понимать концепцию заявленного методико-методологического подхода как геоэкономическую, а не ограничивать ее рамками термина "геоинформационный подход" [131, с. 34, 35].

А.В. Плякин сформулировал многомерную, многофакторную модель регионального воспроизводственного процесса и модель каркасной структуры экономического пространства, отражающие цикличность развития и трансформации природно-хозяйственных систем [131, с. 15, 25]. Но за рамками исследования осталось использование эвристики концептуального потенциала хронотопа - анализ эволюции и пространственных трансформаций хозяйственных систем в ритме средне-

срочных циклов и больших циклов Н.Д. Кондратьева (К-циклов), изменяющих размещение производства и отраслевую структуру экономики.

Некоторые теоретические и методологические положения, высказанные А.В. Плякиным, представляются дискуссионными и предполагают критическое переосмысление. Предпосылка о внешнем характере хронотопа как о пространственно-временном континууме поверхностна, поскольку пространственно-временные (территориально-хронологические) параметры экономических процессов имеют бытийное, онтологическое происхождение. Внешнее, формальное понимание хронотопа приводит к тому, что к существительному "хронотоп" без пояснений присоединяются определения экономической, хозяйственный и т.п. Сомнительна польза от оригинального авторского выделения шести факторов производства: природно-ресурсного, трудового, технико-технологического, организационного, институционального и информационного, и соответствующего выделения шести хронотопов [131, с. 33-34].

Предложенное в настоящей диссертации концептуальное видение методологии хронотопа не ограничивается региональными (областными и районными) социально-экономическими системами, но охватывает весь спектр отношений системы разделения труда всех вышеуказанных субъектов (уровней).

Включение в инструментарий экономической теории концептуального понятия хронотопа открывает эвристические перспективы фундаментальных и прикладных исследований взаимодействия хронологической и территориальной динамики экономики. Имеющиеся в науке теории кластеров, территориально-отраслевых комплексов, размещения производительных сил, чаще всего, объясняют динамику социально-экономических процессов внутри границ территориальных образований. Понятие хронотопа пока редко используется в исследованиях социально-экономической динамики. Элементы методологии хронотопа есть в трудах Ф. Броделя, Р. Доманьского, Б.Н. Зимина, И.А. Родионовой [16, 51, 54, 162]. Интересна попытка Г.А. Черемисинова применить методологию хронотопа во взаимосвязанном исследовании макроэкономической динамики во времени (колебаний конъюнктуры) и в территориальном измерении экономики СССР в период Великой Оте-

чественной войны [247, с. 184-186]. Подробное изложение концептуальной схемы хронотопа в социально-экономических науках представлено в работах соискателя [см.: 215; 216, с. 163-166, 168; 218, с. 10-55].

Методология хронотопа создает предпосылки исследования территориально-хронологического развития экономики России на стыке ветвей фундаментальной экономической науки: экономической теории, истории экономики и экономической мысли, макроэкономики, пространственной экономики, а также смежных научных дисциплин: философии и истории, с привлечением миросистемного анализа, теоретической интерпретации статистического и фактологического материала. Междисциплинарные взаимодействия в экономической науке способствуют открытию новых граней в исследовании теории и истории российского хозяйства, позволяют дать новую трактовку известным явлениям, процессам и событиям. Кроссдисциплинарный подход предполагает критерий верификации теории и методологии экономической мысли - способность объяснять закономерности развития хозяйства страны и ее частей, мировой экономики.

Макроэкономика главным образом изучает хронологическую составляющую эволюции системы разделения труда, представленную статистическими показателями, отражающими колебания конъюнктуры национальных экономик и мирового хозяйства. Теории экономического роста и экономических циклов сосредоточены на исследовании развития социально-экономических систем в одном измерении - во времени. Одностороннюю хронологическую макроэкономическую динамику целесообразно дополнить разработкой теории и методологии "территориальной" макроэкономики, охватывающей второе измерение хозяйственной деятельности - пространство. Концепция хронотопа способствует формированию целостного научного направления - территориально-хронологической макроэкономической динамики. Научный поиск в обозначенном направлении возможен в виде поэтапного рассмотрения: вначале концепций пространственного (территориального) развития экономических структур, затем концепций, отражающих единое территориальное и хронологическое развитие социально-экономических систем. Методология хронотопа предполагает самостоятельное изучение обеих составляющих эво-

люции экономики - времени и пространства, но исходным пунктом исследования служит территориальная динамика, конкретно определяющая местоположение и специфику субъектов разделения труда.

Обновление научной мысли создает предпосылки введения в фундаментальную экономическую теорию пространственного видения макроэкономики, территориальной макроэкономической динамики. Методология хронотопа совместима с решением задач критического обзора концепций территориальной организации и динамики социально-экономических систем, выделения признаков для классификации теорий территориального формирования разделения труда.

Сравнительный историографический анализ теорий и моделей территориального и отраслевого разделения труда, размещения хозяйственной деятельности позволяет выявить факторы, определяющие оптимальное местоположение субъектов производства и потребления в экономическом пространстве. Возникает возможность оценить область применения теорий, моделей или систем размещения экономики в зависимости от степени их абстракции, учета в них фактора времени и качественного изменения факторов хозяйственной локализации.

Продуктивной представляется концептуальная предпосылка многомерной, структурно-организованной иерархии территориальной и хронологической динамики социально-экономических объектов и субъектов, взаимодействующих на определенной территории. Методология хронотопа предполагает изучение иерархии рыночных сфер и механизмов, теоретическое моделирование многомерной системы территориального разделения труда, механизмов регулирования и социальной структуры экономики.

Плодотворным направлением познания территориальной и хронологической динамики разделения труда может быть исследование урбанизации. Представление городов в виде центров хозяйственной деятельности и экономического развития закладывает предпосылки формирования целостной концепции на основе теорий пространственной экономики и фундаментальной экономической теории. Модель экономики города включает самый широкий спектр видов хозяйственной деятельности, набор механизмов хозяйственного регулирования, перечень экономических

субъектов. Важнейшие макроэкономические пропорции территориально-хозяйственной динамики формируются городами. Иерархия городов обуславливает иерархию национальной и мировой экономики.

Применение методологии хронотопа в рамках концепции миросистемного анализа позволяет представить территориальную динамику всего спектра сфер разделения труда в виде многослойного, пространственно организованного процесса со специфической хронологической упорядоченностью. Миросистемная модель объясняет пространственную структуру международного разделения труда, осевое центр-периферийное взаимодействие экономик государств, иерархию механизмов хозяйственного регулирования, секторов и отраслей экономики.

Концепция хронотопа обладает парадигмальными свойствами и может содействовать обновлению парадигмы экономической мысли в направлении изучения и понимания территориально-хронологического развития хозяйственных систем. Современная, альтернативная стандартной экономической науке, парадигма складывается в виде гибкой и открытой концептуальной структуры; она позволяет критически переосмысливать, включать, интегрировать и верифицировать теоретико-методологические положения различных течений экономической мысли. Противостоящая мейнстриму парадигма предполагает разработку концепций на основе междисциплинарного взаимодействия в экономической науке и методологического допущения качественного изменения научных понятий в условиях пороговых изменений территориальных и хронологических параметров социально-экономических процессов. Она показывает эвристический потенциал целого направления экономической теории, объясняет возможность одновременного существования альтернативных парадигм экономической мысли, выражающих противоположные интересы субъектов хозяйственной деятельности.

Ограниченность познавательного потенциала теорий территориальной организации экономики, обусловленную статикой концептуальных конструкций, восполняют теории, описывающие динамику территориальных социально-экономических систем в формате временной структуры. В миросистемной концепции экономической динамики иерархически организованному пространству территориаль-

ных образований и территориально обусловленных экономических форм, институтов и процессов хозяйственной деятельности соответствует иерархия хронологически упорядоченных временных характеристик - циклов. Под воздействием изменений конъюнктуры колеблются сети отношений хозяйствующих субъектов, образующие вибрирующие поверхности, структуры экономических параметров. Экономика представляет собой структуру, колеблющуюся поверхность; она не только воспринимает конъюнктуру, но и создает ее на определенном уровне, создает ее единство на определенных территориях.

Теоретико-методологические предпосылки моделей циклической территориально-хронологической экономической динамики объясняют действие многослойной иерархии экономических циклов на многослойном экономическом пространстве; причем циклическая динамика может и не охватывать все социальные слои и иерархические структуры экономических систем.

Время в миросистемных моделях представляется в виде иерархически структурированной хронологии периодов, циклов разной продолжительности: регулярных, "стандартных" циклов - вековых, К-циклов, среднесрочных J-циклов, а также оригинальных, "нестандартных", нерегулярных экономических циклов развития стран, регионов и отраслей хозяйства. В теориях кумулятивной территориально-хронологической динамики экономики, основанных на применении конструкций "порочного круга" и "добродетельного круга", действие факторов социально-экономической эволюции и формирования сфер разделения труда взаимно усиливается и приобретает негативную или положительную динамику.

Концептуальное понятие хронотопа конкретизируется в прикладных исследованиях параметров и процессов территориально-хронологического развития экономики. Методология хронотопа - модель пространственно-временного континуума, равноправного измерения пространства и времени, позволяет изучать неравномерную территориальную локализацию экономической активности. Классификация пространства создает основу для "матричного" построения концепций, "раскладки" и хронологического рассмотрения социально-экономических процессов, параметров и статистических показателей по уровням территориальных образова-

ний, для понимания матричной организации и территориально-хронологической динамики многоуровневой системы разделения труда.

Выявление закономерностей территориально-хронологической экономической динамики предполагает ее качественную характеристику и определение количественных параметров на основе статистических показателей. Методология хронотопа используется в исследованиях: параметров и показателей формирования структуры, интеграции и дезинтеграции экономического пространства; потоков производственных ресурсов и миграции населения в зависимости от динамики хозяйственной конъюнктуры; социально-экономических и экологических результатов освоения территориальных образований; научно-технического прогресса; территориально-хронологических параметров районирования (зонирования) и локализации факторов хозяйственной деятельности.

Рабочая гипотеза хронотопа верифицируется оценкой результативности исследования структуры и динамики иерархически организованного экономического пространства, возможностью перехода от концептуального уровня к прикладному исследованию, от выявления закономерностей и причинно-следственных связей факторов, процессов, параметров территориально-хронологической экономической динамики к анализу статистических показателей по территориальным образованиям (субъектам разделения труда).

Система определения, идентификации, измерения, оценки территориально-хронологической экономической динамики представляет собой гибкую концептуальную схему, открытую для включения совокупности параметров и статистических показателей, разнообразных методик их статистического анализа. В целях упорядоченности научного поиска, с учетом условности всякой классификации, целесообразно выделить основные векторы (схемы) построения (определения) показателей. Первый вектор - содержательный, предполагает дефиницию содержания, качественную и количественную характеристику показателей. Выбор предмета исследования обуславливает применение специфических отраслевых, продуктовых, факторных показателей и обобщающих показателей (ВВП, ВРП, население, инвестиции). Второй вектор - территориальный (пространственный), предполагает

определение территориальных показателей (параметров) объектов и субъектов хозяйственной деятельности. Третий вектор - хронологический (временной), предполагает определение показателей хронологической упорядоченности и временных границ социально-экономической динамики. Гибкая и открытая концепция хронотопа позволяет применять широкий спектр статистических показателей (параметров) для исследования пространственно-временной динамики и эволюции иерархических систем разделения труда применительно к разнообразным территориальным образованиям в различных временных периодах.

Подводя итоги научно-критического анализа, следует констатировать, что концепция хронотопа создает методологические предпосылки междисциплинарного исследования единства территориальной и хронологической динамики экономики. Применение методологии концепции хронотопа позволяет реализовать ее эвристический потенциал в исследовании территориально-хронологической динамики экономики и наметить направления возможного приращения знаний посредством: факторной классификации теорий территориальной организации и динамики социально-экономических систем; теоретического моделирования территориальной макроэкономической динамики разделения труда, социальной структуры и механизмов регулирования экономики, пространственно организованных в виде многоуровневой иерархической структуры; понимания урбанизации как городской формы размещения и эволюции отраслевого разделения труда; обоснования необходимости и возможности разработки современной научной парадигмы территориально-хронологического развития экономики; концептуального осмысления кумулятивной и циклической территориально-хронологической макроэкономической динамики; определения взаимосвязи ключевых территориально-хронологических параметров и факторов социально-экономического развития территориальных образований; представления моделей регулярных экономических циклов - вековых, К-циклов, среднесрочных J-циклов и нерегулярных (оригинальных, специфических) циклов - в виде концептуальных конструкций, описывающих иерархически организованную пространственно-временную кумулятивную циклическую макро-

экономическую динамику социально-экономических систем, территориально-отраслевого разделения труда и территориально-экономической интеграции.

1.2 Концепции территориальной организации и динамики социально-экономических систем

В современной российской науке проблемы территориальной экономической динамики изучаются, как правило, специалистами в области пространственной экономики, экономической географии, региональной и мировой экономики. Критическое переосмысление накопленного опыта и знаний, устоявшихся концепций научной мысли может быть одной из предпосылок включения в фундаментальную экономическую теорию пространственного видения макроэкономической динамики, макроэкономической территориальной динамики.

Знаковым событием стало появление в 2005 г. научного журнала "Пространственная экономика"¹. В тезисах размышлений об экономике и пространстве, открывших первый выпуск журнала, его главный редактор П.А. Минакир представил научно-просветительский проект. Был дан обзор теорий, концепций, моделей пространственного размещения факторов производства, разделения труда, специализации хозяйственных единиц, торговли и обмена продуктами, воспроизводственных процессов территориальных структур.

Такие научно-реферативные обзоры, как правило, пишутся на основе сочетания нескольких принципов. Прежде всего, выдерживается универсальный принцип хронологической последовательности - от ранних работ авторов до современных

¹ Название периодического издания говорит о потребности в формировании новой области экономических знаний, междисциплинарного поля научного поиска и самостоятельного предмета исследования. Временной ракурс дискурса доминирует в экономической науке, поэтому возникла необходимость в "теоретическом осознании пространства" [108, с. 4, 5].

публикаций. Другой критерий классификации пространственно-экономических теорий - специфика уровней субъектов территориального разделения труда: локального, регионального, зонального, национального, международного. Еще один подход к сравнительному анализу, дифференциации и обобщению теоретических территориально-хронологических построений - выделение содержательных аспектов: отраслевой специализации, структуры рыночного механизма и торговли, инновационных процессов, факторов размещения производительных сил, демографии, урбанизации и т.п. Наконец, подразумевается критерий причисления авторских теоретических подходов к соответствующим течениям и школам экономической мысли.

Теоретико-методологической проблемой территориального исследования и понимания экономики остается разработка продуктивных гипотез, подходов, позволяющих использовать междисциплинарную научную методiku, обогащение фундаментальной экономической теории посредством включения в нее достижений смежных экономических наук, их инструментария и накопленных знаний.

Попытку определить понятие и сферу применения "пространственной экономики" предпринял П.А. Минакир, отмечая необходимость синтеза экономической теории, экономической географии на основе региональной экономики. В более поздней работе ученый постарался уточнить концептуальное видение и развить смысловое содержание понятия "пространственная экономика"¹. Понятие экономического пространства конкретизировалось введением определений "сгустков" и "плотности" экономической деятельности, фрагментации и поляризации, объясняющих неоднородность пространства, эффекты масштаба и агломерации. С учетом сказанного, П.А. Минакир выдвинул гипотезу о пространственной хозяйственной системе как объекте исследования пространственной экономики².

¹ Пространственная экономика - это форма существования географически распределенной общности взаимодействующих экономических агентов, участвующих в производстве, обмене, потреблении. Пространственная экономика решает задачу оптимизации удовлетворения потребностей пространственно распределенных хозяйствующих субъектов при заданных пространственно распределенных ресурсах [106, с. 19-20].

² Пространственная экономика - теоретическая оболочка, объединяющая глобальное пространство, национальное (субглобальное) пространство - множество взаимодействующих регио-

Распределение "зон ответственности" экономических наук обусловливается территориальными масштабами субъектов разделения труда. Большую часть пространственных социально-экономических теорий формулирует корпус трудов "регионалистов" (регионоведов) - экономистов и географов, которые исследуют локальные и региональные системы разделения труда, вплоть до уровня национальной экономики. Разделение труда в мировой экономике и международную торговлю (глобальное пространство) изучают экономисты-теоретики. Преодоление исторически сложившегося "водораздела" между экономическими науками следует признать актуальной, насущной задачей и перспективным направлением научного поиска. Пока, к сожалению, в современной отечественной и зарубежной экономической мысли, за исключением редких работ некоторых ученых, указанные области (предметы) исследования сосуществуют, скорее, независимо друг от друга¹. Такое состояние науки подтверждает краткий источниковедческий разбор.

Изложение и интерпретация теорий территориально-хронологической динамики социально-хозяйственных систем представлены в научной литературе как самостоятельный предмет публикации и как компонент теоретического дискурса. Можно выделить подходы экономистов-теоретиков к историографической традиции: прикладной, классификационно-описательный, научно-просветительский (ознакомительный), дискуссионный, конструктивно-обобщающий. Однако экскурс в историю концепций пространственной экономики зачастую не ограничивается одним подходом и охватывает несколько аспектов исследования проблемы.

Предложенная авторская классификация подтверждается научно-критическим обзором. Первый классификационный признак - прикладной подход - будет представлен по мере изложения диссертационного материала применительно к решению конкретных научно-исследовательских проблем с объяснением использования теорий различных авторов или отдельных положений их теорий.

нальных экономик, региональное (субнациональное) пространство - множество экономических локалитетов низших уровней (районов, комплексов, узлов, участков) [106, с. 20-21].

¹ В литературе почти нет обобщающих работ по пространственной экономике, поэтому следует изучать историю науки [110, с. 10].

Классификационно-описательный подход к изложению пространственно-экономических теорий присутствует в работах Ю.А. Гаджиева [32, 33, 34], Л.К. Гурьевой [40], Г. Джереффи [48], Ю.Д. Кузьминой, Ж.А. Мингалева [86], П.А. Минакира, А.Н. Демьяненко [109], И.В. Мищенко [113], А.П. Мямлина [115], Н.Н. Нестеровой, В.А. Черкасова [117], Н.И. Стецко [187], В.С. Федоляка [207], О.Ч. Цыренова [239], В.П. Четвертаковой, И.М. Четвертакова [248], В.А. Шупер [253].

Научно-просветительский, ознакомительный подход представлен изданием в журнале "Пространственная экономика" знаковых статей известных ученых¹ и публикацией в сборнике "Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика" [27] работ грандов экономической науки². Публикации работ по территориально-хронологической динамике экономики создали почву для их критического осмысления в рамках дискуссионного теоретико-методологического подхода; пример тому - цикл статей в журнале "Пространственная экономика"³.

¹ Б. Йоханссон, Дж.М. Квигли "Агломерации и сети: эффекты в пространственной экономике" [68]; П. Кругман "Пространство: последний рубеж" [83]; С. Кузнец "Экономический рост и неравенство доходов" [85]; Х.Р. Ласуэн "Урбанизация и экономическое развитие: временное взаимодействие между географическими и отраслевыми кластерами" [91, 92]; А. Леш "Природа экономических районов" [95]; Ф. Перру "Экономическое пространство: теория и приложения" [126]; М.Е. Портер "Экономическое развитие регионов" [136, 137]; В.П. Семенов-Тянь-Шанский "О могущественном территориальном владении применительно к России" [184]; Ж.-Ф. Тиссэ "Забвение пространства в экономической мысли" [198, 199].

² Р. Вернон "Гипотеза продуктового цикла в новом международном окружении" [26]; Р. Джонс "Соотношение между факторами: теорема Хекшера - Олина" [49]; П. Кругман "Возрастающая отдача, монополистическая конкуренция и международная торговля" [82]; В.В. Леонтьев "Внутреннее производство и внешняя торговля: новое исследование позиций американского капитала" [94]; С. Линдер "К вопросу о торговле и трансформации" [97]; Б. Олин "Межрегиональная и международная торговля" [118]; М. Познер "Международная торговля и изменение технологии" [132]; Т. Рыбчинский "Начальный запас факторов и относительные цены товаров" [173]; П. Самуэльсон "Еще раз о международном выравнивании цен факторов производства", "Цены факторов производства и товаров в состоянии общественного равновесия", "Проблема трансферта и транспортные издержки" [178, 179, 180]; У. Столпер, П. Самуэльсон "Протекционизм и реальная заработанная плата" [191]; Я. Тинберген "Предложения по поводу международной экономической политики" [197]; Г. Хаберлер "Некоторые теоретические проблемы международной торговли" [226]; Э.Ф. Хекшер "Влияние внешней торговли на распределение дохода" [235]; Д. Юм "О торговом балансе" [255].

³ Э. Гольденберг "Теория промышленного районирования Альфреда Вебера" [38]; А.Г. Гранберг "Идеи Августа Леша в России" [39]; А.Н. Демьяненко, Л.А. Дятлова "Вопросы экономического районирования: забытые достижения" [43]; А.Н. Демьяненко "Теория промышленного штандорта А. Вебера: дискуссия начала XX века" [44]; А.Н. Демьяненко, Л.А. Дятлова, В.Н. Украинский "Фернан Бродель и становление геоисторического метода в исследовании экономи-

Конструктивно-обобщающий подход предполагает поиск и выявление логики развития знаний в теориях пространственной экономики, в определенном смысле включает в себя все вышеназванные подходы. Он представляет собой углубленный научно-реферативный обзор, сочетающий хронологическую историографию с выделением общего и особенного в ходе критического анализа рассматриваемых концепций, создает целостное представление об эволюции теорий пространственно-временной динамики экономики. Впечатляющий пример - глава "Экономическая теория использования пространства и классическая теория размещения производства" в фундаментальной монографии М. Блауга "Экономическая мысль в ретроспективе", которая завершается неожиданными выводами¹.

Теоретико-методологическая систематизация верифицирует результаты исследований; они признаются научным сообществом, используются в учебниках, обретают свойства парадигмального знания². Конструктивно-обобщающий подход может быть предметом специального научного исследования, о том говорят совместные публикации П.А. Минакира и А.Н. Демьяненко³.

ческого пространства" [45]; А.В. Одинцова "Пространственная экономика в работах представителей французской школы регуляции" [123]; В.Н. Украинский "Современная французская пространственная экономика...", "Французская пространственная экономика..." [202, 204]. Примыкает к этому списку публикаций статья А.Н. Демьяненко, Л.А. Дятловой, В.Н. Украинского "Школа "Анналов" и ее вклад в исследование экономического пространства" [46].

¹ Классическая теория размещения доказала, что она представляет собой теоретический "склад" общих положений о роли пространственных факторов, которые подсказывают, что искать, когда уже прибыли к месту назначения, но не могут сказать, что будет там, куда надо идти. Негативная ретроспективная оценка объясняется пренебрежением представителей основных течений экономической мысли к экономической теории пространства [11, с. 583].

² Публикации И.А. Родионовой "Промышленность мира: территориальные сдвиги во второй половине XX в." и "Мировая экономика: индустриальный сектор" [161, 162] и П. Хаггета "Пространственный анализ в экономической географии", "The Spatial Economy" [227, 274].

³ Статья "Пространственная экономика: эволюция подходов и методология" стала основой для монографии "Очерки по пространственной экономике" [109, 110]. Логика исследования развертывалась от методологии пространственной экономики к обзору зарубежных и отечественных пространственно-экономических теорий. Общее и специфическое в становлении национальных школ экономической географии, совмещение национального и хронологического аспектов эволюции мировой пространственно-экономической мысли трактовались как закономерная стадийность развития. Композиционное размещение и содержательная интерпретация публикационного материала показывали, что становление и развитие российской школы географов-экономистов и экономистов-регионоведов шло в русле общемировых тенденций. В обзорах немецкой и французской (континентальной) школы речь шла об экономистах географов и регионалистах. В традиционном историографическом обзоре была новация: рассмотрение теорий англосаксонской школы ограничилось современными экономистами-теоретиками - М. Портером и П. Кругманом.

Критическое переосмысление взглядов названных авторов, в стиле конструктивно-обобщающего и научно-дискуссионного подходов, дает возможность представить в настоящем диссертационном исследовании иное понимание вышеуказанных проблем. Историографическое обращение к теориям пространственной экономики различных эпох, их восприятие, систематизация и использование содействуют приращению научных знаний. Историографические обзоры выявляют и объясняют логику развития мировой экономической науки, решают широкий спектр исследовательских задач. Систематическое рассмотрение взаимосвязанных теорий нескольких авторов создает предпосылки применения их отдельных положений в качестве инструментария и теоретико-методологического обоснования корректности выбранного способа изучения определенных проблем. "Заимствование" может осуществляться без их герменевтического анализа и верификации, особенно если речь идет об общепризнанных концепциях, описание которых и классификация выделяют содержательные моменты, причинно-следственные и закономерные связи. Более сложный способ историографического изучения теорий территориально-хронологической экономической динамики - критическое переосмысление их для обоснования альтернативного авторского подхода (видения) в контексте методологии или теории. Промежуточным историографическим подходом оказывается использование модифицированных (видоизмененных) версий (вариантов) описываемых концепций (теорий): частичное "заимствование" отдельных теоретико-методологических положений и логических переходов в структуре знания; использование имеющихся теорий (моделей) при решении новых проблем или расширении сферы (области) применения концепций.

Историография продуктивна в научном смысле. Перечисление и обзор теорий территориально-хронологической динамики экономики полезны, ибо инициируют упорядочение, пересмотр, новые классификации, приращение знаний, вклю-

Так П.А. Минакир и А.Н. Демьяненко постарались преодолеть "водораздел" между пространственными теориями экономики и фундаментальной стандартной экономической теорией (мейнстримом) [110].

чение их в учебные курсы, формируют новые научные парадигмы или парадигмальные аспекты исследования научных проблем.

Не повторяя многочисленные историографические обзоры теорий, допустимо предложить их иную классификацию, в которой хронологический признак включен в тематическую подборку, осуществленную по содержательным признакам в виде двух группировок: концепций теорий (моделей) статической территориальной организации экономики и концепций хронологически упорядоченной территориальной динамики социально-экономических систем¹.

Историографический обзор концепций ученых-регионалистов (экономистов и географов) поднимает дискуссионные вопросы интеграции теории пространственной экономики и общей экономической теории, озвучивает увеличивающийся перечень проблем исследования прикладной экономической науки, которые игнорирует стандартная экономическая теория. Подробный обзор теорий региональной экономической динамики представлен в статьях соискателя [см.: 210, 211].

Предпринимаются попытки преодолеть барьер между названными областями (направлениями) экономической науки, используя историографический обзор, искать истоки современных концепций в прошлом, в трудах классиков политической экономии, и выявлять промежуточные звенья в последовательности развития мировой экономической мысли. Сложность поставленной задачи связана с необходимостью объяснения, каким образом стандартная экономическая теория (мейнстрим) выполняет функции теоретико-методологической базы пространственно-экономических исследований, с доказательством того, что территориаль-

¹ К первой группе относятся: теория сельскохозяйственного штандорта Й. Тюнена [201]; теория регионального штандорта В. Лаунхарда [162, с. 40]; теория промышленного штандорта А. Вебера [318]; теория "центральных мест" В. Кристаллера [264] и теория А. Леша [95, 96]. Ко второй группе относятся: теория "диффузии инноваций" Т. Хегерстранда [273], теория размещения и регионального анализа В. Айзарда / У. Изарда [281, 282], теория "прямой и обратной связи" А. Хиршмана [32, с. 50], теория "полюсов роста" Ф. Перру и Ж.-Р. Будвиля [35, с. 236-237] концепция "осей развития" П. Потье [32, с. 50-51], теория "центр-периферия" Дж. Фридманна [32, с. 51], обобщенные теоретические интерпретации концепции пространственной экономики П. Хаггета [227, 274], теория городской агломерации Х. Ричардсона [308], урбанистическая теория "вулкана" Х. Гирша [271].

ная и хронологическая динамика экономики представлена в корпусе основных положений современной версии либерально-рыночного фундаментализма.

В отечественной науке эта серьезная теоретико-методологическая проблема обычно решалась формально. За исходную точку историографического обзора принимались труды А. Смита "Исследование о природе и причинах богатства народов" (1776 г.) и Д. Рикардо "Начала политической экономии и налогового обложения" (1817 г.), по времени публикации предшествовавшие изданию в 1826 г. книги И. Тюнена "Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономии". Таким образом, постулировалось, что эволюция обоих направлений экономической мысли протекала во взаимной связи и взаимном обогащении, что классическая теория и ее последующие неоклассические версии лежат в основе концептуальных построений пространственной экономики.

В теориях международной торговли А. Смита и Д. Рикардо заложены методологические предпосылки и допущения, которые были заимствованы представителями более поздних научных экономических школ¹.

В научной литературе встречаются два противоположных подхода к теориям классиков политической экономии, к господствующей ныне парадигме стандартной экономической теории, продолжающей классические и неоклассические традиции мировой экономической мысли [подробнее см.: 213, 214, 217].

Приверженцы мейнстрима доказывают теоретическую истинность и практическую применимость учений А. Смита и Д. Рикардо. Так, в частности, поступал П.А. Минакир². Однако интерпретация ученого вызывает сомнения³.

¹ Имобильность факторов производства между странами и их мобильность внутри страны; ограниченность моделей двумя странами, двумя отраслями, одним фактором производства - трудом; функционирование экономики в условиях свободной конкуренции; отсутствие ограничений международной торговли [160, с. 73, 113-122, 277, 281; 186, с. 23, 268, 274, 332-343].

² Теоретическая модель абсолютных преимуществ А. Смита описывала ситуацию XVIII - начала XIX в. - ограниченность товарных рынков международной торговлей продуктами монополий, эксплуатировавших природные и технологические преимущества. Эта концепция объясняет естественные монополии: торговлю энергоносителями, минеральным и биологическим сырьем. Дополнение модели А. Смита концепцией относительных (сравнительных) экономических преимуществ Д. Рикардо отразило товарный обмен немонопольными продуктами, изменение пространственных взаимодействий в глобальной экономике [106, с. 20-21].

³ После пассажа о взглядах А. Смита как концепции монопольной международной торговли следует дезавуирующий ее вывод: наилучшим свидетельством актуальности смитианской

Критически настроенные к концептуальным построениям стандартной экономической науки А.А. Иголкин и В.В. Мотылев справедливо писали об ограниченности теорий преимуществ международной торговли по причине их абстрактных, нереалистических исходных посылок¹.

Историографический экскурс сторонников мейнстрима обычно продолжает обращение к идеям А. Маршалла². Но есть и альтернативные взгляды на теорию А. Маршалла, например, итальянского ученого Дж. Бекаттини (G. Becattini)³.

В классическом труде А. Маршалла представлена замечательная "россыпь" новых идей и глубоких теоретических положений⁴.

теории остается сохранение в экономической политике популярности и практического применения свободной торговли. Вызывает возражение попытка трактовать модель сравнительных преимуществ Д. Рикардо как первую концепцию, максимизирующую совокупный доход посредством использования пространственных эффектов специализации, снижения издержек и увеличения масштаба производства [106, с. 20-21]. Д. Рикардо писал о затратах труда, измеряемых численностью работников, а не об издержках производства, ничего не писал об экономии затрат за счет увеличения масштабов производства и торговли [160, с. 116-118]. О теории Д. Рикардо резко высказался М. Портер. По иронии судьбы, к моменту создания теории сравнительных преимуществ промышленная революция и социально-экономические процессы сделали некоторые из ее предпосылок устаревшими [135, с. 32].

¹ Только один фактор производства - однородный труд и только один вид издержек - заработная плата; неизменные издержки и технология производства; транспортные издержки не существенны; цены равны издержкам производства и не зависят от спроса; товары обмениваются на товары при бартерной торговле без денег [66, с. 52].

² Из двух глав - "Организация производства. Концентрация специализированных производств в отдельных районах" и "Организация производства. Крупномасштабное производство" первого тома "Принципов политической экономии (Принципов экономикс)", выделяются моменты, соответствующие концептуальному руслу: агломерирование производства и урбанизация, обусловленные рынками сбыта и размещением поставщиков, разнообразием массового локального рынка труда, скоростью распространения и доступностью знаний и информации [53].

³ Основатель неоклассики, испытывая давление мейнстрима экономикс (mainstream economics), не стал следовать ему, повлиял на изучение экономических явлений и продемонстрировал фундаментальную несовместимость с основным течением экономической науки [260, с. 87].

⁴ Организация считалась производственным фактором или средством упорядочения факторов производства, углубления разделения труда в процессе совершенствования машин и увеличения объема выпуска, полной загрузки производственных мощностей и экономии затрат. Различались внутренняя экономия, обусловленная ресурсами предприятий, их организацией и эффективностью, и внешняя экономия, обусловленная общим развитием производства, концентрацией однородных предприятий в некоторых районах. Локализация производства определяется природными условиями - климатом и почвами, наличием полезных ископаемых, а также правительственной политикой, историей, характером и культурой народа. Локализация производства связана с агломерацией и урбанизацией. Преимущества разнообразия видов занятости сочетаются с преимуществами концентрации производства в городах, стимулируют их постоянный рост. Ограниченность центральных районов городов порождает высокую земельную ренту, ко-

Идеи А. Маршалла в области экономической теории затрагивали проблемы экономической географии и экономики промышленности, поэтому они критически переосмысливались учеными-регионалистами, в частности, Х.Р. Ласуэном¹.

Территориальный подход А. Маршалла остался за рамками стандартной экономической науки. Причинами его не востребоваемости были, во-первых, несоответствие исследовательских проблем на уровне городов, отраслей, регионов и национальной экономики глобальному уровню проблем международной торговли, которым ограничивается мейнстрим экономической науки. Во-вторых, усилия по конкретизации теоретико-методологических предпосылок в направлении территориально-хронологической динамики экономики были противоположны генеральному вектору эволюции стандартной экономической теории, тяготеющей к универсальным, абстрактным, статичным концептуальным схемам.

Такую логическую интерпретацию развития мейнстрима экономической науки подтверждал историографический обзор П.А. Минакира², который переходил от концепций А. Смита и Д. Рикардо через теории Э. Хекшера и Б. Олина к их

торая влияет на размещение предприятий и организаций в центре городов и на их окраинах. Совершенствование и удешевление средств сообщения изменяет локализацию производства, увеличивает поставки товаров из удаленных районов, усиливает миграцию людей, побуждает торговцев и производителей передвигаться к потребителям. Пространственная концентрация сосредоточивает в городах большие фирмы, способствует внутренней и внешней экономии крупномасштабного производства - квалифицированного труда, машин и сырья. Преимущество крупного предприятия создает узкоспециализированное оборудование, изобретение новых машин. Нововведение - эксперимент и может завершиться неудачно, а успешные эксперименты должны окупать затраты на себя и на неудачные попытки. Поэтому созданием новых машин и технологий занимаются крупные, а не мелкие предприятия [103, с. 339-369].

¹ Многие концепции вневременные и неубедительные. Они основаны на идее А. Маршалла о концентрации хозяйственной деятельности из-за агломерационных эффектов, не объясняющей причин территориальной концентрации. Снижение издержек фирм за счет внешней и внутренней экономии компенсирует рост расходов на транспортировку ресурсов и готовой продукции. Экономисты выделили типы и факторы внутренних и внешних экономических эффектов, но не верифицировали релевантность концепций исследования объекта [92, с. 68-70].

² Усложнение глобальной экономики, усиление факторной роли производственного капитала отразила модель Хекшера - Олина - Самуэльсона, которая объясняла обмен однородными товарами и услугами различиями эффективности факторов производства стран, развивала концепции абсолютных и сравнительных преимуществ, ограничивая механизм их формирования совершенной конкуренцией и одним сегментом мировой торговли. Другие сегменты объяснялись теориями абсолютных и относительных преимуществ [106, с. 22].

экономико-математической формализации П. Самуэльсоном. Следующим пунктом ретроспективного анализа была уже концепция П. Кругмана конца XX в.

Однако концепции Э. Хекшера и Б. Олина важнее, чем их интерпретации последующими авторами. Э. Хекшер объяснил межстрановую разницу в сравнительных издержках и структуру торговли различиями в предложении факторов производства¹. Б. Олин дополнил концепцию Э. Хекшера постулатом общего равновесия, денежными факторами, показал влияние международной торговли, стимулируемой экономией от крупномасштабного производства, на соотношения цен факторов производства в различных странах. Сближало двух названных авторов стремление к научной корректности, к указанию тех условных предпосылок, при которых теоретические положения имели статус научной истины².

Э. Хекшер и Б. Олин использовали математический аппарат, числовые примеры, расчеты в минимальном, факультативном формате и объеме для иллюстрации и подтверждения причинно-следственных связей и закономерностей. Во второй половине XX в. возобладала тенденция к "математизации" стандартной экономической науки, истоки которой лежали в публикациях П. Самуэльсона [73, с. 22; 121, с. 191-209; 178; 179; 180; 191].

Математические модели в исследовании и описании концепций международной торговли предпочитали Р. Джонс, Т. Рыбчинский, Я. Тинберген, Г. Хаберлер, Э. Хелпман, Дж. Хикс [49, 173, 197, 226, 236, 237]. Ситуацию замещения содержательного теоретического и историко-статистического анализа "алгеброй" в современном мейнстриме экономической мысли прокомментировал А.П. Киреев³.

¹ Воздействие внешней торговли на динамику цен факторов производства связано с теоретическим допущением различий в сравнительных издержках разных стран. Если отказаться от допущения Д. Рикардо об отсутствии перемещения факторов производства между странами, то легко увидеть, что цены на факторы производства влияют на их мобильность [235, с. 158].

² Предположение о выравнивании цен факторов производства в разных странах следует сопровождать оговорками. Разное качество производственных факторов в странах, использование разных технологий, эффект масштаба производства, различия экономической конъюнктуры и налогообложения усложняют результаты и неопределенность анализа воздействия международной торговли на выравнивание цен факторов, на тип товаров. Вывод о том, что торговля имеет тенденцию к выравниванию фактических и потенциальных издержек производства в разных странах, нуждается в учете влияния отдачи от масштаба производства [124, с. 187].

³ Современные экономисты излагают идеи тремя способами - прозой, алгебраически и графически. С середины прошлого века проза в экономических трудах уступила алгебре. Эконо-

В.В. Леонтьев, С. Линдер, М. Познер в рамках стандартной экономической теории сохранили традиции конкретно-аналитических и историко-описательных исследований международного разделения труда [94, 97, 132]. Предмет их исследования - инновационные, технологические и структурно-факторные аспекты формирования специализации стран в мировой торговле - не вписывался в упрощенные математические модели. М. Блауг сомневался в познавательной ценности моделей неоклассической экономической теории из-за нереальности их предпосылок, не учитывавших пространственно-временные параметры экономики¹.

Пространственный аспект экономической динамики находился на периферии эволюции стандартной науки и принимался во внимание как необходимый компонент сферы международного разделения труда и межстрановой торговли. Ситуацию изменили публикация работ П. Кругмана по проблемам международной торговли и присуждение ему в 2008 г. Нобелевской премии².

Возникновение "новой экономической географии" - направления экономической мысли, связанного с именем П. Кругмана, породило всплеск интереса в зарубежной и российской науке, в том числе попытку сформулировать альтернативное направление исследований - "пространственную экономику" - в виде самостоятельной области общей, фундаментальной экономической теории.

Появление концепции "новой экономической географии" П. Кругман преподносил как нарушение традиций стандартной экономической теории, пренебрегающей пространственной экономикой. В учебниках "экономикс" не упоминаются понятия пространства, региона, размещения и мобильности факторов производства

мические работы считаются "серьезными" и публикуются в ведущих журналах, если содержат математическую модель, изложенную аналитически и графически [72, с. 282].

¹ Может ли вневременная экономическая теория что-либо предсказывать, если экономическая деятельность протекает во времени? Предсказания экономических моделей чаще имеют качественный, а не количественный характер. Вся неоклассическая теория озабочена лишь знаками частных производных первого или второго порядка, пытается показать направление изменений, а не их величину. Неоклассические теории обходятся без количественного исчисления. Почему экономисты пользуются бессодержательными моделями? [11, с. 651].

² За анализ моделей торговли и размещения хозяйственной деятельности ("for his analysis of trade patterns and location of economic activity") [314].

[83, с. 121]. Интерес к экономико-географическим проблемам П. Кругман объяснял обращением к трудам классиков-регионалистов¹.

Разработка математических моделей несовершенной конкуренции создала предпосылки возникновения в 1990-х гг. "новой экономической географии", названной П. Кругманом научным "жанром" - стилем экономического анализа. Необычная терминология раскрывала "методологию" объяснения пространственной структуры экономики в форме абстрактных экономико-математических моделей. Строгость теории обеспечивалась "трюками моделирования" (modeling tricks), или техническими "уловками жанра", при построении моделей с возрастающей отдачей и несовершенных конкурентных рынков [291, с. 145].

"Трюки моделирования" упрощали модели, описывающие эффект возрастающей отдачи, неправдоподобными концептуальными допущениями и "хитрыми способами решения моделей", которые новая экономическая география заимствовала из наработок М. Фудзиты, П. Кругмана и Э. Венейблса в виде сочетания модели монополистической конкуренции Диксита - Стиглица с допущением "тающего айсберга транспортных издержек" теории международной торговли П. Самуэльсона [82, с. 524-528; 83, с. 126-127; 270].

Модель монополистической конкуренции конструировала пространство сфер производства и торговли, определяла влияние предложения на рыночное равновесие. Исследование зависимости внешней торговли от емкости национального рынка стран ввело в новую экономическую географию фактор воздействия спроса на колебания рыночного равновесия [290].

Разработка абстрактных математических моделей на основе теории конкуренции и рыночного равновесия не выходила за рамки стандартной экономической

¹ Пространственная экономика изучает эффект масштаба географической концентрации производства. Теория земельной ренты И. Тюнена предполагает эффект масштаба в центральном городе. Концепция локализации производства А. Вебера предполагает выбор производственной площадки. В теории иерархии центральных мест В. Кристаллера рост города сопровождается увеличением отраслей производства. А. Леш представил оптимальное размещение центральных мест в виде сотовой (гексагональной) структуры рынков и эффективного производства в ограниченном числе мест. Теории эффекта масштаба фирмы несовместимы с моделью совершенной конкуренции, поэтому мейнстрим экономической науки признал их лишь после создания математических моделей несовершенной конкуренции [83, с. 124].

науки. Переход к проблемам пространственной дифференциации городов, регионов и стран преодолевал разобщенность фундаментальной экономической теории и экономической географии. Говоря о региональной дивергенции и агломерационных эффектах, П. Кругман давал обзор теорий: концепции размещения отраслей А. Маршалла, циркулярной каузальности Г. Мюрдаля, прямых и обратных связей А. Хиршмана [292, с. 484-486]. П. Кругман предложил двухсекторную, состоящую из двух регионов страны, модель взаимодействия и дифференциации между индустриальным центром и аграрной периферией.

Нобелевский лауреат скептически оценивал состояние теории пространственной экономики и ее перспективы¹. Необычным поступком П. Кругмана стало возвращение к концепции сравнительных преимуществ Д. Рикардо и публикация статьи в оправдание рикардианской теории [84, с. 20-22, 28-30; 289]. Такой шаг воспринимается как отказ от практического применения концепции новой экономической географии.

Однако новое направление в пространственном изучении экономики уже существует независимо от его инициатора. Присуждение П. Кругману в 2008 г. Нобелевской премии добавило авторитета новой экономической географии за рубежом и в российском научном сообществе. Подтверждением тому может быть доклад Всемирного банка "World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography" (в русском переводе: "Доклад о мировом развитии 2009. Новый взгляд на экономическую географию"). Среди составителей указанного доклада поименованы соавторы П. Кругмана - Э. Венейблс и М. Фудзита [50, с. xv].

Развернулись дискуссии российских экономистов по поводу концепции новой экономической географии. В ряде публикаций предлагалось развитие пространственно-экономических исследований на основе научных достижений П. Кругмана. А.П. Киреев отметил концептуальные положения ученого, пересмотр

¹ Исследования новой экономической географии стремятся "навести мосты" к традиционной теории размещения производства и дать "пространственную" интерпретацию международной торговли. Модель с двумя регионами ограниченно интерпретирует пространство и не способствует сближению теории размещения производства с центральным течением экономической мысли. Применение моделей "географического равновесия" с большим числом регионов или с непрерывным пространством оказывается пока неосуществимым [83, с. 130].

допущений классической теории международной торговли, составление целостной теории из "пазлов": эффекта экономии масштаба и емкости рынков как причин торговли, центр-периферийной структуры экономики [72].

По мнению А.Н. Пилясова, П. Кругман "совершил революцию", поскольку теория новой экономической географии ввела факторы пространства в мейнстрим экономической науки [130]. В региональной экономике произошла смена "парадигмы" в понимании этого термина Т. Куном. А.Н. Пилясов призывал использовать теорию П. Кругмана в исследованиях экономики России [129]. Одобряющие публикации с анализом взглядов П. Кругмана показывают интерес к территориальным аспектам экономики в рамках стандартной рыночной парадигмы¹.

Прикладное исследование И.А. Коргун и К. Кумо, выполненное в русле "новой экономической географии", рекомендует либеральную неоклассическую доктрину торговой и миграционной открытости регионов России. Но результатом ориентации регионов на внешние рынки стали ослабление разделения труда и связей всероссийского рынка, "лоскутный" тип территориального развития и дезинтеграция единого экономического пространства страны и ее регионов².

Высказываются и критические суждения о концепции новой экономической географии П. Кругмана. П.А. Минакир и А.Н. Демьяненко обосновано упрекали адептов в некритическом заимствовании положений новой экономической географии и отмечали "провалы" в применении ее моделей для пространственно-экономического исследования России³.

¹ Р.Л. Захаренко "Пол Кругман: нобелевский лауреат, теоретик международной торговли и экономической географии" [53]; Н.К. Куричев "Новая экономическая география: взгляд экономико-географа" [88]; А.Г. Манаков "Новая экономическая география" [102].

² Экономия от масштаба и географические условия усиливают территориальные различия. Активизация внешней торговли снижает эффект агломерации "внутри" регионов. Открытие рынка и укрепление связей регионов с соседними странами увеличивает дивергенцию географически обусловленных разнонаправленных траекторий роста [77, с. 51].

³ Распространение идей новой экономической географии сводится пока к применению модельных конструкций и эконометрической верификации, к почти "религиозному поклонению" модной концепции, канонизации теории без критического разбора ее содержания и экспериментальной проверки. Использование сложных моделей новой экономической географии для количественных оценок и изучения размещения производительных сил на огромном пространстве России сопровождаются неудачами [110, с. 124, 125-126].

Полемика П.А. Минакира и А.Н. Демьяненко подняла проблемы парадигм экономической науки. В сопоставлении концепции научных революций Т. Куна¹ с альтернативной ей концепцией научно-исследовательских программ И. Лакатоса² российские ученые отдавали предпочтение второй и пытались сравнить новую экономическую географию со своей теорией пространственной экономики³.

Парадигмальность общей экономической теории и концепции пространственной экономики, а также их соотношение толкуются авторами "по И. Лакатосу", в виде развития соперничающих научно-исследовательских программ (направлений экономической мысли)⁴. В сопоставлении с подходом А.Н. Пилясова, интерпретирующего парадигмальное развитие в рамках региональной, про-

¹ Термином "парадигма" Т. Кун обозначал признанные научные достижения, которые дают модель постановки и решения проблем, а термином "нормальная наука" - исследование на основе прошлых научных достижений, которые научное сообщество признает руководством к практической деятельности. Такие достижения излагаются в учебниках и классических трудах ученых, побуждают к поиску нерешенных проблем, привлекают сторонников из конкурирующих направлений научных исследований [87, с. 11, 28].

² Иное мнение о логике развития науки и научных знаний высказал И. Лакатос, утверждая, что Т. Кун понимал под "нормальной наукой" исследовательскую программу, временно захватившую монополию. Эволюция "нормальной науки" есть непрерывное развитие гигантской исследовательской программы, методологических правил, указывающих выбор путей исследования. Зрелая наука формируется исследовательскими программами, способна предвосхищать неизвестные факты и новые теории, располагает "эвристической силой". Догматизмом "нормальной науки" Т. Кун объяснял ее стабильные периоды. Но там, где Т. Кун видел "парадигмы", есть еще рациональные "исследовательские программы" [89, с. 359, 399, 400, 437, 440].

³ Плодотворность концепции Т. Куна в объяснении развития методологии пространственной экономики вызывает сомнения. Единая платформа или парадигма пока не создана, и попытки А.Н. Пилясова представить перечень научных революций или парадигм региональной науки выглядят неубедительными. Концепция И. Лакатоса выделяет ряд соперничающих исследовательских программ, не утруждаясь поисками спорного парадигмального сдвига. История науки - история конкурирующих научно-исследовательских программ. Такое видение методологии пространственной экономики предполагает оценку концепции новой экономической географии П. Кругмана во всем многообразии теоретических концепций международной торговли со времен А. Смита и пространственного размещения экономики, начиная с теории И. Тюнена. Новая экономическая география не является канонической теорией, полностью объясняющей динамику пространственных объектов в контексте экономического развития [110, с. 19-25, 121].

⁴ Кризис современной экономической науки, разрушающий гегемонию неоклассического либерализма, не дотягивает до "теоретической революции". В экономической теории реализуются параллельные исследовательские программы с верификацией соответствия их теоретико-методологических предпосылок реальной экономике. Множество научных программ пространственных исследований экономических систем не претендуют на статус "пространственной парадигмы". Пространственная экономика объединяет программы с разными предметами исследования так же, как макроэкономика, микроэкономика, институционализм, новая политическая экономия ориентированы на исследования: национальной экономики, фирмы, рынка, экономических отношений и поведения хозяйствующих субъектов [110, с. 34].

странственной экономической науки, подход П.А. Минакира и А.Н. Демьяненко предпочтительнее, ибо распространяется на стандартную экономическую теорию.

Однако концепция пространственной экономики П.А. Минакира и А.Н. Демьяненко скорее подтверждает не правоту методологии И. Лакатоса, а доминирование методологии Т. Куна, господство в современных научных кругах истеблишмента - стандартной экономической теории. Публикации авторов свидетельствуют о том, что пространственная экономика и новая экономическая география представляют собой альтернативные направления научной мысли в рамках одного "канона" - мейнстрима стандартной экономической теории.

Концептуальная и практически-прикладная слабость абстрактных теоретических и методологических предпосылок современной стандартной экономической науки предопределили и соответствующую эвристическую ограниченность концепций новой экономической географии и пространственной экономики. О научно-практической непродуктивности указанных направлений экономической мысли свидетельствуют сами же их приверженцы. П. Кругман называл вещи своими именами, говоря, что новая экономическая география представляет собой "жанр", стиль экономического анализа с техническими "трюками" для построения экономико-математических моделей. Ученый писал, что "новая экономическая география... больше преуспела в постановке вопросов, нежели в получении ответов на них. Она успешнее в создании языка для обсуждения проблем, нежели инструментов для их решения" [83, с. 125, 135].

Ограниченная дееспособность гипотез парадигмы стандартной экономической науки - это "природное" свойство мейнстрима, его традиция абстрагирования от конкретики в сторону формальных моделей и концептуальных схем. Возвращение П. Кругмана к абстракциям логических схем Д. Рикардо во многом объясняется желанием воспользоваться методологией упрощения реальности в математических моделях для доказательства выдвинутых теоретических положений.

Аналогичным образом, о неудачных попытках создать интегрированную концепцию пространственной экономики на базе стандартной экономической науки рассуждал П.А. Минакир, говоря о нерешенности проблем и трудностях

междисциплинарного синтеза системных исследований пространства, о провалах пространственной экономической политики вследствие методологической неопределенности предмета и метода исследования [106]. П.А. Минакир вторил скепсису П. Кругмана, указывая на отсутствие программы исследования и программы национальной стратегии пространственного развития России в рамках пространственной экономики¹.

Интересное объяснение несовместимости неоклассической экономической теории с концепциями экономистов-географов предложил М. Блауг в своей негативной ретроспективной оценке теорий размещения экономической деятельности².

¹ Сохраняется "водораздел" между стандартной экономической теорией и пространственно-региональными концепциями экономики. Теоретико-методологические предпосылки мейнстрима экономической мысли несовместимы с экономико-географическим подходом пространственной экономики. Методология учебных курсов макроэкономики довольствуется распределением в пространстве ограниченного набора агрегированных макроэкономических показателей и социальных индикаторов, декларированием абстрактных целей развития. Стратегические проекты и преобразования предполагают определение приоритетов, специфики пространственно локализованных институциональных оболочек, не подчиняющихся унифицированным теоретическим моделям [107, с. 8].

² Теория экономического использования территории и теория размещения хозяйственных объектов формировались в XIX веке в изоляции от "классики" и "неоклассики" экономической науки. Мейнстрим экономической науки вплоть до 1950 г. обходился без территориального анализа экономики. История экономической мысли свидетельствует о парадоксальном непризнании теории использования территории составной частью ортодоксальной науки. Классическая теория размещения производства с предпосылкой совершенной конкуренции не в состоянии объяснить условия несовершенной, монополистической конкуренции фирм в пространстве с использованием регулируемых цен. Модели пространственной дифференциации в теории монополистической конкуренции не позволяют делать однозначные выводы о поведении фирм. Классическая теория размещения производства не объясняет распределение экономической деятельности в пространстве, а предлагает "качественное исчисление", определяющее лишь знак (направление) изменений объемов производства и цен при заданных изменениях пространственных параметров. Анализ статических равновесных состояний далек от реальной экономики. Классическая теория размещения вошла в состав региональной науки, которая вместо разработки целостной концепции размещения хозяйственных объектов в пространстве занимается созданием разрозненных, практически полезных технических приемов исследования проблем. Даже современная экономическая теория регионального развития и урбанизации представляется макроэкономической дисциплиной и не годится для микроэкономического подхода классической теории размещения фирм - теоретического "склада" общих положений о роли пространственных факторов. Представители ведущих течений экономической мысли пренебрегают экономической теорией пространства. Классическая теория размещения использует физические единицы, неприложимые к стандартной теории цен. Территориальные характеристики часто бывают неделимыми и дискретными (транспортные узлы, населенные пункты, логистические центры), неподходящими для маржинального анализа, и исключаются из классической теории размещения. Известные теории размещения писались по-немецки и не переводились на английский язык, а экономическая теория в течение более 200 лет оставалась преимущественно англоязычной [11, с. 568, 582-584].

Подводя итоги, можно заключить, что территориальный аспект изучения экономических процессов находился на периферии эволюции стандартной науки и принимался во внимание лишь как необходимый компонент в сфере международного разделения труда и межстрановой торговли.

Рассмотрение теорий и моделей территориального и отраслевого разделения труда и размещения хозяйственной деятельности позволяет констатировать, что их общим основным свойством был приоритет анализа факторов, определявших оптимальное местоположение производства и описание уже существующего экономического пространства. Перечисленным моделям присуща статичность и высокая доля абстракции.

Отсутствие учета фактора времени и сосредоточение лишь на территориальных факторах организации производства, выступающих детерминантами на данный момент времени, ограничивает область применения теорий, моделей или систем размещения экономики. При этом не принимается во внимание возможность качественного изменения факторов размещения производства.

Основные теоретико-методологические различия в пространственно-экономических концепциях и моделях разных авторов определяются выбором взаимосвязанных факторов (условий), детерминирующих территориальное и хронологическое развитие социально-экономических систем. Эти модели широко используются для исследования и объяснения различных территориально и хронологически организованных социально-экономических процессов многими учеными. Примеры такого использования моделей приведены ниже в диссертации.

Аналитический обзор концепций территориальной организации и динамики социально-экономических систем позволил выявить особенности их формулирования и применения. Исходным пунктом служит предпосылка о неравномерном (неравновесном, несбалансированном) росте территориальных социально-экономических систем различного масштаба и уровня иерархии. Территориальная динамика как процесс формирования разделения труда объясняется: во-первых, факторами неравномерного распределения хозяйственных ресурсов между отдельными частями (районами, регионами) территориальных образований внутри националь-

ных экономик и между различными государствами; во-вторых, формированием территориальных структур (конфигураций) экономического роста - в виде точечных "полюсов роста", линейных осей развития, площадных агломераций; в-третьих, стадийным (поэтапным) распространением импульсов роста и инноваций по определенному экономическому пространству; в-четвертых, спецификой инновационной и информационной сфер хозяйственной деятельности, сырьевого и обрабатывающего секторов экономики; в-пятых, ролью городов как источников инноваций; в-шестых, циклическим (стадийным) характером воспроизводства продуктов, технологий, отраслей; в-седьмых, международной миграцией факторов производства. Перечисленные причинно-следственные связи могут служить ключевыми признаками для классификации концепций территориальной экономической динамики как процесса формирования разделения труда.

1.3 Теоретическое моделирование иерархии территориального разделения труда, механизмов регулирования и социальной структуры экономики

Концепции территориальной организации и динамики социально-экономических систем, рассмотренные выше, определяют территорию (пространство) традиционно - как плоскость, фрагмент поверхности земли. Подобный подход, достаточный в сфере физической географии, оказывается узким в экономической науке. Следует признать продуктивную теоретико-методологическую предпосылку о многомерной, структурно-организованной иерархии территориально-хронологической динамики социально-экономических объектов и субъектов, расположенных и взаимодействующих на известной территории.

Многомерное видение территории встречается в статье М. Китинга¹, где также дано определение понятия территории в контексте ее динамического развития². Ученый особо отметил достижения французских исследователей в осмыслении роли территориального фактора в социально-экономическом развитии³. О французских традициях сочетания территориального и хронологического подходов в социально-экономических исследованиях географов и историков писали и отечественные ученые⁴. Интерес экономистов-пространственников к проблемам экономической территориально-хронологической динамики, "географической истории (геоистории)" или "исторической географии" Ф. Броделя подтверждают статьи А.Н. Демьяненко, Л.А. Дятловой, В.Н. Украинского [45, 46].

Ф. Бродель предложил новаторский подход к методологии территориально-хронологической динамики социально-экономических процессов в работе "Среди-

¹ Территория - это не двухмерная переменная или остаточный социально-политический фактор, а комплекс влияний в физическом пространстве, формирующих социальную жизнь. Фактор физического пространства обуславливает, но не определяет хозяйственную деятельность, социальные взаимоотношения и образ жизни. Модель, выделяющая шесть территориальных уровней социальных систем: глобальный, континентальный, государственный, региональный, местный, городской или муниципальный, соседский, - редко соответствует реальным территориальным единицам. Территории не сводятся к линиям на карте, но формируются специализацией, культурой и общей идентичностью, политикой, институтами [74, с. 73].

² Территория - это социальная, экономическая и политическая конструкция, поддерживающая властные структуры на наднациональном, национальном, субнациональном уровнях. Суверенитет государства определяется территориально очерченной политической единицей. Территория - это ключевой компонент экономического взаимодействия и структуры рынков, обуславливающий доступ к сырьевым и трудовым ресурсам, капиталу, инновациям. Близость расположения благоприятствует обмену, коммуникациям и деловой активности. Экономический статус территории формируется моделями разделения труда и торговли, кооперацией производства, миграцией рабочей силы. Территория обеспечивает воспроизводство культуры, языка, традиций, идентичности, коллективных представлений и солидарности. Территория не независимая переменная, обуславливающая сосуществование классовых, религиозных и других факторов, а опосредующий фактор, наделяющий смыслом остальные факторы [74, с. 67-74].

³ Во Франции сложились научные традиции географии и историко-экономической школы "Анналов". Ф. Бродель показал эволюцию пространства во времени, преемственность социальных и политических моделей на протяжении длительного времени [74, с. 69-73].

⁴ В.Н. Украинский "Современная французская пространственная экономика: теория близости и типологизация локализованных экономических систем", "Французская пространственная экономика: от промышленных округов до полюсов конкурентоспособности", А.В. Одинцова "Пространственная экономика в работах представителей французской школы регуляции" (публикации демонстрируют тенденцию поворота географов-экономистов в сторону немайнстримовой экономической теории и истории); Г.А. Черемисинов и К.В. Фенин "Методология пространственно-временного анализа в историко-экономических исследованиях Фернана Броделя" [123, 202, 204, 246].

земное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II". Постигание логики истории начинается с описания параметров физической географии: рельефа местности, морских акваторий, побережья и островов, региональных зон, природно-климатических условий исторического развития. Водные (морские и речные) пути сообщения и сухопутные дороги, транспортные средства и система городов формируют на плоскости пространства социально-экономическую целостность территориальных образований [14]. Физическая и социально-экономическая география объясняет закономерности историко-экономической эволюции территориальных систем факторами: пространства (расстояния и площади территориальных образований), численности населения, систем денежного обращения и ценообразования, торговли и транспорта, социально-экономической стратификации, динамики хозяйственной конъюнктуры [15].

Методология и теория исследования территориально-хронологической экономической динамики получили развитие в трилогии Ф. Броделя "Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв." в уникальной разработке пространственно-временного членения экономической истории [12, 13, 16]. Логика построения концепции разворачивалась в двух плоскостях: сначала расчленялось пространство, а затем время. Решалась проблема размещения экономических и социальных реальностей в соответствии с их продолжительностью. Автор обосновывал выбор фактора пространства исходным пунктом своего исследования¹.

Ф. Бродель настаивал на трехчастном делении экономики и выделил три взаимодействующих, относительно самостоятельных сектора ("этажа") в иерархии экономической системы: 1) неформальный сектор домашней, семейной экономики (материальная жизнь, структуры повседневности), 2) сектор рыночной экономики, 3) капиталистический сектор².

¹ Пространственное объяснение охватывает все реальности истории, обладающие территориальной протяженностью: страны, экономики, общества, цивилизации. Экономическое освоение пространства отличается от ритма материального времени мира: в его игру вмешиваются все прочие социальные реальности [16, с. 13].

² Капитализм водворяется на вершине иерархии, господствует посредством промежуточных звеньев - чужой, но содействующей ему социальной иерархии, внедряется в цепочку разделения труда от производства до крупной торговли, закрепляется в стратегических пунктах, контро-

Территориальная иерархия конкретизировалась иерархией хозяйственных механизмов. Ф. Бродель предложил теоретическую модель иерархии многослойной системы рыночного обмена и кредитно-финансового обращения, подчеркнув методологический аспект: возможность разрыва хронологии, когда время служит средством наблюдения [12, с. 7]. Логика модели хозяйственного механизма развевалась от простого к сложному, с простейших "орудий обмена", рыночной экономики и обращения. Исходным пунктом концептуального построения был локальный рынок - нижняя ступень экономической иерархии¹.

Рост объемов и скорости обмена, расширение постоянной торговли и сферы услуг, подъем третичного (обслуживающего) сектора экономики способствовали формированию механизмов на верхнем пределе обменов. Переход от нижнего уровня механизмов обмена к верхнему уровню означал в модели Ф. Броделя качественное изменение - противопоставление сектора рыночной экономики сектору капитализма². Иерархия отражала логику эволюции разделения труда и рыночных механизмов: лавки, торговля вразнос, оптовая торговля, ярмарки, оптово-складское хозяйство, биржи, банки, налично-денежное обращение, бумажноденежное и безналичное денежное обращение, финансы. Иерархия разделения труда соответствовала рыночным сферам и механизмам³. Рациональная специализация хозяйствен-

лируя ключевые сферы накопления капитала. Натиск, ускорение капитализма создают неравенство мира, возвышение центральной зоны, возглавляющей прогресс. История мира представляет собой кортеж, сосуществование способов производства, взаимозависимость передовых и отсталых: развитие - это оборотная сторона слаборазвитости [16, с. 59, 60, 65].

¹ Отсутствие или незначительность рынка, редкость наличных денег означали "нулевой уровень" хозяйственной жизни людей, почти натуральную экономику. Торговля вразнос позволяла обойти установленный порядок рынка, "надуть существующие власти". Лавки торговали постоянно и конкурировали с периодическими рынками. Специализация и иерархия лавок помогли им "завоевывать мир". Расцвету лавок способствовал кредит [12, с. 45-66].

² В зоне рыночной экономики формировались горизонтальные связи рынков, стихийно соединявшие спрос, предложение и цену. Над рыночным слоем располагалась зона "антирынка" ("противорынка"), представлявшая права сильного и царство изворотливости - зона капитализма. Выше рынков, лавок, торговли вразнос разрасталась могучая надстройка торговли, этаж главных приводов большой экономики, которые обеспечивали существование капитализма. В прошлом важнейшими орудиями торговли на дальние расстояния были ярмарки и биржи. Им содействовали банки - резервуары, накапливавшие деньги, и конторы нотариусов, которые позволяли совершать бесчисленные сделки [12, с. 66, 67, 220].

³ Рост емкости рынка и обмена, модернизация торговой жизни сопровождались углублением и расширением разделения труда. Экономический прогресс приводил к значительному не-

ной деятельности и разделение труда были только на нижних этажах иерархии торговой пирамиды, ниже уровня оптовой торговли. Накопление капитала унифицировало и соединяло его функции. Развитый капитализм был эклектичен, не специализирован, находился в командных пунктах, имел возможность выбора, был способен к адаптации [12, с. 374, 376].

Размышления о разумности, рациональности капитализма подкрепляли аргументацию о противоположности рыночной экономики и капитализма¹. По мнению Ф. Броделя, ошибочно представлять эволюцию капитализма в виде последовательных стадий или скачков: торгового капитализма, промышленного капитализма, финансового капитализма, продвижения от одной стадии к другой².

Однако верхний (четвертый по порядку) этаж в иерархии экономической системы образует не капитализм, а государство. Такой вывод вытекает из множественности социально-экономических иерархий³. Ф. Бродель раскрыл объективные противоречия в отношениях государства с остальными социальными структурами и "множествами". Главный вектор социально-политического и экономического развития определяет противоречивое взаимодействие двух верхних этажей

равенству торговой жизни, закрепляя за одними самые активные сферы, а за другими второстепенные. Вершину этой эволюции венчали финансы [12, с. 370, 372].

¹ Внутри единой экономики есть несколько рациональностей: свободной конкуренции, монополии, спекуляции, могущества. Защищая свой тезис о внешнем характере капитализма по отношению к конкурентной рыночной экономике, французский историк соглашался со словами В.И. Ленина о том, что монополия вырастает из свободной конкуренции, не устраняет ее, а существует над ней и рядом с ней [12, с. 586, 587].

² Крупные купцы не специализировались и занимались торговлей, банковским делом, финансами, биржевой спекуляцией, промышленным производством. Сосуществование торгового, промышленного, банковского капитализма было уже во Флоренции в XIII в. Монополия в современном капитализме приняла иные формы. Транснациональные корпорации "играют на любом столе": на промышленном (инвестируя капиталы в странах с низкой заработной платой), на финансовом (размещая свободные краткосрочные капиталы), на торговом [16, с. 641, 642].

³ Общество состоит из сфер экономики, социальных страт, культуры, политики, подразделяющихся на подмножества. Мерою этих структур служит историческая протяженность их существования. Общества развиваются как иерархические каркасы. Социальная структура разделения труда соответствует экономической иерархии. Закономерное неравенство разделяет массу людей в соответствии с размерами богатства и власти. К горстке привилегированных на вершине пирамиды стекается все: они распоряжаются властью, богатством, прибавочным продуктом, управляют, обеспечивают капиталовложения и производство. На этой крохотной группе замыкаются денежные потоки, обращение товаров и услуг. Ниже нее располагается многоэтажное множество управляемых агентов экономики, тружеников всех рангов, а еще ниже - сборище социальных отбросов и мир безработных [12, с. 462-469].

экономики: государства и капитализма¹. О взаимодействии государства и крупного бизнеса в процессе трансформации экономического пространства России в условиях конкурентного рыночного хозяйства писал А.Н. Швецов².

Геоисторическая методология представляет собой концептуальное осмысление иерархии рыночных сфер и механизмов, хронологически дискретное теоретическое моделирование многомерной системы территориального разделения труда, механизмов регулирования и социальной структуры экономики на сравнительно высоком уровне абстракции и предполагает дальнейшую конкретизацию.

Плодотворное направление исследования территориальной и хронологической динамики разделения труда - изучение урбанизации. Понимание городов как центров хозяйственной деятельности и экономического развития создает предпосылки формирования целостной концепции на основе различных теорий пространственной экономики и фундаментальной экономической теории.

Спектр современных теорий урбанизации широкий. На одной его стороне научные труды ученых-урбанистов, посвященные моделированию развития городов. В традициях неоклассического экономико-математического моделирования написана работа М. Фудзиты [269]. Имитационную кибернетическую модель городской социально-экономической динамики создал Дж. Форрестер [225]. Е.А. Коломак оценивала влияние системы городов на региональную динамику экономики России методами статистики и регрессионного анализа [75]. О.С. Балаш верифицировала эконометрические модели оценки иерархических структур городов России [6, 7, 8]. Теоретико-методологические предпосылки новой экономической географии критически переосмысливала и применяла в исследовании проблем урбанизации и региональной динамики Н.В. Зубаревич [55].

¹ Капиталистические интересы выходят за границы нации, усложняют взаимоотношения между капитализмом и государством. Сила власти пронизывает и обволакивает все структуры, не сводится к государству, которое редко бывает единственным хозяином в системе экономических, политических, социальных, культурных иерархий, в сосредоточении средств принуждения. Даже когда государство отступало, терпело крах, оно неотвратимо восстанавливалось. Государство было сильнее общества, но не сильнее экономики [12, с. 563; 16, с. 50].

² Саморазвитие территорий сопряжено с интересами крупного бизнеса, который играет все большую роль в преобразованиях социо-экономического пространства России [250, с. 58].

На другой стороне спектра урбанистической экономической мысли выделяются труды Д. Харви о формировании территориальных хозяйственных комплексов под воздействием накопления капитала и государственной власти [276]. С позиций марксизма Д. Харви представил экономическую эволюцию городов как историю взаимодействия авторитаризма и рынка (государства и капитала), которые заключали альянс ради временной стабилизации рыночного накопления капитала посредством инвестиций в расширение городской среды, а также характеризовал период с 1970-х гг. как неолиберальную урбанизацию [234]. Значимость концептуальных положений Д. Харви отмечал А.С. Иванов [65, с. 104].

Внутри очерченного спектра современных теорий урбанизации находятся работы ученых, формирующих целые направления современной социально-экономической мысли. Ф. Бродель вел речь о городах почти во всех разделах своих научных трудов. Присутствие экономики городов в концептуальных историко-экономических построениях имело свое теоретико-методологическое объяснение.

Города, по мнению Ф. Броделя, - самая древняя форма развития процесса разделения труда¹. Сведение воедино теоретико-методологических предпосылок осмысления процесса урбанизации раздвигало временные границы исследования до глубокой древности и расширяло зону научного поиска на большую часть мирового хозяйства. Историк утверждал, что все поворотные моменты социально-экономического роста выражались во взрыве урбанизации. Города порождали подъем и порождались им, или обращали его на пользу себе [13, с. 509].

Ф. Бродель перечислял "реальности и процессы", протекающие с определенной регулярностью в зависимости от участия в них городов². Территориальная ор-

¹ "Города... как... электрические трансформаторы... повышают напряжение, ускоряют обмен... вершат жизнь людей. Разве не родились они из самого древнего, самого революционного из всех разделений труда: полей, с одной стороны, и так называемых городских видов деятельности, с другой? <...> Город - ...цезура, разрыв, [новая] судьба мира. Когда он возникает, неся с собою письменность, то открывает двери того, что мы называем историей" [13, с. 509].

² Город жил в пространстве и во времени, обладал властью. Не было развитого разделения труда без вмешательства города, региональных и национальных рынков без городов и городов без рынка и дальней торговли. Существование городов определялось: диалогом с деревней, притоком людей, расположением в центре сети дальних хозяйственных связей, иерархическим сочленением с другими городами и предместьями [13, с. 509, 510].

ганизация экономики формировала иерархию городов¹. Города представляли собой территорию сосредоточения и осуществления во всей полноте иерархии хозяйственных механизмов². Геоисторические предпосылки объясняли социально-экономическую эволюцию городов, регионов, стран, мирового хозяйства, взаимосвязанное развитие географии урбанизации и рынков³. Французский ученый использовал модели экономической географии в историко-экономическом исследовании и раскрыл методологию теоретического моделирования⁴.

Возникновение и развитие городов обусловлено целями государственного градостроительства, пространственными, демографическими, отраслевыми, социально-политическими и другими факторами разделения труда, а складывающаяся система городов активно формирует разделение труда. По мнению Г.М. Лаппо, город - географическое саморазвитие, фокус территории; он организует территорию

¹ Скорость перевозок, обращения людей, товаров и денег форматировала пространство, определяла последовательный ряд регулярных этапных пунктов. Крупный город окружали второстепенные города. В Европе города образовывали "архипелаг городов" [13, с. 536, 537].

² Города организовали чеканку денег, промышленность, ремесла, торговлю на дальние расстояния, налоги, таможи, кредит, вексель, формы торговых компаний и бухгалтерии. В городах сложился образ мышления западного капитализма: совокупность правил, возможностей, расчетов, умения обогащаться, жизненная установка "время - деньги" [13, с. 544, 546].

³ С XV в. города Запады контролировали экономическое развитие. Город занимал экономическое пространство, "пожалованное" его положением, богатством, долговременной конъюнктурой, находился в центре взаимосвязанных территорий. Географию рынков описывали понятия: пространство фирм, пространство закупок, пространство продаж, финансовое пространство, городские пространства [12, с. 12, 173-177].

⁴ "Восхитимся... потребностью экономической науки выйти за пределы реального, чтобы лучше его понять. <...> Теория связана с реальностью, в той мере, в какой предложенная модель почти пуста и, ежели... обратиться к образу испанского постоялого двора, куда приносишь с собой все, чем будешь пользоваться. <...> [В модели Тюнена] расстояние - некий „бог из машины“ - само собой описывает последовательные круги различных видов деятельности, и где нет ни местечек, ни деревень, т.е. никакой из... реальностей рынка. На самом деле любое перенесение на реальный пример такой слишком упрощенной модели позволяет вновь ввести отсутствующие элементы" [16, с. 31, 32]. Закономерности развития городов и крупных региональных систем описывались теоретической схемой И. Тюнена, например, становление Лондона как столицы и ядра национального рынка Англии, центра международной хозяйственной деятельности. Черты европейской организации рыночного пространства просматривались и на Востоке. Карты-схемы рынков районов Китая (с решетками городов, границ рынков) иллюстрировали теоретические модели В. Кристаллера и А. Леша [12, с. 25, 27, 104, 105, 179].

и изменяет свою структуру. Сдвиги в территориально-отраслевой структуре хозяйства изменяют экономико-географическое положение городов¹.

В нашей стране принята классификация городов по численности населения: малые города с населением до 50 тыс. человек; средние города - 50-100 тыс. человек; большие города - свыше 100 тыс. человек. Именно большие города играют важнейшую роль в социально-экономическом развитии страны².

Урбанизация XX в. интенсивно формировала агломерации - полюса экономического роста³. Г.М. Лаппо выделял два процесса, формирующих агломерации по направлениям "от города-центра" и "к городу-центру"⁴.

Значение мегаполисов и агломераций в современной экономике велико⁵. Весомый вклад крупнейших городов в мировой ВВП обусловлен концентрацией фи-

¹ Траектория, масштабы и темпы эволюции города обуславливаются освоением ресурсных районов, созданием новых крупных центров, сооружением транспортных магистралей и логистических узлов. Города размещаются и перемещаются по ступеням иерархии в соответствии с их рангом и функциональной структурой. Повышение степени урбанизации стимулирует рост цен ресурсов географического положения и эффективности их использования. Новые виды хозяйственной деятельности стремятся вытеснить старые и провоцируют конфликты из-за ограниченности ресурсов города. Противоречие интересов инертной и динамичной функциональной структуры разрешается трансформацией и саморазвитием города [90, с. 13-18].

² Многофункциональный большой город доминирует в культуре, науке, технике, технологии, привлекает ресурсы других районов и центров страны, включается в народнохозяйственные программы. Но он порождает скученность, загрязнение окружающей среды, преступность и т.п. Сеть больших городов формирует территориальное устройство страны. Равномерно распределены территориальные центры с высоким административным рангом (столицы республик, главные центры краев и областей). Неравномерно распределены отраслевые центры из-за размещения природных и гидроэнергетических ресурсов, выгод географического положения, выраженности контактных зон. Эволюция административно-территориального устройства страны формирует опорные центры, трассировку транспортных магистралей и разводящих дорог в регионах, хозяйственные, социально-культурные связи [90, с. 48-50, 81,84; 172, с. 96].

³ Концентрированные формы и системы расселения - большие города и городские агломерации - распределяются почти равномерно, формируют опорный каркас территории - совокупность городских узлов, соединенных транспортными магистралями и полимагистралями. Создание городов-спутников сдерживает нежелательный рост крупных городов и скученности населения, улучшает разделение труда. Агломерация очерчивает территорию взаимодействия города-центра и его спутников, ареал социально-экономических связей и интегрированного расселения сельчан и горожан, меняет рисунок расселения с "точечного" на "пятнистый" [90, с. 84-94].

⁴ В первом случае, города-спутники создаются при достижении городом-центром экономических и экологических пределов. Второй процесс развивал города СССР, которые становились ядрами агломераций, усложняли отраслевую структуру, укрепляли индустриальный фундамент и развивали верхние ярусы - высшее образование, науку, культуру [90, с. 94-101].

⁵ По данным рейтинга "City-600" агентства "McKinsey", в 2007 г. 80% мирового ВВП было произведено в городах. При этом на долю 600 крупнейших мировых городов, в которых проживало менее 20% населения, приходилось 50% мирового ВВП (34 трлн долл. США) [316, с. 10].

нансовых центров в мегаполисах, высокоорганизованным диверсифицированным производством развитых стран. "Полиареальные" структуры формируются в процессе развития иерархически взаимосвязанных типов поселений. Динамика экономики страны и ее территорий коррелирует с динамикой числа и размеров городов, концентрацией населения, агломерационными эффектами. Населенные пункты разных размеров дополняют друг друга, разделяя функции между мегаполисами, второстепенными городами и селами. Мегаполис с городами-спутниками формирует ядро "полиареальной структуры", менее крупные города выполняют функции "фокальных центров" [50, с. 52].

Функциональное разделение между разноранговыми населенными пунктами зависит от структуры народного хозяйства. Крупные города становятся политическими и административными центрами, города второго порядка выполняют функции центров финансового и производственного секторов, функции населенных пунктов - носителей культурного наследия, ориентированных на туризм и рекреацию. Сельские местности традиционно оказываются поставщиками продуктов питания и трудовых ресурсов. В современной российской экономике общемировые тенденции урбанизации проявляются специфически¹.

В иерархии городов иногда используют понятие "глобальный город", концепцию которого представила С. Сассен², перечислив семь гипотез систематизации данных для создания теории глобального города³. Она предложила осмыслить "но-

Согласно исследованию "Global metro monitor", в 2016 г. доля 300 крупнейших мегаполисов в мировом ВВП составила 49,1% [272, с. 8]. По прогнозам McKinsey Global Institute, к 2025 г. вклад агломераций в мировой ВВП составит не менее 65 трлн долл. [315, с.4].

¹ В России основной вклад в ВВП вносят крупные и крупнейшие города. Но общемировая тенденция возрастания роли "вторых" городов в России не наблюдается [80].

² Глобализация превращает город в компонент трансурбанистической динамики со структурой воспроизводства трансграничных процессов городского развития. Такой тип города нельзя опустить ниже государственного, регионального и глобального уровней иерархии, поскольку он - часть глобального пространства и включен в глобальные процессы [183, с. 78, 79].

³ 1. Растущее территориальное разделение экономической деятельности ведущих корпораций усиливает централизацию общих функций управления. 2. Глобальные фирмы передают часть функций на аутсорсинг высокоспециализированным сервисным компаниям. 3. Действующие на глобальных рынках сервисные компании размещаются в крупных городах, используя эффекты агломерации. 4. Преимущества глобальных городов важны для высокоспециализированного сектора услуг. 5. Сервисные компании создают глобальную сеть филиалов, межграницные городские связи. 6. Концентрация квалифицированных профессионалов и высокоприбыльных

вую пространственность", "новую пространственную динамику", "новый пространственный порядок" глобальных городов [181]. Ученый-социолог дала определение понятия глобального города и объяснила его теоретическую модель¹.

С. Сассен выдвинула концепцию разделения функций между глобальными городами, альтернативную неоклассической доктрине. Конкуренция в финансовых секторах - "это не разделение труда а-ля Рикардо с идеалом взаимоисключающих специализаций" в модели сравнительных преимуществ. Методология изучения совокупности городов отличается от глобального подхода и классического сравнительного анализа [181]. Однако концептуальные схемы С. Сассен не выглядят дедуктивно стройными; в них присутствуют оговорки, которые противоречат уже выдвинутым теоретическим положениям².

Ученый-социолог не соглашалась с противопоставлением пространства потоков и места. Пространственность глобального города - теоретическая и методологическая проблема, включающая в себя положение о неподвижности капитала как условия сверхмобильности, высказанное Д. Харви³.

В концепции глобального города С. Сассен отразила усиление с 1970-х гг. финансового сектора в экономике развитых стран и международном хозяйстве. Свойства глобального города: сетевая организация, универсальность, высокая мобильность, территориальная закреплённость, наивысший уровень в иерархии форм капитала, рыночных механизмов и субъектов экономических отношений, характе-

компаний в крупнейших городах усиливает территориальное и социально-экономическое неравенство. 7. Растет "неформальный" сектор экономической деятельности [182].

¹ Глобальный город - это стратегическое пространство реализации экономической глобализации - управления потоками капитала, обслуживания транснациональных фирм и рынков - на территории государства с участием национальных корпоративных структур и элит. Модель глобального города предлагает методологически эндогенный ключ к объяснению эволюции глобальной экономики процессами, протекающими в городах, к исследованию разнообразного разделения труда: технологических процессов, занятости, социальной сферы, инфраструктуры, частичного глобального контроля, сконцентрированного в городах [181].

² Не существует единого глобального города; он понимается как функция международной сети стратегических площадок. Число глобальных городов зависит от политики государств, отказывающихся от регулирования своей экономики. Понятие сети глобального города служит операциональной опорой "туманного понятия" глобальной экономики [181].

³ Пространственность понимается широко. Концепция глобализации учитывает потоки капитала и информации, национальную экономику и территорию, роль государства. Глобальный город - это одновременно территория и функция высокоспециализированной сети [181].

ризуют, прежде всего, финансовую сферу мировой экономики. Концепция глобального города отличается от концепции глобального города-региона¹. Пространственное взаимодействие отраслей и региональная специализация усиливают эффект возрастающей отдачи в городе и регионе. Между глобальными городами, финансовыми центрами, кроме конкуренции, есть и разделение функций².

Концепцию С. Сассен, в свою очередь, оценил Д. Харви, отметив, что идею глобальных городов выдвинул в конце 1960-х - начале 1970-х гг. Дж. Фридманн³.

Теоретические модели глобальных городов, мировых городов-регионов предполагают рассмотрение более высокого уровня иерархии международного разделения труда - концептуальной модели мира-экономики, разработанной Ф. Броделем в рамках научного направления миросистемного анализа, тем более что исторически первыми мирами-экономиками в Европе были названы средневековые итальянские города-государства Венеция и Генуя.

К миросистемному анализу проявило интерес российское научное сообщество. Миросистемный подход использован при исследовании трансформаций глобального капитализма в монографии В.Г. Федотовой, В.А. Колпакова, Н.Н. Федотовой [209]. По мнению Г.А. Хакимова, методология концепции миросистемного анализа - хронотоп [233]. Н.С. Мироненко отметил, что миросистемный анализ

¹ Глобальный город - точка (узел, центр сети) на экономическом пространстве. Концепция города-региона как площади (очерченной границы территории) вводит в исследование новые факторы. Территория региона соответствует макроэкономическому анализу национальной и региональной отраслевой структуры. Концепция глобального города-региона концентрируется на моделях урбанизации, иерархии сил в глобальном экономическом пространстве, на сетевой экономике обслуживающих отраслей, на экономической и пространственной поляризации, непропорциональной структуре заработных плат в городе по сравнению с регионом [181].

² Разделение функций между финансовыми центрами изменяет территориальную организацию отраслей, создает высокую плотность территориальной концентрации финансовых операций и фирм, связанных с глобальными цифровыми сетями и электронными рынками [181].

³ Кроме финансового капитала и финансовых столиц - Нью-Йорка или Лондона, есть глобальные производственные города - Сьюдад-Хуарес, Дакар, Сан-Пауло. До 1970 г. увеличение ВВП на душу населения обеспечивала индустриализация. Сейчас деньги, созданные индустрией, изымаются в счет долга и кредита финансовыми институтами и потребляются в Нью-Йорке или Лондоне. Нью-Йорк - это глобальный паразит, живущий за счет стоимости, созданной Китаем или Мексикой. Не стоит зацикливаться на городах верхушки сети питания с самой мощной группировкой буржуазии, потребляющих богатство, производимое по всему миру [234, 268].

изучает мировое хозяйство и международное разделение труда как многоуровневую, иерархически организованную социально-экономическую систему [112].

Ф. Бродель определил понятие "мир-экономика" (*économie-monde*) в сопоставлении с мировой экономикой, которая простирается на всю землю, представляет собой единый рынок всего мира¹. Мир-экономика описывает масштабы господства и уровень конкуренции, международное разделение труда, инвестиции капитала и прибыли, прослеживает закономерности истории мира, последовательность мировых систем, хронику "всего капитализма как целого" [12, с. 610]. Модель мира-экономики позволяет исследовать и объяснять территориально-хронологическую динамику историко-экономических процессов. Взаимосвязанность пространственных и временных характеристик постоянно актуализировалась в научном дискурсе французского исследователя².

Первейшим условием существования мира-экономики историк считал его пространство, которое имело структуру и иерархию. Значимость собственного пространства мира-экономики объяснялась рядом причин³. Описывая пространственные параметры модели мира-экономики, Ф. Бродель формулировал ее теоретико-

¹ Мир-экономика охватывал экономически самодостаточный кусок планеты, органическое экономическое единство, созданное внутренними связями и торговыми обменами, выстроенное сверху господствовавшими городами, составлял верхний слой экономической жизни обозначенной территории и зависевших от нее регионов. Экономика, вращавшая деньгами и торговлей, создавала иерархическое единство. Мир-экономика пересекал дробившие и дифференцировавшие его политические и культурные границы, объединял и перегруппировывал изолированные экономические и неэкономические пространства, охватывал огромную площадь - самую обширную зону сплоченности известной части земного шара [16, с. 14, 16].

² Типология миров-экономик по признаку организации пространства предварялась рассуждениями о времени: каждый мир-экономика существовал очень долгое время, эволюционировал, трансформировался на своей территории; сменявшие друг друга состояния, разные его "возрасты" предполагают возможность сопоставления [16, с. 17, 18].

³ Пространство мира-экономики имело пределы и очерчивающие его границы, центр (ядро, "сердце"), служащий интересам господствовавшего капитализма и города с международным признанием. Города-миры соперничали и сменяли одни другие. Иерархически структурированное пространство было суммой частных экономик; большинство были бедными, меньшинство - скромными, относительно богатым был центр мира-экономики. Возникавшие различные виды неравенства обеспечивали функционирование всей системы, формировали международное разделение труда в виде пространственной модели развития и отсталости, которая делила человечество на два лагеря - имущих и неимущих [16, с. 18].

методологические предпосылки в виде трех выявляющих тенденцию правил, трех групп условий, "каждая из которых имела первостепенное значение"¹.

Общая постановка проблемы конкретизировалась концепцией И. Валлерстайна, согласно которой в мировом хозяйстве складывается единое осевое разделение труда с поляризацией свойственных центру и периферийных видов экономической деятельности. Границы межгосударственной системы соответствуют границам осевого разделения труда. Формируются три структурные позиции - сердцевина (ядро, центр), периферия и полупериферия [18, с. 168].

Ф. Бродель писал, что мир-экономика есть складывание, сочетание связанных воедино зон, однако на разных уровнях. В пространстве обрисовываются три ареала, три категории: узкий центр, второстепенные довольно развитые области и огромные внешние окраины². Отсталые зоны распределялись по перифериям и усеивали центральные области региональными малодоступными "пятнами"³. Историк-экономист затрагивал проблему устойчивого неравенства в развитии различных территорий, критикуя постулаты классической экономической теории⁴.

¹ Мало оживленные, инертные зоны очерчивали границы миров-экономик, медленно варьирующие пределы пространства. Господствующий капиталистический город располагался в центре мира-экономики, сосредоточивал деловую активность, информацию, товары, капиталы, кредит, людей, векселя, торговую корреспонденцию. Такой полюс окружали второстепенные города-компаньоны, перевалочные пункты. По ходу истории господствующие города сменяли друг друга на всех уровнях иерархии. Исторически варьировала ценность орудий господства: политического могущества и насилия, мореплавания, крупной торговли, кредита, промышленности. Различные зоны мира-экономики составляли иерархию [16, с. 19, 21, 24, 28].

² В концепции И. Валлерстайна центр сосредоточивает все разнообразное и передовое. Следующая зона - "блистательные вторые" - пользуется лишь частью преимуществ [19]. Редкое население громадной периферии воплощает отставание, архаичность, возможность эксплуатации вышестоящими в иерархии зонами. Характер экономики, техники, общества, политического порядка, культуры изменяется при переходе от одной зоны к другой. Дифференциальная география и сегодня объясняет всеобщую историю мира [16, с. 32].

³ Передовые экономики пронизывались бесчисленными "ямами", лежавшими вне пределов времени мира, ниже рынка или на его окраине. "Нейтральные" зоны выпадали из экономики обменов и связей [16, с. 35, 36].

⁴ В упрощенных цитатах Р. Нурске: бедная страна бедна, поскольку она бедна; страна обогащается, поскольку она богата, экспансия поощряет экспансию, - больше смысла, чем в неопровержимой "псевдотеореме" Д. Рикардо. Международное разделение труда было не результатом естественного развития и соглашением равных субъектов, а наследием древней ситуации. Оно медленно и постепенно складывалось как цепь взаимных зависимостей и старинных реальностей - неравенства мира, направлявшего торговые обмены, и неравного обмена, создававшего неравенства в мире. Вести дела в третичном секторе было выгоднее, чем во вторичном, а во вторичном - выгоднее, чем в первичном. Власть накапливалась, как и деньги. Прошлое всегда обна-

Необычно представлял Ф. Бродель иерархию мира-экономики - в виде "оболочки и инфраструктуры"¹.

Иерархическая логика территориально-хронологической организации и динамики разделения труда в теоретической модели мира-экономики прослеживалась в историко-экономических исследованиях Ф. Броделя из глубины веков до настоящего времени. Свою концепцию французский ученый верифицировал сопоставлением современной хозяйственной практики с историческим опытом².

В известном смысле, конкретизацией теоретических положений Ф. Броделя о взаимодействии государственной власти и крупного капитала можно назвать краткий очерк Д. Харви об эволюции урбанизации Нью-Йорка³.

руживает свое присутствие. Неравенство мира показывает структурные реальности, которые очень медленно утверждаются и очень медленно исчезают [16, с. 41-43, 44].

¹ Мир-экономика был громадной оболочкой и функционировал беспрепятственно, хотя действительной плотностью и глубиной, прикрытием и силой он располагал лишь в своей центральной зоне и в непосредственно окружавших его областях [16, с. 37].

² Государство и капитал крупных фирм и монополий и ныне составляют хорошую пару, и второй успешно выпутывается из затруднительных положений. Капитал оставляет государству невыгодные и дорогостоящие дела: армию, коммуникации, дорожную инфраструктуру, финансирование образования, науки, социального обеспечения и здравоохранения. Он беспардонно живет за счет средств, щедрости и помощи государства, которое собирает и перераспределяет огромные денежные потоки, заключает займы. Вопреки мифу о предпринимательском призвании частного сектора, инициативе которого препятствует деятельность правительства, политика государства обеспечивает выживание капиталистической системы. Монополистический капитализм преуспевает благодаря сотрудничеству с государством, которое распределяет налоговые привилегии (ради поощрения "священнейшего" инвестиционного процесса), богатейшие заказы, открывает внешние рынки. Расширение государственного сектора содействует росту корпоративной индустрии. Между формально независимой экономической властью и политической властью существует плотная сеть неформальных отношений. Согласие между государством и капиталом пронизывает столетия с нового времени так, что всякий раз, когда государство оступалось, капитализм получал удар [16, с. 644, 645]. Сходной позиции в анализе взаимодействия государства и капитализма придерживался Дж.К. Гэлбрейт [42, с. 164-165].

³ Градостроительство в Нью-Йорке после Великой депрессии 1929-1933 гг. создавало агломерацию, обустроивало город и пригороды. До середины 1970-х гг. субурбанизация создавала колоссальные рынки индивидуального жилья, автомобильной, химической, нефтеперерабатывающей индустрии, стимулировала сооружение предприятий питания, торговой и культурно-развлекательной инфраструктуры в пригородах. После отмены Бреттон-Вудской системы финансовый кризис и девальвация доллара обрушили рынок недвижимости и пресекли послевоенную урбанизацию. Глобальный нелиберальный переход от социального кейнсианства к рыночному фундаментализму превратил Нью-Йорк из пролетарского в нелиберальный город для богатых, продемонстрировал новый принцип: при столкновении между интересами финансистов и населения надо оплачивать благосостояние финансистов. Партнерство бизнеса и городских властей создавало элитную среду и жилье. Неолиберализм перенаправил государственное участие в пользу финансовых институтов, для создания государства благоденствия крупного капитала. Неолиберальный город очень высокого благосостояния неотвратимо соседствует с городом люм-

Ф. Бродель, считал, что в "многоэтажной" общественно-хозяйственной иерархии нижние этажи не менее значимы, чем господствующая надстройка¹.

Критический обзор моделей формирования экономики городов показал, что урбанизация и становление экономики городских поселений - ключевое условие территориального формирования отношений разделения труда. Города возникают и развиваются в результате развития разделения труда, и, будучи экономическими центрами, определяют тенденции изменения основных сфер разделения труда.

Теоретические модели формирования экономики города характеризуют: его территориальную динамику в виде "точечной", "пятнистой" и "поверхностной" (региональной) организации пространства; иерархическую систему городов (от городского поселения местного, локального уровня до городских центров глобального значения), обусловленной взаимодействием социально-хозяйственных и политико-административных факторов; территориальную иерархию сфер разделения труда. В модели формирования экономики города представлен полный спектр видов хозяйственной деятельности, весь набор механизмов хозяйственного регулирования, все макроэкономические субъекты. Крупнейшие города (мирового значения и столицы) сосредоточивают максимум хозяйственной деятельности, сконцентрированной в одном месте, на ограниченной территории. Важнейшие макроэкономические и экономико-географические пропорции территориально-хозяйственной динамики формируются преимущественно городами. Иерархия городов во многом обуславливает иерархию национальной и мировой экономики.

пенов. Мир превращается в мир мирового города, окруженного трущобами. Неолиберальная глобализация приносит кошмар концентрации власти, неравного распределения доходов и экологии [234].

¹ "Не спешите утверждать, что капитализм есть совокупность общественного, что он охватывает наши общества в целом". Под зоной капитализма существует плотная нижняя зона экономики, состоящая из независимых единиц. Маленькие предприятия нельзя относить к категории истинного капитализма. Конкурентный сектор не охватывает всего того, что оставил в стороне капитализм на вершинах. Сегодня имеется обширный первый этаж, который представляет в индустриальных странах современного мира до 30-40% деловой активности. "Трехчастное деление", экономика в несколько этажей остается моделью, матрицей наблюдения и для настоящего времени. В наших обществах капиталистическая система не охватывает всю экономику сверху донизу. Наоборот, наблюдается живая диалектика капитализма, находящегося в противоречии с тем, что находится ниже его и не представляет подлинного капитализма [16, с. 651].

Рассмотрение теоретической модели мира-экономики позволяет сделать теоретические обобщения. Миросистемная модель объясняет: структуру и пространственное оформление территориального разделения труда, осевое центр-периферийное взаимодействие экономик государств различных уровней иерархии в международном разделении труда, иерархию механизмов хозяйственного регулирования (таких как рынок, лавки, торговля вразнос, оптовая торговля, ярмарки, крупная перевалочная, складская посредническая торговля, биржи, банки, финансы), иерархию секторов (социально-экономических укладов) - экономики домохозяйств, индивидуальной трудовой деятельности и кооперативов, малого и среднего предпринимательства, корпоративного, транснационального капиталистического сектора и государственного сектора экономики. Территориальная организация экономики служит "вместилищем", пространственным оформлением всех перечисленных выше иерархий сфер разделения труда и множества социальных структур.

Применение теоретической миросистемной модели методологически представляет территориальную динамику всего спектра сфер международного разделения труда в виде многослойного, пространственно организованного (оформленного) процесса, обладающего специфической хронологической упорядоченностью своей эволюции.

Исследование теоретико-методологических основ территориальной динамики экономики позволяет предложить определение территориальной макроэкономической динамики как процесса формирования разделения труда, пространственно организованного в виде сложной, многоуровневой иерархической структуры, включающей в себя иерархию социально-экономических отношений территориальных образований различного масштаба (населенных пунктов, городов, регионов, стран, мировой экономики) и уровня (хозяйственных единиц, отраслей, сфер хозяйственной жизни), макроэкономических субъектов (потребителей, предпринимательского сектора, государства, внешнеэкономического сектора), иерархию механизмов хозяйственного регулирования.

Глава 2 КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ ЭКОНОМИКИ

2.1 Становление современной научной парадигмы территориально-хронологического развития экономики

Историографический обзор показал, что господствующая парадигма экономической мысли не предполагает изучение территориально-хронологической динамики экономики. Целесообразно поэтому рассмотреть проблему разработки иной современной парадигмы, альтернативной стандартной экономической теории, необходимость которой обсуждается в сообществе ученых. Интерпретация концепции парадигм предполагает ее широкое и гибкое определение¹.

Проблемам формирования современной парадигмы экономической науки посвятил публикацию "На пути к новой парадигме развития"² Дж. Стиглиц. О пересмотре парадигмы неоклассической модели ученый говорил и в своей нобелевской лекции "Информация и изменение парадигмы экономической теории"³.

¹ "Парадигма" понимается: во-первых, как господствующий в науке образ мышления (экономическая теория), во-вторых, как образцы хозяйственного поведения (экономическая история), в-третьих, как образцы решения научных задач (история экономической мысли) [241, с. 10, 11].

² После "провалов" политики Вашингтонского консенсуса следует "начать закладывать основы альтернативной парадигмы" как стратегии экономического развития, опирающейся на фундаментальную экономическую теорию. Концепции развития, которые формулировались в рамках мейнстрима стандартной экономической науки, не учитывали социально-культурных особенностей и исторической эволюции отдельных стран. Универсальные научные законы не были связаны ни со временем, ни с пространством [310].

³ Новая информационная парадигма разрушает основания анализа конкурентного равновесия, базовых "законов" экономической теории: спроса и предложения (рынок приходит в состояние равновесия), единой цены (товар продается на всем рынке по одной цене), конкурентной цены (в условиях равновесия цена равняется предельным издержкам), а также гипотезу эффективных рынков (на рынках ценных бумаг цены передают всю необходимую информацию). В условиях несовершенства информации или неполноты рынков возникает рыночная власть фирм и теряет смысл теория Парето-оптимума. Провалы рынков компенсирует государственное вмешательство, обеспечивая рост благосостояния всех [188, с. 352, 359, 376].

Создание целостной теории экономики, альтернативной господствующей ортодоксальной неоклассической экономической теории (economics) декларирует проект "Научно-исследовательского центра Олега Григорьева „Неоэкономика“", предлагая исследование проблемы "Пространственное развитие и экономика" на основе концепции многоуровневой системы разделения труда [116].

Плодотворный парадигмальный подход содержит инициатива В.Т. Рязанова создать целостную область социально-экономических знаний - "россиеведение" [176]. Исследование территориально-хронологического развития экономики России включается в глобальный контекст и межстрановую компаративистику [177]. Ученый анонсировал новое направление политэкономии - "постмарксистский синтез" в "марксистско-кейнсианской версии" [174, с. 10; 175].

Российские ученые ведут дискуссию о необходимости и возможности создания современной парадигмы экономической мысли. По мнению С.Ю. Глазьева, в отличие от архаичного и статичного экономикс, новая парадигма предполагает открытый междисциплинарный синтез социальных наук [36, 37]. О формировании новой парадигмы экономической науки в контексте истории экономической мысли рассуждали О.А. Ананьин [1], И.П. Гурова [41], Г.В. Нинциева [118, 119].

Достойную альтернативу мейнстриму экономической мысли предложил Э. Райнерт - формирование современной парадигмы экономической науки "Другой канон"¹, выстраивание концептуальных схем методом включения² на стыке дисциплин: экономики развития, эволюционной (шумпетерианской) экономической теории, истории экономики и экономической мысли³. Норвежский ученый критиковал

¹ Господствующая парадигма неоклассического стандарта не имеет концептуального и инструментального аппарата для исследования факторов неравномерного экономического развития. В отличие от доминирования одной парадигмы в "нормальной" науке, в экономической мысли могут сосуществовать два параллельных течения [141, с. 32, 74, 77].

² Мейнстрим экономической науки в угоду точности теряет релевантность, исключая существенные факторы из теории. Экономическая наука воспринимает многообразие теории и исторического опыта, если использует обширный инструментарий [141, с. 232-233, 290-291].

³ Другой канон основан на методологии и теории экономики реальности Гарвардской школы бизнеса (в традициях немецкой исторической экономической школы) и объединяет инакомыслящих экономистов, специалистов в области экономики развития [141, с. 43, 60, 353].

положения теорий А. Смита и Д. Рикардо, лежащие в основе стандартной науки¹, объяснял истоки формирования нереальной, догматической теории цитатой Й. Шумпетера о "рикардианском грехе" классической экономической науки². "Рикардианский грех" оказался живучим; доктрина сравнительного преимущества стала краеугольным камнем современного международного экономического порядка и непререкаемым постулатом неоклассической парадигмы экономической мысли. К этому "греху" присовокуплялся "грех Кругмана"³. Э. Райнерт спорил⁴ с утверждением П. Кругмана, что интеллектуалы не понимают рикардианской идеи сравнительного преимущества, совершенно правильной, исключительно сложной и весьма актуальной [289].

"Генеалогическое древо" Другого канона отразило 500-летнюю историю альтернативной экономической науки, концепции и успешные практики экономической политики [141, с. 63]. Но именами А. Серра, А. Дженовези, Ф. Листа, Й. Шумпетера, К. Маркса, В. Зомбарта, Дж. Кейнса не исчерпывается перечень экономистов, чьи научные идеи могут составить методологический и теоретический фундамент Другого канона. Парадигма экономической мысли формируется как концептуальная система, инкорпорирующая все совместимые с ней теоретические и методологические конструкции ("пазлы").

Разработка современной парадигмы экономической мысли возможна в виде гибкой и открытой концептуальной структуры, которая позволяет критически пе-

¹ Сомнительна попытка А. Смита обосновать разделение труда склонностью человека к обмену и торговле посредством метафоры: никто не видел, чтобы одна собака менялась костью с другой [186, с. 27]. А. Смит исключил из экономической науки понятия, объясняющие экономическое развитие: богатство и бедность, инновации, отраслевую разницу в зарплатах, качественное различие видов экономической деятельности как источников прогресса. Сводя производство и торговлю к трудовым часам, теория Д. Рикардо игнорировала знания и капитал [141, с. 335].

² Рикардо применил методологию упрощения теоретических положений, сводя их взаимосвязи к тавтологии. В результате возникла "превосходная теория, которую никогда нельзя будет опровергнуть, - в ней есть все, кроме смысла". Привычка применять результаты такого подхода к решению практических проблем - "рикардианский грех" [252, с. 619-620].

³ "Грех Кругмана" - создание теорий, полнее и точнее стандартного мейнстрима описывающих экономическое развитие, и запрещение их практического применения [141, с. 70].

⁴ Д. Рикардо отказался от качественного осмысления динамики в экономической теории, разработал научное обоснование неравенства в международном разделении труда, оправдывающее бедность стран; в его концепции нет состязательности и прогресса экономики [141, с. 50].

реосмысливать, включать, интегрировать и верифицировать теоретико-методологические положения альтернативных течений фундаментальной экономической науки, истории хозяйства и экономической мысли, пространственной экономики, теорий циклических колебаний конъюнктуры, изучать и объяснять территориально-хронологическую динамику социально-экономических систем.

В герменевтическом анализе теоретико-методологических основ и содержания парадигмальных научных конструкций следует использовать фундаментальные идеи Й. Шумпетера. Так, обоснованием предпосылок создания современной парадигмы экономической науки может быть историографический обзор, выявляющий объективную логику возникновения ее теоретико-методологических источников¹. Работы предшественников показывают имеющиеся образцы решения научных проблем и конституируют парадигму экономической мысли.

Начальный этап создания парадигмальных концепций Й. Шумпетер назвал видением², формирование которого сопровождается определением научных понятий и разработкой теоретических схем³. Научные концепции обязаны учитывать

¹ Состояние науки отражает ее историю. Обзор современной науки содержит проблемы, методы и результаты, успехи и упущения предшественников, исторически predetermined условия их возникновения. Предмет экономической науки - исторический процесс, продуктом которого оказываются и экономисты. Ошибки экономического анализа чаще объясняются ограниченностью исторического опыта, чем дефектами инструментов экономиста [251, с. 5, 15, 16].

² Видение - преданалитический акт познания - поставляет материал для научного анализа, изменяет течение истории области знаний, если предлагает по-новому взглянуть на проблему, на факты, методы и выводы предшествовавшего периода развития науки [251, с. 49].

³ Формирование видения предмета исследования облекает его в слова и концептуализирует проблематику, встраивая определенные термины в упорядоченную схему. Научный поиск обогащает первоначальное видение, верифицирует его соответствие новым и известным фактам. Экономическая теория создает упрощающие модели и схемы, отражающие реальность. Некоторые положения: гипотезы, аксиомы, постулаты, предпосылки, принципы, тезисы, теоремы, - принимаются на веру, используются в исследовании. На основе гипотез создаются инструменты анализа: категории, связи между категориями и методы изучения этих связей. Совокупность инструментов анализа и стратегические предпосылки (экономическая история, социология, статистика) составляют экономическую теорию. "По непревзойденному определению Джоан Робинсон, экономическая теория - это ящик с инструментами" [251, с. 18-19, 50-51].

исторический контекст¹. Й. Шумпетер своеобразно относился к вычленению особых областей знаний из общей науки и их взаимно обогащающей эволюции².

Необходимость и возможность становления современной альтернативной парадигмы экономической науки во многом определяется исходным этапом научного творчества - формированием видения проблемы. На этом этапе формулируются теоретико-методологические предпосылки (пред-суждения, предрассудки - суждения, высказанные предварительно, до их верификации) в виде определения и описания понятийно-категориального аппарата, гипотез, аксиом, постулатов и иных форм представления научных знаний. Здесь возникают трудности герменевтического характера, на которые указывал Х.-Г. Гадамер³. Формирование видения парадигмы должно сопровождаться критической герменевтической проверкой обоснованности включаемых в концептуальную схему научных знаний.

Исторически предпосылки видения Другого канона определялись меркантилистским мировоззрением XVII в., которое подверг критике А. Смит и вынес за рамки стандартной экономической науки. Э. Райнерт приводил аргументы в пользу включения теоретических положений меркантилистской системы в современную парадигму экономической мысли⁴.

¹ Экономическая теория должна учитывать институциональный и социальный контекст экономической истории, которая рассматривает институты частной собственности, государственного регулирования, свободной контрактации в обобщенной, типизированной форме. Социальное расслоение в соответствии с системой разделения труда обуславливает возможность разработки альтернативных теоретических схем, выражающих противоположные интересы хозяйствующих субъектов. Борьба соперничающих направлений экономической мысли дополняется принадлежностью теоретиков к разным политическим течениям, использованием экономической теории для навязывания политической программы и государственной политики [251, с. 23-25].

² Разделение между экономической наукой (economics) и экономической теорией фирмы (business economics), т.е. между макроэкономикой и микроэкономикой, бессмысленно. Экономическая наука охватывает факты и инструменты анализа поведения правительства и фирм. Сложно отделить от фундаментальной науки прикладные области, которые накапливают факты и создают концептуальные схемы для общего экономического анализа [251, с. 26-29].

³ Историческое мышление включает опосредование понятий прошедших эпох нашим мышлением. Истолкование означает введение своих собственных пред-понятий. Потенциал понимания реализуется полнее, если его предварительные мнения обоснованы, а не случайны. Исследователь должен подвергать свои пред-мнения проверке по критериям оправданности, происхождения и значимости [31, с. 319, 462].

⁴ Знаменитые экономисты XX в. Дж. Кейнс и Й. Шумпетер защищали меркантилизм: нарушение рыночного равновесия отраслевой структуры, продвижение отраслей с возрастающей

Историография альтернативного канона открывалась трактатом, опубликованным в 1613 г. А. Серра, теоретические взгляды которого продолжили традиции "общего блага" мыслителей Флоренции XIII в. [141, с. 126]. Достижения итальянского меркантилиста оценил Й. Шумпетер, утверждая, что ничего сравнимого с трактатом А. Серра не было написано на протяжении нескольких десятилетий ни в одной стране¹. По мнению Э. Райнерта, итальянский экономист первым сформулировал концепцию развития и отсталости, теорию неравномерного развития государств [141, с. 38]. Целостная концепция А. Серра² доказывает правомерность интерпретации теории разделения труда как основы формирования концептуального видения парадигмы экономической науки. Э. Райнерт описывал динамичную теорию территориально-отраслевого разделения труда, истолковывая положения трактата итальянского ученого³.

отдачей, содействующих подъему экономики и благосостояния. Конкурентоспособность поддерживала рост зарплат, ренты и национального дохода. Тарифы в условиях конкуренции защищали технологический прогресс приоритетных отраслей [141, с. 259, 285].

¹ А. Серра был автором первого научного трактата об экономических принципах и экономической политике, он четко изложил и правильно использовал концепцию меркантилизма, связал вывоз денежных металлов, торговый баланс с экономическими условиями страны. Его трактат рассматривал факторы не избытка денег, а изобилия товаров [251, с. 250-251, 464-466].

² Средства, доставляющие государствам изобилие золота и серебра, делятся на специфические - избыток продуктов сельского хозяйства и местоположение страны и обычные - количество ремесел, характер населения, размеры торговли и политика правителей. Ремесла приносят изобилие денег при производстве товаров сверх потребностей государства или города, которое может возрасти с уменьшением издержек и увеличением барыша. Совершенствование промышленности - важная причина обилия золота и серебра. Благоприятное местоположение содействует торговле, транспортировке товаров, появлению ремесел и скоплению людей. Действие причин усиливает друг друга: люди стекаются вследствие торговли и удобства местоположения. Политика правителя - высший фактор, способный наладить использование других средств, устранить препятствия и обеспечить благоденствие, общее благо в государстве. Ремесла, торговля и государственная политика обуславливают прилив денег для покрытия их отлива и изобилия в стране. Обильная торговля содействует улучшению и многочисленности ремесел, а многочисленность и развитие ремесел содействуют внешней торговле. Политика обеспечивает условия деятельности и приток ремесленников и торговцев [185, с. 92-98, 101-103].

³ А. Серра создал теоретическую модель кумулятивного самоускоряющегося хозяйственного развития, в которой факторы придавали силы друг другу, а государственная политика копировала экономический строй ведущих государств, углубляла разделение труда ради роста отдачи и богатства. У меркантилистов территориальные условия: размещение, природные ресурсы, климат, - влияли на формирование экономического строя государств, на соотношение природоэксплуатирующих, обрабатывающих отраслей и торговли, а большое население было фактором экономического роста, разделения труда. Производство аграрных продуктов, сырьевых материалов и продуктов обрабатывающей промышленности подчиняется разным экономическим законам: убывающей и возрастающей отдаче. Экономисты от А. Серра до А. Маршалла объясняли бед-

В концепции А. Серра обнаруживаются проблемы современной экономической науки: формирование диверсифицированной системы разделения труда, факторы экономического роста, неравномерное экономическое развитие стран и территорий, эффект масштаба, агломерационный эффект, урбанизация, миграция населения, социальная дифференциация, государственная политика экономического развития, кумулятивная динамика территориальной экономики.

В современную парадигму экономической науки могут быть включены идеи А. Дженовези о взаимосвязи ценностных, нравственных установок субъектов с результатами их хозяйственной деятельности. В середине XVIII в. А. Дженовези писал о противоречивом сочетании и способах гармонизации частных и общественных интересов, о естественных страстях, движущих людьми¹. На фоне утверждения, что "ни один народ не наделен от природы потребностью покупать", нелепы постулаты А. Смита о том, что человеку от природы присуща склонность к торговле, а общество - это торговый союз [47, с. 130-131; 186, с. 27, 33]. По мнению А. Дженовези, успехи европейских наций обусловило сочетание хозяйственных усилий с достижениями культуры и науки, соблюдением нравственных норм²; вектор его взглядов определялся идеями меркантилизма³.

ность страны преобладанием отраслей с убывающей отдачей. Инновации и процветание обеспечиваются изобретениями, возрастающей отдачей и снижением затрат на единицу продукции обрабатывающих отраслей, диверсификацией разделения труда, созданием общего благосостояния в условиях сотрудничества. Специализация в международном разделении труда содействует возникновению барьеров на входе в отрасль, росту отдачи, экономии масштаба, уменьшению издержек и увеличению прибыли [141, с. 38, 104, 126, 184, 186, 277, 292].

¹ Искоренение алчности и жадности богатства лишит человека пружин, побуждающих действовать. Алчность в человеке - как ветер на море; его страсти - паруса, а разум - кормчий и рулевой. Снимите с корабля паруса и уберите ветер, и корабль прекратит движение. Паруса должны управляться разумом. Пружины страстей должны действовать в пространстве потребностей и нужд человека. Алчность полезна, если не выходит за границы потребностей, ибо поддерживает труд, ремесла, торговлю и цивилизацию народов [47, с. 583-584].

² Культура европейских наций обусловлена высокими способами развития, совершенствования и стимулирования ремесел. Благие нравы составляют основу доверия - духа ремесел и торговли. Без доверия нет крепкого общества, почти нет торговли. Построенное на началах справедливости и милосердия, с приоритетом блага всех и каждой его части, разумное общество образует контекст человека - социального существа. Каждый человек обязан по возможности стремиться к обеспечению всеобщего блага [47, с. 20, 32, 200-201].

³ Доход будет выше у государства, которое экспортирует больше обработанных материалов, чем сырья, вывоз которого ведет к относительной бедности, делает нацию зависимой от иностранцев, питает невежество в ремеслах и лень. Все нации с процветающей торговлей были са-

В конце XVIII - начале XIX в. английская школа задала иной вектор развития экономической мысли - направление классической политической экономии, заложившее основы концептуального видения парадигмы современной стандартной науки. Т. Мальтус и Д. Рикардо ограничили кругозор экономической теории постулатом убывающей отдачи. А. Смит обрушился с критикой на "коммерческую или меркантилистскую систему" политической экономии.

Вопросы о свободе торговли, протекционизме, границах государственного и международного регулирования экономики, мерах и инструментах защиты и поддержки отдельных отраслей и национальных экономик актуальны и сегодня. Изучение истории дискуссий вокруг меркантилизма показывает необходимость воссоздания адекватной парадигмы экономической мысли.

Оценивая полемику между меркантилистами и их оппонентами, Й. Шумпетер выявил взаимную обусловленность и относительную независимость экономических теорий, хозяйственной практики, политических предпочтений, индивидуальных и групповых интересов, продемонстрировал познавательный потенциал гипотезы о формировании концептуального видения исследователя¹.

Реализацию интересов крупного бизнеса в государственной политике меркантилизма отмечал А. Смит². Его критика меркантилистской системы свидетельствовала о превращении Великобритании в гегемона мирового хозяйства, интересам которого препятствовала протекционистская политика европейских стран.

мыми разумными и просвещенными в мире изобретателями или рационализаторами ремесел. История учит, что нравы, дух, торговля и ремесла народов всегда идут в ногу [47, с. 283, 296].

¹ Политические предпочтения определяли позиции противников и сторонников меркантилизма. Рациональность целей и средств политики зависела от ценностей и интересов, положения государства, типа людей, классовой структуры, исторической ситуации. Политика с позиции силы и экономика военного времени рационально объясняли приток денег в страну. Противоречия военной мощи и прибыли разрешались взаимовыгодно. Военная мощь содействовала высоким прибылям. Международная торговля создавала богатства, богатства давали силу, а сила защищала торговлю. Тезисы о свободной торговле справедливы на высоком уровне абстракции и в нереальных условиях. Практичные меркантилисты в эпоху чрезвычайных положений сомневались в успехе долгосрочной политики [251, с. 441-461].

² Вдохновителем меркантилистской системы были производители; главными действующими лицами были купцы и владельцы мануфактур. В меркантилистских постановлениях были приняты во внимание интересы мануфактуристов, а принесены были в жертву им интересы потребителей и интересы других групп производителей [186, с. 479].

О противоречивой позиции А. Смита - "иконы *laissez-faire* и свободной торговли" - писал Э. Райнерт¹. Символ рыночного фундаментализма - "невидимая рука" - упоминалась А. Смитом в "Богатстве народов" единожды, в контексте меркантилизма, в главе "Об ограничении ввоза из-за границы таких продуктов, которые могут быть производимы внутри страны"².

Интерпретация метафоры "невидимая рука" в стандартной парадигме экономической науки некорректна³.

Й. Шумпетер писал, что между "либералами" и "меркантилистами" нет существенной разницы в наборе используемых инструментов теоретического анализа и в описании причинно-следственных связей между научными понятиями, определяющими теоретические положения и формирующими концептуальные построения. Различия теоретических систем (парадигм) вызваны противоречиями политических идеалов, убеждений и интересов их адептов [251, с. 494].

Одновременно могут существовать альтернативные парадигмы экономической мысли, выражающие противоположные интересы субъектов хозяйственной деятельности. Взаимное обогащение и развитие соперничающих парадигм предполагает критическое переосмысление собственных и заимствование альтернативных теоретико-методологических предпосылок, применение общих методов научного исследования и понятийно-категориального аппарата⁴. Концептуальное видение

¹ А. Смит был непонятым меркантилистом; приветствовал меркантилистскую политику в прошлом, когда Англия защищала от голландских конкурентов индустрию, но считал ее лишней после того, как протекционизм запустил самовоспроизводящееся развитие [141, с. 277].

² Каждый человек не имеет в виду содействовать общественной пользе. Предпочитая оказать поддержку отечественной промышленности, а не иностранной, он реализует лишь свой интерес. А направляя эту промышленность таким образом, чтобы ее продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем не входила в его намерения. Преследуя собственные интересы, он часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это [186, с. 332].

³ А. Смит имел в виду "невидимую руку" Бога, осуществление воли Божьей. Стандартная экономическая теория подменяет смысл, некорректно интерпретируя слова А. Смита. Невидимая рука рынка заменяет божественную провиденциальность. Теоретическая абстракция рынка приобретает онтологический смысл [242, с. 429].

⁴ Большинство экономистов XIX в. отвергали меркантилистские работы как устаревшие заблуждения. Оппозиционные немецкие авторы ударились в другую крайность, установив традицию критики фритредерства. Если бы А. Смит и его последователи не отбросили в сторону, а

обосновывает правомерность разработки современной парадигмы экономической науки, признает эволюцию альтернативных парадигм, объясняет их теоретическое и методологическое наполнение, условия возникновения и направления развития, выражаемые интересы и ценности их приверженцев.

Переиздание в 1803 г. трактата А. Серра сделало его доступным немецким экономистам. Сочинение Ф. Листа, опубликованное в 1841 г. [98], было построено на конструктивной критике воззрений А. Смита и содержало прямое обращение к научному творчеству А. Серра¹.

Ф. Лист утверждал своеобразие систем национальной экономики, противопоставлял политическую и космополитическую экономию, порицал попытки А. Смита "доказать, что политическая или национальная экономия должны уступить место всемирной экономии" [98, с. 161]. Немецкий экономист реверсивно представил концепцию шотландского ученого как меркантилистскую².

В национальной политической экономии Ф. Листа заложены предпосылки исследования кумулятивного развития экономики отраслей и территориальных образований, территориальной и хронологической динамики иерархической структуры разделения труда, развертывающейся по уровням: отдельного человека, предприятия, отрасли, страны, мирового хозяйства. Ключевым звеном была национальная экономика. Государство играло ведущую роль в экономическом развитии народов, в разрешении противоречий частных, групповых, общественных (общенациональных) и международных (внешнеэкономических) интересов.

обработали и развили "меркантилистские" тезисы, то уже в 1848 г. можно было бы разработать более полную теорию международных экономических связей [251, с. 440, 494].

¹ Ф. Лист отметил мысли А. Серра о том, что на производительность источников богатства нации - земледелие, промышленность, торговлю - влияют способности населения, плодородие земли, местоположение, что благосостояния достигают страны, гарантирующие свободу личности и защиту собственности граждан, представительство народных интересов [98, с. 321-323].

² А. Смит пренебрегал обществом ради индивида, не понял, что принцип разделения труда на фабрике применим к нациям и провинциям. Система А. Смита - теория частной экономии граждан страны или человечества, при допущении отсутствия наций, национальных интересов, войн, государственных структур и культуры. Эта меркантилистская система рассматривает все с точки зрения купца, предоставляя развитие производительных сил природе, случаю и Богу; лишь государство не имеет права вмешиваться в экономику [98, с. 333-334].

Ф. Лист подчеркивал качественное различие видов труда, выделяя деятельность, предполагающую высокий уровень образования, квалификации и способность к творчеству, инновациям. Умственный труд имеет более высокую ценность по сравнению с физическим трудом¹. Деление на производительный и непроизводительный труд по признакам увеличения добавленной стоимости и рыночного оборота товаров применимо лишь к сфере материального производства².

Теория Ф. Листа продолжила континентальную традицию экономической мысли - сочетание материальной и духовной составляющих хозяйственной жизни, общественных и частных интересов, предпринимательской и трудовой деятельности людей с государственным хозяйствованием и политико-экономическим регулированием. Преимущества своей концепции немецкий экономист показывал в сравнении с абстрактной системой английской школы экономической мысли³.

Национальная политическая экономия включала ныне обособленные науки: экономическую теорию, историю экономической мысли, экономическую историю, пространственную экономику, теорию инновационного развития экономики. Неравномерное развитие стран объяснялось действием факторов территориальной и хронологической социально-экономической динамики⁴.

¹ Экономике нации формирует комбинация производительных сил и взаимодействие умственного и физического труда. "Умственное производство" благоприятствует религиозным чувствам, нравственности, пополнению знаний, расширению свободы и политическому обновлению, безопасности граждан, могуществу нации, росту материального производства; подъем материального производства содействует успехам умственного производства [98, с. 191].

² По мнению английской школы, тот, кто воспитывает свиней, - производительный член общества, а кто воспитывает людей - не производительный. Тот, кто изготавливает на продажу гармони и балалайки, - производитель, а величайшие виртуозы не могут вынести исполняемого ими произведения на рынок - не производители. Врач, спасающий жизнь пациента, не принадлежит к классу производителей, но принадлежит к нему аптекарский мальчик, хотя изготавливаемые им меновые ценности, или пилюли, существуют несколько минут. Производительность Ньютона, Уатта, Кеплера уступает производительности осла, лошади, вьючного вола... [98, с. 178].

³ Господствующая школа признает частных лиц, свободно преследующих свои интересы, разъясняет соединение природных сил, труда и капиталов для доставки на рынок, распределения и потребления товаров. Но она не учит, как одни нации достигли благосостояния и силы, а другие потеряли богатство и власть. Школа исключила из политической экономии государственную политику и мощь нации, без которых производительные силы частных лиц не могут поддержать торговлю, промышленность и богатство всей страны. В истории взаимодействуют богатство и политическая власть, общественные и частные силы [98, с. 92-93, 151, 176-177, 199-200].

⁴ Производительность нации обуславливается инновациями, природными факторами, территорией, населением, политической силой, гармоничным развитием отраслей и нравственным,

Ф. Лист рассматривал национальную систему разделения труда в контексте производительных сил государства, взаимодействия природоэксплуатирующих и обрабатывающих отраслей, показывал круговую причинно-следственную взаимозависимость: взаимное усиление положительного влияния земледелия и фабрично-заводской промышленности (добродетельный круг) и взаимное негативное влияние упадка одних отраслей индустрии на другие (порочный круг)¹. Осуществление идей "промышленной системы", которую ошибочно называли "меркантилистской школой", способно обеспечить стране господство в мировой экономике².

Постижение исторического опыта легло в основу теории неравномерного - опережающего и догоняющего - развития стран. В концепции Ф. Листа выделялись историко-эволюционный подход и стадийность понимания неравномерности развития национальных экономик³. Разделение труда выглядело как хронологически закономерный (организованный) процесс восхождения по ступеням (по периодам зрелости) исторического развития экономики, как процесс чередования в государ-

умственным, экономическим и политическим влиянием на другие народы. Возрастание духа промышленной изобретательности и усовершенствований, социальное и политическое развитие увеличивают разрыв между остановившимися и идущими вперед нациями [98, с. 49, 176].

¹ "Естественный закон" разделения труда охватывает мануфактурные и земледельческие силы страны. Производительность фабрики зависит от развития индустрии и связей с другими отраслями. Разделение и комбинация труда улучшаются, а продуктивность земледелия растет при укреплении отношений с передовой индустрией. Наиболее производительна и богата нация, усовершенствовавшая все отрасли промышленности, создавшая сельское хозяйство, снабжающее население продовольствием, фабрики сырьем. Сельскохозяйственные и промышленные производительные силы могут содействовать друг другу и развиваться бесконечно. В преуспевающей промышленности одна отрасль вызывает и поддерживает процветание другой. Упадок одной отрасли индустрии сопровождается падением других [98, с. 184, 186, 188, 296].

² Под покровительством увеличивались производительность, общественные доходы, средства государственной обороны и население, развивались умственные способности, политические учреждения. Нация, которая осуществит идею одновременно земледельческого, мануфактурного и коммерческого государства, станет во главе других наций [98, с. 326].

³ В национальном экономическом развитии страны посредством международной торговли различаются четыре периода: в первом - земледелие развивается под влиянием ввоза чужеземных мануфактурных изделий и вывоза туземных сельскохозяйственных и сырых продуктов; во втором - фабрично-заводская промышленность развивается вместе с ввозом чужеземных мануфактурных изделий; в третьем - фабрики страны снабжают внутренний рынок; в четвертом периоде вывозится большое количество туземных мануфактурных изделий, а ввозится большое количество чужеземных сырых материалов и продуктов земледелия [98, с. 63].

ственной экономической политике поощрения свободной конкуренции в торговле и покровительства национальной обрабатывающей индустрии¹.

Ф. Лист рассматривал теоретические и практические основы государственной политики содействия развитию народного хозяйства. Иерархия международного разделения труда означала признание конкурентных преимуществ мирового гегемона (в то время Англии)², возможность копировать опыт опережающего экономического развития и эволюционировать в режиме догоняющей страны³.

Политика протекционизма - необходимое условие укрепления международного сотрудничества и экономической интеграции стран; она позволяет сократить разрыв в уровнях их хозяйственного развития и взаимодействовать в едином внешнеэкономическом режиме выгодной свободной торговли и конкуренции⁴.

"Национальная система политической экономии" обладает всеми свойствами парадигмы; она формулирует концептуальные теоретико-методологические положения целого направления - немецкой исторической школы экономической мысли, пересматривает и оценивает научную обоснованность теорий в контексте истории экономических учений, анализирует успешный опыт хозяйственного развития

¹ Сначала отсталые страны за счет свободной торговли с передовыми нациями преодолевают варварство и поднимают земледелие; затем, вводя ограничения, содействуют расцвету фабрик, флота и внешней торговли; потом, достигнув высшей ступени богатства и могущества, постепенно переходят к свободной торговле и конкуренции иностранцев на местных рынках, побуждают своих предпринимателей к удержанию достигнутого верховенства [98, с. 157].

² Фабрика передовой нации имеет преимущества перед фабриками других наций: умелые, знающие и недорогие рабочие и техники, совершенные и дешевые машины, выгоды при покупке, продаже, доставке сырых материалов и отправки фабрикатов, банковский кредит под низкий процент; опыт, орудия, здания, складские места, связи, созданные усилиями нескольких поколений; обширный внутренний рынок и внешний рынок [98, с. 297].

³ Иностранцы купцы с огромными капиталами, опытом и знаниями подавляют предприимчивость туземных купцов. Поэтому догоняющие страны политикой ограничений, покровительства и поощрений привлекали дух предприимчивости, ловкость и капиталы иностранцев. Действие свободы торговли естественно, когда отставшие нации, при помощи искусственных мероприятий, достигнут степени развития Англии, созданной искусственно [98, с. 154, 170, 314].

⁴ Ограничительные меры реализуют стремление наций к независимости и господству и могут исчезнуть при согласовании национальных интересов под знаменем права всех народов. Мировая республика может образоваться из наций одинаковой степени могущества, промышленности, политического воспитания и цивилизации. Лишь путем постепенного расширения ассоциации может распространяться свобода торговли; только организация международного союза обеспечит всем нациям выгоды единого экономического пространства. Протекционная система - единственное средство поднятия отставших стран до уровня передовых наций, средство достижения цели - ассоциации народов, полной свободы торговли [98, с. 155-156, 166-167].

стран, показывая образцы для заимствования. Концепция Ф. Листа соответствует пониманию парадигмы как целостной системы теоретических взглядов, признаваемых научным сообществом на протяжении длительного времени; цитирование ее идей встречается в трудах экономистов уже более полутора веков.

Теоретические взгляды Ф. Листа были восприняты в России на рубеже XIX - XX вв. С.Ю. Витте руководствовался в своей деятельности рецептами немецкого ученого, популяризовал его идеи [29], углублял понимание хозяйственной и регулирующей функций государства¹. Основ доктрины Ф. Листа придерживался П.Б. Струве, отмечая важность территориального фактора [192, с. 237].

Общепризнанным российским вкладом в сокровищницу мировой экономической мысли считается концепция неравномерного экономического развития стран В.И. Ульянова-Ленина [93], которую активно цитировали сторонники и противники изложенных в ней взглядов автора². В теории неравномерного развития стран в эпоху "империализма" выдвинут ряд важнейших положений³.

¹ Понимание государства-хозяина, предпринимателя основано на синонимичности терминов "финансовое хозяйство" и "государственное хозяйство". Государство получает частноправовые доходы от использования своего имущества, промысловые доходы от казенных капиталов и промышленных предприятий, поступает как частное хозяйство в соответствии с действием законов рыночной конкуренции, издержек производства и иных экономических законов политэкономии. Государство как общественный хозяин принудительно получает общественно-правовые доходы: от монополии на промысловую деятельность, налоги, пошлины. Государственное хозяйство ради общественных выгод, высших интересов народного благосостояния отказывается от фискальных поступлений, несовместимых с преуспеванием народного хозяйства. Государственное хозяйство может реализовывать долгосрочные цели, осуществлять расходы, выгоды от которых будут получены в отдаленном времени [28, с. 417, 449].

² Не симпатизировавший ленинской интерпретации марксизма И. Валлерстайн писал, что больше людей читали "Империализм как высшая стадия капитализма", чем "Манифест коммунистической партии" [18, с. 153]. "Буржуазный экономист" (как он себя называл со слов советских коллег) [298, с. 308] Г. Мюрдаль отмечал, что К. Маркс не был плановиком, и его идеи имели значение с точки зрения экономических факторов и социальных сил. Теория империализма как последней фазы капитализма В.И. Ленина оказала большее влияние на идеологии развивающихся стран [299, с. 726].

³ Взаимная обусловленность эволюции свободной рыночной конкуренции и монополии, создание финансово-промышленных монополистических объединений как предпосылка зарубежных инвестиций (вывоза капитала), экономический и территориальный раздел мира между ведущими державами, сочетание быстрого роста и отставания отдельных отраслей промышленности, слоев буржуазии, стран, усиление неравномерности роста мировой системы капитализма и отставания самых сильных стран [93].

С середины XX в. преобразилась стандартная экономическая теория (неоклассика и кейнсианство) и возродились традиции альтернативного теоретизирования. Эволюцию экономической мысли прокомментировал Э. Райнерт, сопоставляя взгляды нобелевских лауреатов Г. Мюрдаля и П. Самуэльсона - инициатора математизации экономической науки¹. О том же писал М. Блауг в статьях².

Г. Мюрдаль корректно объяснял неравномерное развитие стран, но его оригинальная парадигмальная концепция сегодня почти не преподается в университетах, а излагается в извращенном виде новой институциональной экономики в русле неоклассического мейнстрима [141, с. 78]. Научные труды Г. Мюрдаля достойны научно-реферативного осмысления с учетом того, что большинство из них пока не переведено на русский язык и остается вне поля зрения российских экономистов. Научно-аналитический обзор трех фундаментальных публикаций Г. Мюрдаля³ свидетельствует о необходимости их включения в альтернативную парадигму экономической мысли. Если название второго труда было намеком на антитезу "Богатства народов" А. Смита [120, с. 47], то в заглавии третьей публикации Г. Мюрдаль прямо противопоставлял свои научные взгляды мейнстриму (mainstream), главному течению стандартной экономической теории [298, 299, 300].

¹ Альтернативная парадигма экономической мысли Г. Мюрдаля связывала дифференциацию развития бедных и богатых стран с нерегулируемой мировой торговлей. Адепт мейнстрима П. Самуэльсон математически моделировал доказательство выравнивания цен труда и капитала в условиях свободной международной торговли. Математизация науки ограничилась количественными методами, вытеснила дополняющие их методы качественного анализа экономики, усугубила провалы концептуального видения Рикардо, неспособного объяснить неравномерность территориального и хронологического развития экономических систем. Экономисты выбрали путь наименьшего математического сопротивления: заимствовали математический язык, отказались от релевантности и возможности верифицировать концептуальные построения. Математическая точность неоклассической теории несовместима с решением практических проблем. Из "сказочного мира" "бесконечной гармонии" экономической науки были исключены пространство (география) и время (история) [141, с. 55, 64-66, 74-78, 152-153, 290].

² "No history of ideas, please, we're economists" ("Нет истории идей, пожалуйста, мы экономисты") [261], "The formalist revolution of the 1950s" ("Революция формалистов 1950-х годов") [262].

³ "Economic Theory and Underdeveloped Regions" ("Экономическая теория и слаборазвитые регионы", первая публикация 1957 г.); "Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations" ("Азиатская драма: Исследование нищеты народов", публикация 1968 г., русский перевод "Современные проблемы „третьего мира“", 1972 г. [114]); "Against the Stream. Critical Essays on Economics" ("Против течения: Критические очерки Экономикс", первая публикация 1973 г.).

Шведский ученый понимал развитие экономической мысли как смену доминирующих парадигм, начиная монографию "Против течения" с параграфа "Establishment Economics", что можно толковать как истеблишмент (элита, правящие круги) экономикс (экономической науки) или господствующая парадигма экономикс. Она формирует образцы научной мысли, карьеры ученых-экономистов, нравственные нормы группового поведения и профессиональную этику, систему защиты при помощи оппортунистического невежества (выгодного неведения)¹.

Изменения общества обуславливают циклическое развитие кризисов и сдвигов исследовательских подходов. Периодические кризисы нарушают господство стандартной парадигмы, упраздняют истеблишмент до появления новой ортодоксии, реформируют структуру научного сообщества, изменяют взгляды и позиции, взаимное восприятие и оценку его представителей [298, с. 11]. В подходе Г. Мюрдаля сочетались концепции парадигм Т. Куна и И. Лакатоса, истеблишмент сосуществовал с альтернативными течениями экономической мысли, к каковым причислялся шведский исследователь, будучи "теоретическим" экономистом в молодости и "институциональным" экономистом в зрелые годы².

Общепризнанность стандартной парадигмы экономической науки мешает ее своевременному обновлению, поскольку не предполагает герменевтической проверки теоретико-методологических предпосылок и концептуальных построений.

¹ Сторонники господствующего образа мысли образуют истеблишмент; их труды пользуются авторитетом; они цитируют друг друга. Статус в академическом мире открывает позиции в научно-исследовательских и учебных заведениях, в консультировании правительства, организаций и предприятий, но обязывает работать в рамках установленного образца и демонстрировать сообразительность и изобретательность, приукрашивая его. Самые корыстные интересы коренятся в традиционных образах мышления и предубеждениях. Знания, подобно невежеству, могут быть оппортунистическими, если не подвергаются критике. Истеблишмент защищает себя от критической проверки, игнорируя критику извне своей узкой группы [298, с. 1-3].

² В экономической науке сосуществуют доминирующие подходы и теории, а также аберранты (заблуждающиеся, отклоняющиеся от нормы) и откровенные противники (мятежники). Меня не считают профессиональным экономистом истеблишмента и презрительно называют социологом. С другим единомышленником-бунтарем Дж. Гэлбрейтом обращаются еще более грубо, причисляя его к журналистам. Мы настаиваем, что мы экономисты [298, с. 1, 14-15].

Это подтвердило кейнсианство, оказавшееся неспособным адекватно ответить на вызов стагфляции 1970-х гг., отступившее под натиском монетаризма¹.

Г. Мюрдаль призывал возвратиться к традициям политической экономии², критически переосмыслить догматические предпосылки и теоретические положения мейнстрима экономической науки, предложил концепцию, опровергавшую основы рыночного фундаментализма³. Неадекватность унаследованного стандартного канона объяснялась его нереалистичными теоретическими предположениями: устойчивым равновесием и игнорированием неэкономических факторов⁴.

Ученый предлагал реалистичное, кумулятивное объяснение социально-экономических процессов⁵ в модели взаимодействия и пороговых изменений факторов экономической динамики⁶, критиковал неоклассический мейнстрим за догматизм

¹ Кейнсианство, став истеблишментом экономикс, задержало адаптацию теории к реальности. Быть "позади своего времени" - методологическая слабость мейнстрима [298, с. 29].

² Экономисты обязаны опережать свое время, а не только приспособляться, с нытьем и менее скучной критикой, к происходящему развитию. Обязанность противостоять тенденции нашего времени переориентацией путей исследования подразумевается в старом и правильном названии нашей дисциплины - политическая экономия [298, с. 31].

³ Истеблишмент экономикс, притворяясь точным и строгим рассуждением, допускает небрежность в логически непоследовательных предположениях и концепциях. Рост крупных корпораций, укрепление организаций на рынке труда, регулируемые цены делают унаследованные наукой понятия рынков и агрегатов все менее адекватными реальности [298, с. 12-13].

⁴ Нереалистичное предположение устойчивого (стабильного) равновесия подразумевает, что возмущение провоцирует реакцию, направленную на восстановление нового равновесия, и что действие и реакция будут встречаться в одном и том же временном пространстве (пространстве времени) (will meet in one and the same time-space - хроно-топе). Оно служит теоретическим средством понимания и демонстрации универсальной взаимозависимости между факторами экономической системы и логическим переходом во многих экономических аргументах. Предположение о стабильном равновесии - суть подхода единой и центральной экономической теории - связано с нереалистичным ограничением анализа взаимодействием экономических факторов. В игнорируемой сфере социальной реальности "падает и разбивается" предположение о равновесии, ибо неэкономические факторы взаимодействуют неравновесным способом. Бесполезное и бессмысленное различие экономических и неэкономических факторов надо заменить различием релевантных и нерелевантных факторов [300, с. 21-22].

⁵ Социальная система не имеет автоматической стабилизации, постоянно отклоняется от баланса сил. Социальный процесс может быть кумулятивным и ускоряющимся. Его могут остановить противонаправленные экзогенные изменения сил, создающие неустойчивое равновесие покоя. Альтернатива - состояние покоя, достигнутое политическими взаимовлияниями, планируемыми и применяемыми с намерением остановить движение. Но эта предпосылка противоположна допущению естественного эндогенного равновесия системы [300, с. 24-25].

⁶ Теоретические модели с небольшими изменениями, восстанавливающими равновесие движениями, и с кумулятивными изменениями сверх критического уровня предполагают, что при достижении эволюционных порогов меняется чувствительность или действие противоположающихся сил получает противоположное направление [114, с. 549-551].

и абстрактную упрощенность подхода к исследованию специфики социально-экономических проблем конкретных стран¹, рассматривал методологическую проблему качественного изменения определения и содержания научных понятий (категорий) в условиях пороговых изменений территориальных и хронологических параметров социально-экономических процессов².

Концепция Г. Мюрдаля сочетала выявление причинно-следственных связей, формулирование спектра теоретико-методологических предпосылок с исследованием на их основе специфики развития (в территориальном и хронологическом аспектах) всех субъектов системы разделения труда, особенно государства³.

Шведский ученый в альтернативной мейнстриму "великой традиции Просвещения" исследовал место ценностей в социальной политике в контексте парадигмы экономической науки⁴, утверждал ценности эгалитарной политики, интерпретируя

¹ Западные экономисты под влиянием Маркса, о котором они редко догадываются, принимают допущение о быстром воздействии экономического прогресса на устои жизни и социальные институты. Однако тяжело вести социальную политику, покушающуюся на имущественные интересы, инерцию консервативных тенденций, традиции и предрассудки, общественные институты, ибо люди, наделенные властью, заинтересованы в их сохранении [114, с. 602, 604].

² В богатых странах применима модель экономического роста с понятиями сбережений, инвестиций, занятости, производства продукции и цены. В слаборазвитых странах, где "недопотребление" - норма, разграничение между инвестициями и потреблением теряет смысл. Рост потребления работников образует "инвестиции", увеличивает продукцию, но остается потреблением. Сбережения за счет сокращения потребления, навязываемые населению с пониженным уровнем потребления, будут "деинвестированием". Теории, соответствующие условиям и государственной политике на Западе, теряют свой смысл, если их применять к слаборазвитым странам, ибо они неадекватны реальной действительности [114, с. 606-609].

³ Теоретические обобщения объясняют организацию социальных фактов в модели. Методология круговой причинности устанавливает взаимодействие особых характеристик и условий страны, региона и каждого действующего лица. Различия в распределении природных ресурсов в стране, международные отношения, исторические традиции хозяйственной деятельности, национальное и групповое единство, религии и идеологии, экономическая, социальная и политическая инициатива и лидерство создают сложные вариации, которые не могут быть интегрированы в наши унаследованные теории [300, с. 53].

⁴ Экономическая теория отражает дух времени и не может быть "объективной". Мировые религии и великие философии на доктринальном уровне были эгалитарными, и их догматы - достоинство человека, право на равенство возможностей и помощь - подкрепляют ценности современной социальной политики. В XVII-XVIII вв. сложилась взаимосвязь философии Просвещения, естественного права и утилитаризма, возникли науки, доказывавшие доктрину равенства. Но ценности, в отличие от убеждений и теорий, не могут быть доказаны или опровергнуты, а существуют как социальные факты. Классики и первые неоклассики признавали экономику моральной наукой и объективные ценностные предпосылки изучения фактов и политики. Экономическая теория стремилась нейтрализовать радикальные предпосылки социальной политики - декларирование эгалитарных ценностей - оппортунистическим образом мышления. Современные

их как историко-обусловленный, закономерный результат экономического развития¹, декларировал нравственность экономической науки², убеждал в том, что парадигма экономической мысли с эгалитарными ценностями формируется государством и организованным сообществом³.

Близкий Г. Мюрдалю ракурс обсуждения проблем встречается в научном творчестве Дж. Стиглица, которое может быть достойным "пазлом" современной парадигмы экономической мысли, поскольку охватывает спектр понятий: ценности, религиозные догматы и научные доктрины, идеологию, личные взгляды ученых и политику, теоретические предпосылки и модели, институты, интересы, иерархию субъектов на локальном, национальном и глобальном уровнях.

Дж. Стиглиц посвятил книгу "Globalization and its discontents" ("Глобализация и ее провалы", русский перевод - "Глобализация: тревожные тенденции") критике политики глобализации, проводимой в рамках Вашингтонского консенсуса⁴ на основе парадигмы либерального рыночного фундаментализма [189].

экономисты истеблишмента сохранили теорию благосостояния ранних неоклассических авторов, но постарались скрыть фундамент - устаревшую моральную философию, создали аморальную экономическую теорию и гордятся этим "профессионализмом" [298, с. vi-viii, 34-35].

¹ Народные массы, получив избирательное право и создав профсоюзы, инициировали эгалитарную политику. "Марксистская" традиция и "новый либерализм" Дж.С. Милля - основы социально-экономических теорий - содействовали доктрине равенства. Превращение развитых стран в государства всеобщего благосостояния сопровождалось конвергенцией ценностей экономического развития. Политико-экономическая эволюция и конформизм утверждают ценности социальной политики - "созданную гармонию", отвергая либеральное предположение о существующей гармонии интересов естественного права и утилитаризма [298, с. 35-36].

² "Во всех экономических исследованиях есть необходимость... работать с явными (открыто провозглашенными) ценностными предпосылками. Когда... во многих областях исследований я попытался применить это понимание и работал над порядком изложения моих ценностей и обоснованием их выбора, я восстановил характер экономики до уровня нравственной науки. Последствия экономической политики могут быть рационально объяснены, а факты установлены с точки зрения тех же ценностных предпосылок" [298, с. vii-viii].

³ Экономическое развитие вызывается вмешательством в политику мирового сообщества или национальных государств. Кумулятивная тенденция увеличивающегося международного неравенства в условиях беспрепятственной игры рыночных сил усиливается отсутствием мирового государства. Для человечества нет основы политики взаимной солидарности, построенной на однородности культуры во всех регионах и социальных классах. Межправительственные организации не оправдали возлагавшихся на них надежд. Развивающиеся страны опираются на свои ресурсы, становятся хозяевами экономики и внешней торговли [298, с. 65, 75-77].

⁴ Вашингтонский консенсус, достигнутый в 1980-х гг. между МВФ, Всемирным банком и Министерством финансов США по поводу рекомендаций "правильной" политики для развивающихся стран, опирается на три столпа - приватизацию, рыночную либерализацию и фискальную экономию. "Неолиберальный" консенсус базируется на воскрешении политики *laissez faire* и

Выбор альтернативных парадигм экономической науки отражает противоречия интересов субъектов в многоуровневой иерархии разделения труда, а духовно-нравственные ценности и интересы формируют идеологию и теоретико-методологические предпосылки парадигмального видения. Господство субъектов, обладающих политико-экономическими ресурсами и мощью, обеспечивает доминирование их экономических интересов, навязывание своих ценностных догм и теорий в качестве общепризнанной научной парадигмы. Ключевую роль в разрешении противоречий интересов хозяйствующих субъектов играет политика организованного сообщества (правительства, государств и международных организаций), воздействующая на игру рыночных сил в интересах социальных групп. Дж. Стиглиц считал, что живучесть "старой" парадигмы поддерживается верой в нее и тем, что политические рекомендации международных организаций служат интересам определенных политических и деловых кругов [188, с. 402].

Дж. Стиглиц совместил институциональный подход и макроэкономический кейнсианский анализ при рассмотрении воздействия международных экономических организаций на неравномерное развитие стран¹. Исследователь показал обусловленность радикальной трансформации деятельности международных политико-экономических институтов в 1980-е гг. интересами деловых кругов США². Интересы и идеологические предпочтения "сильных мира сего" обеспечивали утверждение концепции нелиберального рыночного фундаментализма в статусе

упрощенной модели конкурентного равновесия рыночной экономики, в которой есть "невидимая рука" А. Смита, но нет надобности в государстве и ничем не ограниченный, "либеральный" рынок функционирует совершенным образом [189, с. 34-35, 75, 92].

¹ Концепция МВФ, признававшая провалы рынка и роль государства в их минимизации, была заменена "иконой" свободного рынка Вашингтонского консенсуса образца 1980-х гг. Смена кейнсианской ориентации на противоположную поставила не решенную пока задачу - обосновать необходимость вмешательства МВФ в функционирование экономики. Международные экономические институты - МВФ, Всемирный банк и ВТО - осуществляют политику глобализации, определяют правила конкуренции в пользу развитых стран и корпоративных групп, господствующих финансовых и торговых интересов [189, с. 34-35, 230, 249-251].

² Запад продвигал глобализацию с выгодами свободного проникновения на рынки развивающихся стран. Решения обосновывались смесью плохой экономической науки, идеологии и догм, прикрывавших интересы особых групп. Противоречие первоначальных целей международных финансовых институтов - глобальной стабильности и развития - новым целям разрешалось заменой экономической науки идеологией [189, с. 11-31, 127, 266].

общепризнанной стандартной парадигмы экономической науки¹. Смена парадигм экономической мысли была использована для развала СССР и трансформации российской экономики в угоду интересам Запада, прежде всего США².

В концепции Дж. Стиглица теоретическую модель экономики "просачивающихся вниз выгод"³ можно интерпретировать как "эффект распространения", представленный в вертикальном измерении, в иерархии социальных групп системы разделения труда. Интересен пространственный аспект обсуждения идеологического доминирования парадигм экономической мысли⁴.

Сборка "пазлов" теорий возможна в парадигме Другого канона, который Э. Райнерт противопоставлял стандартной экономической науке, начиная с противоположного понимания качеств (природы) человека и хозяйственной деятельности, сопоставлял типы ментальности европейской экономической науки - англий-

¹ Международные институты придавали статус установившихся доктрин спорным политическим рекомендациям. Рыночная идеология служила ширмой прикрытия бизнеса особых групп [189, с. 241, 252-255]. Теория "невидимой руки" убеждала высших менеджеров в том, что они приносят пользу обществу, преследуя личные выгоды, оправдывала их алчность. Вера в эффективность "невидимой руки" рыночного механизма нереалистична, ибо он производит избыток загрязнителей воздуха и мало инвестиций в науку, образование и социальную сферу. Свободно-рыночная риторика прикрывала двойные стандарты политических программ в пользу богатых и меньшей поддержки бедных. Рука не видима, ибо она не существует. Рыночные механизмы функционируют не по теории "совершенных рынков" [190, с. 56-58, 339].

² Политика реформ была направлена на разграбление России. Сторонники шоковой терапии при поддержке МВФ и министерства финансов США одержали верх. Россияне "шарахнулись" от религии марксизма к религии свободного рынка. Радикальные реформаторы-экономисты уверовали в рыночную революцию, отрицая социальные науки [189, с. 168-287; 190, с. 287].

³ Рыночные фундаменталисты говорят о просачивании выгод экономического развития вниз, до бедняков. Но "экономика просачивания" - предположение, догмат веры. Для сокращения бедности нужен рост, но он необязательно приносит блага для всех [189, с. 103-104].

⁴ Экономические структуры изменяются во времени и различаются по регионам. Доминирование рыночного фундаментализма лишает страны свободного выбора и успешности экономического развития. Провалы глобализации были инициированы международными экономическими институтами. Взгляд на государство и рынки, не признанный развитыми странами, навязывался развивающимся странам и странам с переходной экономикой [189, с. 256, 260].

скую и континентальную традиции¹, понимание иерархии и взаимодействия интересов людей, групп и общества, роли "общего блага"².

Концептуальное видение Другого канона отличалось от мейнстрима³. Сопоставление теоретико-методологических предпосылок альтернативных парадигм экономической мысли показывает эвристический потенциал и продуктивность исследования этапа формирования концептуального видения⁴.

Концепция Другого канона - теория инновационного развития капитализма - подкреплялась европейским опытом [242, с. 379-395]⁵. Возрастающая отдача обра-

¹ Человеческий мозг в английской традиции - "чистая доска" в машине - калькулирует ощущения, максимизирует удовольствия и минимизирует неприятности. Экономическая наука с гедонистической системой ценностей и стимулов предпочитает обмен, объясняет рост экономики соединением капитала с трудом. В континентальной традиции природу человека определяет высокий дух и активный мозг, познающий окружающий мир; экономическая наука акцентируется на производстве, распространении знаний и инноваций, утверждает, что экономикой движет дух и воля человека, а не капитал. Английская традиция экономической теории проста, качественно и количественно определена, статична. Континентальная традиция предполагает сложную и динамичную теорию, не сводимую к цифрам и символам [141, с. 80-81].

² Континентальная традиция восходит к понятию "общее благо" флорентинца Б. Латини (1220-1294), к осознанию богатства как результата синергии (сотрудничества, кооперации, разделения труда) людей разных профессий. Теория рыночной экономики совместима с концепцией общественного блага при совпадении частных интересов с общественным интересом. Амбивалентный теоретический подход экономистов континентальной Европы признавал равноправность интересов общества и личности [141, с. 103, 239-240].

³ Интересы индивида - не единственная движущая сила социума. Методологический индивидуализм стандартной науки не совместим с понятием национального общественного интереса - ключевым в экономике континентальной Европы [141, с. 240-241].

⁴ Параметры стандартной парадигмы: механистическое и абстрактное понимание проблем; равный вклад всех видов труда в экономический рост и благосостояние; обособленность экономики от общества; внеисторичность теории; ограничение потребления в целях накопления и вложения капитала в экономику; безвозмездное распространение технологий; модель совершенной рыночной конкуренции; понятие абстрактной фирмы; игнорирование эффекта масштаба и возрастающей отдачи; понимание экономики как равновесной, гармоничной, самоуправляемой системы; отказ от рассмотрения инноваций при статической оптимизации.

Параметры альтернативной парадигмы: цель определяет теоретико-методологические предпосылки исследования; единство количественного и качественного анализа проблем; осмысление социально-исторического контекста экономики; участие государства в разрешении противоречий интересов; дифференциация экономического потенциала видов труда; ключевая роль в экономическом развитии специализации и кооперации труда; использование несовершенной конкуренции и прибыли для накоплений; уникальность предприятий; различия в отдаче дифференцируют доходы фирм, регионов и стран; производство знаний и технологий требует затрат и государственной поддержки; использование рынка для оценки эффективности [141, с. 339-341].

⁵ Европа стала равномерно богатой благодаря стратегии эмуляции (имитации, стремления сравняться или превзойти): копирования экономической структуры и институтов, усвоения опыта передовых стран, наличия патентной защиты, научных академических центров и университетов. Экономическое развитие зависит от кластеров экономической деятельности с возраста-

батывающих производств и убывающая отдача природоэксплуатирующих отраслей формируют модель национальной экономики, ее специализацию в международном разделении труда, потенциал и направление эволюции¹.

Э. Райнерт сопоставлял модели "мальтузианских" видов деятельности с "шумпетерианскими" видами деятельности [242, с. 380-382] по особенностям режимов функционирования рыночного механизма, динамике макроэкономических процессов, взаимосвязи отраслевой и социальной структур экономики².

Современная парадигма экономической мысли предполагает социальные установки, институты, регламентирующие распределение результатов хозяйственной деятельности между ее участниками. Классическая модель обогащения отражает лишь одну из известных схем конкурентного распределения доходов в экономиках с преобладанием природоэксплуатирующих отраслей и ростом социального

ющей отдачей, динамической несовершенной конкуренцией, технологическим прогрессом, инвестициями капитала, передачей и освоением навыков и умений [141, с. 46, 279].

¹ Мировая экономика развивается неравномерно, поскольку экономические секторы (сельское хозяйство, промышленность и сфера услуг) формируют экономику страны, следуя разным закономерностям, в разной исторической последовательности [141, с. 180-181].

² Режим функционирования рыночного механизма обрабатывающей промышленности формируется несовершенной конкуренцией, эффектом возрастающей отдачи, относительно стабильной кумулятивной динамикой спроса и производства, прибыльностью внешней торговли, массовой квалифицированной рабочей силой. Режим функционирования рыночного механизма природоэксплуатирующих отраслей формируется совершенной рыночной конкуренцией, эффектом убывающей отдачи, неэластичным спросом, зависимостью от колебаний конъюнктуры, низкоприбыльной внешней торговлей, занятостью неквалифицированной рабочей силы.

Макроэкономическая динамика обрабатывающей индустрии формируется периодическими взлетами производительности труда, негибкими зарплатами, созданием инновационных продуктов, кластерными эффектами, сопряженным увеличением доходов, прибылей и налогов в результате научно-технического прогресса. Макроэкономическая динамика сырьевых отраслей формируется слабым ростом производительности труда, реверсивными зарплатами, освоением зрелых технологий и инновационных процессов, малочисленностью эффективных кластеров.

Обрабатывающая промышленность создает предпосылки социальной солидарности, урбанизации, роста населения и среднего класса, расширения рынков и масштабов производства, пополнения денежно-кредитных и финансовых резервов, кооперации городов и сельских территорий, развития системы разделения труда, концентрации инноваций в определенных видах деятельности и регионах. Сырьевые отрасли и сельское хозяйство создают предпосылки роста бедности, социального расслоения и противоречий групповых интересов населения, прироста населения в условиях отсутствия новых земель, деиндустриализации, слабого разделения труда, ограниченных возможностей создания всеобщего блага [141, с. 181, 292-293].

неравенства. Институциональные основы социальной структуры альтернативной парадигмы экономической мысли - всеобщее богатство¹.

Концепция Другого канона включает модель "сговора", в которой плоды технологического прогресса - различные виды ренты (монопольной, промышленной, торговой, природно-сырьевой, инновационной) - распределяются между: предпринимателями и инвесторами (прибыль и процент на капитал); работниками обрабатывающей индустрии (заработная плата); остальными субъектами местных рынков труда (трудовые доходы); государством (налогооблагаемая база)².

Э. Райнерт писал, что доминирование государства в экономическом развитии должно быть тем интенсивнее, чем беднее страна, перечислял важнейшие функции государства³, доказывал актуальность научных изысканий экономистов прошлого, противопоставляя идеи Ф. Листа принципам стандартной экономической науки (Вашингтонского консенсуса) [141, с. 301-302; 142, с. 167].

Завершая историографический обзор и научно-критический анализ, следует констатировать обсуждение в научном сообществе проблем обновления парадигмы современной экономической мысли в направлении исследования и понимания территориально-хронологического развития социально-экономических систем.

Существуют аргументы в пользу объективной возможности разработки на основе методологии хронотопа современной парадигмы экономической науки в ка-

¹ Социальные предпочтения Э. Райнерта: "хочется, чтобы в мире был достигнут максимальный уровень реальной заработной платы, а не максимальный уровень прибыли" [141, с. 35].

² Экономическое развитие основывается на тройном, коллективном соискании - капиталистами, рабочими и государством - ренты (монопольной ренты от производства дорогих, высокотехнологичных товаров и услуг, прибыли, превышающей нормальный уровень дохода), создаваемой растущей отдачей, инновациями, углублением разделения и увеличением производительности труда. Богатство стран Европы росло за счет тройной ренты - тройной рыночной власти - в промышленности, монополии стратегических видов сырья, международной торговле. Индустриализация укрепляла способность промышленных предприятий и рабочих удерживать высокие цены и зарплаты. Это противоречит стандартам экономической науки, поскольку совершенная конкуренция типична для стран третьего мира [141, с. 108-109, 160-164].

³ Создание институтов (правовой базы) социально-экономического развития; распределение доходов, страхование и предотвращение ущерба; поддержка экономического роста и приоритетных отраслей; создание инфраструктуры для расширения рынков; профессиональная подготовка квалифицированных кадров; формирование спроса; финансирование и поощрение развития науки, образования, высоких технологий; реализация стратегии высоких цен и высоких зарплат; выполнение функций предпринимателя и капиталиста [141, с. 177-183].

честве альтернативы мейнстриму стандартной экономической мысли. Современная парадигма экономической науки обладает всеми свойствами парадигмы.

Во-первых, она формулирует концептуальные теоретико-методологические предпосылки и положения, показывает эвристический потенциал и продуктивность исследования целого направления экономической науки, объясняет возможность одновременного возникновения и эволюции альтернативных парадигм экономической мысли, выражающих противоположные групповые интересы субъектов хозяйственной деятельности, обосновывает необходимость взаимного обогащения и развития соперничающих парадигм посредством критического переосмысления собственных и заимствования альтернативных теоретико-методологических предпосылок, применения общего понятийно-категориального аппарата и общепризнанных методов научного исследования.

Она предполагает возможность создания концептуальных схем посредством включения междисциплинарных "пазлов" и методологической предпосылки качественного изменения определения и содержания научных понятий (категорий) в условиях пороговых изменений территориальных и хронологических параметров социально-экономических процессов; ориентирована на исследование проблем, которые находятся в центре внимания современной экономической науки: проблем формирования территориальной и хронологической динамики диверсифицированной, многоуровневой иерархической структуры разделения труда, факторов экономического роста, неравномерного экономического развития стран и регионов, эффекта масштаба, агломерационного эффекта, урбанизации, миграционных потоков населения, социальной дифференциации, государственной политики экономического развития, кумулятивного развития отраслей и экономики территориальных образований.

Она включает в предмет исследования "неэкономические" факторы и сферу ценностей экономической мысли, вовлекает в исследование широкий спектр понятий - ценностей, религиозных догматов и научных доктрин, идеологии, личных взглядов ученых и политиков, теоретических предпосылок и моделей, институтов, интересов, иерархии и взаимодействия субъектов на локальном, национальном и

глобальном уровнях, роли личности и "общего блага", взаимосвязи нравственных установок субъектов с результатами их экономической деятельности.

Она представляет собой теорию инновационного развития экономики на основе эмуляции и накопления знаний, инноваций, инвестиций и государственного участия в хозяйственной деятельности, копирования экономической структуры и институтов передовых стран.

Во-вторых, она пересматривает и оценивает научную обоснованность теорий в контексте истории экономических учений, соответствует пониманию парадигмы как целостной системы теоретических взглядов, признаваемых научным сообществом на протяжении длительного времени. Обоснованием предпосылок создания современной парадигмы экономической науки служит историографический обзор, выявляющий объективную логику возникновения теоретико-методологических источников в ходе эволюции экономической науки со времен эпохи Возрождения, в том числе, в сосуществовании двух типов ментальностей европейской экономической науки - английской и континентальной традиции.

В-третьих, она анализирует успешный опыт хозяйственного развития различных государств, показывая образцы для заимствования. Социальные реформы в развитых странах накопили исторический опыт создания солидарного общества в условиях конкурентно-рыночной экономики и модели социального "сговора".

Современная парадигма экономической науки складывается в виде гибкой и открытой концептуальной структуры, которая позволяет критически переосмысливать, включать, интегрировать и верифицировать теоретико-методологические положения альтернативных течений фундаментальной экономической науки, истории хозяйства и экономической мысли, теорий циклических колебаний конъюнктуры, пространственной экономики, изучать и объяснять территориально-хронологическую динамику социально-экономических систем.

2.2 Концепции кумулятивной и циклической территориально-хронологической экономической динамики

Критическое рассмотрение моделей формирования территориальной организации экономики показало ограниченность их познавательного потенциала, обусловленную статикой концептуальных конструкций, несоблюдением хронологической непрерывности времени, которое используется лишь в качестве средства наблюдения. Этот недостаток восполняют теории, описывающие динамику территориальных социально-экономических систем в виде процессов с определенной временной структурой. Особую группу среди них составляют теории кумулятивной, нерегулярной территориально-хронологической динамики экономики.

Объясняя модель кумулятивной динамики "порочного круга" и "добродетельного круга", Г. Мюрдаль ссылаясь на идеи Р. Нурске, отмечал подверженность эволюции бедных стран действию "порочного круга"¹, критиковал теории "стадий роста" с идеей "добродетельного круга" за зависимость от произвольного выбора исторических факторов и признаков сходства эволюционных процессов в разных странах в различное время, невозможность эмпирической проверки².

¹ Понятие "порочный круг нищеты" у Р. Нурске предполагает круговое расположение ("созвездие") сил, противодействующих одна другой, удерживающих бедную страну в бедности. Тавтологическая метафора Р. Нурске: "Страна бедна потому, что она бедна", - констатировала равновесие на низком уровне, экономический застой. Но "порочным кругом" правильно называть негативное кумулятивное движение к упадку. "Добродетельный круг" возникает при переходе экономики от равновесия застоя к кумулятивному подъему. Круговая причинность в одних случаях увековечивает застой или допускает временные изменения равновесия на низком уровне, а в других - дает толчок кумулятивному процессу упадка или подъема, "порочной" или "добродетельной" спирали, преодолевает эволюционные пороги изменений [114, с. 541-543].

² Теории последовательных стадий развития включают понятия круговой причинности и кумулятивного процесса, но термины "естественный прогресс" и "рост" маскируют оценки под описание, телеологию истории - под причинную обусловленность. Авторы приспособливают теорию и иллюстративный материал к исходным постулатам, отбирают факторы и анализируют их взаимосвязи, игнорируя исторический опыт стран, не могут объяснить события, временные или территориальные различия, которые не укладываются в их схему [114, с. 544-549].

Теоретик предложил модель взаимозависимых условий развития социальной системы во времени на территории страны: 1) производительность и доходы; 2) условия производства; 3) уровень жизни; 4) отношение к жизни и труду; 5) общественные институты; 6) политические мероприятия¹.

Экономическое неравенство было "необъяснимой" реальностью, поскольку экономическая теория создавалась не для объяснения развития и отсталости стран и территорий². Разработка методологии круговой причинно-следственной связи (циркулярной причинности) стагнации, ускорения или замедления кумулятивных процессов позволила изучать неравномерное социально-экономическое развитие.

Фундаментальное предположение научной гипотезы о том, что нерегулируемый кумулятивный процесс игры рыночных сил усиливает неравенство, Г. Мюрдаль применил, прежде всего, в исследовании регионального неравенства внутри стран, что доказывает возможность включения региональной экономики в современную парадигму экономической теории. Выбор региона опорным уровнем исследования территориально-хронологической экономической динамики преодолевал "водоразделы" между макро- и микроэкономикой, между пространственной экономикой и эволюционной (хронологической) экономической теорией.

Территориальную дифференциацию Г. Мюрдаль объяснял кумулятивным взаимодействием комплекса причин. Привилегированное положение населенных пунктов и территорий изредка обуславливается сочетанием благоприятных факторов экономико-географического положения. Решающую роль играют кумулятив-

¹ Первые три категории - экономические факторы, четвертая и пятая - внеэкономические. Шестая категория объединяет социально-экономические элементы. В социальной системе экономические условия не преобладают над другими [114, с. 551-552].

² Замена статического термина "backward countries" (отсталые страны) динамичным выражением "under-developed countries" (развивающиеся страны) означала признание права на более высокие стандарты дохода, большую долю жизненных благ и равные возможности. Но факты говорят о поляризации, дивергенции, углублении неравенства благосостояния между странами и внутри них. Горстка обеспеченных стран экономически развивается. Бедные страны прогрессируют медленнее в условиях угрозы стагнации и падения доходов. Экономическое неравенство между развитыми и развивающимися странами увеличивается. В богатых странах наметилась тенденция к равенству возможностей. В большинстве бедных стран внутреннее неравенство между отдельными лицами, классами и районами продолжает расти [300, с. 18-22].

ные процессы реализации эффектов масштаба и агломерационной концентрации социально-экономической деятельности в условиях рыночной конкуренции¹.

Шведский ученый предложил понятия, близкие концепциям пространственной экономики². Термин "spread effects" (эффекты распространения, рассредоточения, просачивания) определял центробежные импульсы экономического развития от центра к периферии. Термин "backwash effects" (эффекты обратного потока, обратной волны, вымывания, обратного течения) определял центростремительные тенденции укрепления центра за счет периферии [300, с. 39-40]. Г. Мюрдаль исследовал миграцию людей, движение капитала и торговли (рынки рабочей силы, инвестиций и товаров), где возникают эффекты обратного потока ("backwash effects"), кумулятивно усиливающие неравномерное территориальное развитие населенных пунктов, регионов и стран³.

Эвристический потенциал парадигмального подхода Г. Мюрдаля в сравнении со стандартной экономической наукой отчетливо виден в построении открытой

¹ Кумулятивный процесс ведет к подъему или к упадку, взаимосвязанному росту или снижению спроса, заработной платы и доходов, инвестиций и производства. Без политики государственного регулирования игра сил рынка увеличивает территориальное неравенство. Промышленное производство, торговля, банковское дело, страхование, транспортные перевозки и высокодоходные виды деятельности, наука, искусство, литература, образование и культура концентрируются в некоторых населенных пунктах и районах, превращая остальные в захолустье. Притяжение растущей внутренней и внешней экономики, социальные и институциональные факторы: квалифицированная рабочая сила, удобные коммуникации, дух новых предприятий, перспективы роста и свободы, - поддерживают рост центров за счет населенных пунктов и территорий, где относительная стагнация или регресс становятся закономерностью [300, с. 38-39].

² Ф. Перру писал о поляризации экономического развития средой распространения и эффектами "запуска" (продвижения) и "торможения" (сдерживания) из локальных точек. А. Хиршман выделял эффект "просачивания" и эффект "поляризации" [203, с. 97].

³ Экспансия в одном населенном пункте создает эффект обратного потока в других местах. Движение рабочей силы, капитала, продуктов и услуг не противодействует стихийной тенденции к территориальному неравенству. Экономически активные населенные пункты привлекают мигрантов из других местностей в ущерб им. Рост спроса стимулирует инвестиции, усиливающие неравенство, увеличивает доходы, сбережения и новые капиталовложения. Отсутствие экспансии уменьшает инвестиции, сбережения, доходы территориальных образований. Нерегулируемая банковская система перекачивает сбережения из бедных районов в богатые. Расширение рынков дает конкурентные преимущества отраслям центров экспансии с растущей отдачей, подавляя отрасли и кустарные промыслы отсталых регионов [300, с. 39-40].

и гибкой концепции неравномерного экономического развития, включающей "неэкономические" факторы территориально-хронологической динамики¹.

Эффекты распространения инициируются экспансией из центров экономической активности в другие населенные пункты и территории, которые могут получать выгоды от технического прогресса, производства сельскохозяйственной продукции, промышленного сырья и потребительских товаров. Но это не означает признания теории рыночного равновесия [300, с. 43-44].

Релевантность научной гипотезы Г. Мюрдаль подтвердил выявлением двух широко распространенных взаимосвязей, общих закономерностей ("two broad correlations"): во-первых, территориальная дифференциация доходов меньше в богатых странах, чем в бедных; во-вторых, в богатых странах территориальное неравенство ослабевает, в бедных странах - усиливается².

Г. Мюрдаль исследовал и международное неравенство, разрабатывал общую теорию слаборазвитости ("underdevelopment") и развития, объясняющую факты, причинно-следственные связи, специфику стран. При отсутствии вмешательства мирового сообщества и национальных государств в игру рыночных сил воздействие торговли, движения капитала и миграции на дифференциацию и дивергенцию экономического развития стран похоже на центр-периферийную поляризацию территорий и населенных пунктов внутри развивающихся стран³.

¹ Кумулятивные процессы территориального неравенства взаимосвязаны. Игнорируя неэкономические факторы: инфраструктуру, транспорт, социальную сферу, образование, здравоохранение, жилищно-коммунальные услуги, - стандартная экономическая теория избегала проблем экономического развития. Эффекты обратного потока реализуются всем спектром социальных отношений. Кумулятивные эффекты возникают в круговом причинно-следственном взаимодействии всех экономических и неэкономических факторов [300, с. 41-43].

² Экономическое развитие страны, улучшение транспорта, коммуникаций, образования, социализация идей и ценностей интенсифицируют центробежные эффекты распространения, нейтрализуют эффекты обратного потока и стимулируют кумулятивный экономический подъем. В передовых странах массовая нищета ликвидируется использованием потенциала людских ресурсов, а быстрый прогресс становится устойчивым. В бедной стране эффект распространения слаб, игра рыночных сил создает и углубляет региональные неравенства. Территориальная дифференциация усиливается по мере обеднения страны и препятствует прогрессу. В кумулятивном процессе "бедность становится своей собственной причиной" [300, с. 45-47].

³ Торговля создает неравенство и эффекты обратного потока из развивающихся стран, расширяющих занятость неквалифицированной рабочей силы и производство сырьевых товаров для экспорта на неэластичные и подверженные перепадам конъюнктуры рынки. Внешняя торговля вызывает стагнацию или регресс развивающихся стран, если их промышленность и ремесла не

Если теория Г. Мюрдаля объясняла развитие слаборазвитых экономик, то теория сравнительных конкурентных преимуществ М. Портера рассматривала кумулятивную территориально-хронологическую экономическую динамику богатых стран. Объясняя эволюцию хозяйства, М. Портер избрал свой путь - от отдельных отраслей (подотраслей) и конкурентов к единому экономическому пространству страны, "состыковал" все уровни системы разделения труда - от локальных хозяйственных единиц до мирового хозяйства, сочетая микро- и макроэкономику, территориальный и отраслевой анализ [135, с. 14].

Методология М. Портера сочетала общее и особенное¹. Кумулятивная модель национального "ромба" детерминантов системы конкурентных преимуществ² объясняла хронологию конкурентных преимуществ отрасли и страны³, выделяла стадии социально-экономических процессов⁴. В концепции кластеров территориально-отраслевого разделения труда пространственная динамика определяла хронологическую динамику экономики. Кумулятивное взаимодействие детерминан-

защищены от вытеснения импортом. Движение капитала не противодействует международному неравенству. Богатые страны быстро растут, предлагая инвесторам прибыли и безопасность. Инвестиции в развивающиеся страны уходят в экономические анклав, контролируемые из-за рубежа, в производство первичной продукции на экспорт, в транспортную инфраструктуру. Валютный контроль и внешнеэкономическая политика не препятствуют оттоку капитала из слаборазвитых стран. Международная миграция между странами незначительна [300, с. 62-66].

¹ Конкурентоспособность на рынке зависит от производительности использования ресурсов. На международную конкуренцию влияют национальные различия, местные условия, отраслевая структура экономики, культура, институты, история страны [135, с. 24-51].

² Четыре свойства (детерминанта) формируют "ромб" конкурентного преимущества страны, условия бизнеса местных фирм: 1) наличие факторов успешной конкуренции в отрасли производства; 2) спрос внутреннего рынка страны на продукцию отрасли; 3) конкурентоспособные на международном рынке родственные и поддерживающие отрасли; 4) конкурентная среда внутреннего рынка. Взаимное влияние детерминантов усиливает (ослабляет) конкурентное преимущество в сегментах, где сложился национальный "ромб". В формате рабочей гипотезы теоретическую модель дополняют действия правительства и случайные события [135, с. 92-94].

³ Концепция детерминантов конкурентоспособности - это теория инвестиций в инновации: НИОКР, обновление производства, образование и подготовку кадров, - которые усложняют источники конкурентных преимуществ, укрепляют позиции в высокотехнологичных сегментах и отраслях, обеспечивают рост эффективности экономики [135, с. 153-154, 195-198, 585].

⁴ Стадии развития конкурентоспособности экономики страны соответствуют движущим силам: факторам производства, инвестициям, нововведениям и богатству. Структура отраслей и траектория стадийного развития экономики обуславливаются конкурентным "ромбом". История формирует производственные навыки, ценности, образцы поведения, потребности. Хронология конкурентных преимуществ прерывиста, нерегулярна; отсутствует повторяемость процессов во времени и последовательность переходов от стадии к стадии [135, с. 585-606, 673, 799].

тов отраслевых "ромбов" вело к географической концентрации, неравномерному размещению конкурентоспособных отраслей в "кластерах" (пучках)¹.

Концепция развития конкурентоспособности национальной экономики и процесса рождения, эволюции и упадка кластеров [134, с. 245] воспринимается как распространение модели "продуктового цикла" Р. Вернона на эволюцию национальной экономики и кластера отраслей. Обсуждение кластеризации отраслей сближает взгляды М. Портера и Г. Мюрдаля². Территориальная динамика кластеров характеризует разделение труда в национальной экономике, переход от централизованного к урбанизированному размещению, распределенному по районам и агломерациям, со специализированными отраслями и кластерами³.

Э. Райнерт включил в концепцию дивергенции развития стран теории Г. Мюрдаля⁴ и М. Портера вместе с теориями продуктового цикла Р. Вернона, технико-экономических парадигм К. Перес и К. Фримена, экономики экстерналий А. Маршалла, очагов роста Ф. Перру, связей поставщиков и заказчиков

¹ Кластеры - территориально сконцентрированные группы взаимосвязанных компаний, специализированных фирм-поставщиков товаров и услуг, организаций (университетов, агентств, торговых объединений и т.п.), ведущих совместную деятельность в условиях конкуренции. Размеры кластеров имеют различную глубину и сложность, структуру отраслей. Концепция кластеров встраивается в расширенную динамическую теорию конкуренции, которая учитывает издержки и дифференциацию, глобальные факторы и товарные рынки, необходимость повышения эффективности и инноваций [134, с. 205-216; 135, с. 153, 197].

² В развитых странах кластеры глубже и шире. В развивающихся странах кластеры поверхностны, используют иностранные компоненты, сервис и технологии, а конкурентоспособные компании образуют острова. (Таковыми анклавами была промышленность старообрядцев в России XIX в. [212].) Наращивание экспорта за счет дешевой рабочей силы и эксплуатации природных ресурсов - ущербная политика. Создание и совершенствование кластеров, рост производительности и доходов, обновление продуктов, услуг и методов производства поддерживает рост заработных плат и заменяет высвобождаемые рабочие места [134, с. 239-243].

³ Географический разброс кластеров и специализация районов заметнее в развитых странах. В развивающихся странах экономика концентрируется вокруг столичных городов из-за отсутствия кластеров, инфраструктуры и институтов, поставщиков, государственного регулирования конкуренции; большинство отраслей вторичного и третичного секторов группируются в нескольких местах, а остальным областям достаются отрасли первичного сектора. Сконцентрированное территориальное размещение увеличивает издержки по сравнению с рассредоточением и специализацией. Скученность и негибкость снижают эффективность, уровень жизни, затрудняют передислокацию компаний из центра в другие города [134, с. 243, 244].

⁴ Кумулятивные модели порочных и добродетельных кругов Э. Райнерт применил в анализе вариантов экономической помощи США для восстановления после Второй мировой войны экономики Западной Германии: планов Моргентау и Маршалла [141, с. 272, 275].

А. Хиршмана, объясняя эволюцию стран распространением инноваций по мировому экономическому пространству [125; 141, с. 157-172, 259; 143; 267]¹.

Сочетающая территориальные и хронологические компоненты экономического развития теоретическая модель "полет диких гусей" была разработана К. Акамацу в 1930-х гг. и стала известной в научных кругах после публикации работ автора на английском языке². Метафора - модель экономического роста "полет диких гусей" (Wild-Geese-Flying Pattern of Economic Growth, FG-модель) имела забавное объяснение ее автора³.

Концепция территориально-хронологического экономического развития, предложенная К. Акамацу, достойна пристального внимания по содержанию и статусу в мировой экономической мысли. Ее поверхностное осмысление в российской науке вызвано отсутствием переводов на русский язык зарубежных публикаций. Новое направление науки, которое задал К. Акамацу, в полной мере обладает признаками парадигмы экономической мысли, отличной от стандартного мейнстрима [133, с. 33]. Модель "полета гусей" называется парадигмой в работах С. Касахары, опубликованных под эгидой ЮНКТАД, в монографии Т. Озавы⁴.

Интерпретация модели FG в качестве образца успешного хозяйственного опыта в странах Восточной Азии во второй половине XX в. и "Восточноазиатское

¹ Технический прогресс созидательно воздействует на передовые страны и разрушительно на отсталые. Инновационные продукты создают входные барьеры, высокую прибыль и распространяются по экономике иначе, чем инновационные процессы. Просачивание инновационных процессов вызывает падение цен, а не рост зарплат. Нововведения снижают добавленную стоимость в некоторых отраслях и территориальных образованиях [141, с. 179, 219, 221].

² "Теория несбалансированного роста мировой экономики" (A Theory of Unbalanced Growth in the World Economy, 1961); "Историческая модель экономического роста в развивающихся странах" (A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries, 1962) [257, 258].

³ Дикае гуси, как известно, прилетают в Японию осенью из Сибири и снова возвращаются на Север ранней весной, летая в стаях (косяках) в форме перевернутой буквы V; стаи в полете частично пересекаются (перемежаются) между собой. Взаимное расположение на рисунках пересекающихся графиков статистических показателей, характеризующих траектории развития внешней торговли и отраслей национальной экономики, визуальнo напоминает картину полета диких гусей [258, с. 205-206]. Модель полета диких гусей метафорически применяется к трем кривым временных рядов, обозначающим импорт, внутреннее производство и экспорт промышленных товаров в развивающихся странах [257, с. 11].

⁴ "Парадигма полета гусей: критическое исследование ее применения к региональному развитию Восточной Азии" [286]; "Азиатское государство развития и парадигма полета гусей" [285]; "Институты, отраслевая модернизация и экономические показатели в Японии. Парадигма „полета гусей“ догоняющего роста" [302].

чудо" оказались в центре бурной полемики с рекомендациями Вашингтонского консенсуса, о которой написал Дж. Стиглиц¹.

Противостояние в сфере экономической политики было составным элементом противоборства альтернативных хозяйственных парадигм, в том числе в экономической теории и истории экономической мысли. Оригинальная модель "полета гусей" К. Акамацу, по мнению К. Шроппеля и М. Накадзимы, принципиально отличается от неоклассических теорий западного происхождения². Возможность интеграции модели FG в современную альтернативную парадигму экономической мысли подтверждает перечень имен ученых, на которых ссылался К. Акамацу: Ф. Лист, В. Зомбарт, К. Маркс, Н.Д. Кондратьев, Й. Шумпетер, Р. Нурске, Г. Мюрдаль, А. Хиршман, Р. Харрод, Дж. Хикс [257, 258].

Методология "синтетической диалектики"³ позволила К. Акамацу "осмыслить" чередование дифференциации и унификации мировой экономики как исторический закон⁴, эволюцию разнородности и однородности экономик передовых

¹ МВФ и Всемирный банк игнорировали успехи региона, и лишь под напором Японии, оплатившей расходы, Всемирный банк провел исследование, опубликованное в докладе "Восточноазиатское чудо" [313]. Восточноазиатские страны стремительно развивались потому, что отвергли диктат Вашингтонского консенсуса [189, с. 117].

² Воззрения К. Акамацу складывались на стыке японской традиции "девелопментализма" (теории и практики модернизации и развития) и немецкой социальной науки - диалектики Г. Гегеля и исторической школы экономики. К. Акамацу не использовал математические модели, но стремился совместить подход немецкой исторической школы с теоретическим ригоризмом (формализмом) англосаксонских экономистов [309, с. 203-206].

³ "Диалектика" японского экономиста (в английских переводах) ставит проблему понимания и интерпретации терминологии. Сложно воспринимать подборку терминов (несоответствие, оппозиция, противопоставление, противоречие) и применение парных категорий: унификация (униформизация) - дифференциация, однородность - неоднородность (homogeneity - heterogeneity), сходство - несходство (similarity - dissimilarity), - выражают они смысловые оттенки или служат синонимами? [257, 258]. Вероятно, развитие понималось в традиции Г. Гегеля как процесс разрешения и воспроизведения противоречий сторон экономических отношений; стороны противоречия не только отрицают, но и взаимно обуславливают друг друга.

⁴ Стремление отсталых стран догнать передовые страны, копируя их достижения и инновации, формирует однородные структуры экономик с замещающими и конфликтными отношениями, обостряет конкуренцию и противоречия интересов. Экономике с разнородными структурами имеют дополняющие и взаимоприемлемые отношения. Смены режимов протекционизма и свободной торговли связаны с унификацией и дифференциацией структур мировой экономики, генерируются возникновением и распространением промышленных инноваций - продуктов и технологий - посредством международной торговли. Инновации в передовых странах дифференцируют мировую экономику и вызывают расширение и либерализацию международной торговли, способствуют подъему экономики слаборазвитых стран [258, с. 196-200].

и отсталых стран, охватить отраслевое, межотраслевое (национальное) и международное разделение труда, детализировать модель "полета диких гусей" промышленного развития менее развитых стран в виде трех субмоделей¹.

Первая стадия основной модели FG - импорт развивающейся страной потребительских товаров из развитых стран в обмен на экспорт продуктов ее специализации - порождала "структурное противоречие" международного разделения труда [258, с. 206]. Ссылка на Г. Мюрдаля [300, с. 64] поясняла, что импорт потребительских товаров разрушал отрасли промышленности менее развитых стран, вынуждал безработных людей переходить в экспортные отрасли [257, с. 5, 13]. Комментаторы теории К. Акамацу отмечали противоречия тенденций к однородности и разнородности, конкуренции и сотрудничеству².

На второй стадии роста возникало производство импортных товаров для внутреннего рынка при государственной поддержке отечественной отрасли, замещавшей импорт. Концентрация спроса делала производство рентабельным, привлекала национальный капитал. Модель FG с формированием емкого внутреннего рынка и политикой создания потребительского и инвестиционного спроса позволила К. Акамацу критиковать Р. Нурске за теорию "порочного круга нищеты" и отсутствия стимулов для инвестиций в слаборазвитых странах³.

¹ Первая базовая (основная) модель описывала последовательность: импорт - внутреннее производство - экспорт. Вторая модель описывала переход производства от потребительских товаров к капитальным (инвестиционным) товарам и от сырьевых и простых (грубых) продуктов к сложным (обработанным) изделиям. Третья модель была (местоположением в строю) расстановкой стран в иерархии - от развитых к отсталым - в соответствии с их стадиями роста. Идею стадийности экономического роста К. Акамацу заимствовал у Ф. Листа [258, с. 207-208].

² Модернизация промышленности разрешала противоречия между старыми и новыми отраслями в виде шумпетерианского созидательного разрушения. Сначала импорт выгоден местным потребителям, но разоряет производителей. Развитие местных фирм вытесняет импорт. Страна-эмулятор извлекает выгоду, а ведущая страна страдает. Эти опасности редко признаются в поздних версиях парадигмы FG, недооценивающих издержки реструктуризации [286, с. 5].

³ Создание рынка при импорте потребительских товаров в обмен на экспорт продуктов внешнеторговой специализации было упущено в теории Р. Нурске. Переход к внутреннему производству был началом индустриализации, которую ускоряла национальная экономическая политика. Вторая стадия была стадией взлета в модели FG. Становление индустрии потребительских товаров делало экономику развивающейся страны однородной с экономической структурой развитых стран, уменьшало импорт продуктов потребления, инициировало импорт из развитых стран инвестиционных товаров - машин и оборудования. Складывалась новая сфера дифференциации в международном отраслевом разделении труда [257, с. 13; 258, с. 206-209].

Фактор покупательского спроса К. Акамацу считал типологической характеристикой модели FG, объяснял ее при помощи теории несбалансированного роста А. Хиршмана и кейнсианской концепции мультипликатора¹.

На третьей стадии растет экспорт потребительских товаров из развивающейся страны, создается свое производство капитальных товаров. На четвертой стадии начинается экспорт капитальных товаров. Импорт, внутреннее производство и экспорт капитальных товаров отстают на одну стадию от цикла потребительских товаров. Страна переходит от производства сырьевых и примитивных товаров к производству сложных, обработанных товаров. Повышение качества продукции содействует росту доходов слаборазвитых территорий и расширяет их рынки для экспорта из ведущих стран [257, с. 17; 258, с. 207-208].

Третья субмодель FG объясняла территориально-хронологическую динамику международного разделения труда, определяла соотношение стадийности и иерархии развития национальных экономик². Однако детализация модели FG в виде трех субмоделей была условной, а классификация неоднозначной³.

¹ Термином "обратная связь с поставщиками" А. Хиршман обозначал взаимосвязанное развитие, замену импорта потребительских товаров продуктами отечественного производства, для выпуска которых ввозились инвестиционные товары. Эту "обратную связь" и модель FG можно переформулировать как связь спроса. Концепция прямой связи с потребителями описывала вызванное предложением индустриальное развитие, модель советского типа или обратную (реверсивную) модель FG. Инвестиционный мультипликатор учитывает лишь эффект спроса на инвестиции и его корректно называть теорией мультипликатора спроса. Теорию прямой связи надо дополнить теорией мультипликатора предложения, учитывающей распространение эффекта инвестиций. Первый случай мультипликатора предложения - краткосрочная диффузия, а второй - долгосрочная диффузия через структурные изменения [258, с. 209-211].

² Страны образуют порядок (строй) полета диких гусей; развивающиеся страны последовательно выстраиваются позади ведущих стран в соответствии с их стадиями роста в модели FG. Менее продвинутые "дикие гуси" догоняют опережающих их. Лидирующие "дикие гуси" "летят" вперед, внедряют технологические инновации и стремятся сохранить дифференциацию и дистанцию от преследующих "диких гусей". Противоречие экономической однородности, обусловленное распространением инноваций, преодолевается функцией технологических нововведений - дифференциацией экономик. Конфликты замещения компенсируются дополняющими совместными ускорениями. Страны в модели FG развиваются с разной скоростью и пребывают в различных состояниях - от застоя до стремительных рывков [257, с. 17-18; 258, с. 208].

³ "Субмодели" пересекались между собой как "стаи гусей в полете". Основная (базовая) модель FG была сформулирована нестрого. Рассмотрение стадий роста - импорта, производства, экспорта - на уровне отрасли потребительских товаров плавно переходило на межотраслевой уровень, охватывая производство сырья и капитальных товаров. Порядок расположения экономик в модели FG определялся уровнями достигнутых стадий роста и местом в территориально-отраслевой иерархии международного разделения труда.

Международный аспект модели К. Акамацу способствовал широкому распространению метафоры "полета гусей" в современной экономической мысли и экономической политике, благоприятствовал "вестернизации" ("westernization") оригинальной концепции стараниями К. Кодзимы, С. Окиты и Т. Озавы¹.

К. Кодзима разработал концепцию "догоняющего продуктового цикла" ("catching-up product cycle"), которая рассматривала развитие разделения труда в хронологическом, территориальном и отраслевом аспектах. Временная динамика описывалась моделями циклического экономического развития, пространственная динамика объяснялась концепцией изменения иерархического взаимодействия территориальных образований (стран и регионов), отраслевая динамика характеризовалась внутриотраслевыми и межотраслевыми сдвигами. К. Кодзима вестернизировал концепцию К. Акамацу, включив в нее модель продуктового цикла (теории ПЦ) Р. Вернона [317], реформировал модель FG в виде трех субмоделей.

Модель I "Диверсификация и рационализация отраслей" обосновывала порядок структурных изменений в экономике страны: создание и рационализацию новых ключевых отраслей². Модель II "Ориентированные на торговлю (pro-trade-oriented, PROT) прямые иностранные инвестиции (ПИИ, foreign direct investment, FDI)" объясняла региональную передачу FG-развития (Regional transmission of FG development)³. К. Кодзима использовал предпосылки циклической территори-

¹ Западная экономическая мысль усилилась в Японии после Второй мировой войны, и К. Кодзима переформулировал концепцию К. Акамацу в контексте неоклассической теории. Модель развивающейся страны-последователя была адаптирована к новому статусу развитой японской экономики - ведущей в азиатском регионе. Усилия К. Кодзимы вызвали не "японизацию" международных дебатов, а "вестернизацию" японских идей в FG-модели [309, с. 203, 217].

² К. Кодзима интерпретировал две первые субмодели К. Акамацу как теорию циклической динамики развития отрасли и отраслевой структуры экономики страны. Диверсификацию объясняли модели внутриотраслевого цикла производства новых продуктов и межотраслевого цикла развития новой отрасли. Внутриотраслевой цикл увеличивал добавленную стоимость и темпы роста отрасли. Межотраслевой цикл диверсифицировал производство, улучшал структуру отраслей и экспорта. Взаимодействие циклов стимулировало развитие нации [288, с. 379-382].

³ PROT FDI из невыгодной отрасли в зарубежное производство передают принимающей стране капитальные товары и технологии. В ведущей стране высвобождаются ресурсы для роста производства и экспорта капитальных товаров. ПИИ увеличивают сравнительные преимущества обеих стран. Стимул индустриализации FG передается от "ведущего гуся" к "последующему гуся", расширяет торговлю и ускоряет рост производительности национальных экономик, мотивирует региональную интеграцию, создает эффект распространения (просачивания). Зарубежные филиалы поддерживают отрасли и занятость, развитие местного предпринимательства и техни-

ально-хронологической динамики FG-модели, противопоставляя теорию ориентированных на торговлю прямыми иностранными инвестициями модели ПЦ Р. Вернона¹.

В модели III "Согласованная специализация" К. Кодзима попытался научно обосновать региональную экономическую интеграцию стран Восточной Азии при активном участии правящих кругов и корпоративного бизнеса Японии².

Обсуждение проблем международного разделения труда и экономического развития предопределило применение модели FG в мировой и национальной экономической политике. В 1990-х гг. модель FG стала ортодоксией развития среди японских экономистов, интеллектуалов и бизнес-элит, идеологией оправдания экономической гегемонии Японии в Азии. Продвижению модели FG способствовал С. Окита - известный японский экономист и министр иностранных дел³.

Вестернизация концепции FG сменила протекционизм на свободу торговли. По мнению К. Кодзимы, открытая экономика растет быстрее, поэтому с середины

ческих навыков, повышают качество рабочей силы, вызывают "реформы" методов производства, подготовки кадров, управления бизнесом, законодательства [288, с. 383].

¹ Базовая модель FG роста отрасли - "догоняющий продуктовый цикл" в развивающейся экономике, которая заимствует технологию и капитал, увеличивает экономию от масштаба за счет обучения действием, повышает конкурентоспособность и догоняет продвинутый мир. Рационализируя производство, фирмы расширяют и диверсифицируют производственную структуру PROT FDI. Модель Р. Вернона иная - инновационный продуктовый цикл в США. ПИИ американских фирм преодолевают ограничения импорта и торговли, монополизацию местных рынков. Эти "направленные против торговли прямые иностранные инвестиции" ("antitrade oriented FDI") реализуют сравнительные преимущества ведущих стран. В принимающей стране сокращается экспорт и выпуск нового продукта, "вымывается" отечественная промышленность. Но в модели Р. Вернона на стадии зрелого, трудоемкого производства возможны ориентированные на торговлю прямые иностранные инвестиции и перемещение предприятий в страны с низкой зарплатой и сравнительными преимуществами зрелого продукта [288, с. 383-384].

² Внутриотраслевая торговля содействует региональной интеграции, индустриализации FG при схожей структуре отраслей и экспорта соседних стран. Согласованная специализация фирм формирует экспортно-импортные потоки офшорных инвестиций в направлении PROT FDI, в региональной интегрированной группе, обеспечивает взаимную либерализацию торговли и инвестиций, служит "инвестиционным - кумулятивным - торговым" добродетельным кругом роста в развивающихся странах в соответствии со стадиями FG-развития [288, с. 386-387, 392].

³ На конференции Совета Тихоокеанского экономического сотрудничества в Сеуле в 1985 г. С. Окита назвал разделение труда в регионе моделью развития FG. Она отличается от двух моделей (типов) международного разделения труда: вертикального разделения труда между развитой страной и страной-поставщиком ресурсов и горизонтального разделения труда в торговле между высокоразвитыми странами (ЕЭС) с общей культурой. Разнообразие стадий развития, природных ресурсов, культурного и исторического наследия азиатских стран препятствует интеграции по модели ЕЭС, но благоприятствует совместному развитию по модели FG, использованию преимущества самобытности с взаимодополняющим разделением труда [288, с. 385].

1970-х гг. страны Восточной Азии обратились к частичной либерализации импорта и привлечению иностранных инвестиций. Направляемый ПИИ рост "азиатских гусей", который возглавила Япония, привел к "торговле в треугольнике"¹.

К. Кодзима рассматривал циклическую хронологическую динамику в моделях внутриотраслевого и межотраслевого циклов, догоняющего продуктового цикла, а в периодизации структурных сдвигов в системе разделения труда упомянул спектр циклов - от среднесрочных до столетних (вековых) циклов².

Интерпретация К. Кодзимой модели FG дала повод для научной полемики. К. Шроппель и М. Накадзима исследовали сходства и различия взглядов К. Акамацу, Р. Вернона³ и К. Кодзимы, показали их отличия от мейнстрима⁴.

¹ Капитальные товары, компоненты и материалы поставлялись из Японии, обрабатывались в НИС, АСЕАН и Китае и экспортировались в третьи страны. Торговля треугольником вызвала дефицит азиатских стран в торговле с Японией и дефицит США в торговле с Восточной Азией. Интеграция побудила Азию к открытости с США и ЕС, поставщиками рынков, инвестиций и технологий. Гуси-последователи стали сублидерами, осуществляя ПИИ "нишевых" продуктов. Порядок развития стран зависел от сроков открытия их экономики [288, с. 393-394].

² Модель продуктового цикла (жизненного цикла отрасли) была среднесрочным объяснением происхождения, роста, апогея и сжатия индустриальных секторов, включенных в международное разделение труда. Хронологические рамки воспроизведения модели ведущих стран догоняющими странами очерчивал интервал 15-25 лет, соизмеримый с половиной большого цикла Кондратьева (К-цикла). Смена гегемона мировой экономики (лидирующего гуся) от Pax Britannica (периода доминирования Великобритании) до Pax Americana (периода доминирования США) заняла 50 лет, или половину векового цикла накопления капитала [288, с. 384, 394].

³ Модель ПЦ Р. Вернона сочетала территориальное размещение и хронологическую динамику производства. В версии модели 1966 г. выделены три фазы инновационного жизненного цикла товара: разработка, зрелость и стандартизация продукции, - различные по организации и факторам территориальной локализации производства [317, с. 199]. В модели 1971 г. цикл состоял из стадий введения, быстрого роста, замедления и заката, соответствующих внедрению, расширению, зрелости и старению, отличающихся характером спроса и технологии производства [66, с. 123]. В городских агломерациях наблюдаются все фазы ПЦ. На стадии стандартного продукта бизнес ориентируется на дешевую рабочую силу, снижается роль агломерационных преимуществ, производство территориально рассредоточивается в периферийные мало урбанизированные районы, в развивающиеся страны [162, с. 48].

⁴ Модель FG фокусируется на инновациях в передовых странах и последовательности эволюции отраслей в развивающихся странах, рассматривает локализацию производства жизненного цикла продукта при неизменном технологическом уровне; поэтому развивающиеся страны производят стандартные продукты. К. Акамацу принимал точку зрения развивающихся стран. Р. Вернон считал, что конкурентные преимущества развивающихся стран в производстве стандартной продукции противоречат теореме Хекшера - Олина. Динамика теории догоняющего продуктового цикла отличалась от статичной неоклассики. К. Кодзима инкорпорировал модель FG в макроэкономическую теорию Хекшера - Олина, а Р. Вернон избрал микроэкономический подход. Концепции К. Кодзимы и Р. Вернона стояли на точке зрения развитой экономики, фокусировались на макроэкономике и пренебрегали микроэкономикой отраслей [309, с. 213-222].

Вестернизацию концепции К. Акамацу продолжил Т. Озава, он попытался найти в ней положения, сходные с мейнстримом, доказать корректность включения модели FG в корпус знаний стандартной экономической науки¹. Отдельную статью Т. Озава посвятил обзору взглядов своего учителя К. Кодзимы, выделив развитие теории циклической динамики в модели FG².

Концепцию FG Т. Озава можно интерпретировать как "японизацию" западной экономической науки [302, 305], ибо она отразила изменения отраслевой структуры и статуса японской экономики в мировой и региональной иерархии разделения труда. Эволюционная модель последовательного догоняющего развития по стадиям отраслевой модернизации в стиле отношений "учитель - ученик" между нациями показала высокий эвристический потенциал теории К. Акамацу³. Модель FG объясняла взаимосвязь регионализма и глобализации, углубление интеграции восточноазиатских экономик в быстрорастущий региональный кластер. Т. Озава на основе миросистемного анализа Дж. Арриги, концепции экономического кластера М. Портера и парадигмы догоняющего роста FG разработал теоретическую модель

¹ Т. Озава издал статью "Классическое происхождение теории „полета гусей“ К. Акамацу: заметка о пропущенной ссылке на Д. Юма". Д. Юм (1711-1776) дружески повлиял на взгляды А. Смита (1723-1790) в области нравственной философии, экономики и теории прибыльной торговли, выдвинул идеи, развитые его последователями. Теорию трудовой стоимости использовал Д. Рикардо в доктрине сравнительных преимуществ, а также К. Маркс; количественной теорией денег воспользовались Ф. Хайек и М. Фридман [306, с. 6-7].

² К стадиям модели К. Акамацу $M \rightarrow P \rightarrow X$ (импорт - производство - экспорт) К. Кодзима добавил стадии: out FDI - индуцированных внешних ПИИ (перевода производства за границу) и M' - импорта в страну происхождения. Модель полного круга $M \rightarrow P \rightarrow X \rightarrow \text{out FDI} \rightarrow M'$ описывала этапы догоняющего и распространяющегося развития отрасли: от трудоемкой стадии до стадий эффекта масштаба и знаний. Экономика шла по лестнице развития производства от низкой к высокой добавленной стоимости. Новая модель либерализации рынка и открытой экономики контрастировала с прежней полузамкнутой моделью экономики, защищавшей "детство" национальных предприятий, закрытой внутри страны (ограничениями на импорт и внутренние ПИИ) и открытой внешне (поощрением экспорта и внешних ПИИ) [304, с. 26-28].

³ Японское экономическое чудо обеспечил механизм обучения и эмуляции под гегемонией Pax Britannica на ранней стадии и Pax Americana в дальнейшем. Обе гегемонии создавали "конкатенацию" (сцепление) лидеров и последователей, ускоряли отраслевую модернизацию. Япония быстро прошла догоняющую индустриализацию, учась у Запада. НИС (новые индустриальные страны - Гонконг, Корея, Сингапур, Тайвань) сделали это быстрее Японии. Китай модернизируется быстрее, чем АСЕАН-4 (Индонезия, Малайзия, Таиланд, Филиппины) [305, с. 2-3].

"совместного роста" (tandem growth) - "возглавляемого гегемоном роста кластера" (hegemon-led growth clustering)¹.

Концептуальная схема возглавляемого гегемоном роста кластера конкретизировалась моделью отраслевой модернизации FG, переработанной в стиле "ведущего сектора роста" ("а-ля Шумпетер"), основанной на японском опыте структурных преобразований. Последовательность модернизации определялась схемой глобального капитализма, движимого англо-американскими гегемониями². Модель отраслевой модернизации Т. Озава соотносил с эволюцией теории продуктового цикла Р. Вернона в эпоху гегемонии США в кластере экономического роста³.

¹ Глобальные экономические системы Pax Britannica и Pax Americana названы "возглавляемый гегемоном рост кластера" (инициированный гегемоном совместный рост - "hegemon-driven process of tandem growth"). Рост кластера распространял стимулы подъема экономики гегемона на когорту стран. Распространение технологий, знаний, информации, навыков, доступ к спросу внутреннего рынка гегемона, финансирование, внедрение институтов рыночного капитализма повышали производительность отраслей и доходы населения. Страны нижнего эшелона "свободно (бесплатно) катались" и процветали на стимулах, следуя идеологии гегемона в "экономике иерархического объединения". Передовые страны получали выгоду от спроса на их товары и услуги, от интеграции с энергично развивающимися странами. Сотрудничество благоприятствовало агломерации экономик, взаимному выигрышу, росту всей иерархии стран. Рост кластера географически, экспансивно, геоцентрически и темпорально (во времени) был взаимосвязан. Рынки, иерархии и институты управляли экономической системой [302, с. 3-4].

² Выделены пять уровней ведущих отраслей роста (стадий развития). 1. Трудоемкая легкая промышленность, ориентированная на экспорт. Ведущий сектор - "отрасли Хекшера - Олина", движимые природными и трудовыми ресурсами. 2. Тяжелая и химическая промышленность с однородными продуктами и переработкой природных ресурсов. Стадия названа в честь А. Смита, объяснившего эффект масштаба. 3. Массовое производство потребительских товаров длительного пользования отраслями с дифференцированной продукцией, сборочным производством стандартных товаров. 4. Гибкое автоматизированное ресурсосберегающее производство высокодифференцированных наукоемких инновационных товаров. Стадия преобладания научно-исследовательских отраслей названа в честь Й. Шумпетера. 5. Новая экономика информационных технологий и интеллектуального капитала. Стадия отраслей "абстрактных или концептуальных товаров" названа в честь "гуру масс-медиа" М. Маклюэна. Первые две стадии относятся к Pax Britannica, следующие три - к Pax Americana [302, с. 13-18; 305, с. 4, 20-21].

³ Теория ПЦ торговли и инвестиций [317] зафиксировала НИОКР корпораций. Она описывала почему: (1) новые высокодоходные товары и трудосберегающие технологии впервые внедрялись и экспортировались США; (2) экспорт США заменяло зарубежное производство со стандартной технологией; (3) США ввозили ранее вывозимые товары. Во второй модели ПЦ (Vernon, 1979) исследования и разработки разбрасываются по миру сетью ПИИ транснациональных корпораций. Полный спектр НИОКР (от фундаментальных исследований до коммерциализации, включая разработку продукции и технологических процессов, проектирование и разработку) реализовался транснациональными компаниями США. Но знания создавались и поощряли производство в принимающих странах без полного продуктового цикла. Третий тип теории ПЦ описывал продажу за рубеж фирмами США базовых технологий на ранних стадиях НИОКР

Взаимодействие международного и национального разделения труда в концепции FG было представлено двухсекторной моделью "структурного дуализма" - сравнительных конкурентных преимуществ отраслей Японии. Такой ракурс исследования использовал Т. Озава для обоснования усиления конкурентно рыночных отношений и критики дирижизма - воздействия государства на экономику¹.

FG-модель Т. Озава уловила веяния современной стандартной экономической науки, подчеркивала значение институтов и факторов, обеспечивавших договорный рост и отраслевую модернизацию экономик развивающихся стран².

Т. Озава сделал концепцию FG "пазлом", совместимым с мейнстримом экономической науки и альтернативной парадигмой экономической мысли. Признание Э. Райнертом [141, с. 171-172] и Дж. Арриги [3, с. 434-440] идей К. Акамацу и Т. Озава показало "японизацию" европейской экономической мысли и возможность интеграции концепции FG в Другой канон. Дж. Арриги [2] и Т. Озава [302, с. 147] взаимно цитировали и интерпретировали взгляды друг друга.

посредством лицензирования или иных сделок, не связанных с долевым участием (с эмиссией ценных бумаг), вместо развития и коммерциализации их дома [302, с. 16-17].

¹ Внешне ориентированный (outer-focused, OF) сектор представлен автомобилестроением и электроникой. Внутренне зависимый (inner dependent, ID) сектор включал сельское хозяйство и рыболовство, сферу услуг, телекоммуникации, транспорт, торговлю, строительство, финансы, обрабатывающие отрасли, ориентированные на внутренний рынок. Сектор OF инициировал рост положительного сальдо торгового баланса, курса иены и конкурентного давления на сектор ID. Торговые барьеры и высокие розничные цены ID-сектора сдерживали спрос на импортные товары. Правительство охраняло сектор ID - "казенный пирог" (кормушку), финансовый источник власти. Структурный разрыв секторов вызывал разницу цен внутреннего и внешнего рынков. Сектор OF попал в "порочный" круг: повышая производительность и конкурентоспособность экспорта, сталкивался с укреплением валюты и слабым поглощением импорта. Связь секторов - "японская болезнь" - усугубляла разрушение сектора OF [305, с.12-14].

² Отраслевую модернизацию реализуют стимулирующие силы (факторы): рыночный механизм, инновационные стратегии предприятий, культура и традиции, государственная политика. Дирижистская политика японской стратегии FG обеспечила: модернизацию отраслевой структуры с высокой добавленной стоимостью (производительностью); переход от импортозамещения к продвижению экспорта (import substitution - export promotion, ISEP); перемещение невыгодных отраслей за рубеж и сохранение отраслей с высокой добавленной стоимостью - "рециклинг" (рециркуляцию, возобновление) сравнительных преимуществ (comparative advantage recycling, CAR) и перераспределение ресурсов в экономике своей страны. Политика ISEP охватывала "импорт → внутреннее производство → экспорт → зарубежное производство → импорт". Взаимосвязь структурных преобразований экономики и CAR корпораций описывала модель стадий "отраслевой реструктуризации" ПИИ: 1) инвестиции в офшорное производство с низкой зарплатой; 2) инвестиции в доступ к ресурсам и улучшение экологии отечественного производства; 3) инвестиции в перемещение сборочного производства; 4) инвестиции в альянсы и стратегические сетевые виды бизнеса в производстве, маркетинге и НИОКР [305, с. 3-5].

Понятия "циклы Акамацу", "волны Акамацу" ввели А. Тауш, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, обратив внимание на ключевой аспект теории FG [312, с. 3]. Но эконометрическое исследование А. Таушем циклов Акамацу, как циклов дивергенции и конвергенции экономического развития стран, без объяснения их механизма не убедительно [311]. К. Акамацу рассматривал дифференциацию и унификацию стран в мировой экономике, используя модель больших циклов Н.Д. Кондратьева и ее толкование в теории инновационного развития Й. Шумпетера¹.

На теории экономических циклов опирались миросистемные концепции Ф. Броделя, Дж. Арриги. Осознавая хронологическую непрерывность исторического времени, Ф. Бродель дополнил членение истории по критерию пространственной иерархии структур пониманием экономической истории в хронологическом развертывании и разнообразных временных характеристиках [16, с. 7]. В модели мира-экономики рассматривались иерархически и хронологически упорядоченные временные параметры, в том числе оригинальное понятие длительной вре-

¹ Волну Кондратьева генерируют нововведения, названные Й. Шумпетером инновациями, и увеличение добычи золота. По теории Н.Д. Кондратьева, технические изобретения концентрируются внизу долгосрочного цикла, а их применение и возникновение новых отраслей происходит на подъеме. Золотые прииски открываются внизу долговременной волны; в период депрессии цены падают, а стоимость золота растет. Рост добычи золота повышает цены, расширяет мировой спрос и экспорт передовой нации. Инвестиции в инновационной отрасли развитой нации вызывают подъем делового цикла, увеличение экспорта и импорта сырья и продовольствия. Мировое производство, торговля и цены растут на подъеме долгосрочного делового цикла. Инновация дифференцирует мировую структуру сравнительных затрат, сопровождается либерализацией и увеличением прибыли международной торговли. Нисходящую волну долгосрочной конъюнктуры генерируют снижение добычи золота и передача нововведения другим странам, которая вызывает конфликт однородных отраслей, перепроизводство, снижение цен, стагнацию международной торговли и протекционизм, возникновение очередных инноваций. Международная экономика растет структурными волнами. Отраслевая инновация в фазе подъема долгосрочной волны дифференцирует, а в фазе падения унифицирует структуру мировой экономики. В слабо-развитых странах создается спрос по модели FG. Реверсивная модель FG в развитых странах создает перепроизводство, и избыточный потенциал экспортируется в кредит. Отраслевая инновация порождает противоречие в сравнительной структуре затрат и стимулирует мировую торговлю. Распространение инновации разрешает противоречие, но развитие замедляется. Экономическое развитие показывает долгосрочные и краткосрочные волны. Главный фактор деловых циклов - "циклическое противоречие" - обуславливается развитием. Экономические изменения вызываются основными противоречиями: развития, циклической динамики и отраслевой структуры. Им соответствуют прогрессивная политика развития, циклическая политика стабилизации и структурная политика координации [258, с. 200-202, 211-215].

менной протяженности¹. Дополнив хронологическую иерархию экономических циклов вековой тенденцией (вековым циклом), Ф. Бродель сформулировал проблему разработки модели экономического цикла длительной временной протяженности, показал взаимодействие вековой тенденции с циклами Кондратьева (К-циклами), предложил датировку вековых циклов².

Существовали и "прочие" циклы, которые определялись колебаниями цен или производства: цикл бразильского золота в XVIII в., двухсотлетний цикл мексиканского серебра (1696-1900 гг.). Долговременные движения населения были следствиями и причинами колебаний векового цикла [16, с. 77-78]. "Нестандартные", нерегулярные экономические циклы характеризовали развитие стран, отраслей и сфер хозяйства. Ф. Бродель объяснял действие экономических циклов сочетанием внешнего толчка и среды распространения внешнего импульса, предлагал методологию исследования пространственно-временной динамики мира-экономики, изучения структуры пространства, колеблющейся во времени³.

¹ Последовательности мелких фактов, "ряды", "факты длительной временной протяженности (*longues durées*)" рисуют линии, идущие к горизонту, и самый горизонт картин прошлого, вносят туда порядок и некое равновесие [13, с. 594]. Модели циклической динамики Китчина, Жюглара, Кузнецца, Кондратьева охватывали интервалы от нескольких лет до половины столетия, недостаточные для объяснения истории смены миров-экономик. Ф. Бродель предложил модель вековой тенденции (*trend*), тренда продолжительностью более столетия [16, с. 67].

² Кумулятивная малозаметная вековая тенденция повышает массу цен и экономической активности до определенного предела и действует в противоположном направлении. Если наложить вековую тенденцию на европейскую историю (как И. Валлерстайн наложил на нее пространственную схему мира-экономики), то можно объяснить экономические потоки [16, с. 72]. Вековая тенденция несет на своем гребне движения, не обладающие ее долговечностью и выносливостью. Исключение - "респектабельные" полувековые циклы Кондратьева, которые, добавляясь к подъему или спаду, усиливают или смягчают вековую тенденцию [16, с. 76]. Ф. Бродель так датировал господство европейских миров-экономик: век Венеции 1250(1378)-1498 гг. (248, 120 лет); век Антверпена (век Фуггеров) 1500-1569 гг. (70 лет); век Генуи 1557-1627 гг. (70 лет); век Амстердама 1628-1783(1773) гг. (145, 155 лет); век Англии 1780(1785)-1929 гг. (141, 149 лет) [16, с. 146, 155, 172, 270, 275, 384]. Если сложить век Антверпена и век Генуи, то получится вековой цикл (1500-1627 гг.) продолжительностью 128 лет, с исходной (переломной) точкой на стыке с предыдущим веком Венеции в 1498-1500 гг.

³ Среда распространения внешнего толчка определяла периодичность колебаний конъюнктуры. Под воздействием цен колебались сложившиеся сети, образовывавшие вибрирующие поверхности, структуры цен. Колеблющаяся поверхность самых больших размеров - мир-экономика - воспринимала конъюнктуру, формировала ее на определенной глубине, на определенном уровне, создавала единство цен на огромных пространствах. Вековое колебание открывало и прерывало потоки конъюнктуры на громадной площади мира-экономики [16, с. 78-79]. Существуют и иные объяснения возникновения циклических колебаний в экономике, которые изложены и

Дж. Арриги предложил модель вековых системных циклов накопления капитала¹, показал многогранность и эклектичность миросистемной модели - основы "интерпретативной схемы" системных циклов накопления. При помощи модели кругооборота индивидуального капитала К. Маркса - (Д - Т - Д') - Дж. Арриги объяснил модель² и выделил четыре системных цикла накопления капитала³.

Модель системных циклов накопления рассматривала взаимодействие двух верхних "этажей" социальной иерархии - государства и крупных капиталистов, противопоставляла логику власти и денег, логику "территориализма" и капитализма, объясняла воспроизведение экспансий и перестроек капиталистического мира-экономики воздействием объединений государственных и деловых сообществ. Концепция допускала "многослойную" циклическую динамику, которая не охватывала все социальные слои и иерархические структуры экономических систем, включала дискуссионную предпосылку о противопоставлении накопления денег и расширения контролируемой территории⁴, определяла "капитализм" и "территориализм" как противоположные способы правления или логики власти [3, с. 49, 75, 76]. Дж. Арриги переосмыслил концепцию территориальной логики капи-

проанализированы с позиции разных научно-экономических школ в работе А.М. Михайлова [127].

¹ По мнению Дж. Арриги, системные циклы накопления капитала отличаются от циклов "товарных цен": вековой тенденции Ф. Броделя и полувекового цикла Н.Д. Кондратьева (ссылка дана не на работы Н.Д. Кондратьева, а на понимание концепции К-циклов другими авторами. - К.Ф.). Однако модель Дж. Арриги заимствовала концептуальные положения Ф. Броделя: капитализм занимал верхний этаж иерархии субъектов разделения труда с целью получения прибыли, посредством стремления к монополии и смене сфер предпринимательства; завершались вековые циклы финансовыми экспансиями уходящего гегемона [3, с. 45, 46].

² Денежный капитал на стадиях материальной экспансии (Д - Т) вводит в оборот возрастающую массу товаров, рабочей силы и природных ресурсов. Увеличившаяся масса денежного капитала на фазах финансовой экспансии (Т - Д') освобождается от товарной формы, и капитал накапливается в финансовых сделках по сокращенной формуле К. Маркса (Д - Д'). Обе стадии вместе (Д - Т - Д') образуют полный системный цикл накопления капитала [3, с. 44-45].

³ Генуэзский цикл XV - начала XVII в., голландский цикл конца XVI - третьей четверти XVIII в., британский цикл второй половины XVIII - начала XX в. Американский цикл начался с конца XIX в. и продолжается на нынешней фазе финансовой экспансии [3, с. 45].

⁴ Последовательность - Венеция, Голландия, Англия и США - состоит из государств, обладавших все большими территориями, ресурсами и властью. Правящие группы великих держав руководили формированием государств и накоплением капитала. Межгосударственная конкуренция за капитал и создание политических структур, контролировавших накопление капитала в мировом масштабе, обуславливали капиталистическую экспансию [3, с. 53, 54].

тализма Д. Харви¹ [276], описал взаимосвязь между государственной организацией накопления капитала, индустриализацией, милитаризацией, экономической и территориальной экспансией государственной власти² [подробнее см.: 243].

Инкорпорирование концепций кумулятивной и циклической экономической динамики обогащает научную парадигму территориально-хронологического развития экономики и создает предпосылки ее верификации и сравнения с парадигмой стандартной экономической науки, в частности, с концепцией Доклада 2009 Всемирного банка "Новый взгляд на экономическую географию" ("Reshaping Economic Geography"). Англоязычное название имеет двойственное терминологическое значение: формирование экономического пространства (географического ландшафта) и становление нового (территориального) научного направления современного мейнстрима экономической мысли - исследований с использованием парадигмальных обновлений³.

Эволюция мейнстрима подтвердила необходимость разработки альтернативной парадигмы современной экономической мысли. Структура и содержание Доклада 2009 решали задачи сочетания вынужденного реформирования с преемственностью в развитии стандартной экономической науки. Конкурентно-рыночная идеология, не приемлющая социального равенства и признающая общественную справедливость в интересах богатых слоев населения, территорий и стран, пред-

¹ Д. Харви определял капиталистический империализм как противоречивый сплав имперской политики государства (территориальной логики власти) и накопления капитала во времени и пространстве (экономической власти) [2, с. 237-238].

² Синергия капитализма, индустриализма и милитаризма в условиях межгосударственной конкуренции сформировала положительную обратную связь обогащения и усиления народов Европы и порочную связь обнищания и ослабления большинства других народов, тенденцию территориальной поляризации созидательного разрушения с выделением зоны преимущественного процветания - Севера и преимущественно депрессивной зоны Юга [2, с. 109].

³ Экономическая мысль включила положения теорий несовершенной рыночной конкуренции, просачивания, циклической причинно-следственной связи, международной торговли, экономики города, организации промышленности, экономической географии. Новый способ мышления изменил анализ экономического роста, международной торговли, развития промышленности, эволюции развивающихся стран [2, с. 40, 125].

определила лейтмотив: экономический рост в исключительных случаях бывает сбалансированным и усилия по его выравниванию вредят прогрессу¹.

Доклад 2009 был направлен развивающимся странам для руководства к действию, поэтому включал тактические "уловки жанра", призванные убедить в стремлении помочь отсталым местностям и государствам добиться успеха в политике стимулирования экономического роста². "Трюком моделирования" было использование теоретической метафоры (модели) "кривой Кузнеца"³, выраженной словесной формулой: различия вначале усиливаются, а затем ослабевают. Она звучала рефреном применительно к различиям в уровнях экономического развития и уровнях жизни передовых и отстающих территорий, в концентрации экономической деятельности, населения, капитала, земельных ресурсов, доходов. Но метафора "кривой Кузнеца", по мнению Т. Пикетти, не имеет доказательства⁴. Вместе с тем, в теории С. Кузнеца были теоретико-методологические положения, которые оказались вне сферы серьезного научного анализа⁵.

¹ В условиях территориальной концентрации хозяйственной деятельности нет серьезных оснований для равномерного распределения экономического роста. Государственная политика должна поощрять неравномерный экономический рост и инклюзивное развитие, преобразуя экономическую географию в интересах избранных [50, с. 6, 20].

² Тактическими "уловками жанра" были вставки: одна "О чем не говорится в этом Докладе" оправдывала отказ от анализа социальных и экологических проблем локализации; другая "Настоящий Доклад не направлен против справедливости" критиковала интеграцию ЕС на основе солидарности, справедливости и равноправия граждан и регионов [50, с. 34, 39].

³ См.: С. Кузнец "Экономический рост и неравенство дохода" (1955) [293].

⁴ Теория "кривой Кузнеца" сформулирована исходя из неверных предпосылок и недостаточных эмпирических оснований. Статистический анализ С. Кузнеца перевел экономическую науку от спирали неравенства и апокалипсических прогнозов Д. Рикардо и К. Маркса к "волшебным сказкам". Тезис о сокращении неравенства использовался для удержания развивающихся стран "в орбите свободного мира". Согласно "кривой Кузнеца", в процессе экономического развития социальное неравенство изменяется по "кривой нормального распределения" - вначале возрастает, а потом сокращается. С. Кузнец честно признавал ограниченность достоверных данных, говоря, что в его статье 5% эмпирической информации и 95% рассуждений. Экономисту казался очевидным рост неравенства в XIX в. [85, с. 123; 128, с. 29-33].

⁵ Опасно доказывать слаборазвитым странам, что для экономического роста требуются свободные рынки и отказ от механизмов перераспределения доходов, ибо результаты будут противоположными: изъятие и перевод накоплений в менее рискованные инвестиции, за границу, вложения в недвижимость; неспособность правительства быть инвестором, стимулирующим экономический рост. Исследование подразумевает переход от рыночной экономической теории к социально-политической экономике. Фаза преобладания рыночных механизмов сменяется фазой усиления государственного вмешательства [85, с. 115-125]. Такое концептуальное видение позволяет интерпретировать "кривую Кузнеца" либо как двухфазовую (двухстадийную) модель,

Обновление мейнстрима экономикс сопровождалось дезавуированием или пересмотром ряда его фундаментальных положений, развитием в направлении доктрины альтернативной парадигмы экономической мысли, попыткой сохранения целостности парадигмы стандартной науки, демонстрировало релевантность рассуждений И. Лакатоса о методологии научных исследовательских программ¹.

"Отрицательная эвристика" новой экономической географии защищала "твердое ядро" стандартной экономической науки, обновляя "предпосылочные" знания (незнания) и теоретические схемы "защитного пояса". Высказывания П. Кругмана и авторов Доклада 2009 о познавательной ценности теорий А. Смита, Д. Рикардо, А. Маршалла сочетались с ассимиляцией достижений экономических наук вне рамок мейнстрима экономикс. Признание несостоятельности доктрины совершенной конкуренции А. Смита сопровождалось выдвижением иных теоретических положений шотландского экономиста, сохраняющих его воззрения в качестве одной из фундаментальных предпосылок, "твердого ядра" экономикс².

Микроэкономическое моделирование эффекта масштаба обладало парадигмальными свойствами, распространяло зону изучения от отдельных предприятий и

либо как траекторию, состоящую из двух моделей роста экономики: рыночной модели развивающихся стран и государственно-регулируемой модели развитых стран.

¹ При наличии нескольких теорий рассматривается расхождение между "фактами" и "теорией" и противоречие между интерпретирующей и объясняющей теорией. Реализуется выбор: во-первых, какую теорию признать интерпретирующей достоверные факты, а какую - лишь гипотетически объясняющей факты, во-вторых, принять или отвергнуть базисные высказывания (эмпирические данные и концептуальные предпосылки). Оценивается ряд последовательных теорий, связанных исторической непрерывностью, целостностью, образующей исследовательскую программу. Понятие непрерывности аналогично понятию нормальной науки - парадигмы Т. Куна. Логика исторического развития науки постижима на основе методологии научных исследовательских программ. Область науки рассматривается как громадная исследовательская программа, подчиненная эвристическому правилу выдвижения новых гипотез с увеличивающимся эмпирическим содержанием. Методологические правила формируют "твердое ядро" и "защитный пояс" программы, определяя отрицательную и положительную эвристику векторов исследования, концептуальный каркас и язык (понятийное поле) науки. Отрицательная эвристика создает новые вспомогательные гипотезы защитного слоя. Положительная эвристика создает систему объясняющих моделей, обеспечивает соприкосновение с реальностью посредством верификации, демонстрирует эвристический потенциал программы [89, с. 352-369].

² В теории А. Смита разыскали рассуждения об ограниченности разделения труда размерами рынка, экономии от масштабов, мобильности факторов производства [50, с. 126, 136].

работников до территориальных образований, городов, регионов, стран, сопровождалось обогащением и углублением понятийно-категориального аппарата¹.

Отрицательная эвристика новой экономической географии рассматривала территориально-хронологическую динамику: неравномерность, кумулятивность, цикличность (волнообразность), просачивание (распространение и обратный поток). Постулат о территориальной неравномерности экономического развития, диспропорциях в доходах и благосостоянии населения разных местностей объяснял дифференциацию территорий, цикличность, эффект соседства. Констатация дивергенции развития отсталых стран и конвергенции богатых стран оправдывала центр-периферийное разделение труда, экономическую поляризацию [50, с. 2-3]. Но теоретико-методологические предпосылки были несовместимы. Стадийность предполагала повторение успехов экономического развития, а кумулятивная динамика вызывала дивергенцию: добродетельный круг для избранных, порочный круг нищеты для остальных.

Концептуальный вектор Доклада 2009 развертывался от отдельных хозяйственных единиц до городских агломераций. Объяснение поведения макроэкономических субъектов - городских поселений, отраслей, государственной власти - рыночной максимизацией собственной выгоды игнорировало социальные и экономические проблемы, противоречия групповых интересов. Концепция эффекта масштаба распространила теорию хозяйственной деятельности фирмы (точечной пространственной локализации) на города, агломерации (территориально организованных макроэкономических субъектов) [50, с. 128, 137, 144-145].

Городские центры и государственная власть территориальных образований признавались субъектами рынка - предпринимателями. Стандартная экономическая наука "дрейфовала" в сторону реформирования и заимствования положений

¹ Сформирован ряд понятий: плотность - рассредоточение, расстояние - скученность, разобщенность - интеграция, специализация - кооперация. Выявлено противоречие между выгодами концентрации хозяйственной деятельности и издержками скученности в городах. Объяснено влияние отраслевой специфики и локализации фирм на экономический рост, стремления разнообразить потребление и получить выгоду от масштабов производства на специализацию, дифференциацию товаров, тяготение к монополизму, выбор местоположения [50, с. 136-137].

из альтернативных концепций¹. Целесообразен и встречный вектор - "погружение" государства в рыночную среду и теорию².

Авторы Доклада 2009 пытались доказать возможность сглаживания неравномерного экономического развития действием рыночных сил. Но проблему можно сформулировать иначе: конкурентно-рыночный механизм постоянно воспроизводит неравенство, - и предложить концепцию, объясняющую взаимодействие неравномерного экономического роста, агломерации, урбанизации, миграции факторов производства, инноваций, предложить достоверно интерпретирующую теорию вместо гипотетически объясняющей теории. Положительная эвристика предполагает создание и верификацию соприкасающихся с реальностью моделей.

По мнению Э. Райнерта, деление мировой экономики на центр и периферию - следствие географического и социально-исторического детерминизма³. Почти всю "географию" можно объяснить видами труда и производственной деятельности. Территориальные экономические условия формируют систему разделения труда и сами формируются системой разделения труда. Различия социально-экономических систем вызываются производством с возрастающей отдачей и с убывающей отдачей. Порочный круг бедности и отсталости можно разорвать, качественно изменив производственную структуру развивающейся страны⁴.

¹ В Докладе 2009 содержатся элементы теорий кумулятивной экономической динамики Г. Мюрдаля, продуктового цикла Р. Вернона, кластеров и международной конкуренции М. Портера, качественных различий видов хозяйственной деятельности Э. Райнерта [50, с. 132-161], но без ссылок на публикации названных ученых. Такое использование теоретических положений можно истолковать либо как общепризнанность значимых фрагментов альтернативной парадигмы экономической мысли, либо как научную недобросовестность.

² Подробнее о концепции государственного предпринимательства см.: [240].

³ Причисление географического положения и климата к экономическим факторам скрывает провал политики Вашингтонского консенсуса. Экономическая наука опускается до примитивной веры; исключительной причиной бедности объявляется судьба, но не деятельность людей. "Невидимая рука" рынка, как и писал Д. Рикардо, понижает "естественную зарплату" до прожиточного минимума, обрекает множество людей на выживание [141, с. 268-269].

⁴ Иерархия видов деятельности (отраслей, производств, продукции и услуг), эффекты масштаба производства, агломерации, урбанизации, распространения и обратного потока факторов производства определяются сочетанием размеров и способов создания добавленной стоимости, механизмами присвоения ренты и распределения хозяйственных ресурсов. Технический прогресс воздействует на развитые страны созидательно, на отсталые страны - разрушительно. География развития "по Шумпетеру" включает понятие "разрушительного разрушения" наряду с "созидательным разрушением". Государственная стратегия способствует урбанизации, расширению емкости рынков, улучшению занятости населения, инновациям, развитию технологий, спе-

Согласно Й. Шумпетеру, различия теоретических систем чаще вызваны противоречиями политических идеалов, убеждений и интересов их адептов, чем используемыми понятиями и инструментами научного исследования. Доклад 2009 объяснял неравномерное развитие, механизм воспроизводства и сохранения неравенства, защищал интересы "сильных мира сего" и не рассматривал альтернативные парадигмы развития. Но экономическая история свидетельствует о концепциях и практиках социально-ориентированного экономического развития, о реализации объективно обусловленной тенденции к социальному равенству и справедливости. Успехи экономического развития в режиме конвергенции подтверждают научные труды ученых и историко-хозяйственный опыт скандинавских стран и государств Восточной Азии второй половины XX в.

Взаимодействие государства и общества, по мнению Г. Мюрдаля, реализует выбор вектора национального экономического развития: солидарность и равенство или неравенство и социальное расслоение. Хронологическая экономическая динамика взаимодействует, внутри государственных границ¹ и в рамках миросистемы², с изменениями территориальных экономических структур - формированием иерархии хозяйствующих субъектов и механизмов хозяйственного регулирования, глубины и плотности единого экономического пространства.

Политика государства в богатых странах уменьшала территориальное неравенство и увеличивала его в бедных странах. Тенденции конвергенции и диверген-

циализации и кооперации предприятий, формированию целостной системы национальной экономики. Диверсификация производства, взаимодействие секторов с убывающей отдачей (природоэксплуатирующих отраслей) и секторов с возрастающей отдачей (обрабатывающей промышленности и сферы услуг), смена модели разделения труда и социально-экономического строя - ключ к устойчивому экономическому развитию [141, с. 219-221, 284].

¹ В богатых странах круговая причинно-следственная связь эффекта распространения и эгалитарной политики движет интеграцию к высокому уровню равенства возможностей. Отсутствие национальной экономической интеграции и нищета обуславливают друг друга. Низкому уровню экономического развития соответствуют низкие уровни социальной мобильности, коммуникаций и образования, препятствия распространения экспансионистского импульса. Ограничения равенства возможностей консервируют низкое качество факторов и низкую эффективность производства, затрудняют экономическое развитие бедных стран [300, с. 62-63].

² Отсутствие регулирования международной торговли и движения капитала создает эффект обратного потока в развивающемся мире под воздействием прогресса развитых стран. Компенсационный эффект распространения экспансионистского импульса в отсталых странах слабый. Рыночные силы кумулятивно усугубляют международное неравенство [300, с. 66-67].

ции в условиях рыночной конкуренции определялись наличием или отсутствием компенсирующих изменений, инициированных организованным обществом¹.

Концепция Г. Мюрдаля подтверждалась взаимосвязанными с ней теориями, интерпретировала достоверно установленные факты, продолжала традиции альтернативных научных исследовательских программ, показала эффективность социально-экономических реформ Швеции в XX в. [69, с. 245], "созданную гармонию" интересов хозяйствующих субъектов, формирование солидарного общества².

Г. Мюрдаль опроверг надуманную антитезу между эффективностью экономики и социальным равенством, исследуя кумулятивное нарастание равенства людей, укрепления солидарности и справедливости [298, с. 10-43]. "Шведский социализм" перенес реформирование из сферы производства в сферу распределения и потребления, сосредоточил государство на макроэкономическом регулировании³. Эгалитарное социально-экономическое развитие Швеции в режиме социалистического реформирования впечатляло⁴.

¹ Богатые страны приближаются к "государству всеобщего благосостояния" ("welfare state" - социально ориентированному государству). Государственная политика создает большее равенство территорий; вызывающие эффект обратного потока рыночные силы компенсируются, вызывающие эффект распространения поддерживаются. В развивающихся странах таких государственных стратегий стало меньше, а рыночным силам, создающим территориальное неравенство, предоставлена свободная игра; институты и структуры власти помогают богатым эксплуатировать бедных, поддерживают и усиливают тенденцию к неравенству [300, с. 51-52].

² Социальные реформы использовали потенциал населения, повышали качество и производительность факторов производства, создавали ресурсы для преобразования общества. Политика национальной интеграции - более высокая стадия кумулятивной социально-экономической эволюции - не позволяла отставать в развитии районам, отраслям и социальным группам. Экономический рост и экспансионистская динамика сглаживали неравенство, поддерживали устойчивый социально-экономический прогресс. Конфликты распределения разрешались увеличением производства. Полная занятость и экономический рост стали целью эгалитарного общества. Гармонизация интересов отличалась от старой гармонии естественного права, утилитаризма и теории экономического равновесия, порожденной стихией рынка. Гармонию создавало вмешательство государства и организованного общества в функционирование рыночных сил, которые, будучи предоставлены сами себе, приводят к дисгармонии [300, с. 58-60].

³ В развитых государствах всеобщего благосостояния акцент смещен на "социализацию потребления" в отличие от старой социалистической политики, предлагавшей социализацию крупной промышленности и финансов. В Швеции не было национализации промышленности и торговли, но усилился контроль, защищающий общественные интересы в развитии промышленности и торговли. Швеция была единственной развитой страной, где бизнес почти полностью оставался в частных руках, даже больше, чем в США [298, с. 42].

⁴ Сорок лет ускорения социальных реформ не остановили экономический рост Швеции и ознаменовались выдающимися достижениями. Политика полной занятости и отточенная организация рынка труда, сокращавшая потери рабочих дней из-за конфликтов, свободная торговля,

Социально ориентированную практику развития японской экономики в институциональных рамках модели FG представил Т. Озава¹. Послевоенное "Японское чудо" создал дирижизм - государственная политика догоняющего развития, целевого формирования и регулирования внутреннего рынка². Макроэкономический социально-ориентированный дирижизм модели FG соответствовал эгалитарным ценностям и институтам Японии, образцам трудовой этики, организации хозяйственной деятельности и предпринимательского поведения предприятий и финансово-корпоративных структур. Доминирование социальных ценностей японского рынка труда обеспечивал неявный общественный договор (социальный контракт) о приоритете занятости над эффективностью. Система трудовых отношений Японии оказалась своеобразным воплощением идей Г. Мюрдаля о "созданной гармонии" и Э. Райнерта о желательности максимизации реальной заработной платы, а не прибыли [141, с. 35; 298, с. 36-39]. Гармоничная, социально-ориентированная модель ведения бизнеса и использования наемного труда превратила полупериферийную Японию в полноправного представителя ядра мировой политико-хозяйственной системы³.

Японская модель "гуманистического капитализма" напоминает европейскую модель "сговора" и коллективного соискательства ренты [141, с. 108-109, 160-164],

сохранявшая энергичность менеджмента, содействовали экономическому развитию, подтвердили теорию продуктивности комплекса социальных реформ [298, с. 9, 42-43].

¹ Догоняющую стратегию FG отраслевой модернизации экономики Японии поддерживала институциональная матрица: государственно-банковское финансирование, государственное предпринимательство в социальном секторе, финансово-промышленные группы, неявный общественный договор "первенства занятости над эффективностью" [305, с. 6].

² Дирижистский капитализм FG парадигмы организовал финансово-промышленные группы "кейрецу" и их сотрудничество с правительством, создал механизмы инвестирования государственного капитала в проекты и координации совместных инвестиций, синхронизировал динамику предложения и спроса. Японский дирижизм успешно макроэкономически решал социальные проблемы, обеспечивал стабильную занятость и рост доходов трудоспособного населения посредством защиты и поддержки отраслей, ориентированных на удовлетворение внутреннего спроса на товары и услуги, за счет финансирования социального сектора [305, с. 3, 10].

³ Фундаментальный принцип японской модели экономики - антропоцентризм. Японский стиль производственных отношений - "человеческий капитализм" или "гуманистическая система предпринимательства (предприятия)" - определяют "пожизненная занятость", система оплаты и продвижения по службе в зависимости от трудового стажа, корпоративная солидарность - сохранение сравнительно небольшого разрыва между доходами руководителей и работников в рамках идеологии "мы все в одной лодке", сотрудничество и преданность [305, с. 18].

но имеет национальные корни¹. Эгалитарная система Японии превзошла в конкуренции экономику США, ориентированную на социально-экономическую дифференциацию и получение прибыли на капитал². Концепция и практика социально-ориентированного развития парадигмы FG доказали свое превосходство над концепцией и практикой парадигмы Вашингтонского консенсуса. Поэтому японцы бережно сохраняют свой институциональный ресурс³.

Т. Озава рассматривал практику социально-ориентированного экономического развития восточноазиатских стран в региональном и глобальном контексте. Концепция FG использовалась в исследованиях противоречивого взаимодействия национальных экономик в рамках международного регионального развития⁴. Эвристический потенциал модели FG показало изучение территориально-хронологической динамики мировой экономики с участием Китая в разделении труда по вер-

¹ Японская система "человеческого капитализма" основана на гуманистической экономической философии: (1) человеческие ресурсы - важнейший фактор производства и первопричина рыночной стоимости произведенных товаров; (2) люди - интеллектуальные существа, способные думать, анализировать, изобретать, внедрять инновации и обрабатывать информацию, жизненно важную для создания богатства; (3) люди - эмоциональные существа, производительность которых зависит от мотивации рабочей средой [305, с. 18-19].

² Ориентированная на человека, японская система сформировала парадигму "гибкого производства" "Тойотаизм" ("Toyotaism"), привлекающую интеллектуальные способности работников, в отличие от простого послушания рабочих при фордизме-тейлоризме. Думающие работники могут предложить пути совершенствования своих рабочих процессов. Инновационные гибкие производства распространилась по всем отраслям экономики Японии [305, с. 19].

³ Трудовые отношения Японии институционализированы как национальный актив и не могут быть легко демонтированы ради того, чтобы показать благоприятный краткосрочный "итоговый результат" путем сокращения заработной платы, чтобы угодить инвесторам на фондовом рынке. Японцы просто не могут поставить интересы трудящихся, связанные с обеспечением средств к существованию, позади денежных интересов финансистов и рантье [305, с. 19].

⁴ В статье "Трудоемкое (трудоинтенсивное) экономическое развитие Азии в стиле полета гусей: беспрецедентная возможность для бедных подняться?" концепция FG объясняла хронологически совпадающие тенденции быстрого экономического роста и уменьшения бедности в Восточной Азии. Т. Озава ссылался на авторитет Дж. Стиглица, предложившего неокейнсианскую "Новую парадигму развития" (2003) или "пост-вашингтонский консенсус". Усилия государств, эгалитарные традиции и практика догоняющего роста - необходимые, но недостаточные объяснения успеха восточноазиатских стран. Парадигма FG - главный региональный механизм обеспечения экономического роста и занятости рабочей силы. Модель FG описывает территориально-хронологическую динамику экономического роста, занятости, доходов, социальной дифференциации стран Восточной Азии, учитывает выгоды от торговли, ПИИ, от сокращения масштабов нищеты в процессе экономической интеграции [301, с. 1-10, 16, 22].

тикальной оси Север-Юг и по горизонтальной оси Юг-ЮГ¹, изменения глобального статуса КНР в мировом и региональном разделении труда².

Территориально-хронологическое развитие национальных экономик Восточной Азии на основе концепции регионализма развития исследовал С. Касахара в публикации "Азиатское государство развития и парадигма полета гусей"³.

Успешный опыт догоняющего экономического развития восточноазиатских стран стимулировал поиск возможностей использования парадигмы FG в исследованиях территориально-хронологической экономической динамики в других зонах мирового хозяйства, в частности в Европе. Это направление научной мысли ожидалось после крупнейшего расширения Европейского союза в 2004 г. за счет стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и Средиземноморья⁴.

¹ А. Ахерн, Дж. Фернальд, П. Лоунгани, Дж. Шиндлер в публикации "Летающие гуси или сидящие утки: влияние Китая на торговые успехи других азиатских стран", рассмотрев проблему разрешения противоречий экономических интересов восточноазиатских стран, сочли, что динамика восточноазиатской торговли соответствует гармоничному развитию в рамках модели FG и определяется факторами мировой хозяйственной конъюнктуры, доходов торговых партнеров, структуры международного разделения труда и торговли [256, с. 1-2, 14-15].

² Спектр суждений широк - от выхода китайской экономики на позицию "ведущего регионального гуся" в модели FG (причем не только в Восточной Азии) и до замены мировой гегемонией Китая (Рах Chinese) американской глобальной гегемонии (Рах Americana) [2]. Т. Озава выпустил статью "Очередное великое индустриальное переселение: перемещение китайских предприятий в Африку южнее Сахары, стиль полета гусей?" с анализом проблем глобальной территориально-хронологической трансконтинентальной экономической динамики в международном разделении труда по оси Юг-ЮГ, активизации партнерских отношений Китая с африканскими странами в форме экономической помощи, инвестиций в инфраструктуру и разработку ресурсов, расширения местного производства и торговли, перемещения из страны китайского трудоемкого производства с низким уровнем заработной платы. Ученый сделал выводы об ограниченности возможностей Китая в экономической экспансии в Суб-Сахаре и отдаленной перспективе наступления ожидаемого "Африканского чуда" [303, с. 4-5, 14-15].

³ Вестернизированная, неолиберальная модель FG не охватывает целостно противоречивое внешнеэкономическое взаимодействие стран. В парадигму FG надо включить концепцию государства развития и концепцию регионализма развития, исследование международного разделения труда и территориально-хронологической экономической динамики. Концепция регионализма развития встраивает национальные меры развития в региональный контекст, заполняет разрыв между концепцией государства развития и парадигмой FG [285, с. 1-3, 16-24].

⁴ К. Калотай в статье "Европейский полет гусей: новые модели ПИИ для старого континента?" применил метафору FG к моделям прямых иностранных инвестиций в Европе и Средиземноморье. Общая оценка автора оказалась пессимистичной [283, с. 28-48]. Почти столь же пессимистично описала Т. Каминска итоги интеграции стран ЦВЕ в ЕС в публикации "Пригодна ли парадигма „полета гусей“ для объяснения достижений в Европейском союзе с помощью феномена ПИИ?". Парадигма FG в виде модели полного цикла Кодзимы II применима для объяснения успешного развития Испании, вступившей в ЕС в 1986 г., но не подходит для объяснения развития Польши, вступившей в ЕС в 2004 г. Конвергенция развития в первом случае и дивергенция

Взаимосвязанные теоретико-методологические проблемы разделения труда, неравномерного развития, циклической хронологической динамики экономики территориальных образований международного и национального уровня, затронули Э. Райнерт, Р. Кеттел, М. Суурна в своих статьях¹ и предложили таксономию идеальных типов экономической интеграции².

По мнению авторов, в ЕС произошел качественный сдвиг от симметричной экономической интеграции к асимметричной интеграции в условиях катастрофических последствий деструктивной государственной экономической политики и неблагоприятной глобальной хозяйственной конъюнктуры³. Территориально-хро-

во втором обосновывались колебаниями хозяйственной конъюнктуры [284, с. 13, 22-23]. Так территориальная динамика совмещалась с хронологической динамикой экономики.

¹ "Качественный сдвиг в европейской интеграции: в направлении непрерывного давления на зарплату и "латиноамериканизации" Европы?" [307]; "Отраслевая реструктуризация и инновационная политика в Центральной и Восточной Европе с 1990 г." [287].

² Формирование разделения качественно различных видов труда обуславливает неравномерный экономический рост иерархически организованных территориальных образований, а неравномерное развитие хозяйствующих субъектов создает разные типы экономической интеграции. Существуют два типа интеграции - зоны симметричной свободной торговли между странами одного уровня экономического развития и зоны асимметричной свободной торговли стран с разными экономическими структурами и уровнями развития. Выделяют две разновидности зон симметричной свободной торговли: интеграция - "по Фридриху Листу", например, Германия в XIX в. и "старый" (до 1980-х гг.) Европейский союз; периферийная симметричная интеграция латиноамериканских стран. В зонах асимметричной свободной торговли - четыре разновидности интеграции. В зонах асимметричной "колониальной" и "неинтегративной" торговли менее развитая страна сосредоточивается на отраслях обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства с низкоквалифицированной рабочей силой. Может возникнуть ухудшающаяся последовательность: деиндустриализация, деаграризация и депопуляция (сокращение численности населения). Во втором виде зон асимметричной свободной торговли - в модели экономической интеграции FG - страны модернизируются, последовательно прокатываясь по одной технологической волне. Модель FG строится на этапах интеграции Ф. Листа, ее динамика схожа со стадиями национального развития М. Портера и теорией ПЦ Р. Вернона, но она лучше интегрирована в динамику Н.Д. Кондратьева и Й. Шумпетера. Третья разновидность зон асимметричной свободной торговли - колониализм социального обеспечения - интеграция коренных жителей малых народов в экономику многонациональных стран. Четвертый вид зон свободной торговли - объединяющая и асимметричная интеграция стран разных уровней экономического развития в государство всеобщего благосостояния - расширение ЕС за счет стран ЦВЕ [307, с. 8-12].

³ Европейская интеграция качественно ухудшилась после экономической интеграции Испании, Португалии и Греции. Деградация отраслевой структуры Восточной Европы препятствовала интеграции в режиме FG и модернизации технологий [307, с. 13, 31-32]. В инновационной политике ЦВЕ с 1990 г. было три периода: 1) "отстрел гусей" (killing the geese) - 1990-1998 гг.; 2) согласование (гармонизация) с ЕС - 1998-2004 гг.; 3) пробуждение - с 2004 г. Стратегия ЕС в отношении стран ЦВЕ была "разрушительным разрушением": быстрое реструктурирование экономики уничтожило высокоценные сектора и заменило их секторами с низкой добавленной стоимостью. Политика Вашингтонского консенсуса - ключевой фактор яростной перестройки в

нологическая динамика экономической интеграции в Европе объяснялась концепцией технико-экономических парадигм К. Перес - шумпетерианским пониманием К-циклов [125]. Интеграция стран ЦВЕ в ЕС по рецептам Вашингтонского консенсуса превратила финансовую архитектуру, ПИИ и приватизацию в средства "разрушительного разрушения" и порочных кругов Г. Мюрдаля [307, с. 2-35].

Рассматривая пространственно-временную эволюцию разных уровней разделения труда с единых теоретико-методологических позиций, Э. Райнерт, Р. Кеттел, М. Суурна отметили сходство интеграционных процессов в ЕС с объединением Западной и Восточной Германии в целостное экономическое пространство¹.

Дж. Холл и У. Людвиг на основе теории Г. Мюрдаля показали закономерное сохранение территориального неравенства в Германии; слабые эффекты центростремительного распространения не компенсировали мощных эффектов обратного потока хозяйственных ресурсов из восточных районов в западные².

Э. Райнерт обозначил проблему многовекторности экономического развития и выбора направления эволюции национальной экономики. Возможно не только поступательное, успешное, прогрессивное экономическое развитие, но и эволюция в сторону деградации (анти-развития) экономики, реверсивное изменение эконо-

1990-х гг. экономики стран ЦВЕ - провалилась, ибо отказалась поддерживать созидательную фазу "созидательного разрушения", трансформацию производственной структуры за счет инвестиций и технологических инноваций. Вашингтонский консенсус (или период отстрела гусей) оставил страны ЦВЕ с примитивной отраслевой структурой экономики [287, с. 18-21].

¹ Восточногерманское развитие обозначило проблемы расширения Европейского государства всеобщего благосостояния в новых государствах-членах. Воссоединение Германии сопровождалось потоком средств с Запада на Восток и заменой восточногерманской промышленности западногерманскими компаниями с целью захвата рынка и дешевой квалифицированной рабочей силы. При завышенном обменном курсе новые земли утратили конкурентоспособность и были деиндустриализированы. В нынешней европейской интеграции есть элементы колониализма социального обеспечения. Потоки из основной страны текут в колонию, производительная структура которой была уменьшена и заменена социальными выплатами [307, с. 28, 32].

² Западные земли имеют большую территорию и численность населения, богаче капиталом, создают мощные эффекты обратного потока трех видов. Первый вид - миграция населения из восточных земель в западные земли с более высокой заработной платой. Второй вид - бегство капитала в развитые районы. Значительная часть основного капитала Восточной Германии перешла в собственность частных лиц и корпораций Западной Германии. Третий вид эффекта обратного потока - выгодные для западных земель условия торговли. Изменения в технологиях и институтах способствуют круговой причинности и накоплению кумулятивных преимуществ западных земель, с еще более сложными эффектами обратного потока из восточных земель, усугубляющими и укрепляющими сохранение территориальных неравенств [275, с. 349-351].

мики. В зависимости от выбора политико-экономической элиты использование одних и тех же механизмов и факторов экономического развития может способствовать богатству и процветанию нации, а может и ввергать страну в бедность и застойную нищету. Государственная политика должна учитывать закономерности реверсивного экономического развития [141, с. 315-316].

Таким образом, альтернативная парадигма современной экономической мысли в концепциях Г. Мюрдаля, К. Акамацу и Э. Райнерта сформулировала теоретические положения, объясняющие успешность инновационного развития, прогрессивную территориально-хронологическую динамику национальной экономики в режиме "добродетельного круга", создающего гармонию государственного предпринимательства. Уход государства из экономики и ее социальной сферы инициирует политическую и хозяйственную деградацию в режиме "порочного круга" и реверсивной кумулятивной динамики. Современная альтернативная парадигма экономической мысли с эгалитарными ценностями формируется с участием организованного сообщества на национальном и международном уровне как историко-обусловленный, закономерный результат экономического развития.

Научно-критический обзор и верификация концепций кумулятивной и циклической территориально-хронологической экономической динамики позволяют сформулировать положения, которые имеют теоретико-методологическую ценность и которые следует включить в корпус экономической теории.

Теории кумулятивных, нерегулярных территориально-хронологических изменений экономики основаны на разработке и применении конструкций "порочного круга" и "добродетельного круга", в которых действие факторов социально-экономической эволюции и формирования сфер разделения труда взаимно усиливается и приобретает негативную или положительную динамику. Смена направления кумулятивных процессов происходит, когда пороговых значений достигают факторные параметры: производительность и доходы населения, условия производства, территориально-отраслевая организация разделения труда, соотношение сфер хозяйственной деятельности с возрастающей и убывающей отдачей, условия

спроса на внутреннем рынке, уровень жизни населения, отношение граждан к жизни и труду, общественные институты, действия государственных структур.

Кумулятивные модели - "открытые" конструкции, допускающие их содержательное наполнение научными положениями и фрагментами теорий. Кумулятивные модели опираются на модели территориальной и нерегулярной хронологической динамики и занимают промежуточное место между ними и моделями циклической территориально-хронологической экономической динамики.

Наиболее полной, содержательной и обобщающей концепцией территориально-хронологической экономической динамики представляется миросистемный анализ, в рамках которого иерархически организованному пространству в виде территориальных образований и территориально обусловленных экономических форм, институтов и процессов хозяйственной деятельности соответствует иерархия хронологически упорядоченных временных характеристик - циклов. Изложенные суждения допустимо интерпретировать как констатацию территориально-хронологической динамики всех уровней системы разделения труда.

Миросистемный подход позволяет исследовать территориально-хронологическую динамику мира-экономики, показать структуру пространства, которая колеблется во времени. Действие экономических циклов объясняется сочетанием внешнего толчка (экзогенной причины) и среды (территории) распространения внешнего импульса. Под воздействием изменений конъюнктуры колеблются сети отношений хозяйствующих субъектов, образующие вибрирующие поверхности, структуры экономических параметров. Мир-экономика представляет собой структуру, колеблющуюся поверхность самых больших размеров; он не только воспринимает конъюнктуру, но и создает ее на определенной глубине, на определенном уровне, создает ее единство на огромных территориях.

Время в миросистемных моделях представляется в виде иерархически структурированной хронологии периодов (отрезков, циклов) разной продолжительности на основе применения оригинального научного понятия длительной временной протяженности. Общепринятая иерархия экономических циклов Китчина, Жюгьяра, Кузнеца, Кондратьева дополняется вековой тенденцией (вековым циклом,

циклом мировой экономической гегемонии, столетним системным циклом накопления капитала) - моделью экономического цикла длительной временной протяженности. Констатируется также наличие оригинальных, "нестандартных", нерегулярных долгосрочных экономических циклов, характерных для развития отдельных стран, регионов и отраслей хозяйства.

Теоретико-методологические предпосылки моделей циклической территориально-хронологической экономической динамики позволяют исследовать действие многослойной иерархии экономических циклов на многослойном экономическом пространстве, причем циклическая динамика может и не охватывать все социальные слои и иерархические структуры экономических систем.

На основе проведенного исследования целесообразно предложить определение территориально-хронологической макроэкономической динамики как формирования разделения труда в виде кумулятивного развития экономики различных территориальных образований, хронологически упорядоченных (стадийных, циклических) изменений территориальных социально-экономических систем, иерархической соподчиненности регулярных и нерегулярных (оригинальных) циклических колебаний хозяйственной конъюнктуры различной временной размерности на различных экономических пространствах.

Глава 3 ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

3.1 Параметры территориально-хронологической динамики и развитие урбанизации российской экономики

Пополнение инструментария экономической теории методологией хронотопа предполагает ее конкретизацию в прикладных исследованиях, критическое переосмысление концепции при определении параметров и объяснении процессов территориально-хронологического развития экономики.

В Докладе 2009 прикладные исследования территориальной и хронологической динамики опирались на стандартную экономическую теорию. Композиция Доклада 2009 отразила сложное и многоаспектное рассмотрение научного материала, ряд классификаций научно-практических проблем по нескольким признакам, которые обозначили направления (векторы) теоретического анализа, пересекающиеся между собой. Многовекторная, многомерная конструкция напоминает раскладку "пазлов", позволяет читать Доклад 2009 "по горизонтали" и "по вертикали", изучать экономическую динамику по территориальным уровням, параметрам и процессам [50, с. 8-11, 43]. Территориально-хронологическая динамика рассматривалась в контексте факторов неравномерного экономического развития¹.

¹ 1. Физическая география способствовала накоплению богатства лишь в некоторых странах. 2. Экономическая география содействовала техническим инновациям, агломерации и концентрации хозяйственной деятельности. 3. Эффекты "перелива" (распространения) усиливали экономическую активность и увеличивали производство в странах развитого региона. 4. Перенаселенность и переход от сферы производства к сфере услуг в развитых зонах благоприятствовали повышению производственного потенциала других стран и формированию новых зон экономической концентрации. Факторы физической географии объясняли различия ресурсного обеспечения и динамики экономического роста, участие государства в экономике. Факторы вторичной географии объясняли специфику формирования экономического потенциала, моделей экономического развития и благосостояния, различия между странами и регионами. Концепция совокупной производительности факторов описывала кумулятивное взаимодействие урбанизации, агло-

Постулировались три уровня территориальной организации: локальный, национальный, международный, которым соответствовали район, страна, международный регион [50, с. 7, 35]. Неоклассическое концептуальное видение иерархии движущих сил и интересов подтверждал тезис: экономический ландшафт определяется частными мотивами и может изменяться политикой государства¹.

Концепцию Доклада 2009 конкретизировала посылка о трех территориальных измерениях (параметрах) экономического развития: плотности, расстоянии, разобщенности, - метафорах, которые характеризовали доступ к рынкам на локальном, национальном и международном уровне, определяли рыночные механизмы и меры политики, но имели неравноценные возможности измерения и соизмеримости. Территориально-хронологическую динамику экономики корректно описывали различные интерпретации понятия плотности².

Определение параметра расстояния отличалось от понятия расстояния физической географии, затрудняя его количественное измерение³. Расплывчатое пояс-

мерации, концентрации экономической активности, специализации и масштаба производства, миграции населения, транспорта, инноваций [50, с. 116-119].

¹ Задача правительства - обеспечивать функционирование рынков земли, труда и товаров, поддерживающих силы (механизмы) агломерации, миграции и специализации. Взаимосвязь территориальных уровней экономических сил и факторов производства раскладывается "по пазлам". На локальном уровне механизмом выступает агломерация, а рынком факторов производства - земля, на национальном уровне - миграция и трудовые ресурсы, на международном уровне - специализация и промежуточные товары (полуфабрикаты) [50, с. 20-23].

² Плотность - интенсивность экономической деятельности в соотношении с площадью территории - определяется разнопланово: экономическая масса, объем продукции, уровень дохода, совокупная покупательная способность, географическая концентрация производства, численность населения в расчете на единицу площади территории. Плотность (компактность) измеряется объемом добавленной стоимости, валовым внутренним продуктом (ВВП), валовым региональным продуктом (ВРП), произведенным на 1 км² территории. Увеличение экономической плотности повышает уровень развития и благосостояния территории, изменяет занятость и плотность населения, концентрацию капитала и трудовых ресурсов в городах. Размеры территории формируют иерархию хозяйственной плотности, а континуум социально-экономических плотностей образует географический портфель: разделение труда и иерархию (ранг-размер) городов и населенных пунктов. Концентрация хозяйственной деятельности создает "ухабистость" экономического пространства (экономической массы). Города образуют "ухабы" на территориальных уровнях, измеряемые показателями урбанизации и агломерации. "Ухабистость" экономической поверхности, неравномерно распределяющей население и производство, растет вместе с размером территории и усилением рыночной конкуренции [50, с. 7, 37, 49-62].

³ Расстояние до мест концентрации экономической деятельности - метафора доступности рынков - не географическое, а экономическое понятие. Территориальные диспропорции экономической массы и благосостояния связаны с расстоянием от зон экономической плотности. Расстояние между зонами экономической концентрации и отсталыми зонами - мера сложности пре-

нение понятия разобщенности едва ли совместимо с адекватным количественным измерением¹.

Первый параметр - плотность - доминирует на локальном территориальном уровне; в пределах местного района расстояния и разобщенность обычно невелики. Второй параметр - расстояние до зоны плотности - преобладает на национальном уровне, ибо разобщенность внутри страны преодолевается. Третий параметр - разобщенность - важнейшее измерение на международном уровне [50, с. 37-38]. Параметры (измерения) характеризуют территориальные преобразования, обеспечивающие успешное экономическое развитие населенных пунктов, стран и международных регионов².

Понимание параметра экономической плотности, изложенное в концепции Доклада 2009, - интенсивность хозяйственной деятельности в соотношении с площадью территории - содержательно ограничено показателями объема валового продукта и численности населения в расчете на 1 км² [208]. Кроме показателя экономической плотности, рассчитанного в виде отношения ВВП/ВРП к площади территории, который допустимо интерпретировать как показатель эффективности (результативности) использования земельных ресурсов (производственного фактора земли), территориально-хронологическую макроэкономическую динамику характеризуют параметры эффективности использования двух других производственных факторов - труда (трудовых ресурсов, занятого населения) в виде показателя производительности труда (отношения ВВП/ВРП к численности занятых) и капитала (основных фондов, капитальных благ) в виде показателей фондоотдачи (отношения ВВП/ВРП к суммарной стоимости основного капитала) и эффективности ка-

одоления пространства рабочей силой, товарами, капиталом, информацией - при перемещении различных факторов производства оказывалось несоизмеримым. На рынке товаров расстояние определялось затратами времени и денег, транспортной инфраструктурой. На рынке рабочей силы расстояние включало психологические издержки миграции [50, с. 7, 74].

¹ Неэффективное управление международными границами или совокупность ограничений внешнеэкономической деятельности [50, с. 96].

² Рост городов по мере увеличения экономической плотности, сокращение расстояний в результате миграции бизнеса и работников в зоны высокой экономической плотности, преодоление разобщенности посредством повышения проницаемости (открытия) экономических границ стран и налаживания международной торговли [50, с. xxi, 8].

питаловложений (отношения прироста ВВП/ВРП к сумме инвестиций основного капитала) в границах территориальных образований.

Определение параметров территориально-хронологической динамики создает предпосылки ее измерения при помощи статистических показателей и объяснения взаимосвязанных хронологических изменений параметров и процессов (движущих сил) экономического развития. Авторы Доклада 2009 утверждали, что рыночные механизмы, урбанизация, агломерация, миграция, торговля, специализация формируют "неровный" экономический ландшафт посредством взаимодействия экономического масштаба, мобильности рабочей силы и капитала, затрат на транспортировку и коммуникации между территориями [50, с. ххi, 12, 40]. Рубрикация по территориальным уровням и измерениям конкретизировалась¹.

В Докладе взаимодействие параметров плотности и расстояния рассматривалось в рамках доминирующей конкурентно-рыночной парадигмы, постулировалась кумулятивная однонаправленная тенденция к концентрации производства, хозяйственной деятельности и населения по мере исторического развития стран².

Содержательная хронологическая характеристика экономического развития - концентрация - заменялась понятием агломерации, в котором доминировали территориальные характеристики: предприятие, группа предприятий, город,

¹ Параметру плотности соответствовала агломерация, расстоянию - миграция, разобщенности - специализация (торговля, транспорт, интеграция). Локальному уровню соответствовала урбанизация, национальному уровню - территориальное развитие, международному урону - региональное развитие [50].

² Передовой район с высокой экономической плотностью в кумулятивном циклическом процессе расширяет местный рынок, поощряет приток фирм и населения, увеличивает доход работников, усиливает конкуренцию за рабочие места, ослабляя ее в зонах с меньшей плотностью, сближает уровни жизни территорий. Движение товаров, услуг, предприятий, людей втягивает слаборазвитые области в национальную экономику, сглаживает диспропорции и уравнивает распределение плотности, интегрирует территории с низкой экономической плотностью в рыночное пространство с высокой плотностью. Внутренняя миграция выравнивает уровни жизни долго - в процессе массового передвижения людей нескольких поколений. Экономическое развитие способствует интеграции рынков, мобильности капитала и населения, увеличивает торговлю, благоприятствует передовым районам, которые становятся источниками экономии от агломерации, центрами инноваций, роста и управления национальной экономикой. Но концентрация хозяйственной деятельности вызывает скученность и загрязнение окружающей среды, приостанавливает территориальную экономическую сосредоточенность в развитых странах. Торговля сокращается при увеличении расстояния и растет с увеличением объемов производства. Размер ВВП формирует емкость внутреннего и внешнего рынка; он важнее параметров расстояния и дезинтеграции (разобщенности) [50, с. 77-78, 86, 109-110].

группа городов (агломерация), и которым соответствовали пространственные структуры локализации: точечное, пятнистое, целостное территориальное образование. Понятие агломерации позволяло концептуально целостно объяснять теорию рыночных механизмов регулирования на разных территориальных уровнях¹.

Узловой элемент концептуальной схемы Доклада 2009 - урбанизация - исследовался в нескольких аспектах: во-первых, по прямому назначению для описания развития городов; во-вторых, для постижения закономерностей эволюции экономики городов; в-третьих, для определения верхнего территориального уровня агломерационных процессов; в-четвертых, для обозначения государственной политики развития городов. Урбанизация рассматривалась в виде кумулятивно нарастающего, самоподдерживавшегося процесса, а экономика городов изучалась более со стороны предложения факторов производства, потребительских товаров и услуг, чем со стороны покупательского спроса².

В научный дискурс вошли противоречащие неоклассической теории положения: иерархия хозяйствующих субъектов, доминирование несовершенной конкуренции и монопольных структур, взаимная обусловленность рыночной дифференциации разделения труда и неравномерного экономического роста³.

¹ Эффекты агломерации - заполнение территории предприятиями - синонимичны эффектам экономии масштаба, зависят от размеров производств и городов, от взаимодействия хозяйствующих субъектов. Внутренний эффект увеличения фирмы превращается во внешний эффект распространения агломерационных преимуществ. Эффекты локализации в месте расположения производителей аналогичных товаров и услуг и выгоды урбанизации при соседстве производителей разных товаров и услуг сопряжены с территориально-хронологической динамикой внутриотраслевого и межотраслевого разделения труда [50, с. 126-133].

² Города с многочисленными работниками и потребителями содействовали подъему промышленности и торговли, снижению транспортных издержек, формированию эффектов экономии крупного производства на одном предприятии или в одном месте. Экономические эффекты урбанизации создавались диверсификацией видов деятельности, поощряли обмен идеями и технологиями, порождали инновации. Компании использовали инфраструктуру и общественные блага, имели поставщиков и узкоспециализированных рабочих. Эффекты агломерации усиливала плотная экономическая среда, сокращавшая расстояния. Густонаселенные города распространяли эффекты масштаба, стимулировали внедрение технологий крупного производства. Агломерация расширяла емкость местного рынка, повышала производительность промышленности. Развитие городов было критерием дифференциации качества экономического роста. Виды деятельности с растущей доходностью концентрировались в городах, а виды деятельности с неизменным уровнем доходности оставались рассредоточенными [50, с. 126-37].

³ Иерархия городов и рынков формировала географический "портфель" и агломерационные эффекты роста отраслей. Рыночные центры содействовали торговле аграрной продукцией.

Выявление закономерностей территориально-хронологической экономической динамики предполагает ее качественную характеристику и определение количественных параметров на основе статистических показателей. Б.Н. Зимин исследовал параметры и показатели формирования структуры, интеграции и дезинтеграции экономического пространства, поведение хозяйствующих субъектов разных уровней территориальной иерархии, направления потоков производственных ресурсов и миграции населения в зависимости от динамики хозяйственной конъюнктуры, социально-экономических и экологических результатов освоения территориальных образований, научно-технического прогресса.

Методология хронотопа конкретизируется нахождением пороговых (предельных) значений и пороговых изменений территориально-хронологических параметров районирования (зонирования) и локализации факторов хозяйственной деятельности¹. Показатель производства ВВП (ВНП) на душу населения определяет

Города средних размеров с отраслевой специализацией обрабатывали продукты, размещали промышленные предприятия, выведенные из крупных городов, которые ориентировались на бизнес, управление, услуги, образование, инновации, создавали новые фирмы и изгоняли "зрелые" производства. Иерархия городов национальных экономик состоит из нескольких крупных центров и большого числа малых центров с разными экономическими функциями. Вершину глобальной иерархии образуют мировые инвестиционные центры биржевой торговли - Нью-Йорк, Токио, Париж, Лондон - с диверсифицированной отраслевой структурой и рабочей силы. Формируя плотный рынок высокообразованных специалистов, компании эксплуатируют массу человеческого капитала, получают выигрыш от генерации знаний, технологий, эффекта масштаба. На рынках преобладает монополистическая и несовершенная конкуренция [50, с. 128-138].

¹ Факторы размещения имеют две составляющие: потенциал - величину различий от места к месту в стоимости фактора производства и удельный вес фактора в производственных затратах: стоимость производства + стоимость доставки + стоимость использования. Взаимное изменение влияния потенциалов и весов стоимости факторов на издержки производства, транспортировки и потребления обуславливают перемещения предприятий и отраслей по экономическому пространству. Фактор инерции размещения объясняет закономерности технологической, отраслевой, структурной перестройки экономических районов, создание новых "оболочек" производственных мощностей вокруг сложившихся "ядер". Факторы инерции и миграции населения формируют двухкомпонентную модель. Компонент сопротивления препятствует созданию предприятий в новом месте. Компонент притяжения способствует сохранению и развитию предприятий на старом месте, зависит от технологической структуры капиталовложений. Действующие предприятия модернизируются и расширяются, если обеспечат рынок продукцией по средним ценам. При смене отраслевой специализации экономического района вовлекаются в производство здания, коммуникации и оборудование, сохраняются технологии, кадры и места размещения. Взаимодействие компонентов притяжения и сопротивления определяется параметром экономической плотности ВНП (валового национального продукта) в урбанизированных районах и странах, предельная величина которой составила 0,5 млн долл. ВНП на 1 км² (в ценах 1970 г.; покупательная способность доллара в 1971-2018 гг. упала примерно в 6,5 раз [279]). Компонент сопротивления

ключевые факторы концентрации производства и населения, урбанизации, формирования территориально-отраслевой структуры экономики¹, характеризует пороговые значения и изменения в размещении производства, расселении граждан и экологической политике государства². Индекс агломерации дает количественную оценку структуризации и урбанизации экономики территории³.

повышает стоимость рабочей силы, капиталовложений в инфраструктуру, организацию складского хозяйства [54, с. 18-24].

¹ В развитых странах территориально-отраслевая структура, социальная инфраструктура и сферы производственных услуг зависят от экологии и наличия высококвалифицированных трудовых ресурсов. Пороговые значения ВВП на душу населения определяют использование и мобильность рабочей силы. В развитых странах к концу 1960-х гг. при 2000 долл. среднедушевого ВВП прекращался отток населения из благоприятных для проживания районов, 3000 долл. предоставляло свободу выбора места жительства. Среднедушевой ВВП на уровне 1000 долл. поощрял миграцию поиска более высокого заработка, ниже 1500 долл. привлекал мигрантов, свыше 2000 долл. ориентировал на сложившуюся систему расселения [54, с. 24-25]. Экономическая концентрация на локальном уровне характеризовалась темпами урбанизации. Увеличение плотности населения и хозяйственной деятельности в городах замедлялось при достижении 3500 долл. дохода на душу населения. Экономическая концентрация на национальном уровне измерялась показателями развития территорий. Рост производственного потенциала и населения передовых районов завершался при 10-11 тыс. долл. среднедушевого дохода. Концентрация производства и богатства на международном уровне продолжается в передовых странах, где среднедушевой доход уже превысил 25 тыс. долл. [50, с. 8].

² Б.Н. Зимин предложил типологию стран (разных уровней территориальной иерархии) по признаку решения экологических проблем, в зависимости от потенциала народного хозяйства. 1. Крайне низкий уровень экономического развития страны - повод для природоохранных мероприятий за счет иностранных инвесторов. 2. В странах с низким уровнем развития затраты на экологию не превышают 0,5% ВВП и финансируются международными инвесторами. 3. В странах среднего уровня экономического развития на финансирование ресурсосбережения и охраны природы тратится до 1,5% ВВП. 4. При 6 тыс. долл. душевого ВВП доля финансирования экологических мероприятий превышает 1,5%. Природоохранная деятельность ограничивается выведением нежелательных производств из ареалов заселения. 5. Страны с душевым ВВП свыше 6 тыс. долл. переходят на малоотходные и безотходные технологии. Вынос загрязняющих и энергоемких отраслей в страны третьего мира облагораживает хозяйственную структуру развитых стран, но ухудшает мировую экологию. 6. Опыт "идеальной" природоохранной деятельности и ресурсосберегающей технологии есть в высокоразвитых странах или районах (Швейцарии, Калифорнии). В больших многоотраслевых экономиках невозможна полная безотходность производства. Создание чистой технологии финансируется из бюджета и обеспечивает взаимное выживание отраслей. Только самые богатые районы и страны финансируют из бюджета формирование нормальной занятости и рациональной структуры производства. Оптимальная экология возможна в странах с душевым ВВП более 10 тыс. долл. [54, с. 139-142]. Пороговый уровень - 10 тыс. долл., завершающий экономическую концентрацию и побуждающий власти заняться экологией, указали эксперты Всемирного банка [50, с. 83].

³ В индексе агломерации выделяются пороговые значения численности и плотности населения, времени на дорогу к крупному населенному пункту. Урбанизированный, агломерированный с высокой плотностью ареал площадью в 1 км² характеризуют: превышение пороговой плотности населения в 150 чел. на 1 км²; доступ к крупному населенному пункту в течение 60 мин; наличие города с численностью населения свыше 50 тыс. жителей [50, с. 54-55].

Структуризация позволяет исследовать экономическую иерархию территории и разделения труда внутри стран и международных регионов. Анализ динамики интеграции и дезинтеграции, переформатирования различных фрагментов ("пазлов") экономического пространства представил Б.Н. Зимин, определив понятия, которые объясняли формирование и организацию рыночных зон, начиная от подотрасли и до международного экономического объединения¹.

Пороговые значения показателей валового продукта, доходов, численности населения (производительности, доходности, плотности) определяют границы экономических районов, территориально-хронологическую динамику национальных экономик и международных экономических объединений². Разработка теории

¹ Территориально-экономическое поле отрасли - территория размещения предприятий отрасли. Зона сбыта - территориальная организация сбыта предприятия. Совокупность зон сбыта формирует рыночное пространство. Специализация и масштабы предприятий зависят от рыночного пространства национальной экономики. Экономическая интеграция и расширение рыночного пространства за счет других стран изменяют специализацию отраслей. Хронологическая динамика наполнения территорий воздействует на размер рыночных зон, которые определяются величиной рыночного пространства страны, показателями ВРП (ВВП/ВНП). Стандартный экономический район (СЭР) аналогичен экономическим районам крупных стран и определяется потенциалом (ВРП) и системно-структурными признаками. Параметры СЭР - 90-130 млрд долл. (в ценах 1970 г.) зависят от плотности хозяйственного наполнения территории. Понятие СЭР определяет качественные пороги и ранжирует территориальные экономические системы по показателям плотности, концентрации хозяйственной деятельности и производственных факторов. Плотность экономического пространства объясняется иерархией механизмов хозяйствования, отраслей, территориальных образований. Крупные экономические районы возникают в странах с низкой плотностью экономического пространства в "промежутках" между полюсами роста - ядрами районов. Рост среднедушевого дохода и плотности производства ВРП уменьшает размеры территории СЭР, способствует дроблению, дезинтеграции экономического пространства, возникновению полюсов (ядер) формирования и роста новых районов. Средние статистические размеры стандартного экономического района (в ценах 1970 г.) составили 35 млрд долл. ВРП при душевом доходе свыше 3 тыс. долл., 50 млрд долл. при душевом доходе от 2 до 3 тыс. долл. и 75 млрд долл. при доходе от 1,5 до 2 тыс. долл. Объем ВРП СЭР характеризует величину ядра, а не всего региона. При размерах ВРП ядра в 35 млрд долл. величина ВРП всего региона возрастает до 50 млрд долл. ВРП ядра величиной 50 млрд долл. служит районообразующей основой для зоны в 60 млрд долл. [54, с. 18, 26-29, 83-84].

² Объединение стран устойчиво в условиях "стандартной интеграции", замыкающей экономические связи участников внутри союза. Меньшая или большая величина "интеграции" создает потребность в связях с внешним миром. Определение исходных и предельных (пороговых) величин, зависящих от технико-экономического уровня хозяйства, позволяет рассчитывать рациональную или эффективную экономическую интеграцию. Превышение предельной величины, максимального потенциала интеграции ослабляет хозяйственные связи, провоцирует борьбу и вытеснение конкурентов из сообщества. Расчеты показали, что предел эффективности европейской интеграции - объединение в общем рыночном пространстве девяти СЭР (регионов), что примерно равно суммарному ВРП "шестерки" ЕЭС. Расширение первоначального ЕЭС до "девятки" (особенно присоединение Великобритании) превысило экономический потенциал радио-

структуризации и районирования иерархически организованного экономического пространства привела к выводу об объективной необходимости возрождения восточноевропейской экономической интеграции с участием нашей страны¹.

Методология хронотопа конкретизируется в двуедином исследовании хронологии территориальных процессов и пространства хронологических процессов. Б.Н. Зимин разрабатывал проблемы циклической динамики - специфических циклов размещения отраслей хозяйства, эволюции экономических районов, развития экономической интеграции. Нестандартные, оригинальные, специфические циклы социально-экономических процессов рассматривались во взаимодействии с регулярными (стандартными) циклами колебаний хозяйственной конъюнктуры разной периодичности и длительности - от краткосрочных до вековых. Развитие процессов территориального и отраслевого размещения хозяйственной деятельности изучалось во взаимодействии с социально-экономической конъюнктурой.

По мнению Б.Н. Зимина, экономическое пространство следует рассматривать не только в виде одномоментной фотографии, но и как результат непрерывного экономико-географического процесса, изучая локализацию не только по территории, но и во времени. Такой подход позволяет снять формально-логическое противоречие между альтернативными теориями размещения².

нальной интеграции на 8-13%. Пополнение состава ЕС может усиливать внутриинтеграционные противоречия, которые не обязательно вызовут дезинтеграционные процессы, но отразятся на экономической эффективности союза и его членов [54, с. 34, 85-86, 95].

¹ Формирование Общего рынка как экономико-территориальной величины завершено, и новые члены принимаются ради поставки недостающих ЕЭС ресурсов нижних этажей. У передовых стран могут возникнуть трудности из-за перенасыщения продукцией верхних этажей. ЕС будет ограничивать допуск товаров бывших членов СЭВ из Восточной Европы посредством введения различных барьеров, антидемпинговых пошлин, завышенных требований "экологичности" и качества. Негативный опыт СЭВ не отменяет закономерностей интеграционных процессов. Существует объективная необходимость возрождения восточноевропейской экономической интеграции, которую сдерживает эволюция экономики России и Запада СНГ - на Украине и в Белоруссии, где размещалось "ядро" прежней интеграции [54, с. 35, 79-80].

² Сдвиг от факторной системы к иерархической системе размещения и их взаимная трансформация никогда не завершаются. Переориентация отраслей на массовое производство в процессе развития продуктового цикла сопровождается возникновением новых, уникальных отраслей, созданием новых точек с факторной ориентацией на фоне общего движения к "иерархическому" размещению. Поэтому спор сторонников Вебера и Кристаллера-Леша беспредметен, ибо в зрелой экономической структуре оба "штандорта" существуют одновременно [54, с. 26].

Масштабность и продолжительность преобразований отраслевой структуры и территориальных экономических систем предопределили ключевую роль модели К-цикла в исследовании территориально-хронологической динамики. Б.Н. Зимин обогатил концепцию К-цикла введением компонентов: ресурсного обеспечения, конъюнктуры потребления и сбыта отраслей, взаимодействия экономик развитых и развивающихся стран, научно-технического прогресса в отраслевых структурах, освоения новых видов сырья, материалов, энергии, изменения затрат по стадиям эксплуатации сырья - от разведки и оценки запасов месторождения до потребления. Теория К-циклов объясняет закономерности эволюции отраслей добывающей промышленности¹. Такое исследование проблемы конкретнее концепций К. Акамацу, Р. Вернона, М. Портера.

¹ На фоне наложения долгосрочных и среднесрочных колебаний конъюнктуры видна "маятниковая" цикличность организации отраслей добывающей промышленности, периодичность обеспеченности ресурсами, кризисов потребления и сбыта. Добыча энергетических и минеральных ресурсов в развитых странах по мере истощения месторождений и роста стоимости добычи и переработки передвигается в развивающиеся страны. Выработка богатых периферийных месторождений повышает себестоимость добычи до уровня новых ресурсных районов развитых стран. Производство ресурсов смещается в страны возникновения отраслей. Затухающая серия циклов сдвигает центр добычи сырья в менее развитые страны. Циклические закономерности локализации добывающей промышленности описываются теорией К-циклов. Всплеск НТР открывает очередной цикл развития добывающей промышленности на более высоком технологическом уровне. Цикл добычи и производства многих первичных материалов возобновляется или зарождается в развитых странах (регионах), располагающих научно-техническими и финансовыми ресурсами для разработки инновационных производственных процессов. На траекторию цикла локализации промышленности воздействуют факторы инерции, ресурсов вторичного сырья, производства синтетических материалов. Большие циклы размещения добывающей промышленности генерируются обновлением источников энергии, меняющим использование и набор ресурсов, замедляющим рост экономики из-за расходов на компенсацию колебаний цен ресурсов. Сырьевой кризис интенсифицирует развитие горной промышленности и введение в оборот месторождений развитых стран. Обновление технологий, показатели затрат энергии и сырья на единицу ВВП определяют параметры экономического развития страны. На пространственно-временную динамику влияют взаимосвязи "потребление - цены - издержки - добыча - запасы" и цены энергоносителей. Запасы сырья зависят от затрат на геологоразведочные и подготовительные работы. Рост потребления повышает цены, стимулирует эксплуатацию нерентабельных месторождений, поисковые работы, создание новых технологий и заменителей дефицитных ресурсов. Циклические колебания наблюдаются между двумя взаимодополняющими системами размещения - факторной и иерархической. Пределы развития потенциала отраслей обычно ограничиваются К-циклом. Проблема регулярной нехватки ресурсов в развитых странах вызвана плотностью хозяйственной деятельности на единицу территории, несоответствием масштабов хозяйственной деятельности ресурсам [54, с. 13-16, 60].

Б.Н. Зимин исследовал циклическую территориально-хронологическую динамику и в масштабах экономики района, предложив понятия "районный цикл", "цикл развития района"¹. Исследование на самом верхнем уровне иерархии системы разделения труда - международной экономической интеграции - доказало универсальность теории и методологии цикличности территориально-хронологической социально-экономической динамики².

¹ Динамика ВРП экономических районов обусловлена изменчивостью рыночных зон и свойств факторов производства, цикличностью макроэкономических процессов. Смена базовых, структурообразующих отраслей специализации района вызывает подъем местной экономики на очередной стадии НТП либо превращает район в депрессивную территорию. Расчеты количественных параметров СЭР показали реальность районного цикла во временном понимании термина: цикл зарождения, развития, расцвета и угасания района и последующее повторение цикла, а иногда и распад района в низшей точке цикла, дерайонизацию занимаемой им территории, переход его целиком или частично в сферу влияния других районов (полюсов роста). Важнейший фактор развития территориально-экономической системы и самый консервативный элемент - трудовые ресурсы; прочие ресурсы могут быть доставлены из любой точки. Цикл развития района определяет трудовая ситуация; обеспеченность природными ресурсами ускоряет или замедляет динамику. В низшей точке районного цикла дешевизна рабочей силы - основной фактор роста экономики. Подъем индустрии и цены рабочей силы замедляют экономическое развитие; из региона уходят отрасли. Депрессия снижает цену рабочей силы и вовлекает ее в новые отрасли, создает предпосылки зарождения нового цикла. Из основной отрасли в новые отрасли частично переливается людской потенциал и переходит производственная инфраструктура, замедляя падение экономики. Сглаживает цикл переориентация отраслей на новую продукцию, требующую квалифицированных кадров; прежние виды массовой продукции переходят к районам-конкурентам с дешевой рабочей силой [54, с. 30, 91-92].

² Интеграция изменяет топологию (связанность, непрерывность) экономического пространства. Исторический опыт не подтверждает сходство интеграции с постоянно восходящей кривой научно-технического прогресса. Интеграция циклична как большинство экономических процессов. В Европе межгосударственная интеграция наблюдалась в средние века в союзе ганзейских городов, в XVI-XVII вв. по оси Ломбардия - Аугсбург - Фландрия с центром в "фуггерской" Германии, в XVIII-XIX вв. "фритредерская интеграция" с центром в Великобритании. В XX в. в макрорегионах мира возникли интеграционные объединения (ЕС, НАФТА и др.). Интеграция - процесс формирования многорайонной территориальной экономики. В соответствии с закономерностями развития районов существует цикличность интегрирования, смена периодов интеграции и дезинтеграции. Постепенный рост плотности рынка обгоняет скачкообразное повышение технико-экономического уровня промышленности; этот временной лаг предопределяет цикличность интеграции. Увеличение плотности рыночного пространства выделяет новые ареалы внутри территориально-экономических единиц, замыкает интеграционные центры на хозяйство в пределах национальных территорий, инициирует дезинтеграцию. Циклический ("пульсирующий") характер интеграции связан с НТР, "генеральными" изменениями в развитии производства или энергетического обеспечения. Понятие "предельной величины" интеграции основано на учете надежности внутренних связей объединенной территории. "Перебор" величины (потенциала) территориальной системы интеграции ослабляет связи и может привести к развалу интеграции и ее распаду на отдельные части [54, с. 33-34, 46, 79, 93-94].

Б.Н. Зимин совместил теорию территориальной организации экономики с моделью К-циклов. Концепция циклической регулярной и оригинальной (нерегулярной) территориально-хронологической динамики пригодна для изучения и объяснения реструктуризации отраслей, факторов производства, экономики стран и регионов. В трудах Б.Н. Зимина и Ф. Броделя раскрыто воздействие колебаний хозяйственной конъюнктуры на территориально-хронологическую экономическую динамику посредством взаимосвязанного влияния регулярных и нерегулярных циклов. Регулярные (стандартные, периодические) циклы формируют конъюнктурный фон (глубину пространства) для нерегулярных циклов. Оригинальные (нестандартные, нерегулярные) циклы служат содержательным наполнением периодических циклов. Конъюнктурные колебания формируют цикличность эволюции разделения труда и факторов экономического развития, прежде всего инноваций. Углубление методологии хронотопа возможно в концепциях мирохозяйственной и циклической иерархии макроэкономической динамики¹.

¹ Концепции мультициклических колебаний конъюнктуры и миросистемного анализа показывают взаимосвязь иерархии территориально-хронологической макроэкономической динамики с мирохозяйственной иерархией государств [105]. Конъюнктурно-образующую функцию государства в экономике объясняет понятие государственного предпринимательства, ориентированное на расширение контролируемых хозяйственных ресурсов. Макроэкономическая динамика формируется воздействием государственных структур, обуславливается статусом страны в мировой экономике и ее политикой. Осевое межгосударственное разделение труда определяет позиции периферии, полупериферии, центра мира-экономики, в котором доминирующее положение занимает держава-гегемон, обеспечивающая свои интересы на мировом рынке и на внутренних рынках конкурирующих стран. Государства влияют на мультициклические колебания экономической конъюнктуры вековых циклов, К-циклов и среднесрочных J-циклов. Важнейшие процессы в мировой экономике генерирует предпринимательская деятельность государства-гегемона в рамках вековых циклов накопления капитала. Признаки сигнального кризиса американской гегемонии проявились в 1968-1973 гг. США, ликвидировав золотовалютный стандарт доллара в 1971 г., перевели вековой цикл накопления капитала в нисходящую фазу финансовой экспансии, а функционирование мировой экономики в режим финансиализации.

Н.Д. Кондратьев писал о трех больших циклах: 1) с конца 1780-х - начала 1790-х гг. до 1844-1851 гг., 2) с 1844-1851 гг. до 1890-1896 гг., 3) повышательная волна с 1890-1896 гг. до 1914-1920 гг. и начало понижательной волны с 1914-1920 гг. [76, с. 197]. Современный К-цикл (со второй половины 1950-х гг. по настоящее время) начался с соглашения о Европейском валютном союзе в 1955 г. "Монетаристская контрреволюция" в 1979-1982 гг. [196, с. 219, 266] надломил конъюнктуру восходящей А-фазы К-цикла и перевела его в понижательную Б-фазу. На восходящей фазе векового цикла в К-цикле наблюдаются краткие депрессии и интенсивные подъемы, на нисходящей фазе векового цикла - противоположная динамика. Истечение американского цикла мировой гегемонии депрессивно увеличивает понижательную конъюнктуру и "растягивает" нисходящую фазу К-цикла.

Центральное место в иерархии регулярных циклов занимают К-циклы - открытая модель (наподобие "испанского постоянного двора", как у Ф. Броделя "модель И. Тюнена", легко наполняемая и конкретизируемая) территориально-хронологической экономической динамики. Взаимодействие К-циклов с циклами урбанизации подтверждает рабочую гипотезу взаимодействия регулярных и оригинальных социально-экономических циклов. Исследование циклической урбанизации в России как процесса территориально-хронологической макроэкономической динамики развивает, конкретизирует и верифицирует концепцию хронотопа.

Урбанизация - эволюция городской формы территориально-отраслевого разделения труда - представляет собой предмет многоаспектного исследования территориальной и хронологической макроэкономики. Статистически урбанизация, прежде всего, характеризуется показателями численности городского населения и его доли в общей численности населения страны, количества и структуры городских поселений. Начало современной урбанизации России обычно датируют концом XIX в. - периодом первой волны многоотраслевой народнохозяйственной индустриализации. Динамика урбанизации представлена на рисунке 1.

Рост численности горожан обеспечивало интенсивное градообразование и градостроительство, графически представленное на рисунке 2.

"Маятниковые" движения К-циклов закрепляли полупериферийное место российской экономики в мирохозяйственной иерархии: на восходящих фазах Россия приближалась к ядру мировой экономики, на нисходящих фазах - откатывалась к периферии. В российской экономике с 1992 г. наблюдались три среднесрочных J-цикла (с особыми типологическими свойствами): дезинвестиционный цикл (системно-структурный кризис) 1992-1998 гг.; реконструктивный цикл (восстановление и экстенсивный рост) 1999-2008 гг.; инвестиционный цикл (рецессия) с 2009 г. по настоящее время. В первом J-цикле трансформировалась структура экономики, произошли институциональные изменения: либерализация, приватизация, создание коммерческой банковской системы. "Шоковые" экономические реформы вызвали обвальный макроэкономический спад. Во втором J-цикле был образован суверенный фонд, изменилась структура внешнего заимствования, созданы условия для финансовых спекуляций. Третий J-цикл стал периодом пассивной антициклической политики правительства. Государственное предпринимательство обострило и растянуло нисходящую фазу К-цикла. В условиях неблагоприятной конъюнктуры российское правительство проводило преимущественно проциклическую политику: в 1992-1998 гг. углубляло спад экономики, в 1999-2008 гг. сдерживало рост и восстановление хозяйства, с 2009 г. ввергло экономику в рецессию, исчерпав резервы экстенсивного роста экспортно-сырьевой модели. Рыночно ориентированная государственная политика привела к деградации многих отраслей экономики России [подробнее см.: 140, 243, 244, 245].

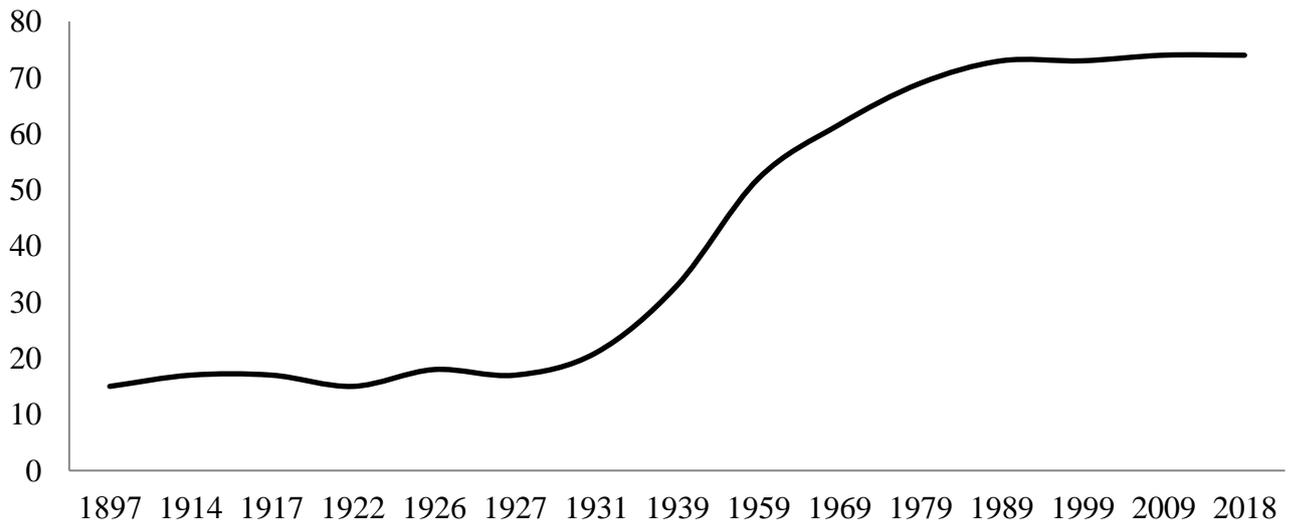

Рисунок 1 - Доля городского населения России в 1897-2018 гг., %

Примечание - Составлено автором по: [206].

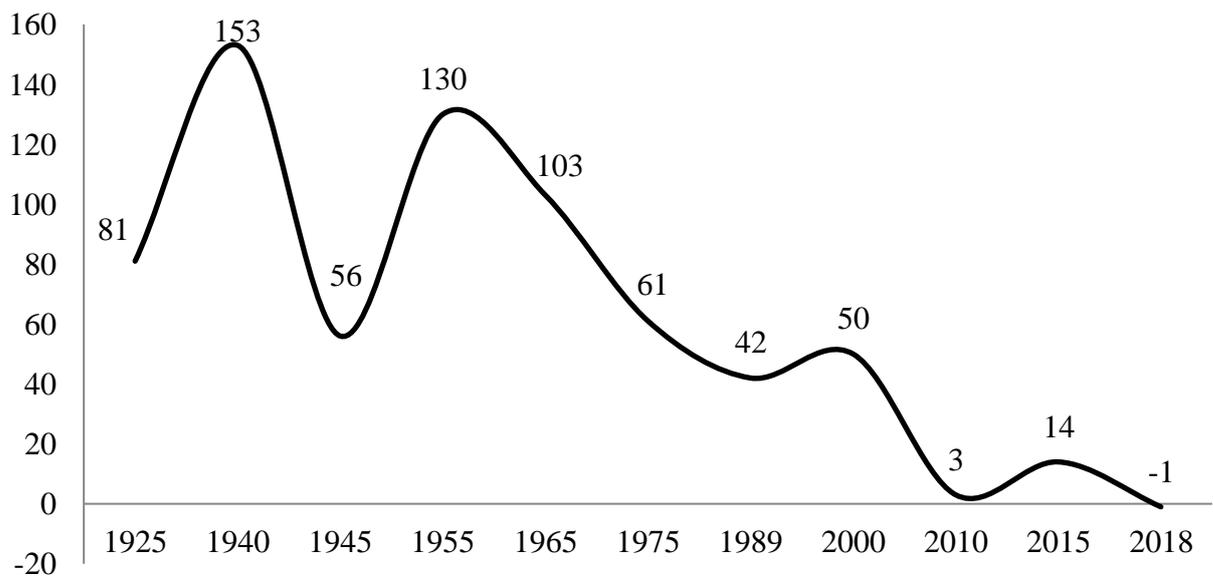

Рисунок 2 - Прирост числа городов в СССР и России в 1925-2018 гг.

Примечание - Составлено автором по: [163, с. 96; 171, с. 95; 172, с. 213; 205, с. 186].

В 1958 г. доля городского населения в РСФСР превысила 50%¹.

¹ В 1959-1969 гг. среднегодовой прирост доли городского населения составил 1,5%. Основными факторами появления и роста городских поселений были индустриальное строительство, освоение природных ресурсов, развитие гидроэнергетики. Быстро урбанизовались Центральное Черноземье, Поволжье, Тюменские округа. В 1959 г. было 2372 городских населенных пункта, 92 больших города, 26 городских агломераций. В 1969 г. было 2838 городских населен-

Структуру урбанизации России характеризуют данные таблицы 1.

Процесс урбанизации в России выглядит как хронологически нерегулярный (оригинальный, логистический, кумулятивный) цикл (циклический процесс) формирования территориально-отраслевого разделения труда с конца XIX в., сопоставимый по продолжительности и территориальному охвату с вековыми тенденциями (системными циклами накопления капитала), на который воздействовали конъюнктурные колебания циклов меньшей длительности - К-циклов. Представленные статистические данные показывают наличие двух долгосрочных тенденций в динамике численности городов и городского населения: восходящей в 1959-1989 гг. и нисходящей в 1989-2018 гг., характеризующих две соответствующие фазы К-цикла. Интенсивная урбанизация 1959-1975 гг. происходила на восходящих фазах столетнего цикла накопления капитала и К-цикла. Наложение нисходящих фаз указанных циклов прервало успешную урбанизацию с 1990-х гг.

ных пункта, 126 больших городов, 37 городских агломераций. В Центральном регионе появилось 7 больших городов, Уральском - 5, Дальневосточном - 5. В европейской части страны находилось 80% городских агломераций. В 1970-1978 гг. среднегодовой прирост доли горожан замедлился до 1,2%. Городское население быстро росло в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах, в регионах Дальнего востока и на периферии европейского Центра. Рост числа городских населенных пунктов замедлился в 2 раза и составил 231 единицу. Возникло 28 больших городов и 13 городских агломераций. В 1979-1988 гг. доля горожан стабилизировалась в 35 регионах. Среднегодовой прирост городского населения России упал ниже 1%. Прибавился 161 городской населенный пункт. После 1989 г. урбанизация резко замедлилась в большинстве регионов страны. В 1992 г. доля городского населения в России достигла максимума - 73,9%. Рост урбанизированности России в 1959-1989 гг. постепенно сглаживал межрайонные контрасты. Раньше и активнее урбанизовались Центрально-Черноземный и Волго-Вятский районы, периферия европейского Центра. К концу XX в. центральный ареал высокой урбанизированности расширился, а контраст между ним и периферией сгладился. Урбанизированность европейского Центра существенно повысилась и стала пространственно более однородной. Наметились "мосты" между Центром и Уралом через Поволжье и между Центром и Северным Кавказом через Центральное Черноземье. Урбанизовалась Сибирь, особенно Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО; но площадные характеристики остались крайне низкими из-за большой размерности регионов. Внутри европейской части страны и внутри азиатской межтерриториальные различия заметно сгладились. Однако между двумя этими макрорегионами контраст урбанизированности сохранился, и линия макрорегиональных различий между центром и периферией страны, проходящая по оси "северо-запад - юго-восток", осталась той же, что и в 1950-х гг. Такие различия обусловлены неравномерностью расселения и административно-территориальным делением страны [172, с. 215-224].

Таблица 1 - Урбанистическая структура России в 1926-2018 гг.*

Год	Число городов				Численность населения городов, тыс. чел.				Доля населения городов в городском населении, %		
	Малые	Средние	Большие	Всего	Малые	Средние	Большие	Всего	Малые	Средние	Большие
1926	404	37	20	461	4914	2567	6785	14 266	34,4	18,0	47,6
1939	464	58	52	574	8547	4092	18 373	31 012	27,6	13,2	59,2
1959	688	97	92	877	13 759	6721	31 684	52 164	26,4	12,9	60,7
1970	731	114	124	969	15 543	7908	46 547	69 998	22,2	11,3	66,5
1979	709	138	152	999	15 267	9296	58 385	82 948	18,4	11,2	70,4
1989	706	163	165	1034	15 920	11 178	67 420	94 516	16,9	11,8	71,3
2001	755	175	163	1097	16 482	11 937	65 945	94 401	17,5	12,7	69,8
2005	772	158	169	1099	16 632	10 831	68 576	96 039	17,3	11,3	71,4
2010	781	155	164	1100	16 445	10 854	70 228	97 527	16,9	11,1	72,0
2015	790	155	169	1114	16 211	10 861	73 770	100 842	16,1	10,8	73,2
2018	789	153	171	1113	15 951	10 594	75 841	102 387	15,6	10,3	74,1

* Малые города - население до 50 тыс. чел.; средние города - 50-100 тыс. чел.; большие города - свыше 100 тыс. чел.
 Более детальная классификация: крупные города - 250-500 тыс. чел.; крупнейшие города - 500 тыс. - 1 млн чел., города-миллионеры - свыше 1 млн чел.
 Примечание - Рассчитано по данным: [163, с. 96; 171, с. 95; 172, с. 189; 206].

Эволюцию урбанизации в нашей стране определяли не только циклические колебания хозяйственной конъюнктуры, но и государственное предпринимательство, которое активно формировало макроэкономическую динамику. Мощный всплеск роста городов в годы первых пятилеток был обусловлен политикой индустриализации, переломившей неблагоприятные тенденции нисходящей фазы третьего К-цикла. Продолжением завершающей стадии экстенсивной урбанизации в 1980-х гг. оказалась не ее интенсификация, а реверсивное ухудшение ее структуры в результате усиления действия конкурентно-рыночных регуляторов экономики и отказа государственного предпринимательства от реализации стратегии равномерного территориального развития народного хозяйства России¹.

¹ Дополнительный импульс деградации урбанистической структуры придал распад единого экономического пространства СССР. Выпадение Киева, Алма-Аты, Ташкента нарушило пропорции иерархии городов, "ранг-размер" ("правило Ципфа"), вызвало дисбаланс между доминированием Москвы, Санкт-Петербурга и городами второго уровня [139, с. 10].

Показатели численности и структуры городского населения характеризуют территориально-хронологическую динамику рынка труда РФ, которая сопряжена с изменениями отраслевой структуры национальной экономики и корректно описывается долгосрочными колебаниями конъюнктуры модели К-цикла. Среднесрочные территориально-хронологические тенденции урбанизации России характеризуют показатели производства, инвестиций, зарплаты в модели J-цикла.

Существующая практика расчета показателя ВРП субъектов РФ, в контексте территориальной детализации показателя ВВП, предполагает дальнейшее дезагрегирование и статистические расчеты показателей валового производства крупных городов и городских агломераций. Недавние исследования проблем разработки и применения методики исчисления показателей валового муниципального продукта (ВМП) и валового городского продукта (ВГП) опубликованы в научной литературе [78-81, 195].

Классификация (группировка) городов (территориально организованных субъектов разделения труда) по численности населения дополняется агрегированными субъектами - агломерациями или городами в составе агломераций. Методически такой подход оправдан, ибо позволяет охватить верхний уровень урбанистической иерархии, самые крупные зоны городской экономики. Но при исследовании территориально-хронологической экономической динамики агломераций возникают сложности, и статистические расчеты оказываются условными оценками экспертов, зависящими от авторских предположений. Прежде всего, нет общепризнанного перечня агломераций, поскольку в России не ведется их официальный учет. Близкие по содержанию подходы к выделению агломераций в российской экономике представлены в приложении 1. Формирование агломераций в нашей стране подтверждает взаимосвязь урбанизации со столетними циклами накопления капитала и К-циклами¹. Зарубежный опыт показывает предел оптимального, порогового размера городской агломерации - 7 млн чел. [249, с. 23].

¹ Самым активным периодом образования агломераций были 1970-е гг. С 1990-х гг. началось попятное движение - сокращение жителей в городах-центрах более 2%, в пригородных зонах - более 4% [249, с. 27].

Имеющиеся в литературе расчетные данные эмпирически подтверждают выявленную закономерную взаимную зависимость иерархии циклических колебаний хозяйственной конъюнктуры и иерархии городских территориальных образований. Как правило, динамика колебаний конъюнктуры среднесрочных экономических циклов возрастала по мере возвышения уровня (ранга) в иерархии городских территорий и уменьшалась по мере его снижения. В свою очередь, динамика экономических показателей городских территориальных образований, особенно высших уровней иерархии, подтверждала типологическую классификацию трех последних J-циклов: дезинвестиционный цикл (1992-1998 гг.), восстановительный цикл (1999-2008 гг.) и циклическая рецессия (длится с 2009 г.).

Расчеты ВГП российских городов в 2000-2015 гг., проведенные Н.Б. Косаревой, Т.Д. Полиди, А.С. Пузановым, показали наличие нескольких тенденций территориально-хронологической макроэкономической динамики. Во-первых, наблюдалось снижение экономического вклада городов в ВВП России, ускорившееся после 2008 г. Во-вторых, в 2000-2007 гг. ВГП городских агломераций рос быстрее ВВП РФ, и их вклад в ВВП страны повысился с 38,7% до 45,1%, но затем снизился до 37% в 2015 г. В 2000-2015 гг. доля населения городских агломераций в общей численности населения России увеличилась с 29% до 33%. Опережающий экономический рост городских агломераций прекратился в 2008 г. В-третьих, колебания ВРП Москвы и Санкт-Петербурга имели бóльшую амплитуду (подъема и спада) по сравнению с остальными городами в составе агломераций; доля последних в ВВП в 2008 г. опустилась ниже их доли в численности населения России. В-четвертых, в 2008 г. доля ВГП больших городов и моногородов стала меньше их доли в численности населения страны. В-пятых, снижению к 2015 г. доли численности населения средних и малых городов до 11,3% соответствовал спад до 8,2% доли их ВГП в ВВП России [79, с. 49-54]. Таким образом, в 2008 г. среднесрочный восстановительный цикл сменился кризисным переходом в среднесрочную циклическую рецессию. Наличие двух типов среднесрочных циклических колебаний в 2000-2015 гг. в производстве ВГП на душу населения городов в составе крупнейших агломераций подтверждают показатели приложения 2. Аналогичную территори-

ально-хронологическую макроэкономическую динамику с ведущей ролью двух столичных городов - Москвы и Санкт-Петербурга - в среднесрочных циклических колебаниях иллюстрирует показатель темпов роста номинальной заработной платы на рисунке 3.

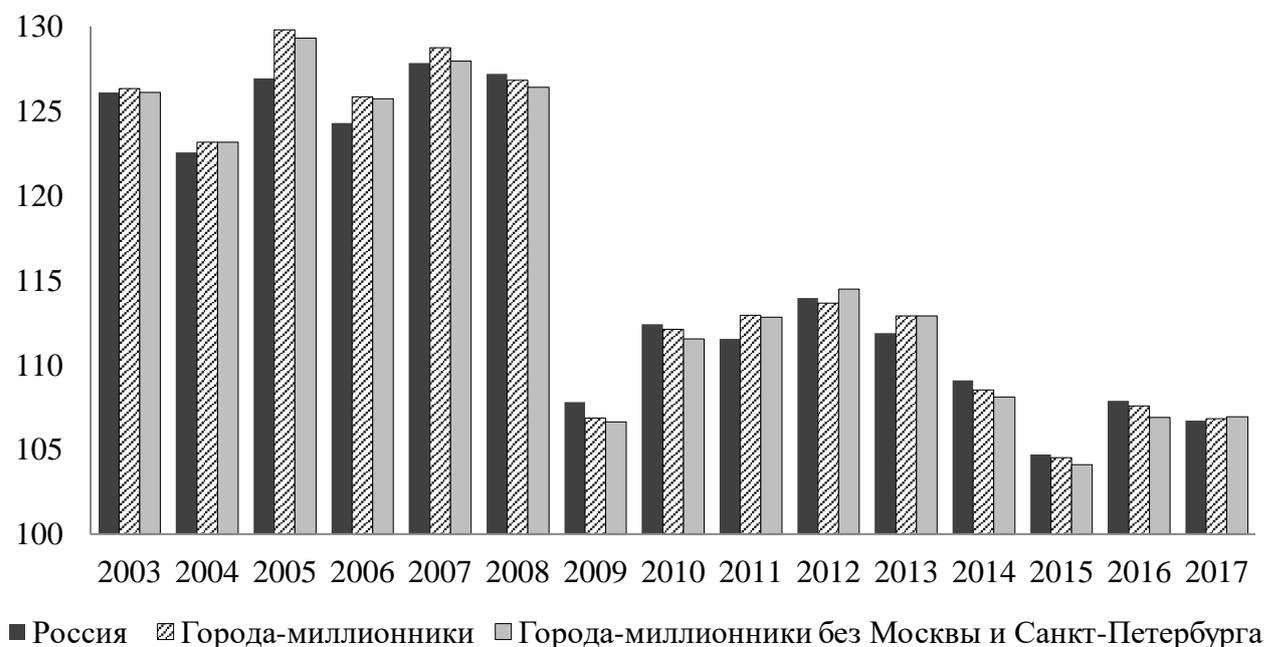

Рисунок 3 - Темы роста заработной платы в 2003-2017 гг., %

Примечание - Составлено автором по: [144-151].

Экономика городских территориальных образований - самый динамичный компонент национальной экономики РФ. Амплитуда конъюнктурных колебаний экономических показателей возрастала по мере подъема по уровням иерархии урбанистической структуры. На фазах восходящей хозяйственной конъюнктуры среднесрочных циклов ВРП Москвы рос быстрее ВГП крупнейших городов и еще быстрее, чем ВВП России. На фазах нисходящей и депрессивной хозяйственной конъюнктуры наблюдалась противоположная динамика - ВРП Москвы снижался быстрее ВГП крупнейших городов и еще быстрее, чем ВВП России. Такую соотносительную территориально-хронологическую динамику показывает рисунок 4.

Снижение инвестиционной активности городов-миллионников по сравнению с общероссийскими показателями фиксирует рисунок 5.

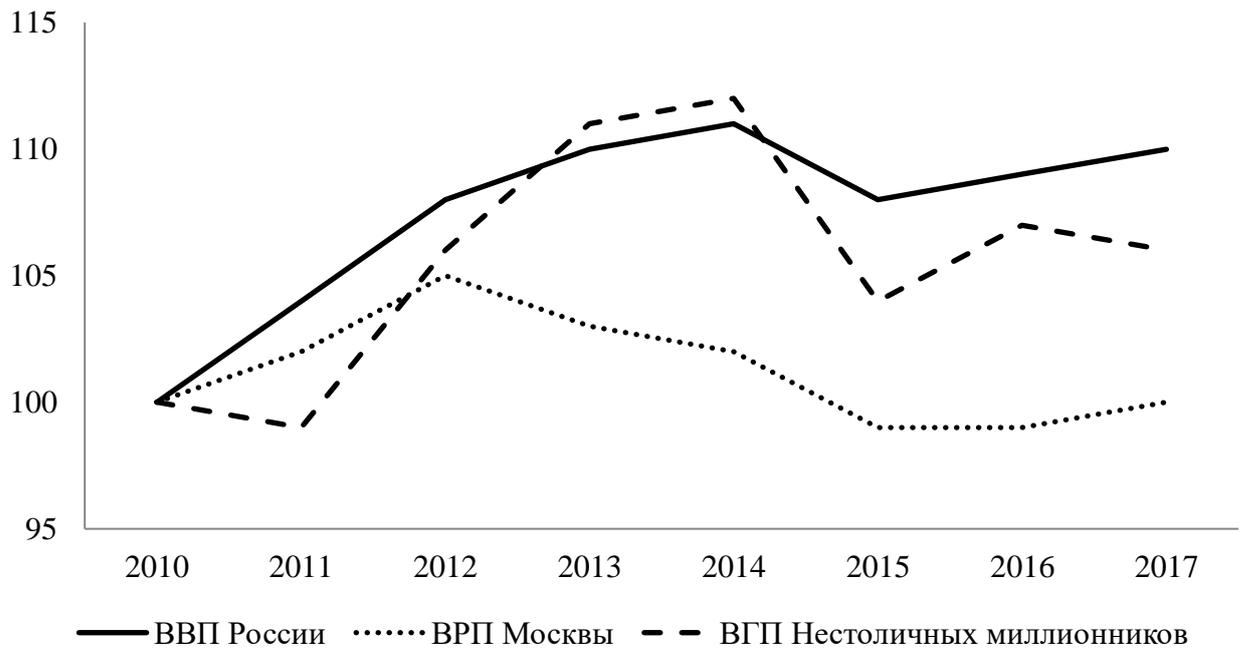

Рисунок 4 - Темы роста подушевого валового продукта в 2010-2017 гг., %

Примечание - Составлено автором по: [254, с. 23].

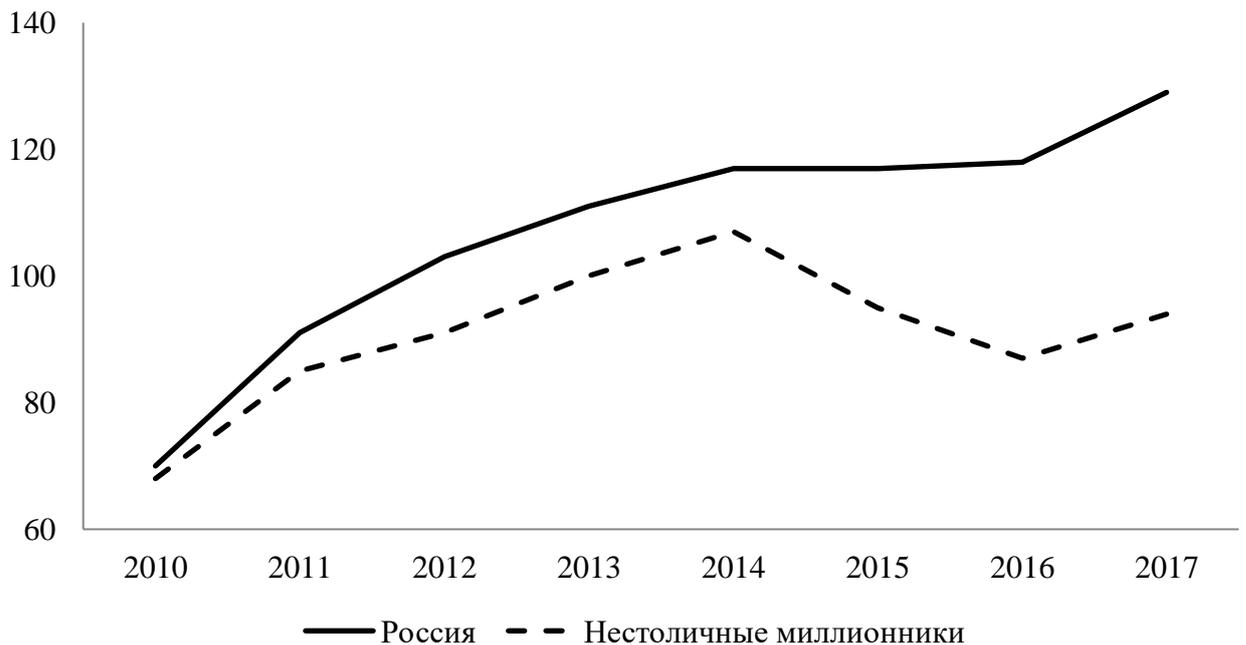

Рисунок 5 - Подушевые инвестиции основного капитала в 2010-2017 гг., тыс. руб.

Примечание - Составлено автором по: [254, с. 34].

Качественные различия между двумя верхними уровнями урбанистической иерархии характеризует рисунок 6. Инвестиции в столичные города растут, невзирая на конъюнктуру среднесрочной рецессии.

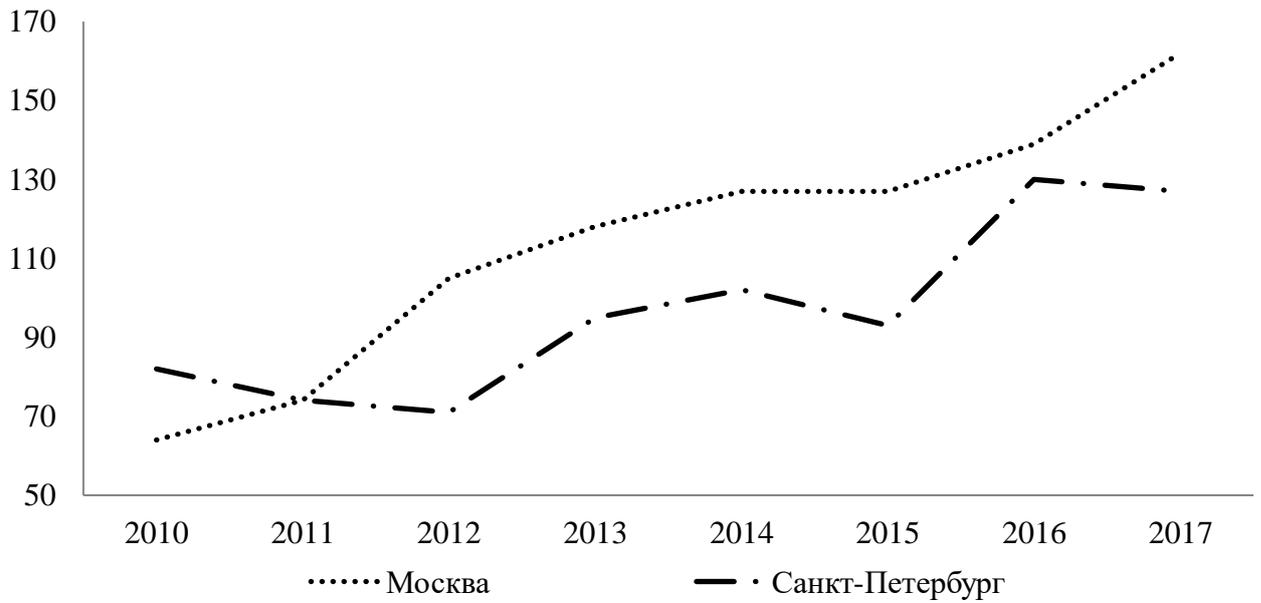

Рисунок 6 - Подушевые инвестиции основного капитала в 2010-2017 гг., тыс. руб.

Примечание - Составлено автором по: [254, с. 34].

Рост инвестиций основного капитала в Москве при уменьшении прироста ВРП городской экономики означает снижение эффективности производства и инвестирования. Такой негативный тренд виден на рисунке 7.

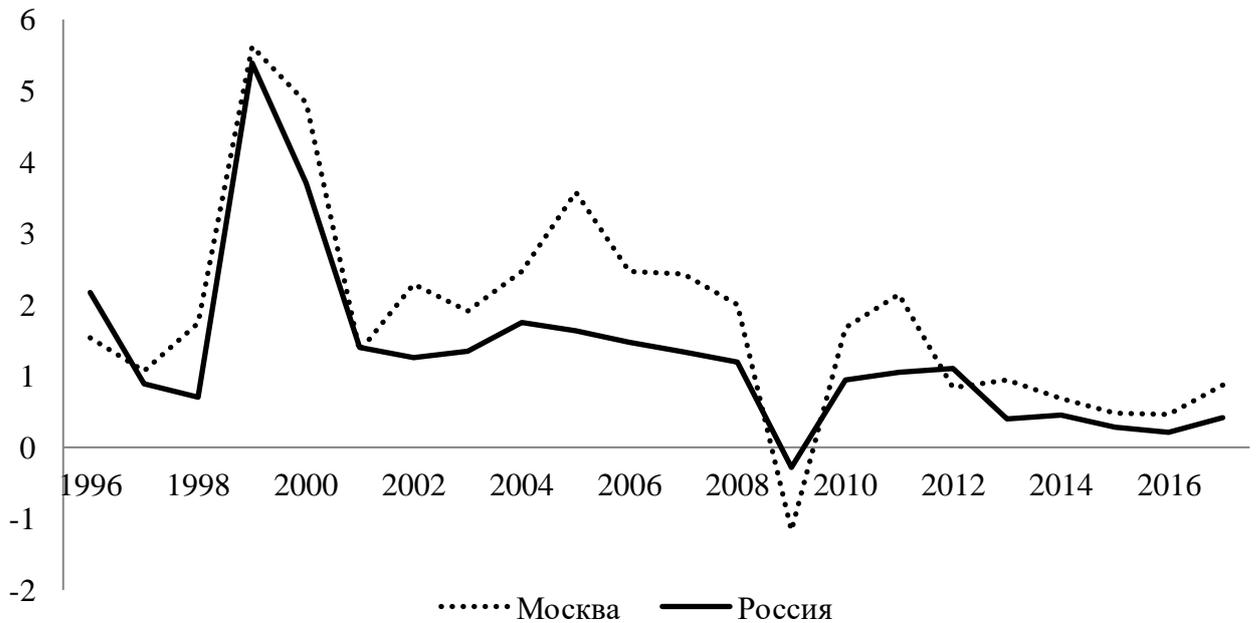

Рисунок 7 - Отношение прироста валового продукта к инвестициям в 1996-2017 гг.

Примечание - Составлено автором по: [152, 155, 156, 159, 206].

Снижение эффективности инвестирования в Москве объясняется не только динамикой конъюнктуры, но и превышением пороговых значений показателей плотности хозяйственной деятельности и населения (занятости)¹. Прирост реального ВРП на душу населения в Москве в 2010-2017 гг. составил 0%, нестоличных городов-миллионников - 6%, ВВП России - 10% [254, с. 20]. Макроэкономическая динамика крупнейшего территориального образования России, высшего уровня урбанистической иерархии - Москвы - подтверждает качественную оценку среднесрочного J-цикла 2008-2018 гг. как многолетней рецессии. Графики на рисунке 7 показывают также и наличие среднесрочного дезинвестиционного цикла, фрагментарно представленного статистическими данными 1995-1998 гг.

Исследование параметров территориально-хронологической динамики и развития урбанизации российской экономики дает возможность констатировать следующее.

Процесс урбанизации в России - усиление роли городов в социально-экономической жизни территорий - можно рассматривать как хронологически нерегулярный (оригинальный, логистический, кумулятивный) цикл (циклический процесс) формирования территориально-отраслевого разделения труда с конца XIX в., сопоставимый по продолжительности и пространственному охвату с вековыми тенденциями (системными циклами накопления капитала), на который воздействовали конъюнктурные колебания циклов меньшей длительности - K-циклов и J-циклов. В динамике численности городов и городского населения выделяются две долгосрочные тенденции: восходящая в 1959-1989 гг. и нисходящая в 1989-2018 гг., характеризующие две соответствующие фазы K-цикла.

¹ Превышение в 2002 г. порогового значения занятости 5 млн чел. означало переход Москвы в новую экономическую фазу - режим саморазрушения. Дальнейший рост занятости вызывает резкий рост издержек, снижение производительности труда, уменьшение прироста производства и доходов, непродуктивное втягивание излишней рабочей силы. В столичном мегаполисе имеет место отрицательная эластичность ВРП по инвестициям, прирост которых ведет к падению производства. Рост инвестиций, населения и занятости рабочей силы Москвы в условиях перенакопления трудовых и инвестиционных ресурсов будет генерировать падение ВРП и конъюнктуру экономической рецессии [5, с. 46-48].

3.2 Тенденции территориально-хронологической макроэкономической динамики современной России

Концептуальное осмысление тенденций территориально-хронологической экономической динамики представлено в современной российской научной литературе в виде постановки и разноаспектного исследования методологической, теоретической и практической проблематики. Широкий спектр взаимосвязанных проблем пространственно-временной эволюции экономики и экономической мысли охватили публикации Г.Н. Хадиуллиной. Понимание необходимости усвоения наследия экономической мысли, привлечения историко-экономических знаний [229] помогало исследователю переходить от анализа фундаментальных вопросов экономической теории к прикладной пространственной экономике¹.

Оригинальные исследования территориально-хронологической динамики экономики России содержатся в публикациях Н.В. Зубаревич. Адаптированное применение теоретико-методологических предпосылок мейнстрима стандартной экономической науки ("новой экономической географии") [60] позволило обосновать объективную неизбежность воспроизводства социально-экономического неравенства территорий и его "прогрессивную" роль в пространственной модернизации народного хозяйства России². Наиболее значимым и перспективным направле-

¹ В концепции устойчивого развития выделены экономические, социальные, экологические и институциональные факторы [230]. Предложена оригинальная теоретическая модель взаимодействия параметров и фаз развития жизненного цикла экономического пространства [4]. Закономерности формирования экономического пространства рассмотрены в аспектах: научно-инновационного пространства России [228], экологического фактора развития региона [231], пространственной организации экономики урбанизированных территорий [232].

² Предложены различные подходы к ранжированию и классификации территориально организованных экономических отношений: концептуальная схема "Четыре России" ("Первая Россия" - крупнейшие города-миллионники, "Вторая Россия" - крупные и средние города, "Третья Россия" - периферийные малые города, поселки и сельская местность, "Четвертая Россия" - республики Северного Кавказа и юга Сибири) [62]; иерархия городов-центров и городских агломераций РФ [57, 64]. Рассмотрены условия и механизмы центр-периферийной дифференциации территорий РФ [59, 61, 63]. Исследована региональная специфика и особенности кризисных фаз динамики хозяйственной конъюнктуры России с 1990-х гг. [56, 58].

нием научного поиска Н.В. Зубаревич была разработка проблем "региональной проекции" хронологии колебаний экономической конъюнктуры.

Содержательный статистический, эконометрический и факторный анализ территориально-хронологической макроэкономической динамики современной России и ее субнациональных образований по определенным социально-экономическим индикаторам проводила М.Ю. Малкина. Исследование специфики экономического роста нашей страны дало возможность выявить важнейшие факторы макроэкономической динамики, верифицировать гипотезы о конвергенции и дивергенции развития территориальных субъектов России¹.

Многомерную пространственную градацию и взаимосвязь территориальных образований экономики России исследовал С.М. Васин, используя теоретико-методологический потенциал разных ветвей экономической науки². Понимание со-размерности и иерархии территориальных экономических структур выдвигает в повестку дня формирование территориальной (пространственной) макроэкономики в виде самостоятельной области научных исследований, которая может включать в качестве частного случая изучение экономик территориальных образований разных иерархических уровней и размеров.

В современной научной литературе при объяснении тенденций территориально-хронологической макроэкономической динамики России преобладает регионаловедческий подход, доминирует региональная экономика как предмет исследо-

¹ Восстановительный экономический рост в России до 2009 г. базировался на увеличении потребительских, инвестиционных и государственных расходов [101], сопровождался конвергенцией территориальных субъектов по среднедушевым реальным доходам за счет перераспределения бюджетных ресурсов между федеральным центром и субнациональными зонами и прекратился в период кризиса [99, 100]. Потенциал положительной экономической динамики России исчерпал себя вследствие деиндустриализации народного хозяйства и низкоэффективной государственной политики [101].

² Обозначена серьезная проблема синонимичности понятий, определяющих спектр территориальных образований: экономический район, регион, ареал, макроэкономическая зона, страна, край, область, экономический союз, интеграционное экономическое объединение, субъект административной единицы государства [20]. Раскрыта взаимосвязь эволюции и трансформации национальной экономики России с экономиками ее территориальных образований [22, 24]. Проблемы современной экономики территориальных структур рассмотрены в аспектах: стратегического планирования развития территорий [21]; обеспеченности хозяйственными ресурсами [25]; институциональной среды инновационной деятельности [23].

вания. Однако возможен иной подход - макроэкономический, в рамках которого российская экономика (целостное, единое экономическое пространство, структурированное и пространственно организованное разделение труда) рассматривается в виде многоуровневой системы территориальных образований, состоящей из крупных экономических районов (федеральных округов), областей, краев и республик (зон, регионов), городских агломераций и городов, прочих населенных пунктов. В этом перечне территориальных образований "регионы" составляют лишь один из промежуточных уровней (объектов исследования), одну из подсистем общенациональной системы разделения труда.

В то же время специальное изучение экономик субъектов России необходимо. Оно дает возможность выявлять закономерные причинно-следственные связи и тенденции пространственно-временной макроэкономической динамики территориально-отраслевых комплексов, которые крупнее и иерархически значимее, чем экономика городских структур. Кроме городов федерального значения - Москвы и Санкт-Петербурга, все остальные урбанистические структуры входят в состав субъектов России. Система сбора и обработки экономической информации и статистического расчета показателей по субъектам РФ обуславливает центральное место "регионального" уровня (областей, краев и республик) в исследовании территориально-хронологической макроэкономической динамики России. Одни и те же статистические данные могут быть по-разному использованы и интерпретированы, предопределяя направление и аспекты научного исследования, в частности, территориально-хронологический макроэкономический подход.

Анализ динамики ВРП субъектов России в сопоставимых, постоянных ценах создает предпосылки изучения центр-периферийной структуризации национальной экономики, зональной классификации территориальных образований по масштабам их хозяйственной деятельности. Величина годового ВРП служит критерием группировки территориальных экономических систем по зонам в таблице 2.

Таблица 2 - Группировка субъектов России по зонам экономической иерархии

Зона иерархии	Субъекты России
Ядро	Московская агломерация (Москва и Московская область) и Санкт-Петербургская агломерация (Санкт-Петербург и Ленинградская область)
Центр	Иркутская область, Кемеровская область, Краснодарский край, Красноярский край, Нижегородская область, Новосибирская область, Пермский край, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Ростовская область, Самарская область, Свердловская область, Тюменская область, Челябинская область
Полупериферия	Алтайский край, Архангельская область, Белгородская область, Владимирская область, Волгоградская область, Вологодская область, Воронежская область, Забайкальский край, Кировская область, Курская область, Липецкая область, Омская область, Оренбургская область, Приморский край, Республика Коми, Республика Саха (Якутия), Саратовская область, Сахалинская область, Ставропольский край, Тверская область, Томская область, Тульская область, Удмуртская Республика, Ульяновская область, Хабаровский край, Ярославская область
Периферия	Амурская область, Астраханская область, Брянская область, Еврейская автономная область, Ивановская область, Кабардино-Балкарская Республика, Калининградская область, Калужская область, Камчатский край, Карачаево-Черкесская Республика, Костромская область, Курганская область, Магаданская область, Мурманская область, Новгородская область, Орловская область, Пензенская область, Псковская область, Республика Адыгея, Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Калмыкия, Республика Карелия, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Тыва, Республика Хакасия, Рязанская область, Республика Северная Осетия-Алания, Смоленская область, Тамбовская область, Чувашская Республика, Чукотский автономный округ
Примечание - Составлено автором.	

В приложении 3 представлена макроэкономическая территориально-хронологическая динамика ядра народного хозяйства России - двух крупнейших агломераций: Московской (Москвы и Московской области) и Санкт-Петербургской (Санкт-Петербурга и Ленинградской области), на долю которых приходится 35% суммарного производства ВРП. В приложении 4 - территориально-хронологическая динамика 14 ведущих (центральных, системообразующих) макроэкономических территориальных субъектов, на долю которых приходится 32% суммарного производства ВРП. В приложении 5 - макроэкономическая территориально-хроно-

логическая динамика 26 полупериферийных макроэкономических территориальных субъектов, на их долю приходится 21,5% суммарного производства ВРП. В приложении 6 отражена макроэкономическая территориально-хронологическая динамика 35 периферийных макроэкономических территориальных субъектов, на долю которых приходится 11,5% суммарного производства ВРП [206].

Данные приложений 3-6 демонстрируют взаимосвязь территориально-хронологической динамики иерархически организованных зон экономики России с конъюнктурными колебаниями J-циклов. Наибольшей амплитудой колебаний отличалось производство ВРП экономики ядра - столичных агломераций¹. Несколько меньшая амплитуда колебаний наблюдалась в производстве ВРП ведущих макроэкономических территориальных субъектов (центральной зоны). Восстановительный цикл 1999-2008 гг. содействовал общему экономическому росту. Последовавшая затем циклическая рецессия остановила благоприятную тенденцию подъема, сформировала среднесрочный понижательный тренд экономики центральной зоны. В полупериферийных и периферийных макроэкономических территориальных субъектах общий восходящий тренд экономического подъема был заметен в период восстановительного цикла 1999-2008 гг. Однако J-цикл среднесрочной рецессии почти не сказался на объемах производства ВРП полупериферийных и периферийных макроэкономических территориальных субъектов; их структура оказалась "замороженной" на десятилетие.

Применение теории и методологии хронотопа в исследовании территориально-хронологической динамики социально-экономических систем предполагает разработку проблем междисциплинарных взаимодействий в экономической науке. Перспективным направлением научного поиска может стать освоение инструментария географических информационных систем (ГИС-технологий), который позволяет вовлекать в макроэкономические исследования достижения экономической

¹ На соотношение макроэкономической динамики внутри ядра российской экономики серьезно влияет перемещение штаб-квартиры корпорации "Газпром" из Москвы в Санкт-Петербург.

мысли в смежных областях пространственной и региональной экономики, экономической географии, экономической статистики.

Использование ГИС-технологий в макроэкономическом территориально-хронологическом анализе конкретизирует социально-экономические исследования российской экономики в пространственном аспекте. ГИС-технологии фиксируют и наглядно представляют, визуализируют на плоскости пространства взаимодействие экономических субъектов, хронологию макроэкономических процессов при помощи статистических данных. Значения экономических показателей характеризуют взаимодействие компонентов территориальной структуры и всего народного хозяйства РФ в моментных снимках (на данный момент времени) и в хронологической динамике (временной последовательности за данный период)¹.

На рисунках приложения 7 изображена территориально-хронологическая динамика показателя экономической плотности (отношение ВРП субъектов РФ к площади их территории) в 1995-2017 гг., в текущих ценах. Карты отражают эволюцию неоднородной экономической плотности территориальных образований РФ. Вектор увеличения показателя экономической плотности разворачивается с востока на запад. Наибольшей плотностью экономического пространства обладают города федерального значения (Москва, Санкт-Петербург), области и республики европейской части нашей страны и Урала. Общая тенденция увеличения плотности экономического пространства России (измеренная в текущих ценах) реализуется в виде усиления территориальной дифференциации анализируемого показателя.

Несколько иные карты зафиксировала технология ГИС на рисунках приложения 8, где изображена территориально-хронологическая динамика показателя экономической плотности в 1995-2017 гг., в постоянных ценах. Учет фактора весьма чувствительной инфляции внес свои коррективы. Общая тенденция увеличения плотности экономического пространства России, измеренная в фиксирован-

¹ Карты (картографические изображения), построенные с помощью ГИС-технологий в виде моментных планарных снимков, иллюстрируют распределение значений статистических показателей по территории Российской Федерации в границах ее субъектов. Цветовая гамма характеризует интервалы значений (величину) показателя (параметра) в виде спектра: от минимальных ("холодных", синих тонов) до максимальных ("горячих", красных тонов).

ных ценах, выражена менее заметно и в меньшей группе территориальных образований. Она реализуется в виде еще большего усиления территориальной дифференциации анализируемого параметра. Планарные снимки показывают наличие субъектов территориального разделения труда с очень низкой плотностью экономического пространства, которая почти не увеличивается на протяжении рассматриваемого периода. Картографические изображения подтверждают взаимосвязь территориально-хронологической динамики экономики России с конъюнктурными колебаниями

J-циклов. Восстановительный цикл 1999-2008 гг. ускорил общий экономический подъем, содействовал усилению тенденций к увеличению плотности экономического пространства России и к сглаживанию территориальной экономической дифференциации. Циклическая рецессия, начавшаяся с 2009 г., фактически прервала действие общей тенденции увеличения плотности экономического пространства РФ и возобновила действие тенденции к усилению территориальной дифференциации экономики страны.

Параметр плотности экономического пространства измеряется также и показателем плотности населения. Однако целесообразнее использовать показатель плотности не всего населения, проживающего на данной территории, а лишь занятого населения (плотности занятости) с единицей измерения - количество человек занятого населения на 1 км². Стабильная структура экономического пространства (плотности занятости) России представлена картами приложения 9¹, на которых видна территориальная иерархия: два "пика" Москвы и Санкт-Петербурга; несколько плотно заселенных областей и республик центральной и южной частей европейской России; расположившиеся рядом с ними менее плотно заселенные местности центральной России и Урала; и более ³/₄ остальной территории РФ, фрагментарно заселенной и слабо хозяйственно освоенной.

Иерархию территориальной структуры плотности занятости укрепляли потоки миграции трудоспособного населения в места комфортного проживания и вы-

¹ Распределение трудовых ресурсов по территории страны незначительно изменяется в долгосрочной перспективе, поэтому его картографирование ограничено крайними датами.

сокой заработной платы. Приложение 10 показывает почти непрерывное увеличение внутренней российской миграции в 2005-2018 гг. (по которым имеются данные Росстата) и наличие устойчивых "полюсов притяжения" трудовых мигрантов. Исключительное положение Московской зоны (Москвы и Московской области) и Санкт-Петербурга, поглощающих более $\frac{2}{3}$ всех мигрирующих по стране в поисках занятости граждан, объясняется сочетанием высокой заработной платы и сравнительно комфортной среды проживания. Доминирование фактора высоких заработков и устойчивой занятости объясняет трудовую миграцию в Тюменскую область, а доминирование благоприятных условий проживания - приток трудящихся в Краснодарский край.

Наличие существенно различающихся результатов макроэкономических расчетов территориально-хронологической динамики экономической плотности России - ВРП и занятости - предполагает понимание их взаимосвязи и применение иных статистических показателей, дополняющих и конкретизирующих полученные выводы. Показатель экономической плотности, рассчитанный в виде отношения ВРП к площади территориального образования, характеризует эффективность использования земельных ресурсов (производственного фактора земли). Такой агрегированный подход обеспечивает достоверный анализ хронологической макроэкономической динамики субъектов РФ, но мало продуктивен при сравнении эффективности экономического развития территориальных образований различных климатических зон и частей единого пространства страны. Сильная территориальная дифференциация субъектов РФ европейской части, Урала, Сибири и Дальнего Востока занижает показатели плотности и производительности экономического пространства краев и областей, имеющих огромные размеры.

Территориально-хронологическую макроэкономическую динамику характеризуют также показатели эффективности использования двух других производственных факторов - труда (трудовых ресурсов, занятого населения) и капитала (основных фондов, капитальных благ). В приложении 11 представлены картографические изображения территориальной структуры и хронологической макродинамики эффективности использования трудовых ресурсов России - показателя про-

изводительности труда в 1995-2017 гг., в текущих ценах. Карты отразили эволюцию неоднородной экономической эффективности территориальных образований РФ. Вектор увеличения данного показателя разворачивается зеркально противоположно приложению 7 - с запада на восток. Наиболее эффективно используются трудовые ресурсы слабо заселенных местностей Севера и Зауралья. Общая тенденция увеличения производительности труда в России реализуется в виде усиления территориальной дифференциации анализируемого показателя.

Иные карты зафиксировала технология ГИС на рисунках приложения 12, где изображена территориально-хронологическая динамика показателя производительности труда в 1995-2017 гг., в постоянных ценах. Фактор инфляции внес свои коррективы. Общая тенденция роста производительности труда, измеренная в фиксированных ценах, выражена менее заметно и в меньшей группе территориальных образований России. Она реализуется в виде еще большего усиления территориальной дифференциации анализируемого показателя. Картографические изображения подтверждают взаимосвязь территориально-хронологической динамики производительности труда с конъюнктурными колебаниями J-циклов. Циклическая рецессия, начавшаяся с 2009 г., фактически прервала действие общей тенденции роста эффективности экономики страны восстановительного цикла 1999-2008 гг. и возобновила действие тенденции к усилению территориальной дифференциации экономики России.

Картографические изображения показателя эффективности использования основных фондов (основного капитала) России представлены в приложении 13, иллюстрирующем территориально-хронологические макроэкономические изменения фондоотдачи (отношения ВРП к стоимости основных фондов) в 1995-2017 гг. Представленный материал демонстрирует две параллельные тенденции. Во-первых, воспроизводится территориальная неоднородность значений показателя фондоотдачи при сохранении их устойчивых соотношений (пропорций) между субъектами РФ. Во-вторых, наблюдается общее синхронное изменение показателей ("цветовой гаммы") фондоотдачи почти всех территориальных субъектов нашей страны. Территориально-хронологическая динамика эффективности использования основ-

ного капитала четко выделяет тенденции колебаний хозяйственной конъюнктуры и наглядно демонстрирует всю "линейку" среднесрочных J-циклов современной российской экономики: падение эффективности основных фондов в 1995-1998 гг. (период дезинвестиционного цикла); рост эффективности основных фондов в 1998-2008 г. (период восстановительного цикла); снижение эффективности основных фондов в 2009-2017 гг. (период рецессии).

Показатели экономической эффективности факторов производства качественно дополняют друг друга, их совместное использование повышает достоверность исследования тенденций территориально-хронологической макроэкономической динамики России. Дальнейшее рассмотрение поставленных диссертационных проблем предполагает переход от обобщающего изучения макроэкономических территориально-факторных циклических изменений к конкретизирующему исследованию хронологической динамики территориально-отраслевой системы разделения труда в России на основе предложенного критерия группировки экономических зон по уровням пространственной иерархии: ядро, центральные (ведущие), полупериферийные и периферийные территориальные образования.

Центр-периферийная иерархия территориальных образований формирует многомерное, многослойное пространство экономики России, обуславливает тенденцию перехода от концентрации полного спектра социально-экономических укладов и механизмов хозяйственного регулирования, высокоразвитой многоотраслевой структуры, максимальной плотности экономического пространства в столичных агломерациях (Москве и Санкт-Петербурге) к простейшим локальным хозяйственным механизмам, слабо диверсифицированной отраслевой структуре, однослойному и фрагментарному экономическому пространству периферийных зон (субъектов) РФ. Тенденции изменения многослойных территориально организованных социально-экономических и отраслевых систем, эволюция иерархических сетей хозяйственных связей (экономических отношений) - поверхностей, по которым распространяются макроэкономические колебания, формируются под воздействием хозяйственной конъюнктуры.

Многослойная динамика циклических колебаний конъюнктуры территориальных образований России зависит от плотности экономического пространства (хозяйственной деятельности), структуры механизмов хозяйственного регулирования и социально-экономической политики государства, соответствует центр-периферийной и административно-территориальной иерархии областей, краев и республик. Многослойные пространственные образования центральной зоны с высокой экономической плотностью и двумя мощными верхними социально-экономическими укладами - государственными структурами федерального уровня и крупным корпоративным бизнесом - создают условия интенсификации хозяйственной деятельности и ее циклических изменений. На другом полюсе экономической иерархии зон расположены территории, мало подверженные воздействию циклов конъюнктуры, живущие в условиях преимущественно конкурентного рыночного хозяйства среднего и малого бизнеса, социальной сферы, финансируемой из бюджетов государственных структур разного уровня, натурального хозяйства.

В качестве рабочей гипотезы можно принять предположение, что изменения отраслевой структуры занятости характеризуют долгосрочные макроэкономические тенденции К-цикла, сопряженные с динамикой среднесрочных колебаний конъюнктуры J-циклов, а изменения отраслевой структуры валовой добавленной стоимости (ВДС) взаимосвязаны с макроэкономическими тенденциями среднесрочных J-циклов. Однако следует учитывать, что статистические ряды данных по отраслевой структуре занятости охватывают более длительный период наблюдения и расчетов, чем данные по отраслевой структуре ВДС.

Исходным пунктом анализа территориально-хронологической динамики отраслевой структуры целесообразно избрать сводные статистические данные по всей российской экономике, графически представленные в приложении 14. Отчетливая тенденция изменения занятости населения России - относительное сокращение доли работников в ключевых отраслях экономики: промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, науке, образовании, здравоохранении, и рост занятости в сфере торговли, услуг, финансовой и посреднической деятельности. Общий тренд трансформации отраслевой структуры занятости - нисходящая фаза К-цикла - от-

разил динамику среднесрочных J-циклов: существенные сдвиги в хронологических рамках дезинвестиционного и восстановительного циклов и незначительные изменения в период рецессии. Хронологическая динамика отраслевой структуры ВДС показывает значимые сдвиги долей промышленности и сельского хозяйства в период восстановительного цикла и перераспределение между отраслями нематериального производства в период рецессии.

Территориально-хронологическая динамика отраслевой структуры Московской и Санкт-Петербургской агломераций, представленная в приложениях 15-18, демонстрирует качественную деградацию ядра российской экономики - устойчивую тенденцию сокращения занятости в промышленности, науке, образовании, здравоохранении, фактически независимую от среднесрочных циклических колебаний конъюнктуры. Среднесрочные J-циклы заметны в хронологической динамике ВДС важнейших отраслей: промышленности в г. Санкт-Петербурге и Московской области, сферы нематериального производства (услуг) в г. Москве. Сокращение доли торговли и услуг в суммарной ВДС обоих столичных центров свидетельствует о падении покупательского спроса вслед за падением реальных доходов населения и бизнеса в период современной рецессии.

Территориально-хронологическая динамика хозяйства ведущих субъектов российской экономики определялась их отраслевой специализацией, в которой природоэксплуатирующие производства - добыча полезных ископаемых, металлургия, сельское хозяйство - активно формировали размеры и структуру ВДС (ВРП), обеспечивали позицию в центральной зоне центр-периферийной иерархии общенациональной системы разделения труда, что подтверждают данные приложений 4, 19-22. Исключительную роль играли отрасли первичного сектора в конъюнктуре экономики нефтегазовой "столицы" России - Тюменской области. Благоприятная ситуация на рынке энергоносителей сформировала уникальную для нашей страны тенденцию - устойчивый рост занятости в тюменской промышленности на нисходящей волне K-цикла. Перепады мировых цен на нефть, формировавшие среднесрочные циклические колебания конъюнктуры, больше влияли на объем, чем на структуру ВДС (ВРП) крупнейшей "провинциальной" экономики.

Противоречивые изменения наблюдались в индустриально-аграрной экономике Ростовской области, которая заметно улучшила свои позиции в центральной зоне в условиях ухудшения конъюнктуры сырьевых цен и сравнительно благоприятных изменений цен на сельскохозяйственную продукцию. Трансформация отраслевой структуры занятости Ростовской области серьезно уменьшила долю работников промышленности и сельского хозяйства, но почти не сказалась на отраслевой структуре ВДС, в динамике которой были незначительные среднесрочные колебания. Схожие тенденции территориально-хронологической динамики наблюдались в экономиках Самарской области и Республики Татарстан, в которых есть развитые отрасли обрабатывающей промышленности (как в Ростовской области) и мощная нефтедобыча и нефтепереработка (как в Тюменской области). Действие долгосрочных тенденций сокращения доли занятых в промышленности и аграрном секторе сопровождалось незначительными среднесрочными изменениями структуры ВДС Самарской области и Республики Татарстан.

Территориально-хронологическая динамика хозяйства субъектов полупериферийной зоны российской экономики также определялась их отраслевой специализацией, в которой природоэксплуатирующие производства - сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, их первичная переработка - активно воздействовали на размеры и структуру ВДС (ВРП), что подтверждают данные приложений 5, 23- 26. Разные возможности использования индустриального и аграрного потенциала продемонстрировали Воронежская и Саратовская область, Ставропольский край. Устойчивая долгосрочная тенденция резкого снижения доли занятых в сельском хозяйстве (на нисходящей фазе К-цикла) наблюдалась во всех трех территориальных субъектах, но особенно была заметна в Ставропольском крае, где аграрный сектор традиционно был отраслью специализации. Существенное уменьшение доли занятых в промышленности произошло в Воронежской и Саратовской областях. Однако последствия перестройки отраслевой структуры занятости по-разному отразились на изменениях ВДС представителей полупериферийной зоны российской экономики. Среднесрочная циклическая динамика структуры ВДС показала тенденцию изменения специализации экономики Воронежской области - усиление

доли аграрного сектора и сжатие доли промышленности, тенденцию ухудшения положения сельского хозяйства в экономике Саратовской области, тенденцию деградации сельского хозяйства Ставропольского края и ухудшения его позиций в полупериферийной зоне экономики РФ. Хронологическая динамика отраслевого разделения труда Республики Саха (Якутия) позволяет считать ее экономику уменьшенной "копией" экономики Тюменской области. Долгосрочные и среднесрочные тенденции изменений отраслевой структуры занятости и отраслевой структуры ВДС обеих ресурсодобывающих экономик во многом совпадали.

Территориально-хронологическая динамика хозяйства субъектов периферийной зоны российской экономики была сравнительно инертна и определялась их отраслевой специализацией, в которой природоэксплуатирующие производства - сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, их первичная переработка - оказывали сильное воздействие на размеры и структуру ВДС (ВРП), что подтверждают данные приложений 6, 27-31. Картина макроэкономической динамики периферийной зоны выглядела весьма пестро, поэтому ее краткий обзор допустимо ограничить рассмотрением репрезентативных крайних случаев - областей с развитой обрабатывающей промышленностью, занимающих передовые позиции, и республик с доминированием природоэксплуатирующих отраслей, занимающих места в конце перечня территориальных образований нижней зоны центр-периферийной иерархии системы разделения труда экономики РФ. Наблюдалось сходство хронологической динамики отраслевого разделения труда Пензенской и Брянской областей. Действовала устойчивая долгосрочная тенденция сокращения доли занятых в промышленности и сельском хозяйстве, соизмеримая с нисходящей фазой К-цикла. В то же время периферийные экономики Пензенской и Брянской областей почти не затрагивались среднесрочными колебаниями конъюнктуры J-циклов: изменения доли промышленности в суммарной ВДС были незначительными; изменения доли сельского хозяйства могли быть вызваны погодными условиями. Хронологическая динамика отраслевого разделения труда республик Калмыкия, Тыва и Алтай, расположившихся на другом полюсе периферийной зоны российской экономики, почти всецело зависела от состояния природоэксплуатирующих производств. В

названных республиках наблюдалась долгосрочная тенденция уменьшения доли занятых в сельском хозяйстве при относительно менее значимых изменениях занятости в других сферах экономики. Динамика отраслевой структуры ВДС соответствовала экстенсивным изменениям отраслевой структуры занятости. Изменения отраслевой структуры ВДС вызывались, скорее, не колебаниями общей экономической конъюнктуры, а реализацией масштабных инвестиционных проектов, инициированных извне: программой дорожного строительства в Калмыкии и интенсификацией добычи угля в Тыве. Высокая доля сельского населения в республиках - 46% в Тыве, 55% в Калмыкии, 71% в Алтае [206] - свидетельствует о наличии обширного сектора натурального хозяйства. Интерпретация графических изображений хронологической динамики отраслевого разделения труда экономик субъектов периферийной зоны РФ позволяет предположить, что рассматриваемые территории были слабо подвержены среднесрочным циклическим колебаниям и даже "выпадали" из их пространственной динамики. Индифферентность к колебаниям конъюнктуры J-циклов демонстрировали не только структурно "замороженные" отраслевые комплексы национальных республик, но и отраслевые комплексы областей с весомой долей обрабатывающей промышленности.

Хронологическая макроэкономическая динамика территориальных образований формировалась вовлекаемыми в оборот хозяйственными ресурсами, прежде всего, наиболее активным их компонентом - инвестициями в основной капитал. Данные приложений 32-34 характеризуют территориально-хронологические тенденции инвестиционных процессов в современной российской экономике. Динамика показателя общего объема инвестиций в основной капитал подтверждает ключевую роль центр-периферийной хозяйственной иерархии территориальных образований в распределении капиталовложений. В центральной зоне российской экономики - ведущих субъектах и ядре - осуществлялась большая часть всех инвестиций в основной капитал. Преобладающее значение в экономической иерархии ядра и ведущих субъектов еще нагляднее демонстрирует динамика показателя инвестиций в основной капитал в расчете на одного занятого. Тенденции изменения обоих показателей инвестиционной деятельности соответствовали среднесрочным

колебаниям конъюнктуры J-циклов: нисходящие тренды в 1995-1998 гг. и 2008-2017 гг.; восходящий тренд в 1998-2008 гг. Весь спектр многослойной хронологической циклической динамики хозяйственной конъюнктуры и многослойной территориальной динамики современной экономики России характеризует графическое изображение показателя эффективности инвестиций - отношения прироста ВРП к вложениям в основной капитал (приложение 34). В динамике эффективности инвестиций в основной капитал прослеживались три тенденции. Во-первых, наблюдалась общая тенденция снижения эффективности капиталовложений, соответствующая нисходящей фазе K-цикла. Во-вторых, имели место среднесрочные изменения (тренды) эффективности инвестиций: падение в 1997-1998 гг. (на исходе дезинвестиционного цикла); высокая эффективность в 1999-2007 гг. (восстановительный цикл); затухающее снижение эффективности после кризиса 2008 г. в период рецессии. В-третьих, наибольшая амплитуда конъюнктурных колебаний эффективности инвестиций отмечалась в экономике ядра.

Исследование территориально-хронологической макроэкономической динамики России и ее субъектов показывает существование кумулятивных тенденций дивергенции (дифференциации), которые формируются взаимодействием внутри иерархически организованного, неоднородного по плотности экономического пространства многослойных систем социально-экономических укладов и механизмов хозяйственного регулирования. Концентрация максимальной экономической плотности, сосредоточение крупнейших корпоративных структур, дислокация федеральных органов государственного управления, наличие полного набора социально-экономических укладов, использование всего спектра инструментов управления экономикой служили факторами кумулятивного взаимодействия, укреплявшего исключительное доминирующее положение столичных агломераций в социально-экономической иерархии субъектов России, усиливавшего центр-периферийную поляризацию экономик территориальных образований. Господствующие уклады - государственный и корпоративный - определяли основные тенденции территориально-хронологической макроэкономической динамики Российской Федерации; подтверждает такой вывод рассмотрение особенностей современного бюд-

жетного процесса, концентрировавшего денежные потоки в Москве и в распоряжении центрального государственного аппарата.

Согласно рейтингу РБК 500, 49% крупнейших компаний России зарегистрированы в Москве, 6,6% - в Петербурге, 4,6% - в Московской области. В распределении общей суммы чистой выручки (очищенной от НДС, акцизов и экспортных пошлин) доля компаний, зарегистрированных в Москве, составила 67,8%, в Санкт-Петербурге - 3,6%, в Московской области - 3%, в Краснодарском крае - 4%, в Республике Татарстан - 2,8% [138]. Сосредоточение корпоративного уклада в центральной зоне экономики России формировало тенденции поступления и расходования средств бюджетов территориальных образований субнационального уровня. В приложениях 35-37 отражены тенденции доминирования ядра и ведущих субъектов в иерархии экономических зон: большие суммы доходов и расходов бюджетов, большая амплитуда колебаний бюджетных параметров. Графики суммарных профицитов/дефицитов бюджетов субъектов РФ по экономическим зонам, исчисленные в постоянных ценах, демонстрируют тенденции среднесрочных колебаний конъюнктуры J-циклов: благоприятную в 1999-2008 гг., неблагоприятную в 1995-1998 гг. и 2009-2017 гг. Отчетливая тенденция территориальной дивергенции российской экономики (возвышения ядра), лишь слегка сглаживаемая среднесрочными J-циклами, видна в приложениях 38-39, графически иллюстрирующих хронологическую динамику показателей доходов и расходов бюджетов субъектов в расчете на душу населения, исчисленных в постоянных ценах. Об устойчивой иерархической дифференциации экономических зон свидетельствует динамика показателей отношений доходов и расходов бюджетов субъектов к их ВРП, представленная в приложениях 40-41, которые можно интерпретировать как зеркальное отражение приложений 35-36 (суммарных доходов и расходов бюджетов субъектов). Большие величины отношения доходов и расходов бюджетов к ВРП субъектов периферии и полупериферии говорят о большей зависимости от бюджетного финансирования их территориально-отраслевых комплексов, прежде всего социальной сферы. Плавные изменения среднесрочных трендов иллюстрируют увеличение доли хозяйственных ресурсов, поступающих в распоряжение субъектов всех зон

социально-экономической иерархии в период благоприятной конъюнктуры 1999-2007 гг., и уменьшение доли хозяйственных ресурсов, оставляемых территориальным образованиям в период рецессии 2008-2017 гг.

Уменьшение располагаемых бюджетных ресурсов субъектов РФ произошло после сокращения правительством в 2013-2016 гг. трансфертов из федерального бюджета в реальном выражении на 22%. Трансферты из федерального бюджета в 2016 г. составили 16% доходов бюджетов субъектов [319, с. 34, 36]. Интенсивное межбюджетное перераспределение финансовых ресурсов свидетельствует о решающей роли государственного аппарата и правительственной политики в формировании территориально-хронологической динамики современной экономики России. Установленная государством система налогообложения и сложившаяся практика межбюджетных отношений консервируют социально-экономическую дифференциацию территориальных образований. Существующая структура налоговых поступлений в бюджеты почти всех субъектов РФ (кроме столичного ядра) функционирует в режиме кумулятивного "порочного круга" - реверсивного спада, деградации в условиях среднесрочной рецессии. Сокращение прибыли и доходов населения, исчисленные в постоянных ценах, сжимают базу основных, системообразующих региональных налогов - на прибыль и доходы физических лиц. В свою очередь, уменьшение бюджетных доходов субъектов РФ лишает их возможности расходовать средства на инвестирование в развитие региональной экономики и в полном объеме финансировать социальную сферу, на долю которой приходится более половины всех расходов бюджетов субнационального уровня [319, с. 33]. Фактором кумулятивной территориально-хронологической макроэкономической динамики "порочного круга" выступает государственное предпринимательство консолидирующее финансовые ресурсы в федеральном бюджете. Негативная тенденция падения доли бюджетов субъектов в общем объеме бюджетных ресурсов РФ ("бюджетные ножницы"), инициирующая отраслевую деградацию и дивергенцию, реверсивную смену вектора социально-экономической эволюции субнациональных территориальных образований, показана в приложении 42. Чрезмерное изъятие федеральным правительством финансовых ресурсов из российской эконо-

мики в собственное распоряжение сопровождалось возникновением субнациональных бюджетных дефицитов и нарастанием долга субнациональных органов власти, динамика которого отражена в приложении 43. Устойчивые тренды соотношений доходов федерального центра и субнациональных субъектов отразили воздействие колебаний конъюнктуры: кризисные спады сказывались чувствительнее на централизованных финансовых ресурсах, относительно увеличивая долю бюджетных доходов территориальных образований РФ. Траектория изменения суммарного долга субнациональных органов власти - удвоение каждые 4 года - почти не зависела от циклических колебаний конъюнктуры и формировалась в основном государственной экономической политикой, особенно обслуживанием долга за счет дорогих кредитов коммерческих банков.

Проблемы задолженности территориальных образований обострились в 2005 г., что было связано с созданием в 2004 г. Стабилизационного фонда и началом политики изъятия ресурсов из российской экономики в суверенные фонды¹. О результатах этой формы государственного предпринимательства можно судить по данным приложения 44. Динамика средств суверенных фондов РФ, представленная в приложении 45, показывает резкие изменения, вызванные колебаниями национальной хозяйственной конъюнктуры и конъюнктуры мировой экономики, прежде всего, резкими изменениями цен на нефть (приложение 46). Синхронность с колебаниями цены нефти видна и в графическом изображении динамики чистого экспорта Российской Федерации в приложении 47. Восходящие кривые российского чистого экспорта, построенные на основе данных МВФ, Всемирного банка и Росстата, свидетельствуют о том, что наше федеральное правительство проводило внешнеэкономическую политику, стимулировавшую отток хозяйственных ресурсов из страны.

Государственное предпринимательство, сочетающее регулируемую и хозяйственную деятельность, было главным действующим лицом (фактором), фор-

¹ Стабилизационный фонд в 2004-2008 гг., Резервный фонд и Фонд национального благосостояния с 2009 г.

мировавшим территориально-хронологическую динамику экономики современной России.

Инициированная государственной властью в начале 1990-х гг. системная трансформация отечественной экономики означала разрушение созданной "эгалитарной гармонии" директивно-планового народного хозяйства и отказ от модели социального государства (всеобщего благосостояния), от создания новой социальной и территориальной гармонии в смешанной частно-государственной экономике. Формирование модели национальной экономики на принципах неограниченной рыночной конкуренции и либерального фундаментализма заложило предпосылки действия кумулятивных закономерностей, выявленных Г. Мюрдалем: распространения и усиления территориального неравенства, эффекта обратного потока хозяйственных ресурсов. Вектор социально-экономической эволюции развернулся в обратную сторону. Начали действовать тенденции дивергенции почти во всех звеньях (отношениях) системы разделения труда: возросли социально-экономические различия между территориальными образованиями, усилилась центр-периферийная поляризация экономических зон, обострились противоречия отношений в иерархии экономических укладов. Укрепились позиции государственного уклада (федерального правительства) и корпораций (преимущественно транснациональных), дислоцирующихся в ядре российской экономики, в ущерб остальным макроэкономическим субъектам (укладам).

Произошла смена модели территориально-отраслевого разделения труда, сопровождавшаяся деиндустриализацией России. Деградация обрабатывающей промышленности увеличила долю природоэксплуатирующих отраслей в структуре производства всей страны и ее территориальных образований. Ориентация на получение природной ренты, в полном соответствии с концепцией Э. Райнерта, означала переход от развития отраслей с возрастающей отдачей к отраслям с убывающей отдачей, формирование тенденции снижения эффективности (производительности) национальной экономики. Сырьевая специализация экономики, проиллюстрированная в приложении 48, закрепила место России в международном разделении труда, спровоцировала откат страны с позиций полупериферии в периферию

мирового хозяйства. Снижение миросистемного статуса РФ запустило механизм кумулятивного действия "порочного круга" эффекта обратного потока ресурсов, в виде увеличивающегося чистого экспорта. Периферийная сырьевая специализация России благоприятствовала ее субнациональным субъектам с природоэксплуатирующими отраслями: производством энергоносителей, металлов, химических и сельскохозяйственных продуктов, других видов сырья.

Государственное предпринимательство усиливало кумулятивное действие "порочного круга" социально-экономической деградации, препятствуя развитию отраслей, ориентированных на внутренний рынок России. Федеральная правящая власть проводила рестрикционную политику увеличения косвенного налогообложения, высокой ставки рефинансирования Центрального банка и за пределами дорогих кредитов коммерческих банков, ограничения денежной эмиссии и денежной массы, занижения коэффициента монетизации российской экономики, сжатия инвестиционного и потребительского спроса, изъятия средств в суверенные фонды. Приложение 49 показывает непомерную дороговизну коммерческих кредитов в России по сравнению с развитыми странами. В приложении 50 представлены данные о монетизации российской экономики. Траектория изменения соотношения денежной массы M2 к ВВП в 1995-2018 гг. отразила динамику среднесрочных колебаний конъюнктуры, а также засвидетельствовала, что насыщение народного хозяйства России денежными средствами было составным элементом экономического роста в период восстановительного J-цикла. Анализ динамики коэффициентов монетизации экономик стран G-20, рассчитанных по показателю широкой денежной массы (broad money), показывает явную недостаточность ресурсов в денежном обращении России в сравнении не только с передовыми странами, но даже со среднемировыми значениями. Тенденции территориально-хронологической макроэкономической динамики современной России формировались под воздействием искусственно создаваемого дефицита финансовых и кредитных средств, который ограничивал доступ к хозяйственным ресурсам на внутреннем рынке страны, сдерживал инвестиции, затруднял экономический рост и в итоге ввергнул народное хозяйство в состояние многолетней рецессии.

Стимулирование федеральными властями экспортно-сырьевой ориентации при помощи заниженного валютного курса рубля и прочих преференций природо-эксплуатирующим отраслям провоцировало ослабление и разрыв территориально-отраслевых отношений (связей) общенациональной системы разделения труда и анклавное обособление сектора экспортноориентированных отраслей от сектора отраслей, ориентированных на всероссийский рынок. В России сложилась макроэкономическая ситуация, зеркальная макродинамике в японской модели экономики, которую описал Т. Озава. В российской экономике поддерживаемый государством низкотехнологичный сектор экспортно-сырьевых отраслей разрушительно воздействовал на сектор отраслей с высокой добавленной стоимостью. Снижение статуса и ухудшение положения России в системе международного разделения труда в результате сырьевой специализации и чрезмерного чистого экспорта усилили тенденцию (эффект) обратного потока хозяйственных ресурсов из отечественной экономики.

В условиях долгосрочной негативной конъюнктуры и либерально-рыночной государственной политики действовала закономерная тенденция эффекта обратного потока хозяйственных ресурсов из центральных, полупериферийных и периферийных зон в политико-экономическое ядро страны. Наблюдалась тенденция углубления социально-экономических противоречий в отношениях между федеральной государственной властью и государственными структурами субнационального уровня, проявлявшаяся в дивергенции между ядром и другими экономическими зонами в российской центр-периферийной иерархии. Федеральное правительство в интересах сохранения политической стабильности и поддержания сравнительно высокого уровня жизни населения в столичных агломерациях перекладывало бремя и потери от плохой конъюнктуры, неадекватного государственного управления и хозяйствования на остальных субъектах России, усиливало социальную и экономическую поляризацию территориальных образований. В период рецессии происходила конвергенция ведущих субъектов центральной зоны, экономической полупериферии и периферии в направлении их общей дегградации, которую

характеризовали негативные, нисходящие тенденции динамики основных макроэкономических показателей.

Территориально-хронологическая макроэкономическая динамика современной России демонстрировала действие долгосрочных кумулятивных тенденций "порочного круга" в рамках нисходящей фазы К-цикла, включавшей в себя среднесрочные J-циклы: дезинвестиционный, восстановительный и рецессию. Происходило сокращение в структуре занятости и валовой добавленной доли отраслей материального производства. Если депрессивное состояние сельского хозяйства соответствовало конъюнктурной динамике нисходящей волны К-цикла [76, с. 205-207], то другие негативные тенденции перестройки территориально-отраслевой структуры были по преимуществу результатом воздействия государственного предпринимательства на макроэкономическую динамику РФ. Сокращение занятых в обрабатывающей промышленности означало деиндустриализацию и уменьшение ВДС промышленности, а вместе с резким сокращением занятых в сфере науки и образования свидетельствовало о деградации факторов инновационного интенсивного роста российской экономики, о качественном ухудшении источников научно-технического прогресса: НИОКР, подготовки квалифицированных кадров, производственно-инвестиционного комплекса. Кумулятивные тенденции "порочного круга" повернули вспять исторический вектор территориально-хронологической макроэкономической динамики современной России, сформировали вектор, который можно охарактеризовать как реверсивную эволюцию - движение в обратном направлении по стадиям модели FG К. Акамацу или вниз "по ступенькам" ведущих отраслей роста концепции Т. Озавы. Примитивизация и деградация отраслевой структуры говорит об ослаблении территориально-отраслевых связей (отношений) в общенациональной системе разделения труда, об уменьшении экономической плотности большинства территориальных образований, о разрушении целостности единого экономического пространства России.

Выявленные тенденции территориально-хронологической макроэкономической динамики современной России показали бесперспективность продолжения либерально-рыночной политики федерального правительства. Назрела необходи-

мость замены модели "естественной гармонии" рыночного утилитаризма моделью "созданной гармонии" социального государства (всеобщего благосостояния) и соответствующего изменения политики федеральной власти: минимизации эффектов обратного потока хозяйственных ресурсов, усиления эффектов распространения импульсов экономического развития от центральной зоны к периферии, конвергенции уровней экономического развития и благосостояния территориальных образований Российской Федерации.

Подводя итоги, следует констатировать, что на основе сравнительного анализа статистических данных при помощи ГИС-технологий установлена взаимосвязь макроэкономической динамики и преобразований территориально-отраслевого разделения труда в России. Хозяйственная конъюнктура воздействует на тенденции изменения многослойных территориально организованных социально-экономических и отраслевых систем: иерархических сетевых хозяйственных связей (экономических отношений), поверхностей, по которым распространяются конъюнктурные колебания. Центр-периферийная иерархия территориальных образований обуславливает тенденцию перехода от полного спектра социально-экономических укладов и механизмов хозяйственного регулирования, высокоразвитой многоотраслевой структуры, максимальной плотности экономического пространства в городах-столицах (Москве и Санкт-Петербурге) к простейшим локальным хозяйственным механизмам, слабо диверсифицированной отраслевой структуре, однослойному и фрагментарному экономическому пространству периферийной зоны (субъектов) Российской Федерации.

Многослойная динамика циклических колебаний конъюнктуры по территориальным образованиям России зависела от плотности экономического пространства (хозяйственной деятельности), структуры отраслей и механизмов хозяйственного регулирования, социально-экономической политики государства, соответствовала центр-периферийной иерархии административно-территориального деления (городов, областей, краев и республик). Циклы заметнее наблюдались в многослойных пространственных структурах с высокой экономической плотностью и двумя мощными верхними социально-экономическими укладами - государствен-

ными структурами федерального уровня и крупным корпоративным бизнесом. Имеются экономические зоны, "выпадающие" из циклической динамики конъюнктуры, существующие в условиях преимущественно конкурентного рыночного хозяйства среднего и малого бизнеса, социальной сферы, финансируемой из бюджетов государственных структур разного уровня, натурального хозяйства. Действовали тенденции к дивергенции и деиндустриализации экономик территориальных образований России на нисходящей фазе К-цикла и составляющих ее J-циклов. Политика правительства РФ ради своих выгод и в интересах столичных агломераций перекладывала бремя и потери от плохой конъюнктуры, неадекватного государственного управления и хозяйствования на остальных субъектах пространственных отношений, усиливала социальную и экономическую поляризацию территорий. Территориально-хронологическая динамика современной экономики России показала наличие закономерных тенденций долгосрочной нисходящей конъюнктуры и негативной либерально-рыночной государственной политики: эффект обратного потока хозяйственных ресурсов из центральных, полупериферийных и периферийных зон в политико-экономическое ядро страны; усиление неравномерности развития территорий из-за снижения статуса и ухудшения положения Российской Федерации в системе международного разделения труда в результате сырьевой специализации и чрезмерного чистого экспорта (обратного потока хозяйственных ресурсов из отечественной экономики).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выполненное диссертационное исследование позволило получить следующие результативные выводы.

Теоретико-методологическое применение концепции хронотопа позволяет реализовать ее эвристический потенциал в исследовании территориально-хронологической динамики экономики и наметить направления возможного приращения знаний посредством: факторной классификации теорий территориальной организации и динамики социально-экономических систем; теоретического моделирования территориальной макроэкономической динамики разделения труда, социальной структуры и механизмов регулирования экономики, пространственно организованных в виде многоуровневой иерархической структуры; понимания урбанизации как городской формы размещения и эволюции отраслевого разделения труда; обоснования необходимости и возможности разработки современной научной парадигмы территориально-хронологического развития экономики; концептуального осмысления кумулятивной и циклической территориально-хронологической макроэкономической динамики; определения взаимосвязи ключевых территориально-хронологических параметров и факторов социально-экономического развития территориальных образований; представления моделей регулярных экономических циклов - вековых, К-циклов, среднесрочных J-циклов и нерегулярных (оригинальных, специфических) циклов - в виде концептуальных конструкций, описывающих иерархически организованную пространственно-временную кумулятивную циклическую макроэкономическую динамику социально-экономических систем, территориально-отраслевого разделения труда и территориально-экономической интеграции.

Методология хронотопа создает предпосылки исследования территориально-хронологического развития экономики России на стыке ветвей фундаментальной экономической науки: экономической теории, истории экономики и экономиче-

ской мысли, макроэкономики, пространственной экономики, а также смежных научных дисциплин: философии и истории, с привлечением миросистемного анализа, теоретической интерпретации статистического и фактологического материала. Междисциплинарные взаимодействия в экономической науке способствуют открытию новых граней в исследовании российского хозяйства, позволяют дать новую трактовку явлениям, процессам и событиям. Кроссдисциплинарный подход предполагает критерий верификации теории и методологии экономической мысли - способность объяснять закономерности развития хозяйства страны и ее частей, мировой экономики.

В основе макроэкономической динамики лежит разделение труда - процесс исторического развития обособления, специализации, кооперирования, изменения трудовой деятельности, который формирует территориально и хронологически организованную систему социально-экономических отношений. Классификация концепций территориальной экономической динамики и формирования разделения труда возможна по ключевым признакам: факторам неравномерного распределения хозяйственных ресурсов между территориальными образованиями внутри национальных экономик и между государствами; формированию территориальных конфигураций, структур экономического роста - в виде точечных полюсов роста, линейных осей развития, площадных агломераций; стадийному распространению импульсов роста и инноваций по экономическому пространству; специфике инновационной и информационной сфер хозяйственной деятельности, сырьевого и обрабатывающего секторов экономики; значению городов - источников инноваций; циклическому воспроизводству продуктов, технологий, отраслей; международной миграции факторов производства.

Территориальный аспект экономических процессов находился на периферии эволюции стандартной науки, в сфере изучения международного разделения труда и межстрановой торговли. Отсутствие учета фактора времени и качественного изменения факторов размещения производства, сосредоточение на территориальных факторах организации производства ограничивали применение теорий и моделей пространственной экономики.

Территориальная макроэкономическая динамика представляет собой формирование разделения труда, пространственно организованного в виде многоуровневой иерархической структуры: экономических отношений территориальных образований различного уровня (хозяйственных единиц, отраслей, сфер хозяйственной жизни), масштаба (населенных пунктов, городов, регионов, стран), макроэкономических субъектов (потребителей, предпринимательского сектора, государства, мировой экономики); социально-экономических укладов (экономики домохозяйств, индивидуальной трудовой деятельности и кооперативов, малого и среднего предпринимательства, корпоративного, транснационального капиталистического сектора и государственного сектора экономики); механизмов хозяйственного регулирования (спорадически возникающего локального рынка, стационарной и передвижной розничной торговли, ярмарочной, крупной перевалочной, складской и посреднической оптовой торговли, биржи, банка, финансов, наличного и безналичного денежного обращения).

Территориально-хронологическая динамика социально-экономических систем характеризуется иерархией многомерного экономического пространства и многоуровневой структурной организации. Теоретическое моделирование разделения труда, механизмов регулирования и социальной структуры конкретизируется пониманием городов как центров хозяйственной деятельности и экономического развития. Урбанизация и становление экономики городских поселений - ключевое условие территориального формирования отношений разделения труда.

Концепции формирования экономики города характеризуют: его территориальную динамику в виде "точечной", "пятнистой" и "поверхностной" (зональной) организации пространства; иерархическую систему городов (от городского поселения местного, локального уровня до городских центров глобального значения); территориальную иерархию сфер разделения труда; полный спектр видов хозяйственной деятельности, механизмов хозяйственного регулирования, макроэкономических субъектов. Крупнейшие города (мирового значения и столицы) сосредотачивают максимум хозяйственной деятельности, сконцентрированной на ограничен-

ной территории. Важнейшие макроэкономические пропорции территориально-хозяйственной динамики формируются преимущественно городами.

Миросистемная теоретическая модель представляет территориальную динамику всего спектра сфер международного разделения труда в виде многослойного, пространственно организованного и хронологически упорядоченного процесса эволюции, объясняет структуру и пространственное оформление центр-периферийного взаимодействия экономик государств, иерархию механизмов хозяйственного регулирования и секторов (социально-экономических укладов).

Альтернативная мейнстриму современная экономическая наука обладает свойствами парадигмы, предлагая образ научного мышления, образцы решения научных задач и хозяйственного поведения.

Во-первых, она формулирует концептуальные положения, показывает эвристический потенциал целого направления экономической науки, обосновывает необходимость взаимного обогащения, соперничающих парадигм экономической мысли, применения общепризнанных методов научного исследования и общего понятийно-категориального аппарата. Она включает в концептуальные схемы: междисциплинарные "пазлы" и методологическую предпосылку о качественном изменении определения и содержания научных понятий (категорий) в условиях пороговых изменений территориальных и хронологических социально-экономических параметров; "неэкономические" факторы и ценностные понятия.

Во-вторых, она оценивает научную обоснованность теорий в контексте истории экономических учений, соответствует пониманию парадигмы как целостной системы теоретических взглядов, признаваемых научным сообществом на протяжении длительного времени. Современная парадигма опирается на историографическую логику эволюции экономической мысли со времен эпохи Возрождения, учитывает сосуществование двух типов ментальностей европейской экономической науки - континентальной и английской традиции.

В-третьих, она анализирует успешный опыт хозяйственного развития государств, показывая образцы заимствования. Социальные реформы в развитых стра-

нах накопили исторический опыт создания солидарного общества в условиях конкурентно-рыночной экономики, альтернативной модели "сговора".

Территориально-хронологическая макроэкономическая динамика представляет собой формирование разделения труда в виде кумулятивного развития экономики территориальных образований, хронологически упорядоченных (стадийных, циклических) изменений территориальных социально-экономических систем, иерархической соподчиненности регулярных и нерегулярных (оригинальных) циклических колебаний хозяйственной конъюнктуры различной временной размерности на различных экономических пространствах.

Теории кумулятивных, нерегулярных территориально-хронологических изменений экономики основаны на конструкциях "добродетельного круга" и "порочного круга" с усиливающимся положительным или негативным взаимодействием факторов социально-экономической эволюции и формирования сфер разделения труда. Направленность кумулятивных процессов меняется, когда пороговых значений достигают факторные параметры.

В обобщающей концепции территориально-хронологической макроэкономической динамики - миросистемном анализе - иерархически организованному пространству в виде территориальных образований и территориально обусловленных экономических форм, институтов и отраслей хозяйственной деятельности соответствует иерархия хронологически упорядоченных временных характеристик - экономических циклов, механизм которых объясняется сочетанием внешнего толчка (экзогенной причины) и среды (территории) распространения внешнего импульса. Мир-экономика - колеблющаяся поверхность самых больших размеров; он воспринимает конъюнктуру и создает ее единство на определенном уровне, на огромных территориях.

Время в миросистемных моделях представлено структурированной хронологией циклов (периодов) разной продолжительности. Общепринятая иерархия экономических циклов Китчина, Жюгляра, Кондратьева дополняется вековой тенденцией - моделью цикла длительной временной протяженности, а также оригиналь-

ными, "нестандартными", нерегулярными долгосрочными экономическими циклами развития отдельных стран, регионов и отраслей хозяйства.

Многовекторность экономического развития предполагает выбор направления эволюции: поступательное прогрессивное развитие или деградация (анти-развитие), реверсивное развитие экономики. В зависимости от политико-экономического выбора, использование одних и те же механизмов и факторов экономического роста может способствовать богатству и процветанию нации или ввергать страну в бедность и застойную нищету. "Уход" государства из экономики и ее социальной сферы инициирует политическую и хозяйственную деградацию в режиме "порочного круга" и реверсивной кумулятивной динамики.

В концепциях Г. Мюрдаля, К. Акамацу и Э. Райнерта сформулированы теоретические положения, объясняющие успешность инновационного развития, прогрессивную территориально-хронологическую динамику национальной экономики в режиме "добродетельного круга", создающего гармонию государственного предпринимательства. Современная альтернативная парадигма экономической мысли с эгалитарными ценностями формируется с участием организованного сообщества на национальном и международном уровне как историко-обусловленный, закономерный результат экономического развития.

Важнейшие взаимосвязанные территориально-хронологические параметры социально-экономического развития территориальных образований определяются показателями: эффективности использования земельных ресурсов (производственного фактора земли) - экономической плотности, отношением ВВП (валового внутреннего продукта) / ВРП (валового регионального продукта) к площади территории; эффективности использования трудовых ресурсов (фактора труда) - производительности труда, отношением ВВП/ВРП к численности занятых; эффективности использования фактора капитала - фондоотдачи, отношением ВВП/ВРП к суммарной стоимости основного капитала и отношением прироста ВВП/ВРП к сумме инвестиций основного капитала.

Концепция К-цикла играет ключевую роль в исследовании территориально-хронологической макроэкономической динамики, в том числе ресурсного обеспе-

чения, конъюнктуры потребления и сбыта отраслей, взаимодействия экономик развитых и развивающихся стран, научно-технического прогресса в отраслевых структурах, освоения новых видов сырья, материалов, энергии, изменения затрат по стадиям эксплуатации сырья.

Концепция циклической нерегулярной и регулярной территориально-хронологической динамики объясняет реструктуризацию отраслей, факторов производства, экономики стран и регионов. Оригинальные циклы размещения отраслей хозяйства, эволюции экономических районов, развития экономической интеграции взаимодействуют с регулярными циклами конъюнктурных колебаний. Регулярные циклы формируют конъюнктурный фон (глубину пространства) нерегулярных циклов. Оригинальные циклы служат содержательным наполнением периодических циклов. Конъюнктурные колебания формируют цикличность эволюции разделения труда и факторов экономического развития, инноваций.

Процесс урбанизации в России с конца XIX в. протекал как сопоставимый с вековыми тенденциями хронологически нерегулярный, кумулятивный цикл формирования территориально-отраслевого разделения труда, на который воздействовали конъюнктурные колебания К-циклов и J-циклов. Наблюдались две долгосрочные тенденции в динамике численности городов и городского населения: восходящая в 1959-1989 гг. и нисходящая в 1989-2018 гг., соответствующие фазам К-цикла. Интенсивная урбанизация 1959-1975 гг. происходила на восходящих фазах столетнего цикла накопления капитала и К-цикла. Наложение нисходящих фаз указанных циклов прервало успешную урбанизацию с 1990-х гг.

Траекторию урбанизации нашей страны формировало также государственное предпринимательство, сочетавшее регулируемую и хозяйственную деятельность. Политика индустриализации переломила неблагоприятные тенденции нисходящей фазы третьего К-цикла и инициировала мощный рост городов в годы первых пятилеток. Вместо интенсификации урбанизации после завершения ее экстенсивной стадии в 1980-х гг. произошло реверсивное ухудшение структуры городов России в результате действия рыночных регуляторов экономики и отказа государ-

ственного предпринимательства от реализации стратегии равномерного территориального развития народного хозяйства страны.

Наблюдалась взаимная зависимость иерархии циклов конъюнктуры и иерархии городских территориальных образований; амплитуда колебаний конъюнктуры среднесрочных экономических циклов возрастала по мере возвышения уровня (ранга) иерархии городов и уменьшалась по мере его снижения. Динамика экономических показателей городских территориальных образований показала наличие трех J-циклов: дезинвестиционного цикла (1992-1998 гг.), восстановительного цикла (1999-2008 гг.) и циклической рецессии (с 2009 г.).

Взаимосвязь макроэкономической динамики и преобразований территориально-отраслевого разделения труда подтверждается сравнительным анализом статистических данных при помощи ГИС-технологий. Центр-периферийная иерархия территориальных образований обуславливает тенденцию перехода от полного набора социально-экономических укладов и механизмов хозяйственного регулирования, высокоразвитой многоотраслевой структуры, максимальной плотности экономического пространства в городах-столицах (Москве и Санкт-Петербурге) к простейшим локальным хозяйственным механизмам, слабо диверсифицированной отраслевой структуре, однослойному и фрагментарному экономическому пространству периферийной зоны субъектов Российской Федерации. Динамика хозяйственной конъюнктуры воздействовала на многослойные территориально организованные социально-экономические и отраслевые системы.

Анализ динамики ВРП субъектов РФ в сопоставимых, постоянных ценах создает предпосылки изучения центр-периферийной структуризации национальной экономики, зональной классификации территориальных образований по масштабам их хозяйственной деятельности. Величина годового ВРП служит критерием группировки территориальных экономических систем по зонам.

В территориально-хронологической макроэкономической динамике субъектов РФ прослеживались тенденции дивергенции (дифференциации). Максимальная концентрация экономической плотности и отраслей, сосредоточение крупнейших корпоративных структур, дислокация федеральных органов государственного

управления, наличие полного набора социально-экономических укладов, использование всего спектра инструментов управления экономикой служили факторами кумулятивного взаимодействия, укрепляли исключительное положение столичных агломераций в социально-экономической иерархии субъектов РФ, усиливали центр-периферийную поляризацию экономик территориальных образований. Господствующие уклады - государственный и корпоративный - определяли тенденции территориально-хронологической макроэкономической динамики Российской Федерации, концентрировали денежные потоки в Москве и в распоряжении центрального государственного аппарата.

Многослойная динамика циклических колебаний хозяйственной конъюнктуры территориальных образований России зависела от плотности экономического пространства, структуры отраслей и механизмов хозяйственного регулирования, социально-экономической политики государства, центр-периферийной иерархии городов, областей, краев и республик. Циклы заметнее наблюдались в многослойных пространственных структурах с высокой экономической плотностью и двумя мощными верхними социально-экономическими укладами - государственными структурами федерального уровня и крупным корпоративным бизнесом. Экономические зоны с доминированием конкурентного рыночного хозяйства среднего и малого бизнеса, социальной сферы, финансируемой из бюджетов государственных структур разного уровня, натурального хозяйства "выпадали" из циклической динамики конъюнктуры. Действовали тенденции к дивергенции и деиндустриализации экономик территориальных образований России на нисходящей фазе К-цикла и составляющих ее J-циклов. Политика правительства РФ ради своих выгод и в интересах столичных агломераций перекладывала бремя и потери от плохой конъюнктуры, неадекватного государственного управления и хозяйствования на остальных субъектах пространственных отношений, усиливала социальную и экономическую поляризацию территорий. Территориально-хронологическая динамика экономики современной России показала наличие закономерных последствий долгосрочной нисходящей конъюнктуры и либерально-рыночной государственной политики. Сформировались негативные тенденции: эффект обратного потока хозяй-

ственных ресурсов из центральных, полупериферийных и периферийных зон в политико-экономическое ядро страны; эффект обратного потока хозяйственных ресурсов из нашей экономики в результате чрезмерного чистого экспорта.

Многослойные пространственные образования ядра и центральной экономической зоны РФ создавали условия интенсификации и циклических изменений хозяйственной деятельности. На другом полюсе иерархии зон российской экономики периферийные территории с однослойным и фрагментарным экономическим пространством были мало подвержены воздействию циклов конъюнктуры. Изменения отраслевой структуры занятости субъектов РФ характеризовали долгосрочные макроэкономические тенденции К-цикла, сопряженные с динамикой среднесрочных колебаний конъюнктуры J-циклов, а изменения отраслевой структуры валовой добавленной стоимости (ВДС) были взаимосвязаны с макроэкономическими тенденциями J-циклов.

Весь спектр многослойной хронологической циклической динамики хозяйственной конъюнктуры и многослойной территориальной динамики современной экономики России отразил показатель эффективности инвестиций - отношение прироста ВРП к вложениям в основной капитал. Прослеживались три тенденции: во-первых, общая тенденция снижения эффективности капиталовложений, соответствующая нисходящей фазе К-цикла; во-вторых, среднесрочные изменения (тренды) эффективности инвестиций: падение в 1997-1998 гг., сравнительно высокая эффективность в 1999-2007 гг., затухающее снижение эффективности после 2008 г.; в-третьих, наибольшая амплитуда конъюнктурных колебаний эффективности инвестиций отмечалась в экономике ядра.

Государство было главным фактором, определявшим тенденции территориально-хронологической макроэкономической динамики современной России. Инициированная государственной властью в 1990-х гг. системная трансформация отечественной экономики означала разрушение созданной "эгалитарной гармонии" директивно-планового народного хозяйства и отказ от модели социального государства (всеобщего благосостояния).

Формирование модели национальной экономики на принципах рыночной конкуренции и либерального фундаментализма заложило предпосылки действия кумулятивных закономерностей: распространения и усиления территориального неравенства, эффекта обратного потока хозяйственных ресурсов. Вектор социально-экономической эволюции развернулся в обратную сторону. Начали действовать тенденции дивергенции в системе разделения труда: возросли социально-экономические различия между территориальными образованиями, усилилась центр-периферийная поляризация экономических зон, обострились противоречия отношений в иерархии экономических укладов.

Произошла смена модели территориально-отраслевого разделения труда, сопровождавшаяся деиндустриализацией России. Деграция обрабатывающей промышленности увеличила долю природоэксплуатирующих отраслей в структуре производства всей страны и ее территориальных образований, означала переход от отраслей с возрастающей отдачей к отраслям с убывающей отдачей, формирование тенденции снижения эффективности национальной экономики.

Федеральная правящая власть усиливала кумулятивное действие "порочного круга" социально-экономической деграции, препятствуя развитию отраслей, ориентированных на внутренний рынок России, проводила рестрикционную политику увеличения косвенного налогообложения, высокой ставки рефинансирования ЦБ, за пределами дорогих кредитов, ограничения денежной эмиссии и денежной массы, занижения коэффициента монетизации российской экономики, сжатия инвестиционного и потребительского спроса, изъятия средств в суверенные фонды. Макроэкономические тенденции территориально-хронологической динамики современной России формировались под воздействием искусственно создаваемого дефицита финансовых и кредитных средств, который ограничивал доступ к хозяйственным ресурсам на внутреннем рынке страны, сдерживал инвестиции, затруднял экономический рост и в итоге ввергнул народное хозяйство в состояние многолетней рецессии.

Стимулирование федеральными властями экспортно-сырьевой ориентации при помощи заниженного валютного курса рубля и прочих преференций природо-

эксплуатирующим отраслям провоцировало ослабление и разрыв территориально-отраслевых связей общенациональной системы разделения труда и анклавное обособление сектора экспортоориентированных отраслей от сектора отраслей, ориентированных на всероссийский рынок. Низкотехнологичный сектор экспортно-сырьевых отраслей разрушительно воздействовал на сектор отраслей с высокой добавленной стоимостью.

Сокращение занятых в обрабатывающей промышленности означало деиндустриализацию и уменьшение ВДС промышленности, а вместе с резким сокращением занятых в сфере науки и образования свидетельствовало о деградации факторов инновационного интенсивного роста российской экономики, качественном ухудшении источников научно-технического прогресса: НИОКР, подготовки квалифицированных кадров, производственно-инвестиционного комплекса. Кумулятивные тенденции "порочного круга" повернули вспять исторический вектор территориально-хронологической макроэкономической динамики современной России, сформировали вектор, который можно охарактеризовать как реверсивную эволюцию. Примитивизация и деградация отраслевой структуры ослабляют территориально-отраслевые связи в общенациональной системе разделения труда, уменьшают экономическую плотность территориальных образований, разрушают целостность экономического пространства России.

Выявленные тенденции территориально-хронологической макроэкономической динамики современной России показали бесперспективность продолжения либерально-рыночной политики федерального правительства. Назрела необходимость замены модели "естественной гармонии" рыночного утилитаризма моделью "созданной гармонии" социального государства (всеобщего благосостояния) и соответствующего изменения политики федеральной власти: минимизации эффектов обратного потока хозяйственных ресурсов, усиления эффектов распространения импульсов экономического развития от центральной зоны к периферии, конвергенции уровней экономического развития и благосостояния территориальных образований России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьин, О.А. Экономическая теория: кризис парадигмы как кризис высшего профессионального образования [Текст] / О.А. Ананьин // Экономика образования. - 2009. - № 3, ч. 1. - С. 35-50.
2. Арриги, Дж. Адам Смит в Пекине: что получил в наследство XXI [Текст] : пер. с англ. / Дж. Арриги. - Москва : Ин-т общественного проектирования, 2009. - 456 с.
3. Арриги, Дж. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени [Текст] : пер. с англ. / Дж. Арриги. - Москва : Территория будущего, 2006. - 472 с.
4. Багаутдинова, Н.Г. Сущность регионального экономического пространства и направления его трансформации [Текст] / Н.Г. Багаутдинова, Г.Н. Хадиуллина, Г.М. Харисова, Л.Ф. Нугуманова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2014. - № 6 (49). - С. 25-30.
5. Балацкий, Е.В. Пределы роста мегаполисов [Текст] / Е.В. Балацкий, А.Б. Гусев, К.М. Саакянц // Пространственная экономика. - 2006. - № 4. - С. 34-58.
6. Балаш, О.С. Моделирование темпов роста численности населения городов России: пространственный аспект [Текст] / О.С. Балаш // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. - 2013. - № 6. - С. 142-146.
7. Балаш, О.С. Пространственное моделирование темпов роста численности населения городов России [Текст] / О.С. Балаш // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия "Экономика. Управление. Право". - 2014. - Т. 14, № 1-1. - С. 80-86.
8. Балаш, О.С. Пространственный анализ темпов роста городов России [Текст] / О.С. Балаш // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия "Экономика. Управление. Право". - 2013. - Т. 13, № 2. - С. 186-191.

9. Барабошина, Н.В. К методологическому обоснованию понятия "хроно-топ" [Текст] / Н.В. Барабошина // Вестник Оренбургского государственного университета. - 2012. - № 7 (143). - С. 243-247.

10. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики [Текст] / М.М. Бахтин. - Москва : Художественная литература, 1975. - 504 с.

11. Блауг, М. Экономическая мысль в ретроспективе [Текст] / М. Блауг. - Москва : Дело Лтд, 1994. - 678 с.

12. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. В 3 т. Т. 2. Игры обмена [Текст] : пер. с фр. / Ф. Бродель. - Москва : Прогресс, 1988. - 624 с.

13. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. В 3 т. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное [Текст] : пер. с фр. / Ф. Бродель. - Москва : Прогресс, 1986. - 624 с.

14. Бродель, Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1. Роль среды [Текст] / Ф. Бродель. - Москва : Языки славянской культуры, 2002. - 496 с.

15. Бродель, Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги [Текст] / Ф. Бродель. - Москва : Языки славянской культуры, 2003. - 808 с.

16. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. В 3 т. Т. 3. Время мира [Текст] : пер. с фр. / Ф. Бродель. - Москва : Прогресс, 1992. - 678 с.

17. Бурнашев, К.Э. Хронотоп - ключ к познанию социального пространства [Текст] / К.Э. Бурнашев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. - 2007. - № 2 (7). - С. 15-20.

18. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире [Текст] / И. Валлерстайн. - Санкт-Петербург : Университетская книга", 2001. - 416 с.

19. Валлерстайн, И. Мир-система Модерна. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке [Текст] / И. Валлерстайн. - Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. - Т. 1. - 552 с.

20. Васин, С.М. Подходы к определению понятия "регион" и совершенствование региональной социально-экономической системы [Текст] / С.М. Васин // Известия ТРТУ. - 2004. - № 4 (39). - С. 8-14.

21. Васин, С.М. Проблемы стратегического планирования развития территорий [Текст] / С.М. Васин // Управленческие науки. - 2013. - № 2. - С. 84-89.

22. Васин, С.М. Роль социально-экономических моделей общественных формаций в развитии России [Текст] / С.М. Васин // Вестник УГТУ-УПИ. - 2005. - № 1. - С. 18-25.

23. Васин, С.М. Институциональный аспект проблемы восприимчивости региональной социально-экономической системы к инновациям [Текст] / С.М. Васин, Л.А. Гамидуллаева // Вестник Омского университета. Серия "Экономика". - 2018. - № 3 (63). - С. 184-194.

24. Васин, С.М. Исторические предпосылки трансформационных изменений в промышленности региона [Текст] / С.М. Васин, Л.И. Крутова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. - 2012. - № 1 (21). - С. 150-157.

25. Васин, С.М. Система обеспечения промышленности региона трудовыми ресурсами [Текст] / С.М. Васин, В.А. Скворцова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. - 2016. - № 1 (37). - С. 173-184.

26. Вернон, Р. Гипотеза продуктового цикла в новом международном окружении [Текст] / Р. Вернон // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А.П. Киреева. - Москва : ТЕИС, 2006. - С. 512-522.

27. Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика [Текст] / под общ. ред. А.П. Киреева. - Москва : ТЕИС, 2006. - 720 с.

28. Витте, С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных Его Императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу.

вичу в 1900-1902 гг. [Текст] / С.Ю. Витте. - Санкт-Петербург : Тип. АО Брокгауз-Ефрон, 1912. - XV+568 с.

29. Витте, С.Ю. Национальная экономия и Фридрих Лист [Текст] / С.Ю. Витте. - Киев : Тип. "Киев. слова", 1889. - 59 с.

30. Внешняя торговля [Электронный ресурс] / Федер. служба гос. статистики. - Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/ftrade/#. - Загл. с экрана.

31. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики [Текст] : пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер. - Москва : Прогресс, 1988. - 704 с.

32. Гаджиев, Ю.А. Зарубежные теории регионального экономического роста и развития [Текст] / Ю.А. Гаджиев // Экономика региона. - 2009. - № 2. - С. 45-62.

33. Гаджиев, Ю.А. Макроэкономическая динамика северных регионов России [Текст] : монография / Ю.А. Гаджиев ; Коми научный центр УрО РАН. - Сыктывкар, 2009. - Гл. 1: Теории и модели пространственного экономического роста и развития. - С. 6-55.

34. Гаджиев, Ю.А. Неоклассические и кумулятивные теории регионального экономического роста [Текст] / Ю.А. Гаджиев // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера : Вестник НИЦ корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. - 2008. - № 1. - С. 6-23.

35. Географической энциклопедический словарь: понятия и термины [Текст] / под ред. А.Ф. Трешникова. - Москва : Советская энциклопедия, 1988. - 432 с.

36. Глазьев, С.Ю. О новой парадигме в экономической науке [Текст] / С.Ю. Глазьев // Экономическая наука современной России. - 2016. - № 3. - С. 7-17.

37. Глазьев, С.Ю. О новой парадигме в экономической науке [Текст] / С.Ю. Глазьев // Экономическая наука современной России. - 2016. - № 4. - С. 10-22.

38. Гольденберг, Э. Теория промышленного районирования А. Вебера [Текст] / Э. Гольденберг // Пространственная экономика. - 2008. - № 3. - С. 132-145.

39. Гранберг, А.Г. Идеи Августа Леша в России [Текст] / А.Г. Гранберг // *Пространственная экономика*. - 2006. - № 2. - С. 5-22.
40. Гуриева, Л.К. Теория диффузий нововведений [Текст] / Л.К. Гуриева // *Инновации*. - 2005. - № 4 (81). - С. 22-26.
41. Гурова, И.П. Конкурирующие экономические теории [Текст] : монография / И.П. Гурова. - Ульяновск : УлГУ, 1998. - 176 с.
42. Гэлбрейт, Дж.К. Общество изобилия [Текст] : пер. с англ. / Дж.К. Гэлбрейт. - Москва : Олимп-Бизнес, 2018. - xvi+387 с.
43. Демьяненко, А.Н. Вопросы экономического районирования: забытые достижения [Текст] / А.Н. Демьяненко, Л.А. Дятлова // *Пространственная экономика*. - 2005. - № 1. - С. 153-162.
44. Демьяненко, А.Н. Теория промышленного штандорта А. Вебера: дискуссии начала XX века [Текст] / А.Н. Демьяненко // *Пространственная экономика*. - 2008. - № 3. - С. 146-155.
45. Демьяненко, А.Н. Фернан Бродель и становление геоисторического метода в исследовании экономического пространства [Текст] / А.Н. Демьяненко, Л.А. Дятлова, В.Н. Украинский // *Пространственная экономика*. - 2013. - № 3. - С. 161-177.
46. Демьяненко, А.Н. Школа "Анналов" и ее вклад в исследование экономического пространства [Текст] / А.Н. Демьяненко, Л.А. Дятлова, В.Н. Украинский // *Ойкомена*. - 2011. - № 3. - С. 55-72.
47. Дженовези, А. Лекции о торговле, или О гражданской экономике [Текст] : пер. с итал. / А. Дженовези. - Москва, Санкт-Петербург : Изд-во Ин-та Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2016. - XXXVIII+673 с.
48. Джереффи, Г. Международное хозяйство и экономические развитие [Текст] / Г. Джереффи // *Экономическая социология*. - 2004. - № 5, т. 5. - С. 35-62.
49. Джонс, Р. Соотношение между факторами теоремы Хекшера - Олина [Текст] / Р. Джонс // *Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика* / под общ. ред. А.П. Киреева. - Москва : ТЕИС, 2006. - С. 236-247.

50. Доклад о мировом развитии 2009. Новый взгляд на экономическую географию [Текст] : пер. с англ. / под ред. Б. Росс-Ларсена. - Москва : Весь Мир, 2009. - 384 с.
51. Доманьский, Р. Экономическая география: динамический аспект [Текст] / Р. Доманьский. - Москва : Новый хронограф, 2010. - 376 с.
52. Домбровский, А.Г. Экономический хронотоп в синергетическом измерении [Текст] / А.Г. Домбровский // Философия хозяйства. - 2013. - № 1. - С. 212-218.
53. Захаренко, Р.Л. Пол Кругман: нобелевский лауреат, теоретик международной торговли и экономической географии [Текст] / Р.Л. Захаренко // Экономический журнал ВШЭ. - 2009. - № 1, т. 3. - С. 134-135.
54. Зимин, Б.Н. Размещение производства в рыночной среде [Текст] / Б.Н. Зимин. - Москва : Альфа-М, 2003. - 176 с.
55. Зубаревич, Н.В. Государственное управление в пространстве Российской Федерации: коридор возможностей [Электронный ресурс] / Н.В. Зубаревич. - Режим доступа: [iphras.ru>uplfile/philec/gou/zubarevich.pdf](http://iphras.ru/uplfile/philec/gou/zubarevich.pdf). - Загл. с экрана.
56. Зубаревич, Н.В. Кризисы в постсоветской России: региональная проекция [Текст] / Н.В. Зубаревич // Региональные исследования. - 2015. - № 1. - С. 23-31.
57. Зубаревич, Н.В. Развитие российских агломераций: тенденции, ресурсы и возможности управления [Текст] / Н.В. Зубаревич // Общественные науки и современность. - 2017. - № 6. - С. 5-21.
58. Зубаревич, Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики [Текст] / Н.В. Зубаревич // Мир новой экономики. - 2017. - № 2. - С. 46-57.
59. Зубаревич, Н.В. Региональное развитие и региональная политика в России [Текст] / Н.В. Зубаревич // ЭКО. - 2014. - № 4 (478). - С. 6-27.
60. Зубаревич, Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация [Текст] / Н.В. Зубаревич. - Москва : Независимый ин-т социальной политики, 2010. - 160 с.

61. Зубаревич, Н.В. Социальная география российского кризиса [Текст] / Н.В. Зубаревич // Общественные науки и современность. - 2016. - № 5. - С. 5-18.

62. Зубаревич, Н.В. Четыре России [Электронный ресурс] / Н.В. Зубаревич. - Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii. - Загл. с экрана.

63. Зубаревич, Н.В. Экономические и бюджетные преимущества Москвы: как они формируются и используются? [Текст] / Н.В. Зубаревич // Старая и новая Москва: тенденции и проблемы развития : сб. науч. ст. - Москва, 2018. - С. 25-36.

64. Зубаревич, Н.В. Развитие больших городов в России в 2000-х годах [Текст] / Н.В. Зубаревич, С.Г. Сафронов // Региональные исследования. - 2019. - № 1. - С. 39-51.

65. Иванов, А.С. Пространственные тенденции и противоречия в управлении развитием города [Текст] / А.С. Иванов // Региональная экономика. Юг России. - 2014. - № 1 (3). - С. 99-105.

66. Иголкин, А.А. Международное разделение труда: модели, тенденции, прогнозы [Текст] : монография / А.А. Иголкин, В.В. Мотылев. - Москва : Международные отношения, 1988. - 184 с.

67. Илларионов, А.Н. Внешняя торговля России в 1992-1993 годах [Текст] / А.Н. Илларионов // Вопросы экономики. - 1994. - № 6. - С. 74-91.

68. Йоханссон, Б. Агломерации и сети: эффекты в пространственной экономике [Текст] / Б. Йоханссон, Дж.М. Квигли // Пространственная экономика. - 2008. - № 4. - С. 103-119.

69. Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. В 2 т. Т. 2. 1870 - наши дни [Текст] : пер. с англ. / под ред. Т. Дробышевой. - Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. - 624 с.

70. Кемеров, В.Е. Социальный хронотоп и трансформация современного обществознания [Текст] / В.Е. Кемеров // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. - 2013. - № 4. - С. 172-185.

71. Кемеров, В.Е. Социальный хронотоп как проблема интеграции современного обществознания [Текст] / В.Е. Кемеров // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. - 2007. - № 7. - С. 109-114.

72. Киреев, А.П. Puzzle Кругмана [Текст] / А.П. Киреев // Экономическая школа. Т. 7. Международная экономика. - Санкт-Петербург : "Экономическая школа" ГУ ВШЭ, 2011. - С. 269-289.

73. Киреев, А.П. Теории международной торговли XXI века [Текст] / А.П. Киреев // Экономическая школа. Т. 7. Международная экономика. - Санкт-Петербург : "Экономическая школа" ГУ ВШЭ, 2011. - С. 7-30.

74. Китинг, М. Новый регионализм в Западной Европе [Текст] / М. Китинг // Логос. - 2003. - № 6 (40). - С. 67-116.

75. Коломак, Е.А. Ресурс урбанизации в России [Текст] / Е.А. Коломак // Пространственная экономика. - 2015. - № 4. - С. 59-74.

76. Кондратьев, Н.Д. Проблемы экономической динамики [Текст] / Н.Д. Кондратьев. - Москва : Экономика, 1989. - 526 с.

77. Коргун, И.А. Внешняя торговля и экономическое развитие российских регионов в 2000-2012 гг. [Текст] / И.А. Коргун, К. Кумо // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. - 2015. - Вып. 2. - С. 47-71.

78. Косарева, Н.Б. Оценка валового городского продукта в российских городах и его вклада в ВВП России в 2000-2015 гг. [Электронный ресурс] / Н.Б. Косарева, Т.Д. Полиди. - Режим доступа: http://www.urbanecomomics.ru/sites/default/files/kosareva_polidi_ocenka_vgp_v_rossiyskiyu_gorodah_i_ego_vklada_v_vvp_rossii_v_2000-2015_gg._iue_2017.pdf. - Загл. с экрана.

79. Косарева, Н.Б. Экономическая урбанизация [Текст] : монография / Н.Б. Косарева, Т.Д. Полиди, А.С. Пузанов. - Москва : Фонд "Институт экономики города", 2018. - 418 с.

80. Криничанский, К.В. Современный российский город в свете тенденции урбанистического мира [Текст] / К.В. Криничанский // Региональная экономика: теория и практика. - 2013. - № 32. - С. 2-13.

81. Криничанский, К.В. Оценка валового муниципального продукта и сравнительный анализ российских городов [Текст] / К.В. Криничанский, А.В. Унрау // Региональная экономика: теория и практика. - 2014. - № 9. - С. 9-22.
82. Кругман, П. Возрастающая отдача, монополистическая конкуренция и международная торговля [Текст] / П. Кругман // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А.П. Киреева. - Москва : ТЕИС, 2006. - С. 523-532.
83. Кругман, П. Пространство: последний рубеж [Текст] / П. Кругман // Пространственная экономика. - 2005. - № 3. - С. 121-136.
84. Кругман, П.Р. Международная экономика. Теория и политика [Текст] / П.Р. Кругман, М. Обстфельд. - Москва : Экон. факультет МГУ, ЮНИТИ, 1997. - xxx+769 с.
85. Кузнец, С. Экономический рост и неравенство доходов [Текст] / С. Кузнец // Пространственная экономика. - 2008. - № 3. - С. 96-126.
86. Кузьмина, Ю.Д. Теоретические подходы к вопросу формирования стратегии регионального устойчивого развития [Текст] / Ю.Д. Кузьмина, Ж.А. Мингалева // Факторы устойчивого развития регионов России : монография. Кн. 6 / Ю.Д. Кузьмина, Ж.А. Мингалева. - Новосибирск : ЦРНС, 2009. - С. 11-50.
87. Кун, Т. Структура научных революций [Текст] / Т. Кун. - Москва : Прогресс, 1977. - 300 с.
88. Куричев, Н.К. Новая экономическая география: взгляд экономико-географа [Текст] / Н.К. Куричев // Региональные исследования. - 2011. - № 4. - С. 3-16.
89. Лакатос, И. Избранные произведения по философии и методологии науки [Текст] / И. Лакатос. - Москва: Академический проект : Трикста, 2008. - 475 с.
90. Лаппо, Г.М. Города России. Взгляд географа [Текст] / Г.М. Лаппо. - Москва : Новый хронограф, 2012. - 504 с.
91. Ласуэн, Х.Р. Урбанизация и экономическое развитие: временное взаимодействие между географическими и отраслевыми кластерами [Текст] / Х.Р. Ласуэн // Пространственная экономика. - 2009. - № 4. - С. 106-125.

92. Ласуэн, Х.Р. Урбанизация и экономическое развитие: временное взаимодействие между географическими и отраслевыми кластерами [Текст] / Х.Р. Ласуэн // Пространственная экономика. - 2010. - № 1. - С. 68-101.

93. Ленин, В.И. Империализм как высшая стадия капитализма [Текст] / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. - Т. 27. - Москва : Изд-во политической литературы, 1969. - С. 299-426.

94. Леонтьев, В.В. Внутреннее производство и внешняя торговля: новое исследование позиций американского капитала [Текст] / В.В. Леонтьев // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А.П. Киреева. - Москва : ТЕИС, 2006. - С. 220-230.

95. Леш, А. Природа экономических районов [Текст] / А. Леш // Пространственная экономика. - 2006. - № 3. - С. 92-103.

96. Леш, А. Пространственная организация хозяйства [Текст] / А. Леш. - Москва : Наука, 2007. - 663 с.

97. Линдер, С. К вопросу о торговле и трансформации [Текст] / С. Линдер // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А.П. Киреева. - Москва : ТЕИС, 2006. - С. 417-435.

98. Лист, Ф. Национальная система политической экономии [Текст] : пер. с нем. / Ф Лист. - Москва, Челябинск : Социум, 2017. - 451 с.

99. Малкина, М.Ю. Анализ и оценка выравнивающего эффекта межбюджетных трансфертов в Российской Федерации в 2000-2012 годах [Текст] / М.Ю. Малкина // Финансы и кредит. - 2014. - № 22 (598). - С. 23-34.

100. Малкина, М.Ю. Исследование факторов межрегиональной конвергенции/дивергенции реальных доходов и "социального благополучия" регионов РФ [Текст] / М.Ю. Малкина // Вопросы регулирования экономики. - 2015. -Т. 6, № 4. - С. 111-119.

101. Малкина, М.Ю. Экономический рост и структурные сдвиги в российской экономике [Текст] / М.Ю. Малкина // Экономический анализ: теория и практика. - 2015. - № 33. - С. 2-14.

102. Манаков, А.Г. Новая экономическая география [Текст] / А.Г. Манаков // Вестник Псковского университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. - 2012. - № 1. - С. 84-90.
103. Маршалл, А. Принципы политической экономии. В 3 т. Т. 1 [Текст] : пер. с англ. / А. Маршалл. - Москва : Прогресс, 1983. - 415 с.
104. Межрегиональная трудовая миграция [Электронный ресурс] / Федер. служба гос. статистики. - Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/mtm_2018.htm. - Загл. с экрана.
105. Меньшиков, С.М. Длинные волны в экономике: когда общество меняет кожу [Текст] / С.М. Меньшиков, Л.А. Клименко. - Москва : Ленанд, 2016. - 288 с.
106. Минакир, П.А. Экономический анализ и измерения в пространстве [Текст] / П.А. Минакир // Пространственная экономика. - 2014. - № 1. - С. 12-39.
107. Минакир, П.А. Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения? [Текст] / П.А. Минакир // Пространственная экономика. - 2016. - № 3. - С. 7-15.
108. Минакир, П.А. Экономика и пространство (тезисы размышлений) [Текст] / П.А. Минакир // Пространственная экономика. - 2005. - № 1. - С. 4-26.
109. Минакир, П.А. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология [Текст] / П.А. Минакир, А.Н. Демьяненко // Пространственная экономика. - 2010. - № 2. - С. 6-32.
110. Минакир, П.А. Очерки по пространственной экономике [Текст] / П.А. Минакир, А.Н. Демьяненко. - Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2014. - 272 с.
111. Миркин, Я.М. Финансовое будущее России: экстремумы, бумы, системные риски [Текст] / Я.М. Миркин. - Москва : GELEOS Publishing House; Капитал Трейд Компани, 2011. - 480 с.
112. Мироненко, Н.С. Основные черты пространственной структуры мирового хозяйства как системы [Текст] / Н.С. Мироненко // Регионального исследования. - 2010. - № 4 (30). - С. 3-13.

113. Мищенко, И.В. Пространственные аспекты устойчивого развития сельских территорий [Текст] / И.В. Мищенко // Вестник Томского государственного университета. - 2012. - № 3 (19). - С. 95-105.

114. Мюрдаль, Г. Современные проблемы "третьего мира" [Текст] / Г. Мюрдаль. - Москва : Прогресс, 1972. - 768 с.

115. Мямлин, А.П. Фактор пространства в экономике: историографический анализ [Текст] / П.А. Мямлин // Проблемы современной экономики. - 2013. - № 2. - С. 310-315.

116. Неоэкономика [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://neoeconomica.ru/data.php?rid=12>. - Загл. с экрана.

117. Нестерова, Н.Н. Ретроспектива теорий пространственного развития региональной экономики [Текст] / Н.Н. Нестерова, В.А. Черкасов // Социально-экономические явления и процессы. - 2015. - № 12, т. 10. - С. 52-57.

118. Нинциева, Г.В. Генетическая концепция планового управления Н.Д. Кондратьева [Текст] / Г.В. Нинциева // Экономические науки. - 2016. - № 4 (137). - С. 18-25.

119. Нинциева, Г.В. Концепция солидаризма [Текст] / Г.В. Нинциева // Россия и Санкт-Петербург : экономика и образование в XXI веке : сб. тр. конф. - Санкт-Петербург : С.-Петербург. гос. экон. ун-т, 2015. - С. 330-335.

120. Нуреев, Р.М. Периферия мирового хозяйства: проблемы догоняющего развития [Текст] / Р.М. Нуреев // Экономический вестник Ростовского государственного университета. - 2004. - Т. 2, № 4. - С. 30-59.

121. О чем думают экономисты: беседы с нобелевскими лауреатами [Текст] : пер. с англ. / под ред. П. Самуэльсона, У. Барнетта. - Москва : Альпина Паблишер, 2017. - 490 с.

122. Объем и структура государственного долга субъектов Российской Федерации и долга муниципальных образований [Электронный ресурс] / М-во финансов РФ. - Режим доступа: https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt/. - Загл. с экрана.

123. Одинцова, А.В. Пространственная экономика в работах представителей французской школы регуляции [Текст] / А.В. Одинцова // Пространственная экономика. - 2011. - № 3. - С. 56-70.

124. Олин, Б. Межрегиональная и международная торговля [Текст] / Б. Олин // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А.П. Киреева. - Москва : ТЕИС, 2006. - С. 174-187.

125. Перес, К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания [Текст] : пер. с англ. / К. Перес. - Москва : Изд. дом "Дело" РАНХиГС, 2013. - 232 с.

126. Перру, Ф. Экономическое пространство: теория и приложения [Текст] / Ф. Перру // Пространственная экономика. - 2007. - № 2. - С. 77-93.

127. Петров, Н.А. Теоретическое обоснование механизма передачи циклических колебаний через взаимодействие факторов производства [Текст] / Н.А. Петров, А.М. Михайлов // Вестник Самарского государственного экономического университета. - 2018. - № 4 (162). - С. 9-15.

128. Пикетти, Т. Капитал в XXI веке [Текст] / Т. Пикетти. - Москва : Ад Маргинем Пресс, 2015. - 592 с.

129. Пилясов, А.Н. Новая экономическая география (НЭГ) и ее потенциал для изучения размещения производительных сил России [Текст] / А.Н. Пилясов // Региональные исследования. - 2011. - № 1 (31). - С. 3-31.

130. Пилясов, А.Н. Развитие региональной науки и вызовы перед российским обществом экономико-географов и региональных экономистов [Текст] / А.Н. Пилясов // Региональные исследования. - 2010. - № 3 (29). - С. 16-41.

131. Плякин, А.В. Пространственная экономическая трансформация региональной природно-хозяйственной системы [Текст] : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / А.В. Плякин. - Волгоград, 2007. - 44 с.

132. Познер, М. Международная торговля и изменение технологии [Текст] / М. Познер // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А.П. Киреева. - Москва : ТЕИС, 2006. - С. 436-453.

133. Померанц, К. Великое расхождение: Китай, Европа и создание современной мировой экономики [Текст] : пер. с англ. / К. Померанц. - Москва : Дело, 2017. - 592 с.
134. Портер, М. Конкуренция [Текст] / М. Портер. - Москва : Вильямс, 2000. - 495 с.
135. Портер, М. Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран [Текст] / М. Портер. - Москва : Международные отношения, 1993. - 896 с.
136. Портер, М.Е. Экономическое развитие регионов [Текст] / М.Е. Портер // Пространственная экономика. - 2007. - № 1. - С. 108-132.
137. Портер, М.Е. Экономическое развитие регионов [Текст] / М.Е. Портер // Пространственная экономика. - 2006. - № 4. - С. 115-139.
138. Почти 70% выручки крупнейших компаний оказалось сосредоточено в Москве [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/20/09/2018/5ba284919a7947cbfc451df8>. - Загл. с экрана.
139. Преодоление пространственного неравенства: как снова собрать советский "пазл" в условиях рыночной экономики [Электронный ресурс] : пер с англ. - Москва, 2018. - 56 с. - Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29866/126805-WP-WBrollingback-PUBLIC-RUSSIAN.pdf?sequence=9>. - Загл. с экрана.
140. Пугачев, И.О. Формирование макроэкономической динамики под воздействием государственного предпринимательства в современной России [Текст] : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / И.О. Пугачев. - Саратов, 2017. - 25 с.
141. Райнерт, Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными [Текст] : монография / Э. Райнерт. - Москва : Изд. Дом Гос. ун-та - Высшей школы экономики, 2011. - 384 с.
142. Райнерт, Э. Роль государства в экономическом росте (1 часть) [Текст] / Э. Райнерт // Прогнозис. - 2009. - № 2 (18). - С. 164-196.
143. Райнерт, Э. Роль государства в экономическом росте (2 часть) [Текст] / Э. Райнерт // Прогнозис. - 2009. - № 3. - С. 89-125.

144. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов, 2004 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2004. - 381 с.
145. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов, 2005 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2006. - 383 с.
146. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов, 2007 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2007. - 381 с.
147. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов, 2009 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2009. - 375 с.
148. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов, 2011 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2011. - 397 с.
149. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов, 2014 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2014. - 433 с.
150. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов, 2016 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2016. - 442 с.
151. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов, 2018 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2018. - 443 с.
152. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2002 [Текст] : стат. сб. / Госкомстат России. - Москва, 2002. - 863 с.
153. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2006 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2007. - 981 с.
154. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2009 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2009. - 990 с.
155. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2010 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2010. - 996 с.
156. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2011 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2011. - 990 с.
157. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2012 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2012. - 990 с.
158. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2015 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2015. - 1266 с.

159. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2018 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2018. - 1162 с.
160. Рикардо, Д. Сочинения. Начала политической экономии и налогового обложения [Текст] / Д. Рикардо. - Москва : Гос. изд-во политической литературы, 1955. - Т. 1. - 360 с.
161. Родионова, И.А. Мировая экономика: индустриальный сектор [Текст] : учеб. пособие / И.А. Родионова. - Москва : РУДН, 2010. - 606 с.
162. Родионова, И.А. Промышленность мира: территориальные сдвиги во второй половине XX в. [Текст] / И.А. Родионова. - Москва: Московский Лицей, 2002. - 368 с.
163. Российский статистический ежегодник, 2003 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2003. - 705 с.
164. Российский статистический ежегодник, 2004 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2004. - 725 с.
165. Российский статистический ежегодник, 2005 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2005. - 819 с.
166. Российский статистический ежегодник, 2007 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2007. - 825 с.
167. Российский статистический ежегодник, 2010 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2010. - 813 с.
168. Российский статистический ежегодник, 2011 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2011. - 795 с.
169. Российский статистический ежегодник, 2014 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2014. - 693 с.
170. Российский статистический ежегодник, 2015 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2015. - 728 с.
171. Российский статистический ежегодник, 2018 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2018. - 694 с.
172. Россия и ее регионы в XX веке: территория - расселение - миграции [Текст] / под ред. О. Глезер, П. Поляна. - Москва : ОГИ, 2005. - 816 с.

173. Рыбчинский, Т. Начальный запас факторов и относительные цены товаров [Текст] / Т. Рыбчинский // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А.П. Киреева. - Москва : ТЕИС, 2006. - С. 231-235.

174. Рязанов, В.Т. (Не) Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России [Текст] / В.Т. Рязанов. - Москва : Экономика, 2016. - 695 с.

175. Рязанов, В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза [Текст] / В.Т. Рязанов. - Санкт-Петербург : Алетейя, 2019. - 436 с.

176. Рязанов, В.Т. Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике : сб. ст. [Текст] / В.Т. Рязанов. - Санкт-Петербург : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2009. - 463 с.

177. Рязанов, В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX - XX вв. [Текст] / В.Т. Рязанов. - Санкт-Петербург : Наука, 1998. - 796 с.

178. Самуэльсон, П. Еще раз о международном выравнивании цен факторов производства [Текст] / П. Самуэльсон // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А.П. Киреева. - Москва : ТЕИС, 2006. - С. 205-219.

179. Самуэльсон, П. Проблема трансферта и транспортные издержки [Текст] / П. Самуэльсон // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А.П. Киреева. - Москва : ТЕИС, 2006. - С. 364-390.

180. Самуэльсон, П. Цены факторов производства и товаров в состоянии общественного равновесия [Текст] / П. Самуэльсон // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А.П. Киреева. - Москва : ТЕИС, 2006. - С. 391-409.

181. Сассен, С. Глобальные города: постиндустриальные производственные площадки [Электронный ресурс] / С. Сассен. - Режим доступа : <http://les-urbanistes.blogspot.com/2009/01/blog-post.html>. - Загл. с экрана.

182. Сассен, С. Глобальный город: введение понятия [Электронный ресурс] / С. Сассен. - Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0343/analit02.php> - Загл. с экрана.

183. Сассен, С. Город как призма для социальной теории: новые исследовательские перспективы [Текст] / С. Сассен // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. - 2013. - Т. 13, вып. 4. - С. 74-100.

184. Семенов-Тян-Шанский, В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии [Текст] / В.П. Семенов-Тян-Шанский // Пространственная экономика. - 2008. - № 2. - С. 144-160.

185. Серра, А. Краткий трактат о средствах снабдить в изобилии золотом и серебром королевства, лишенные рудников драгоценных металлов [Текст] / А. Серра. - Ленинград : ОГИЗ, СОЦЭКГИЗ, Ленингр. отд-ние, 1953. - С. 89-108.

186. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов [Текст] / А. Смит. - Москва : Изд-во социально-экономической литературы, 1962. - 684 с.

187. Стецко, Н.И. Неравномерность экономического развития регионов в теориях пространственной организации экономических систем [Текст] / Н.И. Стецко // Фундаментальные исследования. - 2017. - № 6. - С. 185-189.

188. Стиглиц, Дж. Информация и изменение парадигмы экономической теории [Текст] / Дж. Стиглиц // Эковест. - 2003. - Вып. 3, № 3. - С. 336-421.

189. Стиглиц, Дж.Ю. Глобализация: тревожные тенденции [Текст] : пер. с англ. / Дж.Ю. Стиглиц. - Москва : Мысль, 2003. - 300 с.

190. Стиглиц, Дж.Ю. Ревущие девяностые. Семена развала [Текст] : пер. с англ. / Дж.Ю. Стиглиц. - Москва : Современная экономика и право, 2005. - 424 с.

191. Столпер, У. Протекционизм и реальная заработанная плата [Текст] / У. Столпер, П. Самуэльсон // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А.П. Киреева. - Москва : ТЕИС, 2006. - С. 188-204.

192. Струве, П.Б. Торговая политика России [Текст] / П.Б. Струве. - Москва, Челябинск : Социум, 2016. - 256 с.

193. Структура ВРП по отраслям экономики по ОКВЭД 2 (КДЭС Ред.2) (2016-2017 гг.) [Электронный ресурс] / Федер. служба гос. статистики. - Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vrp3.htm. - Загл. с экрана.

194. Структура ВРП по отраслям экономики по ОКВЭД-2007 (КДЭС Ред.1.1) (2004-2015 гг.) [Электронный ресурс] / Федер. служба гос. статистики. - Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vrp2.htm. - Загл. с экрана.

195. Татаркин, А.И. Исследование динамики структуры валового муниципального продукта [Текст] / А.И. Татаркин, О.А. Козлов, С.А. Тимашев, А.В. Бушинская // Безопасность критических инфраструктур и территорий. - 2012. - Т. 3. - С. 59-64.

196. Темин, П. Экономика без лидера. Почему рассыпалась мировая экономическая система и как ее собрать [Текст] : пер. с англ. / П. Темин, Д. Вайнс. - Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. - 464 с.

197. Тинберген, Я. Предложения по поводу международной экономической политики [Текст] / Я. Тинберген // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А.П. Киреева. - Москва : ТЕИС, 2006. - С. 475-487.

198. Тиссэ, Ж.-Ф. Забвение пространства в экономической мысли [Текст] / Ж.-Ф. Тиссэ // Пространственная экономика. - 2007. - № 4. - С. 88-104.

199. Тиссэ, Ж.-Ф. Забвение пространства в экономической мысли [Текст] / Ж.-Ф. Тиссэ // Пространственная экономика. - 2008. - № 1. - С. 78-87.

200. Труд и занятость в России, 2011 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2011. - 637 с.

201. Тюнен, И.-Г. Изолированное государство [Текст] / И.-Г. Тюнен. - Москва : Экономическая жизнь, 1926. - 326 с.

202. Украинский, В.Н. Современная французская пространственная экономика: теория близости и типологизация локализованных экономических систем

[Текст] / В.Н. Украинский // Пространственная экономика. - 2011. - № 2. - С. 92-126.

203. Украинский, В.Н. Теория поляризованного развития: первые шаги [Текст] / В.Н. Украинский // Регионалистика. - 2017. - Т. 4, № 5. - С. 92-99.

204. Украинский, В.Н. Французская пространственная экономика: от промышленных округов до полюсов конкурентоспособности [Текст] / В.Н. Украинский // Пространственная экономика. - 2011. - № 3. - С. 71-99.

205. Фаттахов, Р.В. Пространственное развитие России: вызовы современности и формирование точек экономического роста [Текст] / Р.В. Фаттахов, П.В. Строев // В поисках утраченного роста : сб. науч. ст. II Междунар. форума Фин. ун-та. - Москва : Финансовый университет, 2016. - С. 181-204.

206. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] : [официальный сайт]. - Режим доступа: www.gks.ru. - Загл. с экрана.

207. Федоляк, В.С. Межрегиональные диспропорции социально-экономического развития современной России [Текст] / В.С. Федоляк // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия "Экономика. Управление. Право". - 2008. - Т. 8, № 2. - С. 12-20.

208. Федоляк, В.С. Плотность экономического пространства как показатель эффективного использования потенциала территории [Текст] / В.С. Федоляк // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия "Экономика. Управление. Право". - 2019. - Т. 19, № 2. - С. 122-127.

209. Федотова, В.Г. Глобальный капитализм: три великие трансформации [Текст] / В.Г. Федотова, В.А. Колпаков, Н.Н. Федотова. - Москва : Культурная революция, 2008. - 608 с.

210. Фенин, К.В. Анализ изменений размещения производства и экономического пространства с помощью теорий кумулятивного роста [Текст] / К. В. Фенин // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. - 2014. - № 2 (10). - С. 107-111.

211. Фенин, К.В. Временная размерность теорий пространственного размещения экономики [Текст] / К. В. Фенин // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. - 2013. - № 3 (7). - С. 121-125.

212. Фенин, К.В. Ретроспективный историко-экономический анализ национальной модели хозяйствования староверов и ее культурного наследия [Текст] / К.В. Фенин // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. - 2017. - № 2 (22). - С. 114-128.

213. Фенин, К.В. Теоретическое исследование концептуального содержания двух фундаментальных подходов к интерпретации динамики территориального экономического неравенства [Текст] / К.В. Фенин // Экономические отношения. - 2019. - Т. 9, № 1. - С. 339-352.

214. Фенин, К.В. Интерпретация классических теорий территориально-отраслевого разделения труда и международной торговли [Текст] / К.В. Фенин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия "Экономика. Управление. Право". - 2017. - Т. 17, № 2. - С. 148-156.

215. Фенин, К.В. Методология хронотопа в исследовании макроэкономической динамики [Текст] / Г.А. Черемисинов, К.В. Фенин, Д.П. Хворостухин // Международный экономический симпозиум - 2017 : материалы Междунар. науч. конф. - Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2017. - С. 360.

216. Фенин, К.В. Теоретико-методологические основы пространственно-временного моделирования социально-экономической динамики [Текст] / К.В. Фенин // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. - 2016. - № 1 (17). - С. 159-171.

217. Фенин, К.В. Эволюция классических и неоклассических теорий территориального разделения труда и международной торговли [Текст] / К.В. Фенин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия "Экономика. Управление. Право". - 2018. - Т. 18, № 3. - С. 267-274.

218. Фенин, К.В. Регионы России в XXI веке: пространственные измерения и социетальные трансформации [Текст] : монография / К.В. Фенин, Д.П. Хворостухин ; Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. - Саратов, 2015. - Гл. 1: Теоретико-

методологические проблемы исследования пространственно-временных параметров межрегионального экономического развития России. - С. 10-55.

219. Финансы России, 2002 [Текст] : стат. сб. / Госкомстат России. - Москва, 2002. - 301 с.

220. Финансы России, 2004 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2004. - 332 с.

221. Финансы России, 2006 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2006. - 367 с.

222. Финансы России, 2010 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2010. - 468 с.

223. Финансы России, 2014 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2014. - 357 с.

224. Финансы России, 2018 [Текст] : стат. сб. / Росстат. - Москва, 2018. - 439 с.

225. Форрестер, Дж. Динамика развития города [Текст] / Дж. Форрестер. - Москва : Прогресс, 1974. - 286 с.

226. Хаберлер, Г. Некоторые теоретические проблемы международной торговли [Текст] / Г. Хаберлер // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А.П. Киреева. - Москва : ТЕИС, 2006. - С. 337-348.

227. Хаггет, П. Пространственный анализ в экономической географии [Текст] / П. Хаггет. - Москва : Прогресс, 1968. - 391 с.

228. Хадиуллина, Г.Н. Особенности формирования научно-инновационного пространства в современной России [Текст] / Г.Н. Хадиуллина // Горизонты экономики. - 2015. - № 2 (21). - С. 58-60.

229. Хадиуллина, Г.Н. Традиции экономической мысли в региональной политике современной России [Текст] / Г.Н. Хадиуллина // Социально-экономические явления и процессы. - 2010. - № 3 (019). - С. 249-251.

230. Хадиуллина, Г.Н. Эволюция представлений о содержании устойчивого развития [Текст] / Г.Н. Хадиуллина // Казанский социально-гуманитарный вестник. - 2017. - № 2 (25). - С. 86-92.

231. Хадиуллина, Г.Н. Разработка программ регионального развития с учетом экологического фактора [Текст] / Г.Н. Хадиуллина, И.И. Хайрулин, А.Ф. Зазгитова // Горизонты экономики. - 2017. - № 5. - С. 41-45.

232. Хадиуллина, Г.Н. Развитие пространственной организации экономики с учетом принципов функционирования урбанизированных территорий [Текст] / Г.Н. Хадиуллина, Н.А. Шмелева, Р.Н. Иванов // Горизонты экономики. - 2017. - № 5 (38). - С. 31-35.

233. Хакимов, Г.А. Хронотоп как инструмент социально-философского анализа глобального капитализма [Текст] / Г.А. Хакимов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Философия. - 2007. - № 3. - С. 63-69.

234. Харви, Д. Неолиберальная урбанизация [Электронный ресурс] / Д. Харви. - Режим доступа: <http://www.inop.ru/reading/page140/>. - Загл. с экрана.

235. Хекшер, Э.Ф. Влияние внешней торговли на распределение дохода [Текст] / Э.Ф. Хекшер // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А.П. Киреева. - Москва : ТЕИС, 2006. - С. 154-173.

236. Хелпман, Э. Международная торговля при наличии дифференциации продуктов, экономии от масштаба и монополистической конкуренции [Текст] / Э. Хелпман // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А.П. Киреева. - Москва : ТЕИС, 2006. - С. 533-548.

237. Хикс, Дж. Капитал и рост [Текст] / Дж. Хикс // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А.П. Киреева. - Москва : ТЕИС, 2006. - С. 488-503.

238. Центральный банк Российской Федерации [Электронный ресурс] : [офиц. сайт]. - Режим доступа: <https://www.cbr.ru>. - Загл. с экрана.

239. Цыренов, О.Ч. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология [Текст] / О.Ч. Цыренов // Вестник ЗабГУ. - 2012. - № 10. - С. 136-140.

240. Черемисинов, Г.А. Государственное предпринимательство как типологический признак развития экономики России: теоретико-методологический ас-

пект [Текст] / Г.А. Черемисинов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия "Экономика. Управление. Право". - 2007. - Т. 7, № 1. - С. 31-44.

241. Черемисинов, Г.А. Парадигма директивно-плановой экономики: российский опыт хозяйственных преобразований : в 2 ч. [Текст] / Г.А. Черемисинов. - Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2012. - Ч. 1. - 348 с.

242. Черемисинов, Г.А. Парадигма директивно-плановой экономики: российский опыт хозяйственных преобразований : в 2 ч. [Текст] / Г.А. Черемисинов. - Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2013. - Ч. 2. - 460 с.

243. Черемисинов, Г.А. Военное кейнсианство в концепциях долгосрочных экономических циклов [Текст] / Г.А. Черемисинов, И.О. Пугачев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. - 2016. - № 3 (39). - С. 176-191.

244. Черемисинов, Г.А. Макротренды и пороговые изменения современной российской экономики [Текст] / Г.А. Черемисинов, И.О. Пугачев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия "Экономика. Управление. Право". - 2012. - Т. 12, № 1. - С. 3-12.

245. Черемисинов, Г.А. Мирохозяйственная и циклическая иерархия воздействия государственного предпринимательства на макроэкономическую динамику [Текст] / Г.А. Черемисинов, И.О. Пугачев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. - 2016. - № 2. - С. 160-170.

246. Черемисинов, Г.А. Методология пространственно-временного анализа в историко-экономических исследованиях Фернана Броделя [Текст] / Г.А. Черемисинов, К.В. Фенин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия "Экономика. Управление. Право". - 2019. - Т. 19, № 1. - С. 4-15.

247. Черемисинов, Г.А. Методология исследования экономики военного времени: по материалам публикации Н.А. Вознесенского "Военная экономика СССР в период Отечественной войны" [Текст] / Г.А. Черемисинов // Военная история России: проблемы, поиски, решения : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию победы в Великой Отечественной войне. - Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2015. - С. 176-187.

248. Четвертакова, В.П. К теории экономического роста и развития [Текст] / В.П. Четвертакова, И.М. Четвертаков // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. - 2016. - № 1 (48). - С. 166-172.

249. Швецов, А.Н. Поляризация урбанистического пространства: особенности российского процесса в контексте мировых тенденций [Текст] / А.Н. Швецов // Регионалистика. - 2017. - Т. 4, № 5. - С. 20-34.

250. Швецов, А.Н. Роль государства в преобразовании социоэкономического пространства [Текст] / А.Н. Швецов // Пространственная экономика. - 2015. - № 1. - С. 38-61.

251. Шумпетер, Й.А. История экономического анализа. В 3 т. Т. 1 [Текст] : пер. с англ. / Й.А. Шумпетер. - Санкт-Петербург : Экономическая школа, 2004. - LVI+496 с.

252. Шумпетер, Й.А. История экономического анализа. В 3 т. Т. 2 [Текст] : пер. с англ. / Й.А. Шумпетер. - Санкт-Петербург : Экономическая школа, 2004. - viii+ 496 с.

253. Шупер, В.А. Развитие теоретических представлений в области пространственного анализа [Текст] / В.А. Шупер // Известия РАН. Серия географическая. - 2011. - № 3. - С. 7-16.

254. Экономика городов-миллионников: право на развитие [Текст] / Д. Соболев [и др.]. - Москва : ООО "КБ Стрелка", 2019. - 77 с.

255. Юм, Д. О торговом балансе [Текст] / Д. Юм // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А.П. Киреева. - Москва : ТЕИС, 2006. - С. 112-123.

256. Ahearne, A.G. Flying Geese or Sitting Ducks: China's Impact on the Trading Fortunes of other Asian Economies [Electronic resource] / A.G. Ahearne, J.G. Fernald, P. Loungani, J.W. Schindler. - International Finance Discussion papers. - 2006. - № 887. - Mode of access: <https://www.federalreserve.gov/pubs/ifdp/2006/887/ifdp887.pdf>.

257. Akamatsu, K. A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries [Text] / K. Akamatsu // Journal of Developing Economies. - 1962. - № 1. - P. 3-25.

258. Akamatsu, K. A Theory of Unbalanced Growth in the World Economy [Text] / K. Akamatsu // Weltwirtschaftliches Archiv. - 1961. - № 86 (2). - P. 196-217.
259. Annual Prices (Nominal) [Electronic resource] / World Bank. - Mode of access: <http://pubdocs.worldbank.org/en/226371486076391711/CMO-Historical-Data-Annual.xlsx>.
260. Becattini, G. From Marshall's to the Italian "Industrial Districts". A Brief Critical Reconstruction [Text] / G. Becattini // Complexity and Industrial Clusters: Dynamics and Models in Theory and Practice. Heidelberg : Physica-Verlag, 2002. - P. 83-105.
261. Blaug, M. No History of Ideas, Please, We're Economists [Text] / M. Blaug // Journal of Economic Perspectives. - 2001. - Vol. 15, № 1. - P. 145-164.
262. Blaug, M. The formalist revolution of the 1950-s [Text] / M. Blaug // Journal of the History of Economic Thought. - 2003. - Vol. 25, № 2. - P. 145-156.
263. Broad money (% of GDP) [Electronic resource] / World Bank. - Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/FM.LBL.BMNY.GD.ZS?view=chart>.
264. Christaler, W. Central Places in Southern Germany [Text] / W. Christaler. - New Jersey : Englewood Cliffs, INC, Prentice-Hall, 1966. - 132 p.
265. Exports of goods and services (current US\$) [Electronic resource] / World Bank. - Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.CD?locations=RU&view=chart>.
266. Exports, FOB to Partner Countries [Electronic resource] / IMF. - Mode of access: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=61726508>.
267. Freeman, C. Innovation and long cycles of economic development [Electronic resource] / C. Freeman. - International seminar on innovation and development at the industrial sector. University of Campinas, 1982. - 13 p. - Mode of access: https://www.enterrasolutions.com/media/docs/2013/02/JoseCassiolato_2.pdf.
268. Friedmann, J. The World City Hypothesis [Text] / J. Friedmann // Development and Change. - 1986. - Vol. 17. - P. 69-83.
269. Fujita, M. Urban economic theory: land use and city size [Text] / M. Fujita. - Cambridge : Cambridge University Press, 1989. - xii+366 p.

270. Fujita, M. The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade [Text] / M. Fujita, P. Krugman, A. Venables. - Cambridge : MIT Press, 2001. - xiii+367 p.
271. Giersch, H. Aspects of Growth, Structural Change, and Employment: A Schumpeterian Perspective [Text] / H. Giersch // Weltwirtschaftliches Archiv. - 1979. - Vol. 115. - P. 629-652.
272. Global metro monitor 2018 [Electronic resource] / M. Bouchet, S. Liu, J. Parrilla (et al.). - Washington, D.C. : Metropolitan Policy Program at Brookings, 2018. - 45 p. - Mode of access: www.brookings.edu/metro.
273. Hägerstrand, T. Aspects of the Spatial Structure of Social Communication and the Diffusion of Information [Text] / T. Hägerstrand // Papers and Proceedings of the Regional Science Association. - 1966. - Vol. 16. - P. 27-42.
274. Haggett, P. The Spatial Economy [Text] / P. Haggett // American Behavioral Scientist. - 1978. - Vol. 22, № 1. - P. 151-167.
275. Hall, J. Gunnar Myrdal and the Persistence of Germany's Regional Inequality [Text] / J. Hall, U. Ludwig // Journal of Economic Issues. - 2009. - Vol. 43, № 2. - P. 345-352.
276. Harvey, D. The New Imperialism [Text] / D. Harvey. - Oxford, New York : Oxford University Press, 2003. - ix+253 p.
277. Imports of goods and services (current US\$) [Electronic resource] / World Bank. - Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.IMP.GNFS.CD?locations=RU&view=chart>.
278. Imports, CIF from Partner Countries [Electronic resource] / IMF. - Mode of access: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=61726510>.
279. Inflation, consumer prices (annual %) [Electronic resource] / World Bank. - Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/FP.CPI.TOTL.ZG?end=2018&locations=US&start=1960&view=chart>.
280. Interest Rates selected indicators [Electronic resource] / IMF. - Mode of access: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=61545867>.

281. Isard, W. Location and Space-Economy. A General Theory Relating to Industrial Location, Market Areas, Land Use, Trade, and Urban Structure [Text] / W. Isard. - Cambridge : The M.I.T. Press, 1956. - xiii+350 p.

282. Isard, W. Methods of Regional Analysis: An Introduction to Regional Science [Text] / W. Isard. - Cambridge : The M.I.T. Press, 1960. - xxix+784 p.

283. Kalotay, K. The European flying geese New FDI patterns for the old continent? [Text] / K. Kalotay // Research in International Business and Finance. - 2004. - Vol. 18 (1). - P. 27-49.

284. Kamińska, T. Is the "Flying Geese" Paradigm useful to explain advancement in the European Union by means of FDI phenomenon? [Text] / T. Kamińska // Journal of International Studies. - 2016. - Vol. 9, № 2. - P. 9-24.

285. Kasahara, S. The Asian Developmental State and the Flying Geese Model [Text] / S. Kasahara. - UNCTAD Discussion Papers № 213. United Nations Conference on Trade and Development, Geneva, Switzerland, 2013. - iii+30 p.

286. Kasahara, S. The Flying Geese Paradigm. A Critical Study of its Application to East Asian Regional Development [Text] / S. Kasahara. - UNCTAD Discussion Papers № 169, United Nations Conference on Trade and Development, Geneva, Switzerland, 2004. - iii+27 p.

287. Kattel, R. Industrial Restructuring and Innovation Policy in Central and Eastern Europe Since 1990 [Electronic resource] / E.S. Reinert, R. Kattel, M. Suurna // Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics. - 2009. - № 23. - Mode of access: <http://hum.ttu.ee/wp/paper23.pdf>.

288. Kojima, K. The "flying geese" model of Asian economic development: origin, theoretical extensions, and regional policy implications [Text] / K. Kojima // Journal of Asian Economics. - 2000. - Vol. 11, №4. - P. 375-401.

289. Krugman, P. Ricardo's difficult idea: why intellectuals don't understand comparative advantage [Text] / P. Krugman // The economics and politics of international trade: freedom and trade. - Vol. II. - London : Routledge, 1998. - P. 22-36.

290. Krugman, P. Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade [Text] / P. Krugman // The American Economic Review. - 1980. - Vol. 70, № 5. - P. 950-959.
291. Krugman, P. The role of Geography in Development [Text] / P. Krugman // International Regional Science Review. - 1999. - № 22.2. - P. 142-161.
292. Krugman, P.R. Increasing returns, monopolistic competition and international trade [Text] / P.R. Krugman // Journal of International Economics. - 1979. - № 9. - P. 469-479.
293. Kuznets, S. Economic Growth and Income Inequality [Text] / S. Kuznets // The American Economic Review. - 1955. - Vol. 45, № 1. - P. 1-28.
294. Liquid Liabilities to GDP for Euro Area [Electronic resource] / Federal Reserve Economic Data. - Mode of access: <https://fred.stlouisfed.org/series/DDDI05EZA156NWDB>.
295. Liquid Liabilities to GDP for France [Electronic resource] / Federal Reserve Economic Data. - Mode of access: <https://fred.stlouisfed.org/series/DDDI05FRA156NWDB>.
296. Liquid Liabilities to GDP for Germany [Electronic resource] / Federal Reserve Economic Data. - Mode of access: <https://fred.stlouisfed.org/series/DDDI05DEA156NWDB>.
297. Liquid Liabilities to GDP for Italy [Electronic resource] / Federal Reserve Economic Data. - Mode of access: <https://fred.stlouisfed.org/series/DDDI05ITA156NWDB>.
298. Myrdal, G. Against the stream: critical essays on economics [Text] / G. Myrdal. - London : Macmillan, 1973. - viii+336 p.
299. Myrdal, G. Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations [Text] / G. Myrdal. - Bombay : D.B. Taraporevala Sons and Co Priv. LT, 1968. - 2284 p.
300. Myrdal, G. Economic Theory and Underdeveloped Regions [Text] / G. Myrdal. - Bombay :Vora And Company Publishers Private Limited, 1966. - 182 p.
301. Ozawa, T. Asia's Labour-Driven Economic Development, Flying-Geese Style: An Unprecedented Opportunity for the Poor to Rise? [Electronic resource] /

T. Ozawa // World Institute for Development Economic Research, Working Paper Series. 2006. - № 59. - Mode of access: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/rp2006-59.pdf>.

302. Ozawa, T. Institutions, industrial upgrading, and economic performance in Japan: the "flying-geese" paradigm of catch-up growth [Text] / T. Ozawa. - Cheltenham, U.K. : Edward Elgar, 2005. - xvii+234 p.

303. Ozawa, T. Next Great Industrial Transmigration: Relocating China's Factories to Sub-Saharan Africa, Flying-Geese Style? [Electronic resource] / T. Ozawa // Asia-Pacific Economic Cooperation, Columbia University, Discussion papers. - 2015. - № 78. - Mode of access: https://www8.gsb.columbia.edu/apec/sites/apec/files/DP%2078.Ozawa_.China%20in%20Africa.pdf.

304. Ozawa, T. Professor Kiyoshi Kojima's Contributions to FDI Theory: Trade, Growth, and Integration in East Asia [Text] / T. Ozawa // The International Economy. - 2007. - №.11. - P. 17-33.

305. Ozawa, T. The "Hidden" Side of the "Flying-Geese" Model of Catch-Up Growth: Japan's Dirigiste Institutional Setup and a Deepening Financial Morass [Text] / T. Ozawa. - Honolulu, Hawaii : East-West Center Working Papers: Economics Series reports on research in progress, 2001. - 30 p.

306. Ozawa, T. The classical origins of Akamatsu's "flying-geese" theory: A note on a missing link to David Hume [Electronic resource] / T. Ozawa. - Working Paper Series № 320. New York: Center on Japanese Economy and Business, Columbia University, 2013. - 9 p. - Mode of access: <https://doi.org/10.7916/D8C254S0>.

307. Reinert, E.S. The Qualitative Shift in European Integration: Towards Permanent Wage Pressures and a "Latin-Americanization" of Europe? [Electronic resource] / E.S. Reinert, R. Kattel. - MPRA Paper № 47909, University Library of Munich, Germany. - 2004. - 45 p. - Mode of access: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/47909/1/MPRA_paper_47909.pdf.

308. Richardson, H.W. Growth Centers, Rural Development and National Urban Policy: A Defense [Text] / H.W. Richardson // International Regional Science Review. - 1978. - Vol. 3. - P. 133-152.

309. Schröppel, C. The Changing Interpretation of the Flying Geese Model of Economic Development [Text] / C. Schröppel, M. Nakajima // Japanstudien. - 2003. - Vol. 14, № 1. - P. 203-235.

310. Stiglitz, J.E. Towards a new paradigm for development: strategies, policies, and processes [Electronic resource] / J.E. Stiglitz. - Geneva : UNCTAD, 1998. - 46 p. - Mode of access: <http://siteresources.worldbank.org/NEWS/Resources/prebisch98.pdf>.

311. Tausch, A. The Hallmarks of Crisis: A New Center-Periphery Perspective on Long Cycles [Electronic resource] / A. Tausch. - SSRN Electronic Journal, 2013. - 132 p. - Mode of access: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2294324.

312. Tausch, A. Akamatsu Waves [Electronic resource] / A. Tausch, L. Grinin, A. Korotayev. - Oxford Research Encyclopedia of Politics, 2017. - 16 p. - Mode of access: <https://philarchive.org/rec/GRIAW>.

313. The East Asian miracle: economic growth and public policy [Electronic resource] : main report (English) / A World Bank policy research report. - New York : Oxford University Press, 1993. - xvii+389 p. - Mode of access: <http://documents.worldbank.org/curated/en/975081468244550798/pdf/multi-page.pdf>.

314. The Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 2008 was awarded to Paul Krugman [Electronic resource] / The Official Web Site of the Nobel Prize. - Mode of access: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/2008/krugman/facts/>.

315. Urban world: Cities and the rise of the consuming class [Electronic resource] / R. Dobbs (et al.) - McKinsey Global Institute, 2012. - 77 p. - Mode of access: https://www.mckinsey.com/~/media/McKinsey/Featured%20Insights/Urbanization/Urban%20world%20Cities%20and%20the%20rise%20of%20the%20consuming%20class/MGI_Urban_world_Rise_of_the_consuming_class_Full_report.ashx.

316. Urban world: Mapping the economic power of cities [Electronic resource] / R. Dobbs (et al.). - McKinsey Global Institute, 2011. - x+49 p. - Mode of access: https://www.mckinsey.com/~/media/mckinsey/featured%20insights/urbanization/urban%20world/mgi_urban_world_mapping_economic_power_of_cities_full_report.ashx.

317. Vernon, R. International Investment and International Trade in the Product Cycle [Text] / R. Vernon // The Quarterly Journal of Economics. - 1966. - Vol. 80, № 2. - P. 190-207.

318. Weber, A. von. Über den Standort der Industrien [Text] / A. von Weber. - Tübingen : Verlag von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1922. - x+247 p.

319. World Bank Group. Russian economic report: from recession to recovery [Text] / The World Bank in Russia. - Moscow, 2017. - xii+46 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1 Концептуальные подходы к определению состава городских агломераций Российской Федерации

Таблица 1.1 - Численность населения городских агломераций, млн чел.

Численность населения	Городские агломерации
От 1 до 1,3	Воронеж - 1,1; Тула и Новомосковск - 0,6 (60 км)*, Набережные Челны и Нижнекамск - 0,8 (35 км); Саратов - 0,8; Уфа - 1,1; Пермь - 1,0; Омск - 1,2; Новокузнецк - 0,6; Красноярск - 1,1; Иркутск, Ангарск и Шелехов - 0,9 (23 км; 7 км); Хабаровск - 0,6; Владивосток - 0,6
От 1,3 до 2	Волгоград - 1,0; Казань - 1,2; Краснодар - 1,0; Челябинск и Копейск - 1,4 (15 км)
От 2 до 3	Екатеринбург - 1,5; Нижний Новгород - 1,3; Новосибирск - 1,6; Ростов-на-Дону и Шахты - 1,4 (68 км); Самара и Тольятти - 1,9 (70 км)
От 3 до 10	Санкт-Петербург - 5,4
Более 10	Москва - 12,5
* В скобках указано расстояние до центра агломерации. Примечание - Составлено автором по: [80].	

В России насчитывается 20 крупных городских агломераций с населением свыше 1 млн человек общей численностью почти 50 млн человек, в которых проживает половина всего городского населения страны. На территории 10 самых крупных городских агломераций живет 40 млн человек [78, с. 12].

Согласно оценке, в РФ создано 52 крупных и крупнейших городских агломерации, в которых проживают свыше 66 млн человек, или 45% населения страны, из них в городских центрах агломераций живет 46,2 млн человек, а в пригородных зонах - 19,8 млн человек. В стране насчитывается 22 агломерации с населением свыше 1 млн человек, из них 7 агломераций вокруг городов-немиллионеров [249, с. 26].

Приложение 2

Подушевой валовой городской продукт крупнейших городов России в 2000-2015 гг.

Таблица 2.1 - Валовой городской продукт на душу населения, в ценах 2015 г., тыс. руб.

Город	Годы															
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
В среднем по всем городам	205	244	291	327	363	414	457	524	591	559	555	560	595	632	626	570
В среднем по всем городам без Москвы и Санкт-Петербурга	189	227	274	309	344	386	420	475	532	502	502	509	544	578	577	521
Москва	433	459	497	548	608	768	903	1097	1296	1229	1172	1138	1184	1271	1215	1145
Санкт-Петербург	234	291	369	390	431	501	595	730	833	797	780	796	824	865	817	780
Владивосток	263	281	354	425	468	513	523	566	607	648	659	662	670	692	690	624
Воронеж	133	167	210	250	277	311	316	371	406	386	378	399	439	466	465	420
Екатеринбург	240	286	354	419	443	491	475	592	641	559	568	605	649	689	687	621
Иркутск	207	244	308	333	358	391	471	549	605	600	594	619	664	702	700	632
Казань	177	221	253	272	299	365	345	376	407	396	407	429	472	515	514	464
Краснодар	109	147	185	233	303	355	400	479	544	525	499	522	579	631	630	569
Красноярск	270	291	332	360	400	435	456	511	551	525	509	541	584	620	619	559
Нижний Новгород	151	178	218	238	270	306	359	428	512	437	535	564	605	657	655	592
Новосибирск	163	203	241	270	306	345	406	482	528	484	466	478	507	536	535	483
Омск	124	158	209	239	256	301	334	375	398	376	372	396	423	454	453	410
Пермь	235	287	316	345	389	376	430	493	532	482	492	513	539	572	570	515
Ростов-на-Дону	140	181	223	246	279	321	383	449	529	520	501	536	575	608	607	548
Самара	252	321	396	448	497	560	649	612	804	760	758	514	543	566	565	510
Саратов	150	180	211	226	253	292	338	363	404	388	381	392	427	454	452	409
Уфа	207	262	305	339	362	412	452	510	547	505	471	497	535	565	564	509
Челябинск	200	229	264	303	345	401	389	449	493	442	447	475	499	523	521	471

Примечание - Составлено автором по: [79].

Приложение 3
ВРП ядра экономики России в 1995-2017 гг.

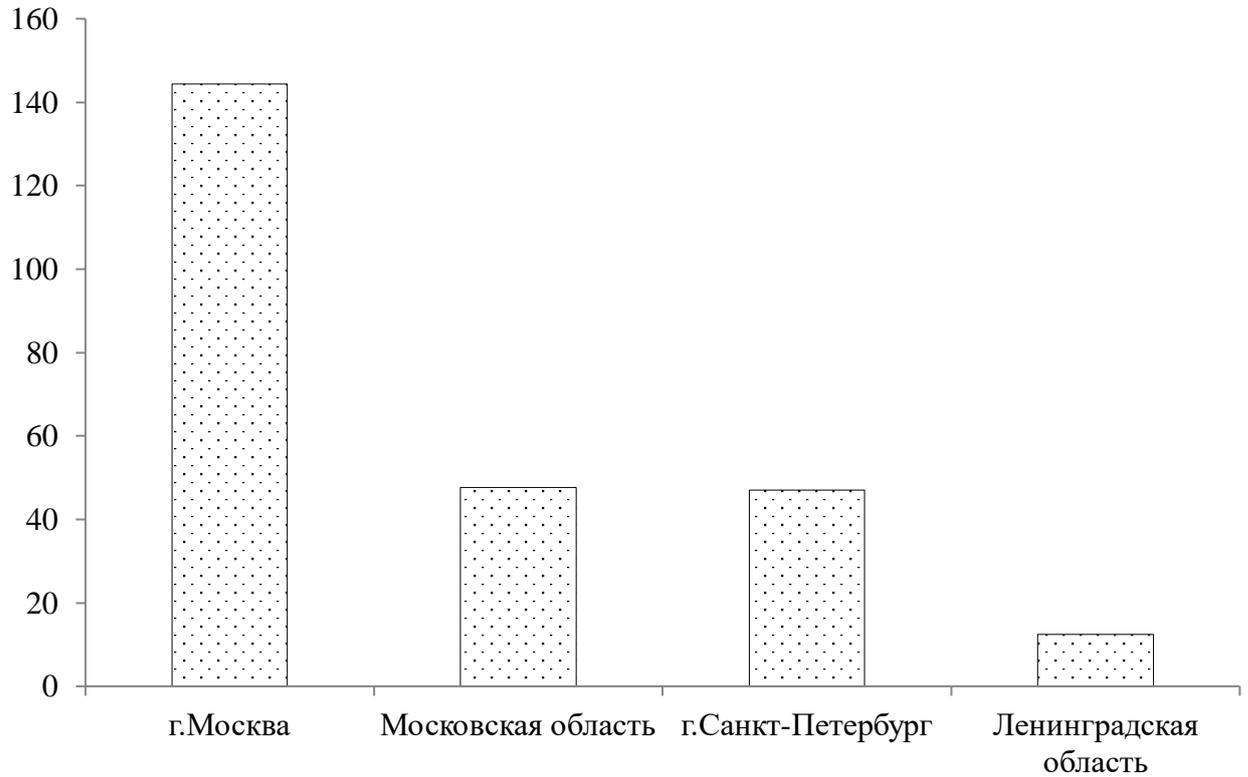

Рисунок 3.1 - ВРП ядра экономики России в 1995 г., в постоянных ценах, млрд руб.

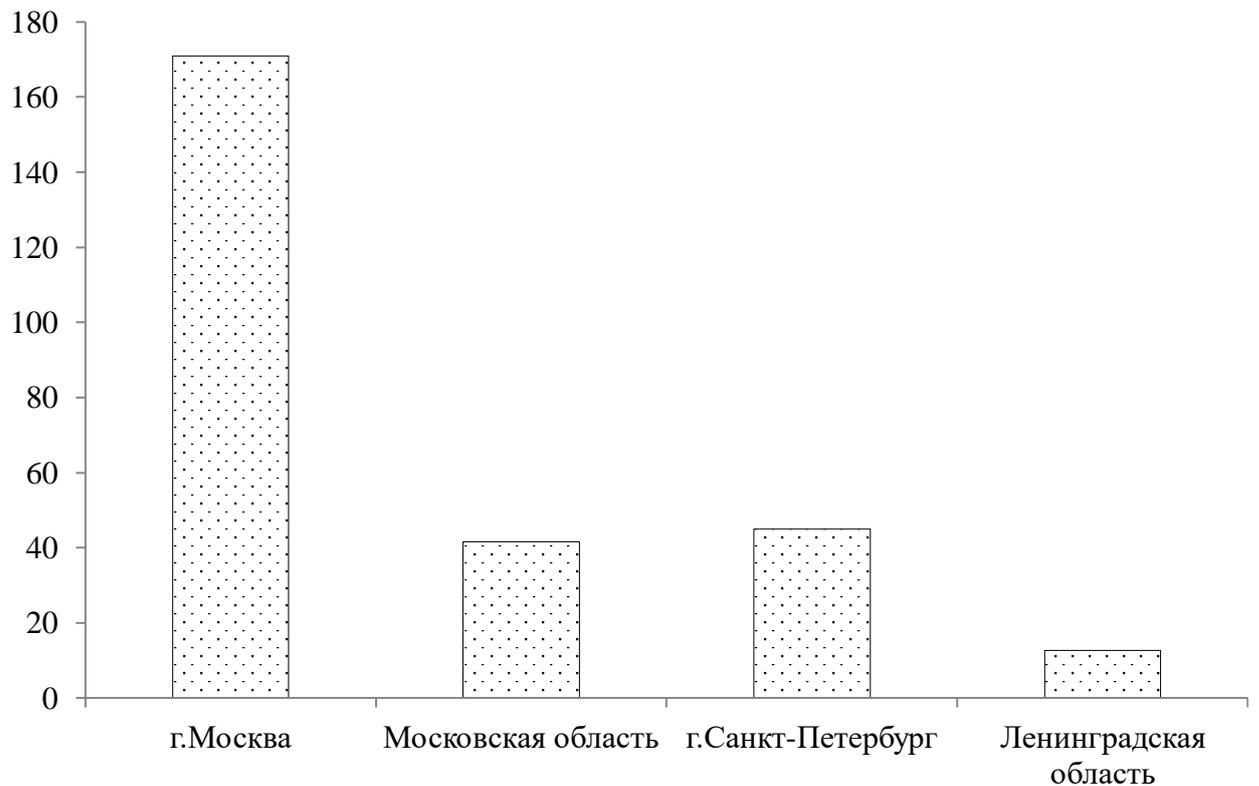

Рисунок 3.2 - ВРП ядра экономики России в 1998 г., в постоянных ценах, млрд руб.

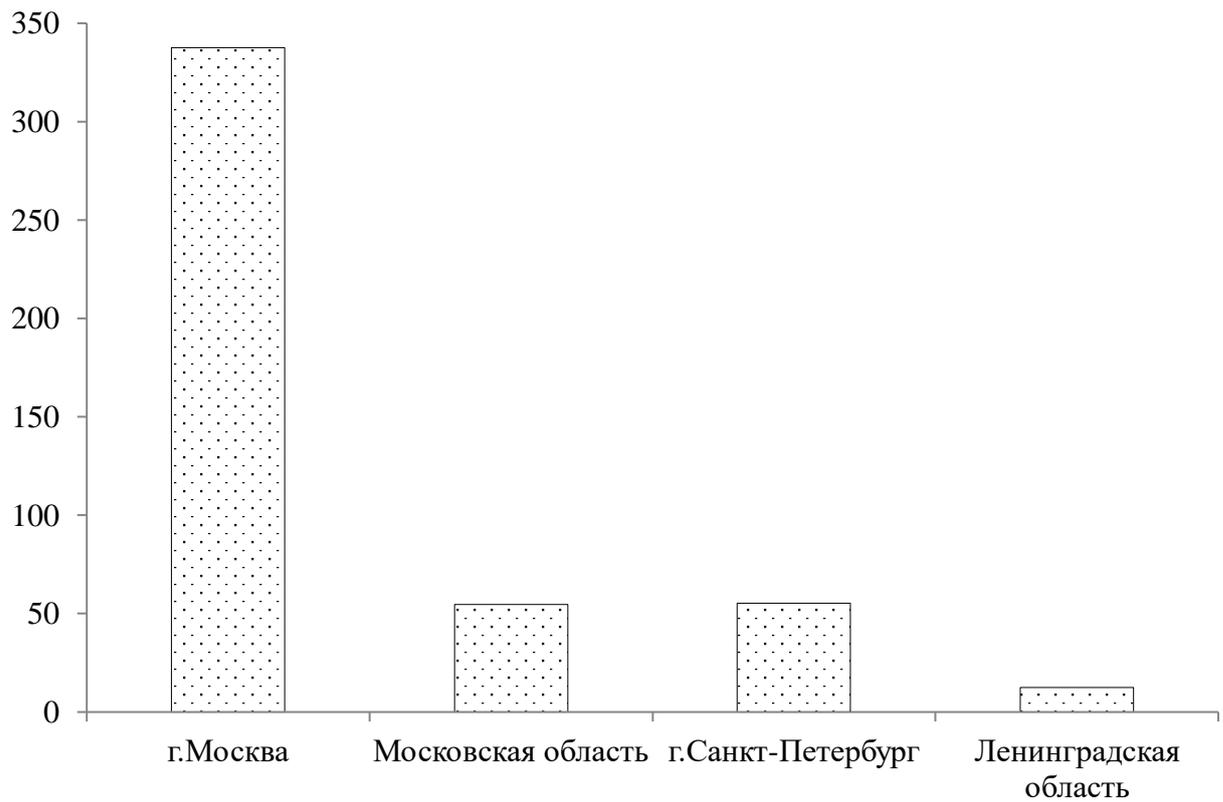

Рисунок 3.3 - ВРП ядра экономики России в 2000 г., в постоянных ценах, млрд руб.

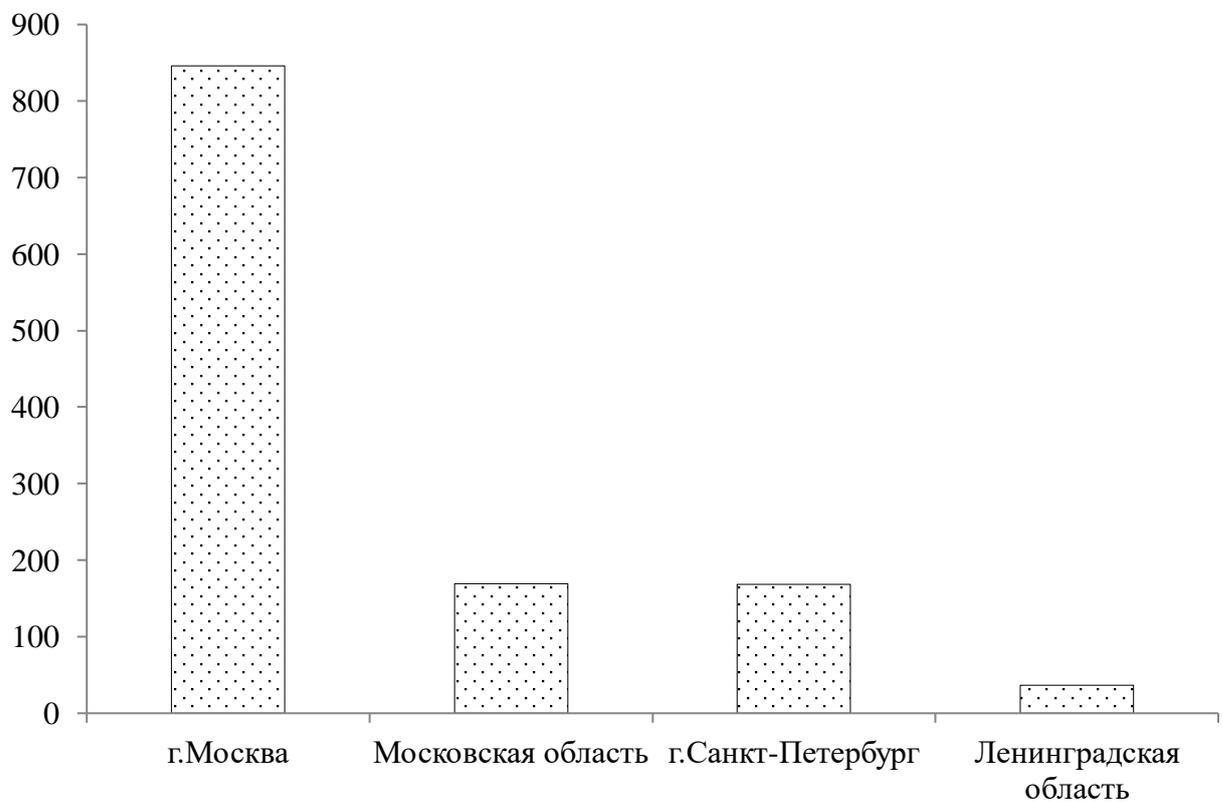

Рисунок 3.4 - ВРП ядра экономики России в 2008 г., в постоянных ценах, млрд руб.

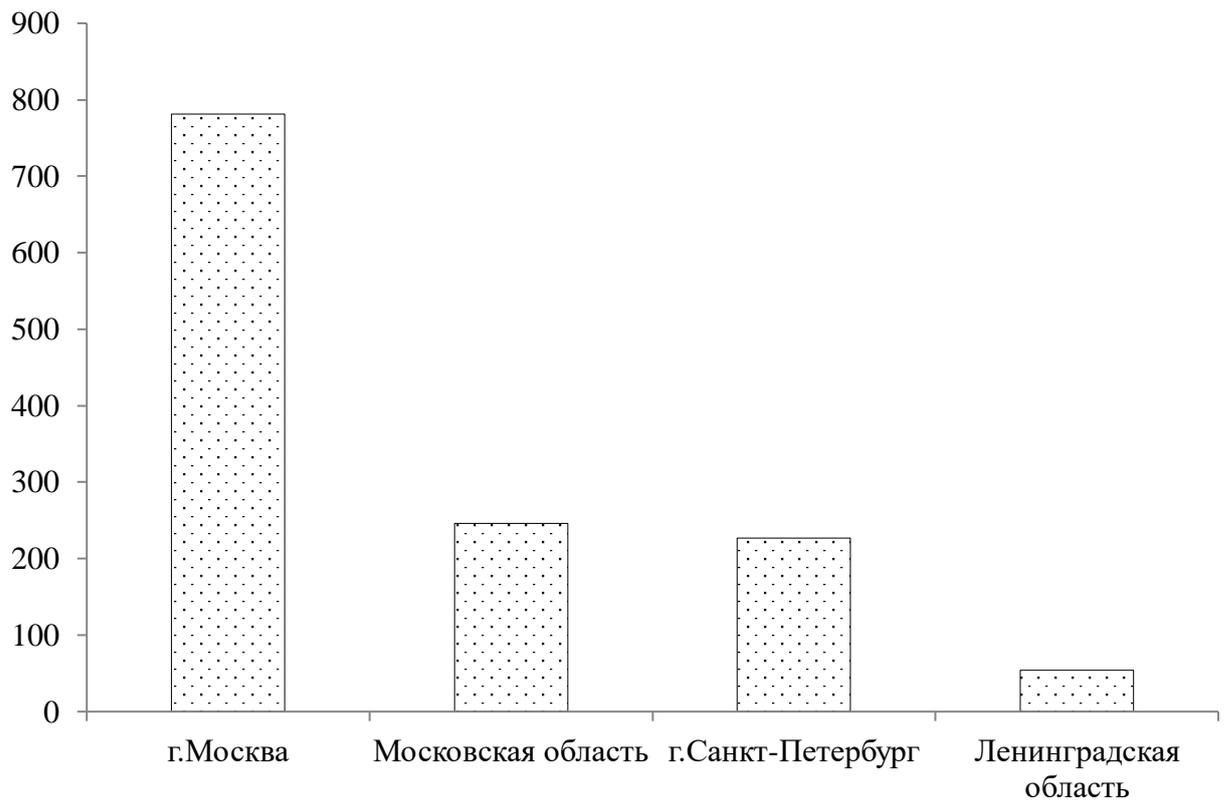

Рисунок 3.5 - ВРП ядра экономики России в 2017 г., в постоянных ценах, млрд руб.

Примечание - Приложение рассчитано автором по: [152, 153, 155-159, 206].

Приложение 4
ВРП ведущих субъектов России в 1995-2017 гг.

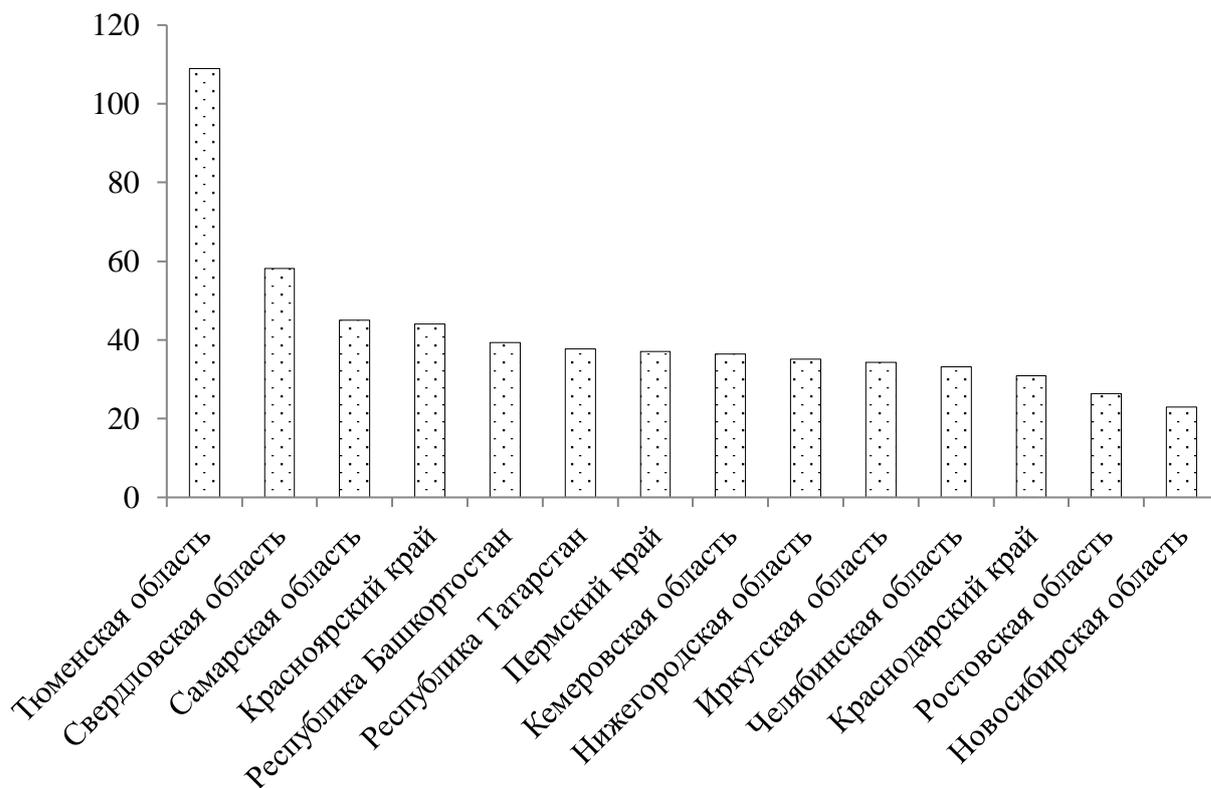

Рисунок 4.1 - ВРП ведущих субъектов России в 1995 г., в постоянных ценах, млрд руб.

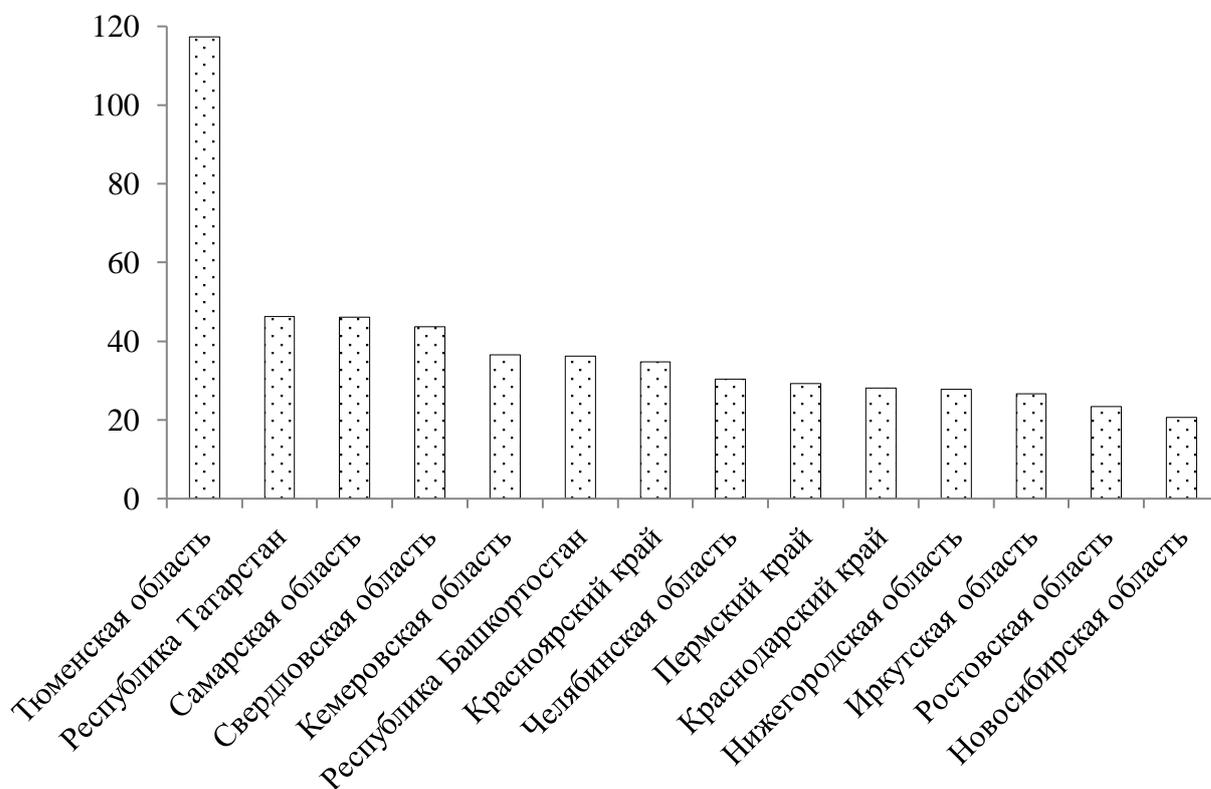

Рисунок 4.2 - ВРП ведущих субъектов России в 1998 г., в постоянных ценах, млрд руб.

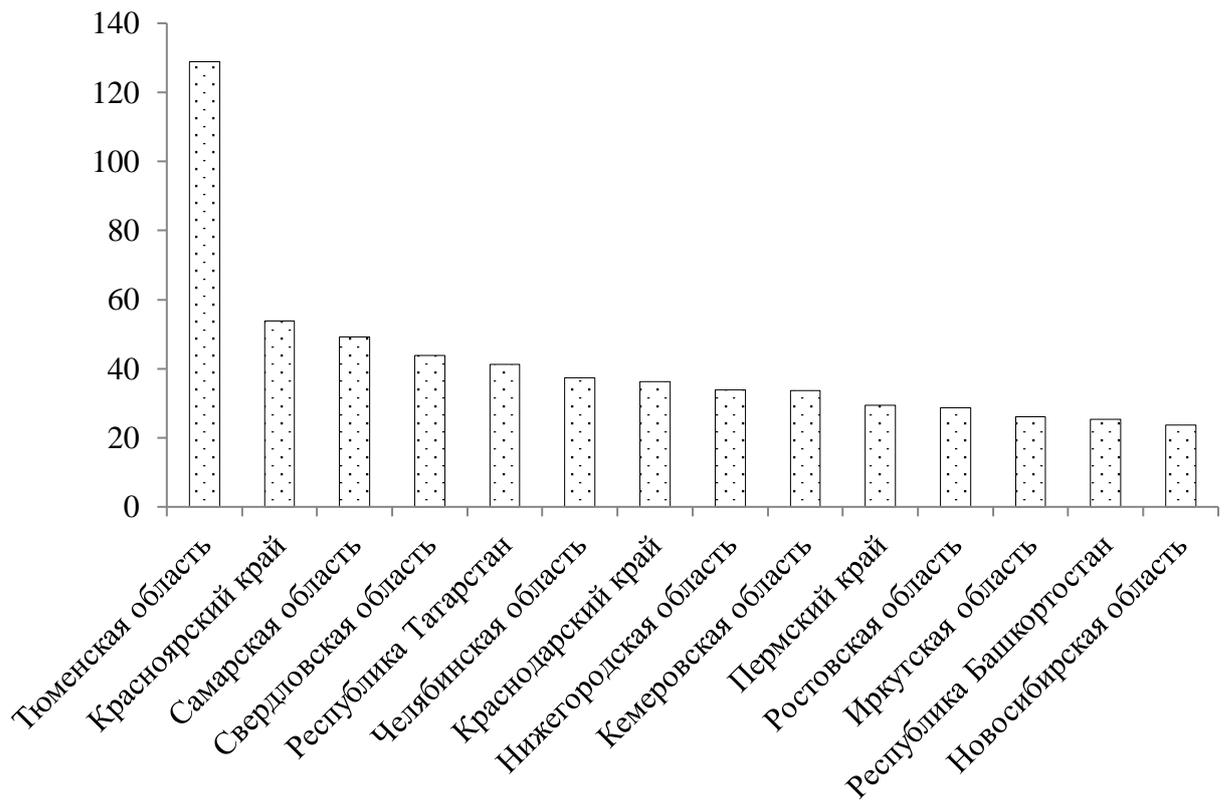

Рисунок 4.3 - ВРП ведущих субъектов России в 2000 г., в постоянных ценах, млрд руб.

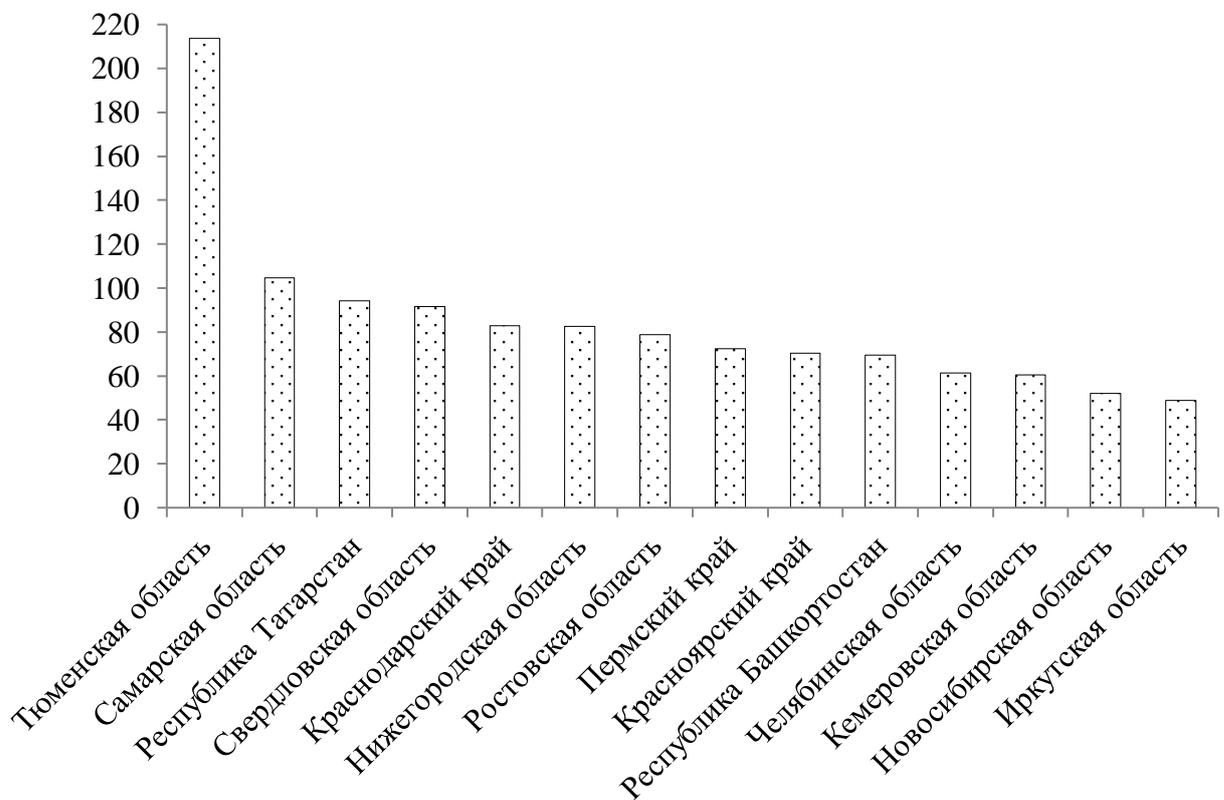

Рисунок 4.4 - ВРП ведущих субъектов России в 2008 г., в постоянных ценах, млрд руб.

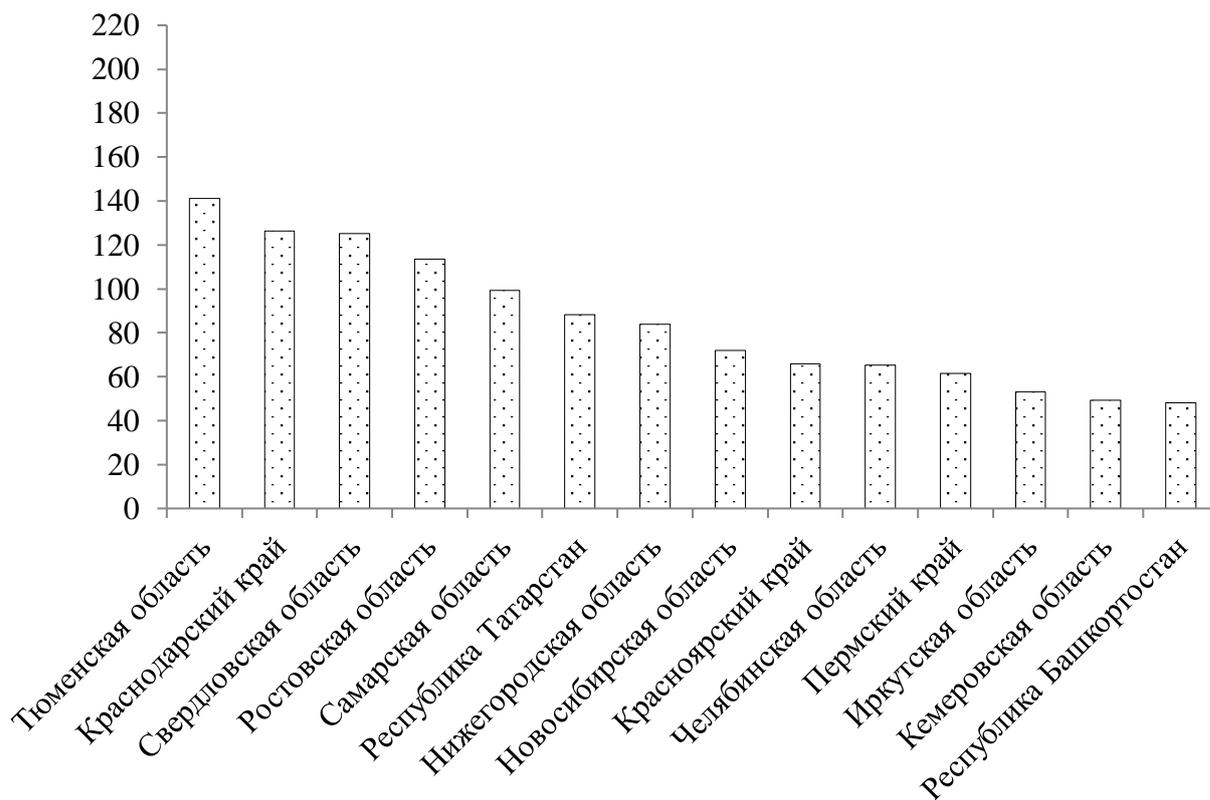
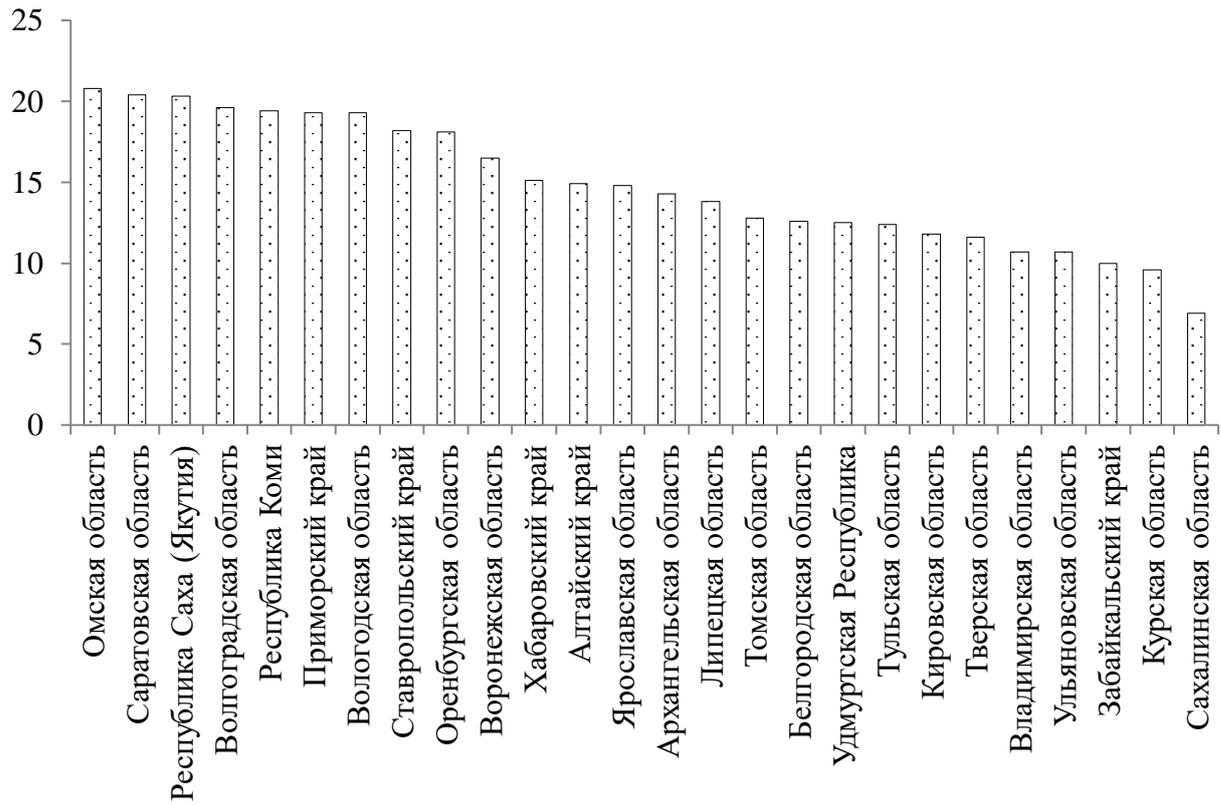

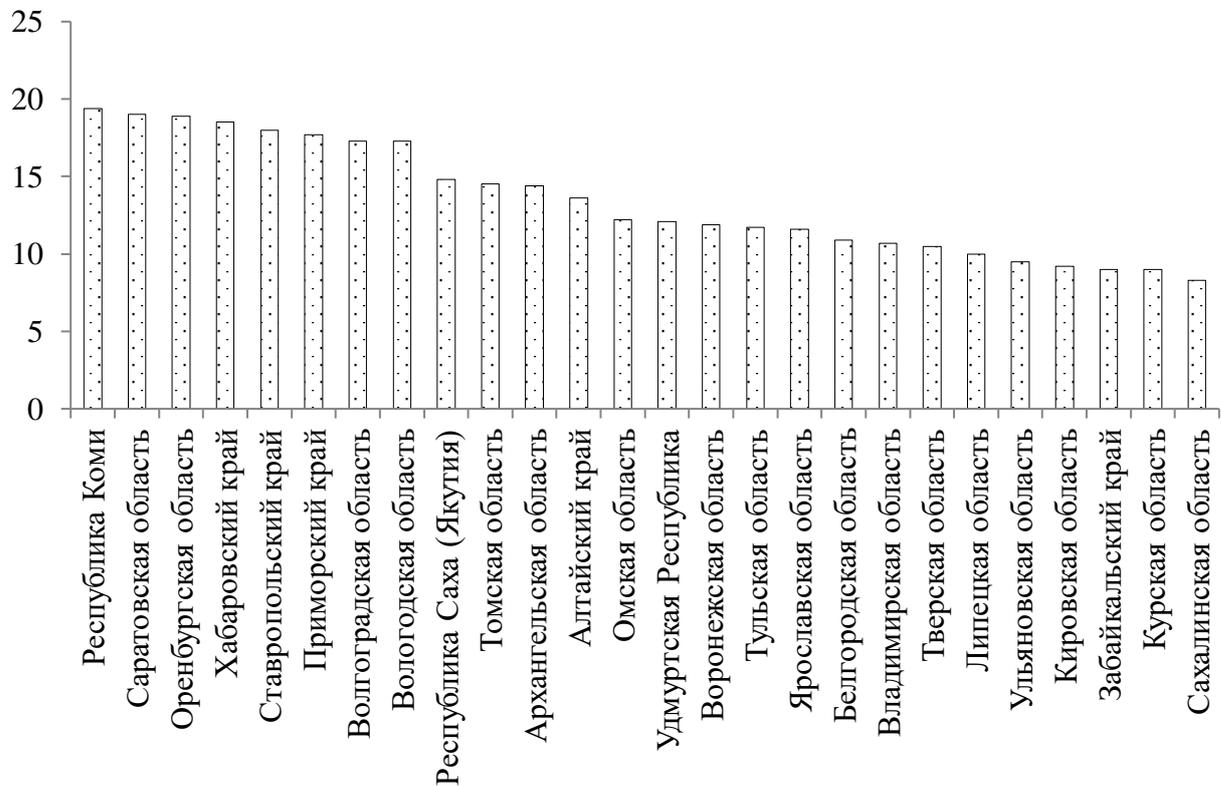
Рисунок 4.5 - ВРП ведущих субъектов России в 2017 г., в постоянных ценах, млрд руб.

Примечание - Приложение рассчитано автором по: [152, 153, 155-159, 206].

Приложение 5
ВРП полупериферийных субъектов России в 1995-2017 гг.

**Рисунок 5.1 - ВРП полупериферийных субъектов России в 1995 г.,
в постоянных ценах, млрд руб.**

**Рисунок 5.2 - ВРП полупериферийных субъектов России в 1998 г.,
в постоянных ценах, млрд руб.**

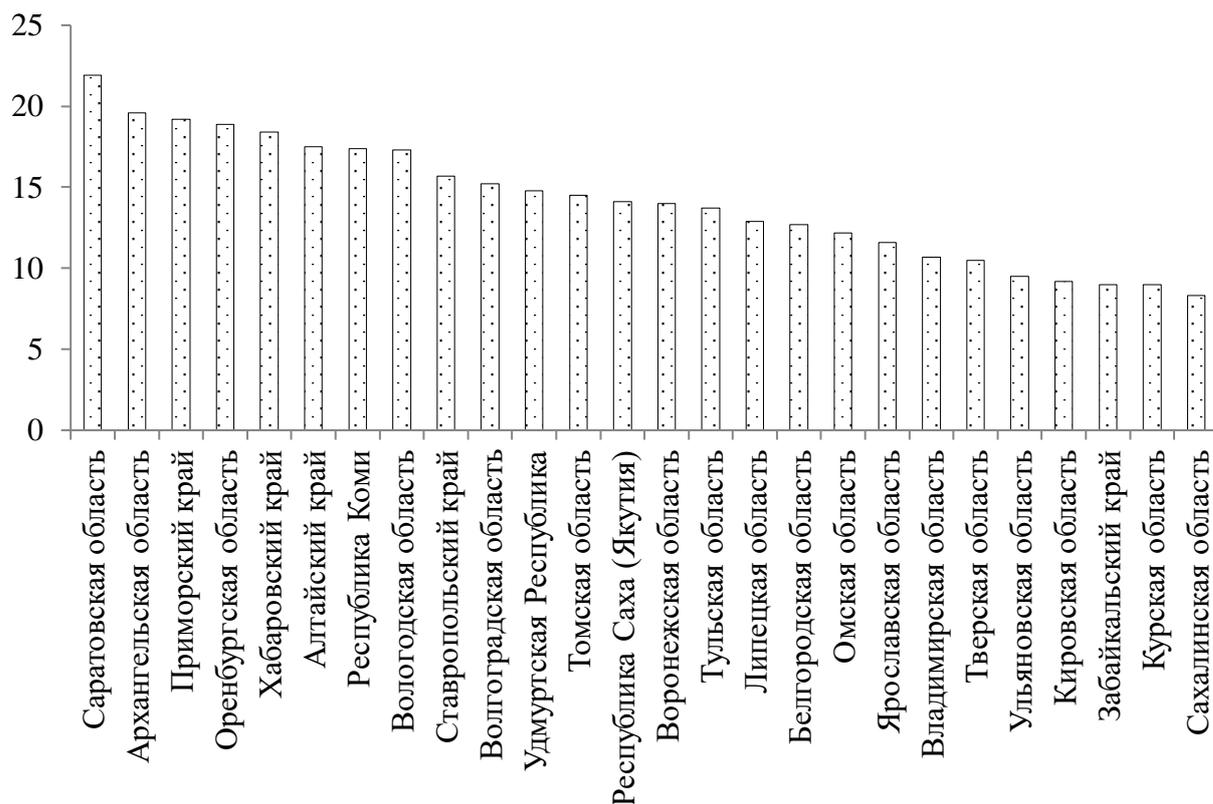

Рисунок 5.3 - ВРП полупериферийных субъектов России в 2000 г., в постоянных ценах, млрд руб.

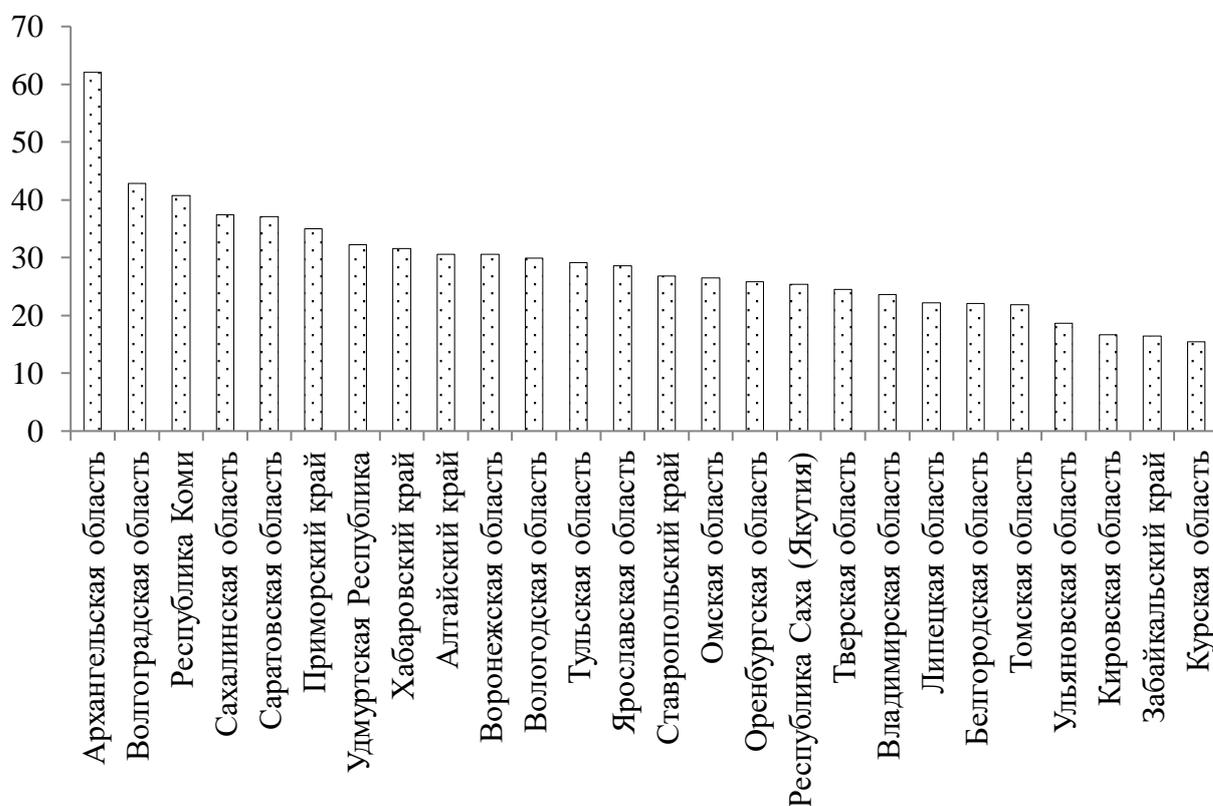

Рисунок 5.4 - ВРП полупериферийных субъектов России в 2008 г., в постоянных ценах, млрд руб.

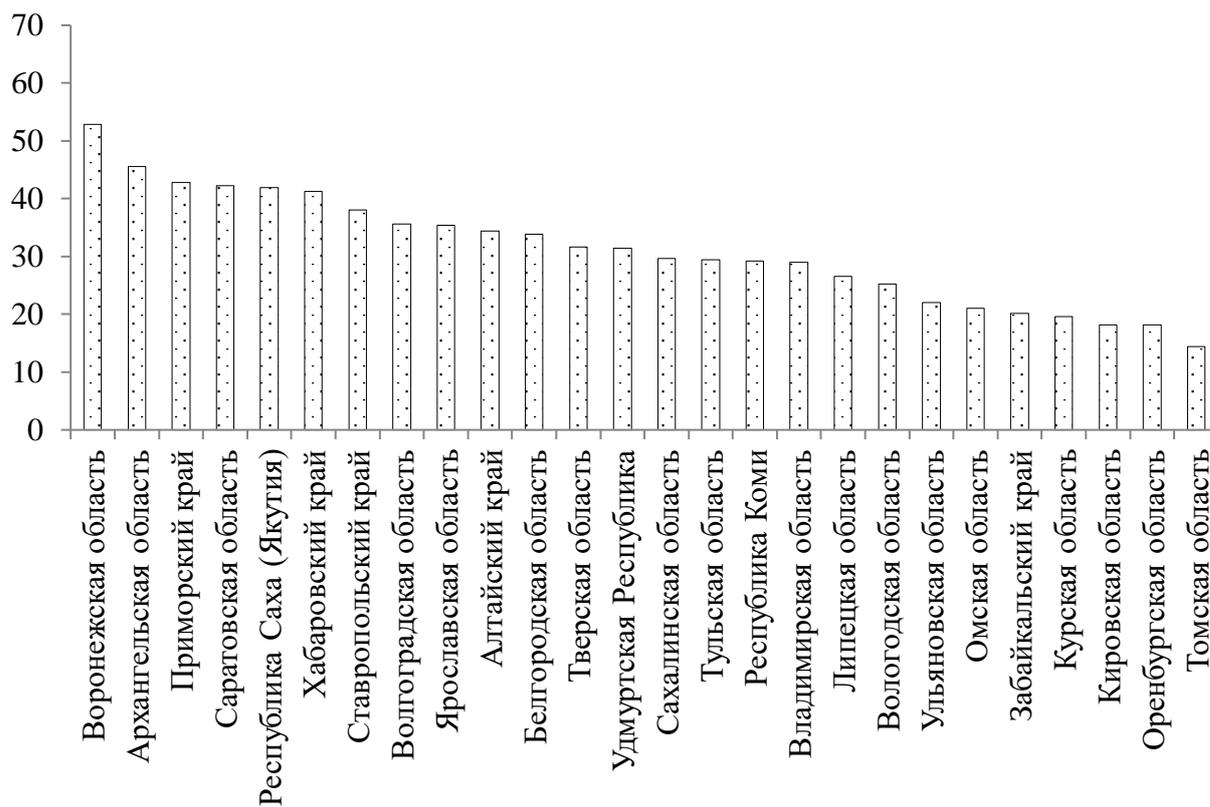
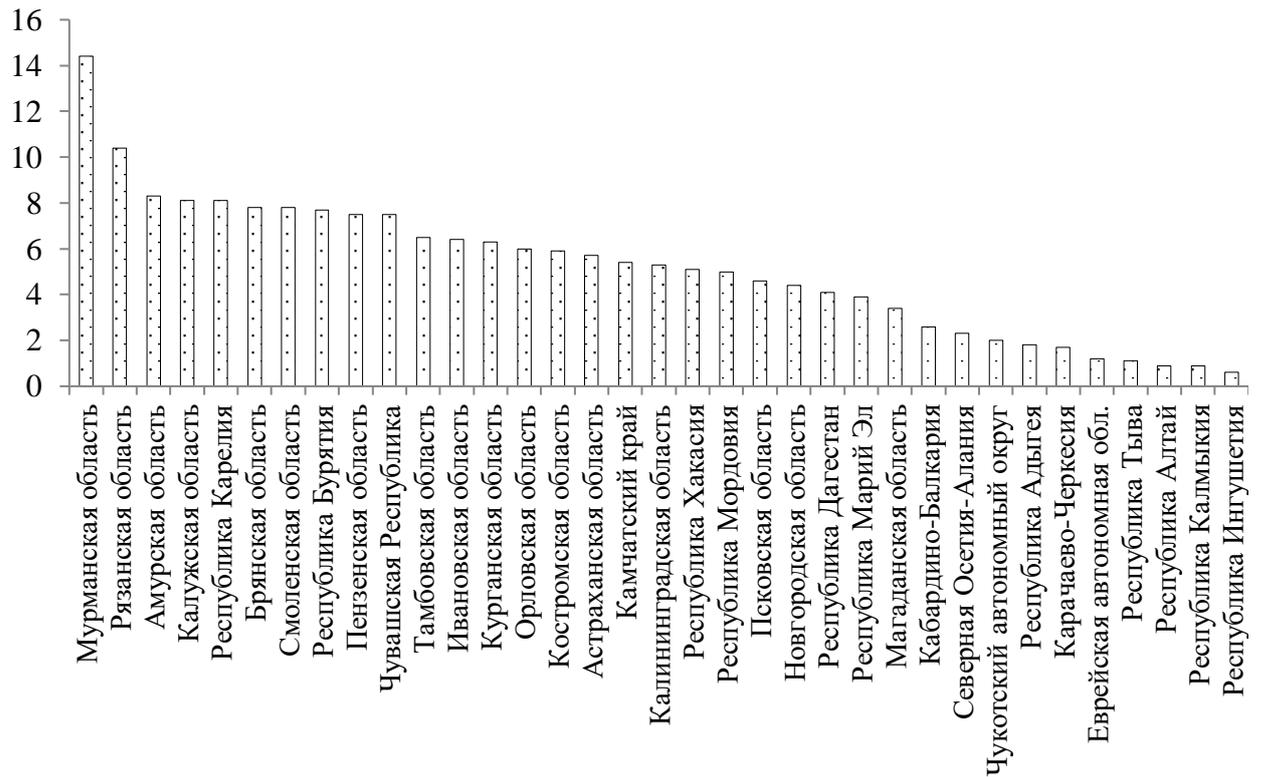

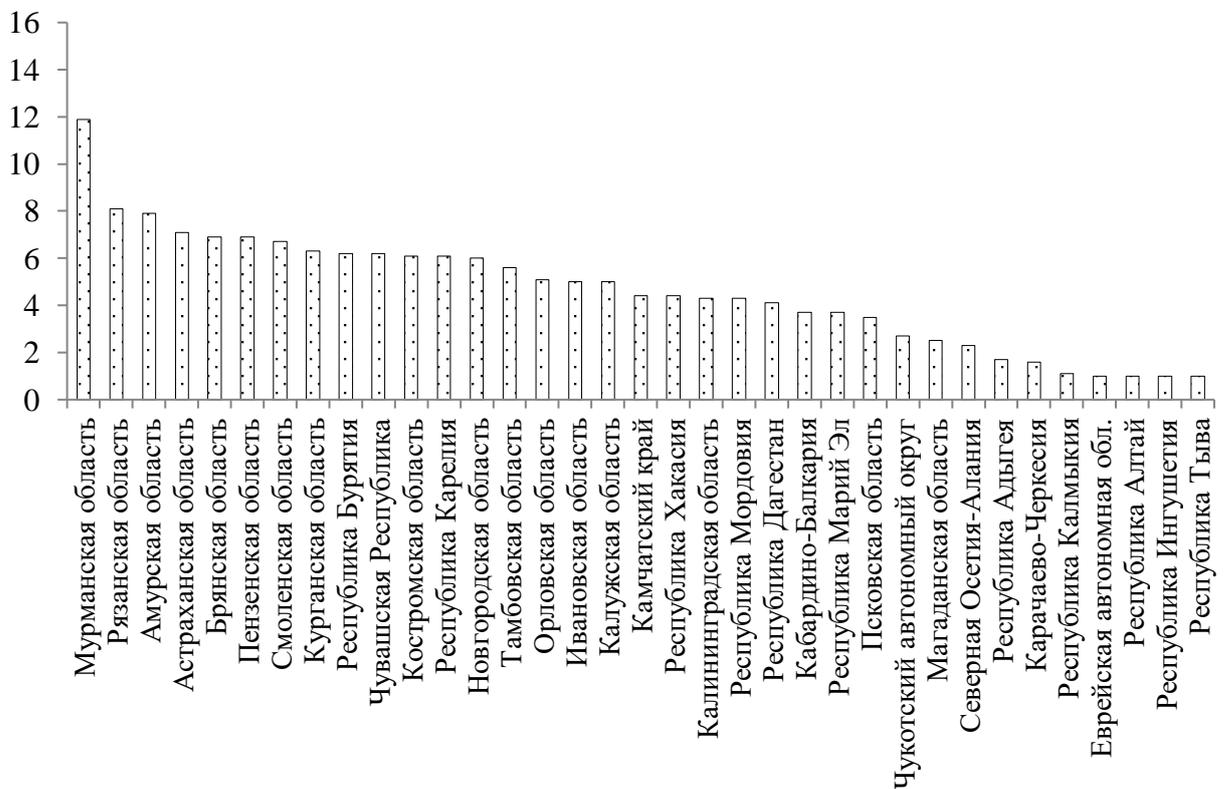
Рисунок 5.5 - ВРП полупериферийных субъектов России в 2017 г., в постоянных ценах, млрд руб.

Примечание - Приложение рассчитано автором по: [152, 153, 155-159, 206].

Приложение 6
ВРП периферийных субъектов России в 1995-2017 гг.

**Рисунок 6.1 - ВРП периферийных субъектов России в 1995 г.,
в постоянных ценах, млрд руб.**

**Рисунок 6.2 - ВРП периферийных субъектов России в 1998 г.,
в постоянных ценах, млрд руб.**

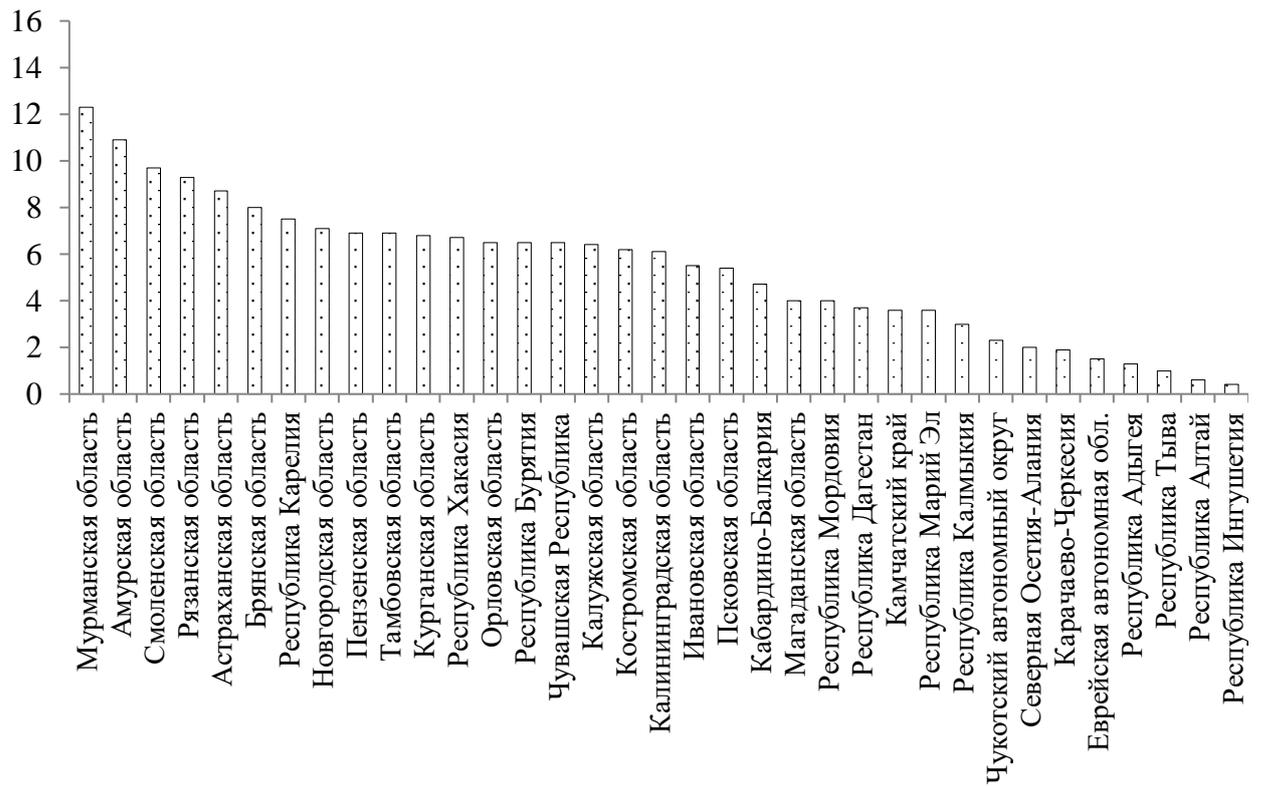

Рисунок 6.3 - ВРП периферийных субъектов России в 2000 г., в постоянных ценах, млрд руб.

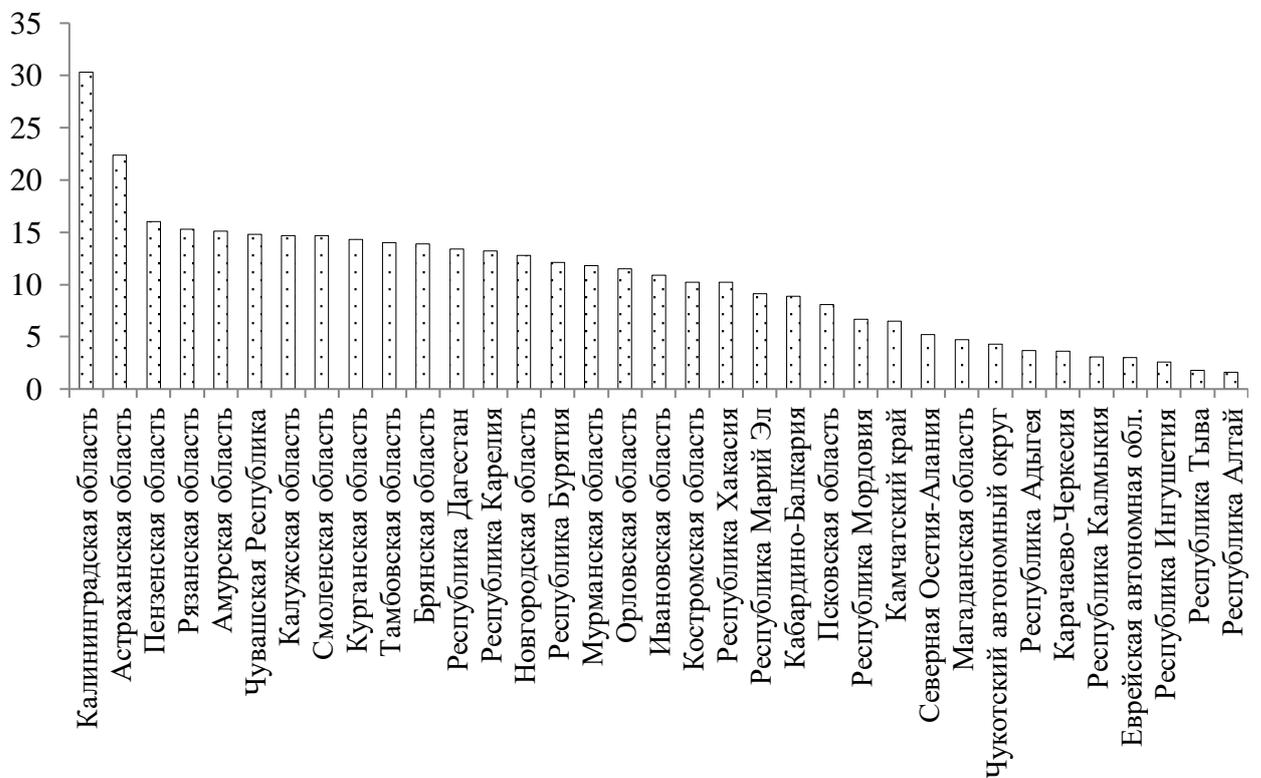

Рисунок 6.4 - ВРП периферийных субъектов России в 2008 г., в постоянных ценах, млрд руб.

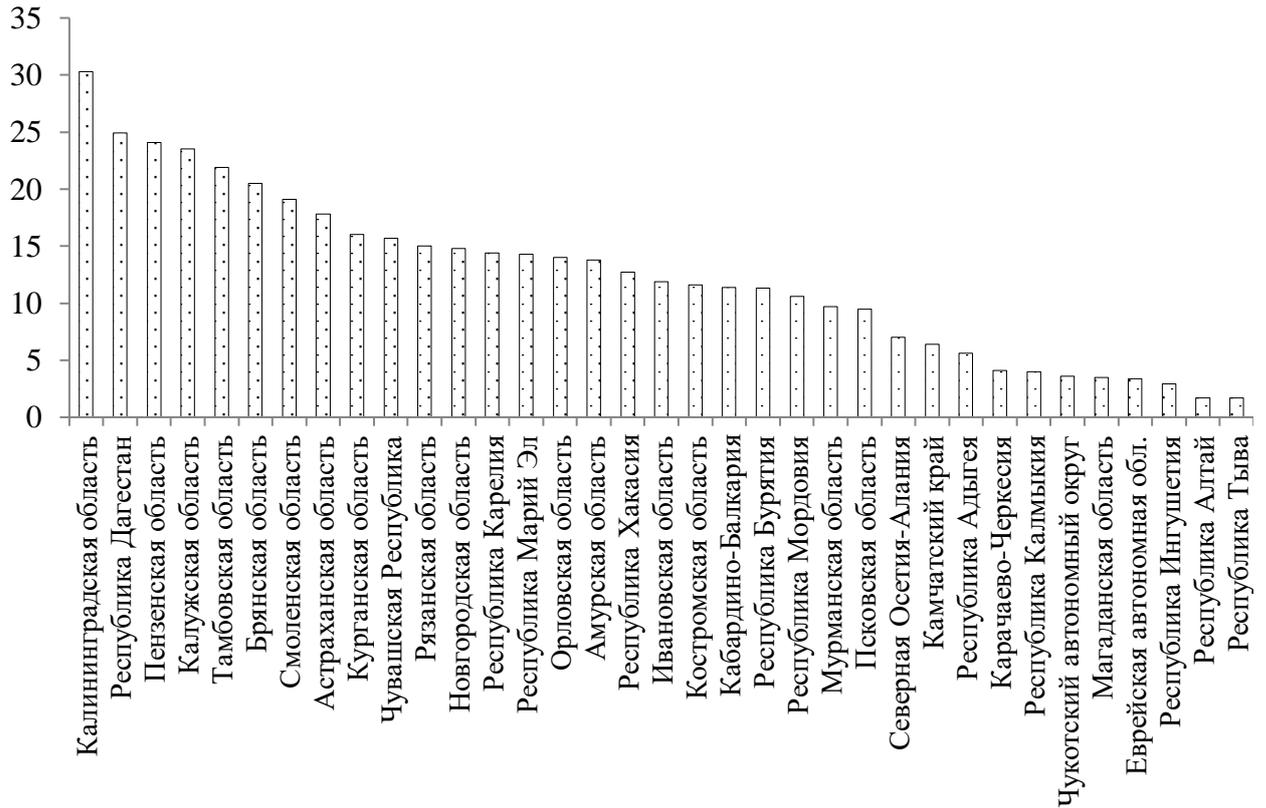

Рисунок 6.5 - ВРП периферийных субъектов России в 2017 г., в постоянных ценах, млрд руб.

Примечание - Приложение рассчитано автором по: [152, 153, 155-159, 206].

Приложение 7

Структура экономической плотности (ВРП) России в 1995-2017 гг., в текущих ценах

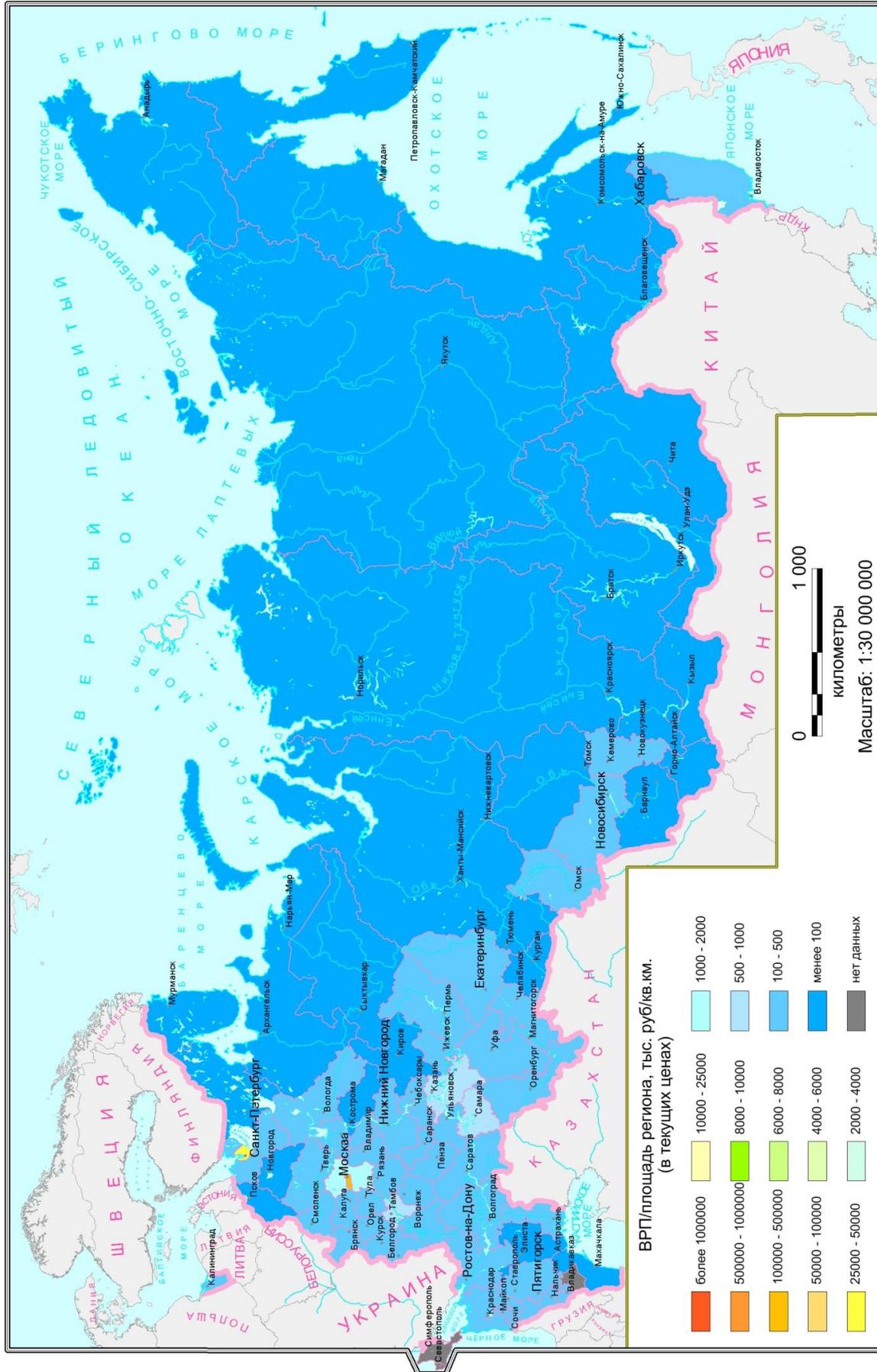

Рисунок 7.1 - Структура экономической плотности (ВРП) России в 1995 г., в текущих ценах, тыс. руб./км²

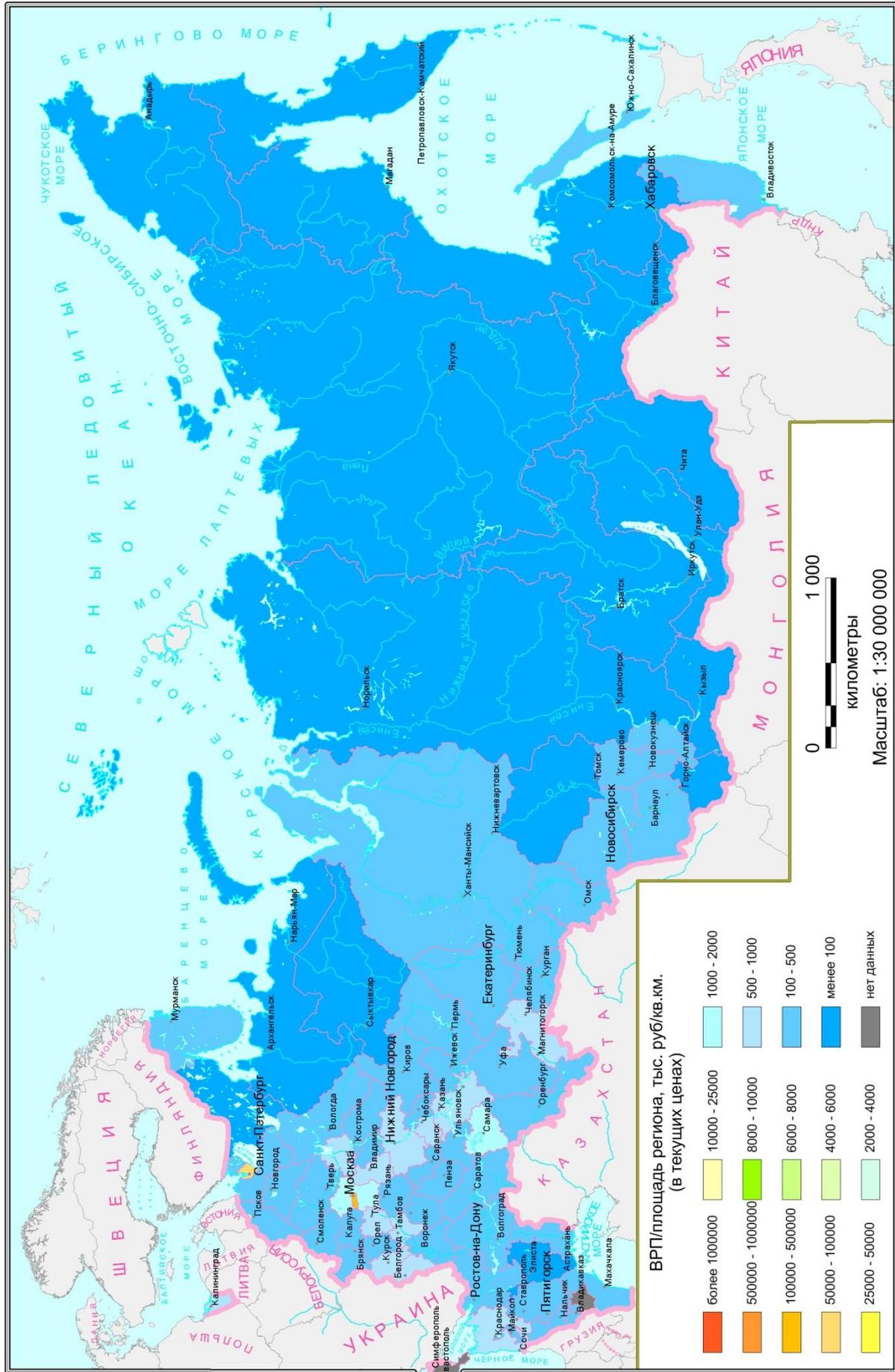

Рисунок 7.2 - Структура экономической плотности (ВРП) России в 1998 г., в текущих ценах, тыс. руб./км²

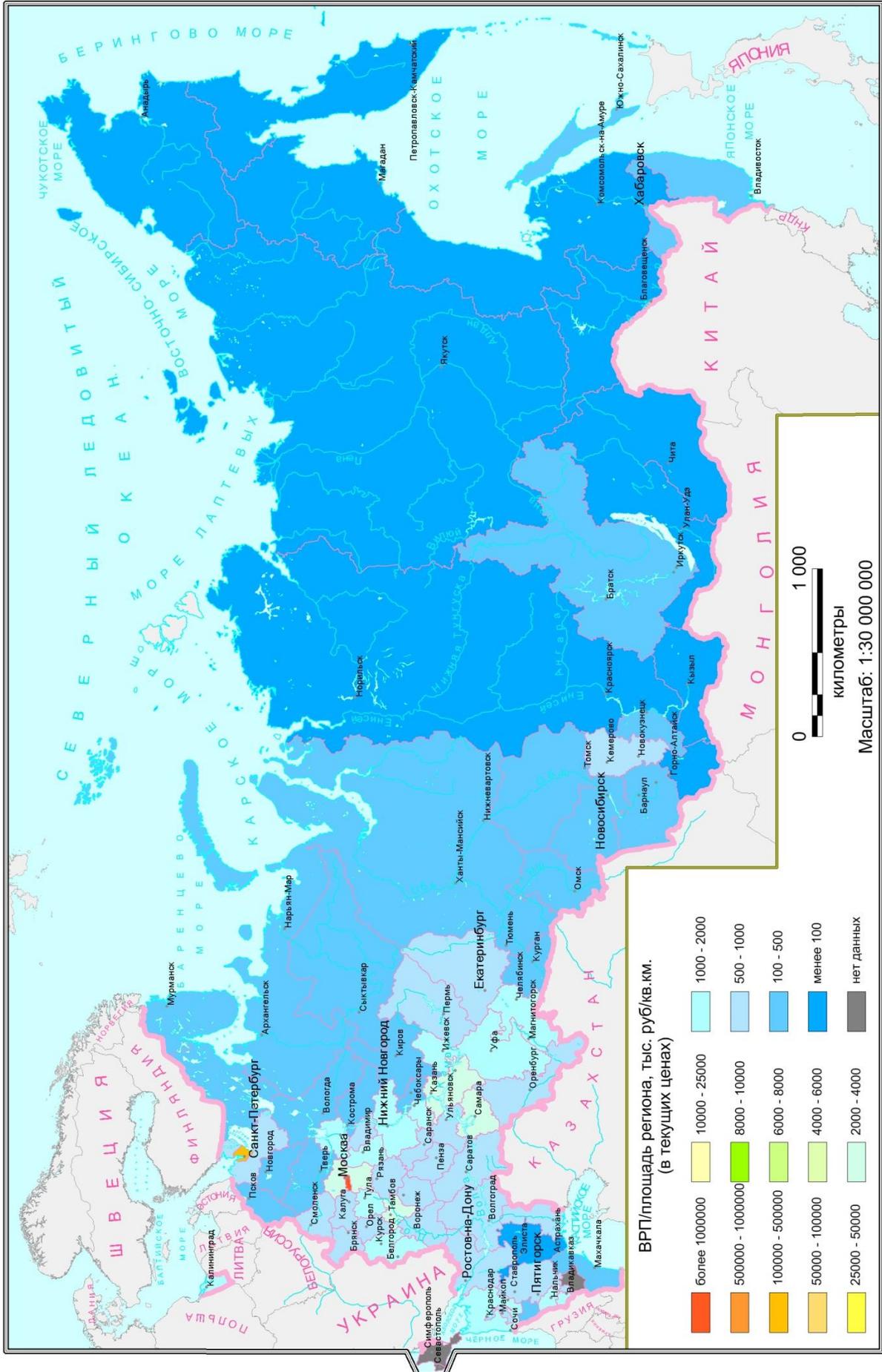

Рисунок 7.3 - Структура экономической плотности (ВРП) России в 2000 г., в текущих ценах, тыс. руб./км²

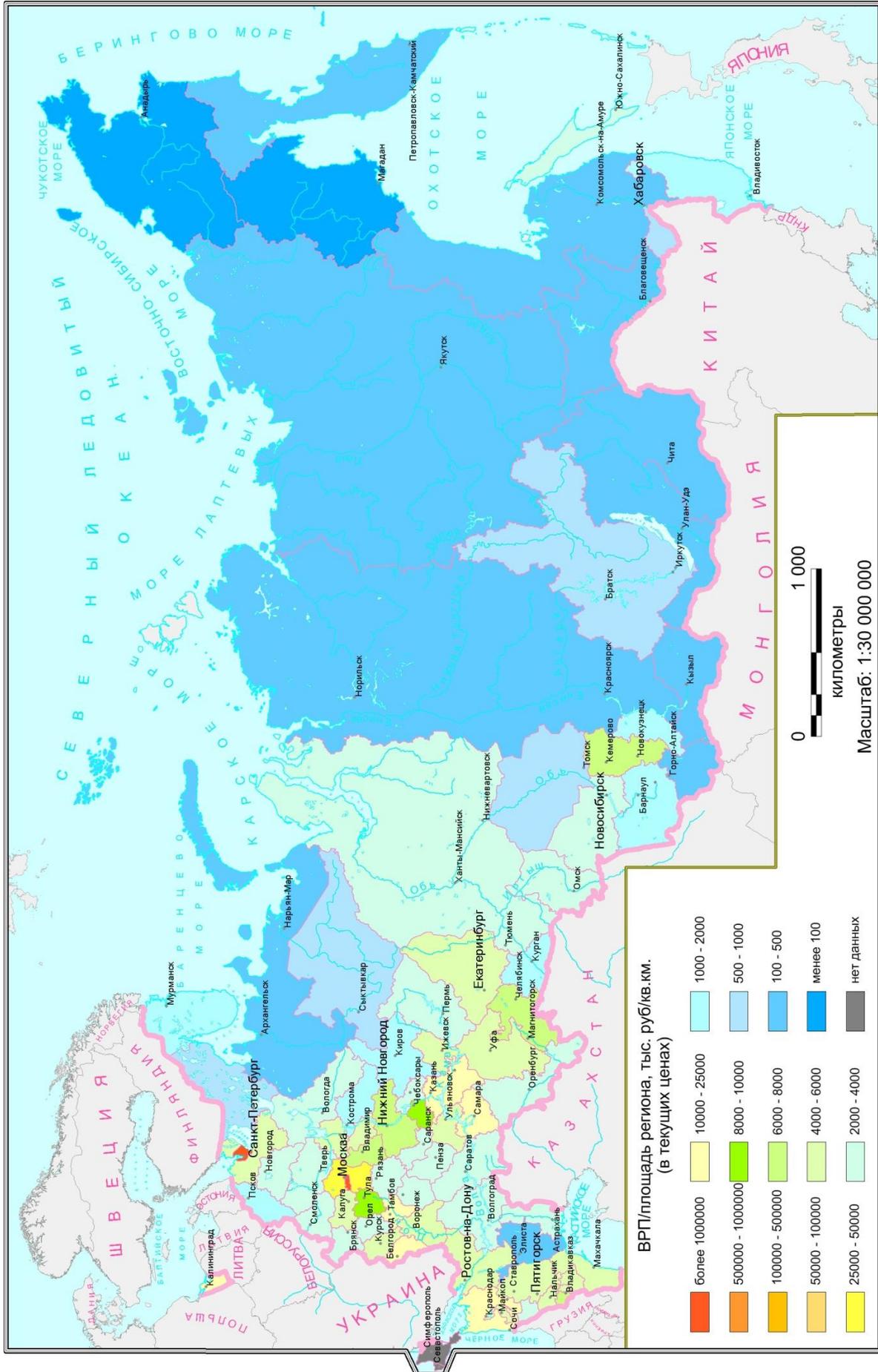

Рисунок 7.4 - Структура экономической плотности (ВРП) России в 2008 г., в текущих ценах, тыс. руб./км²

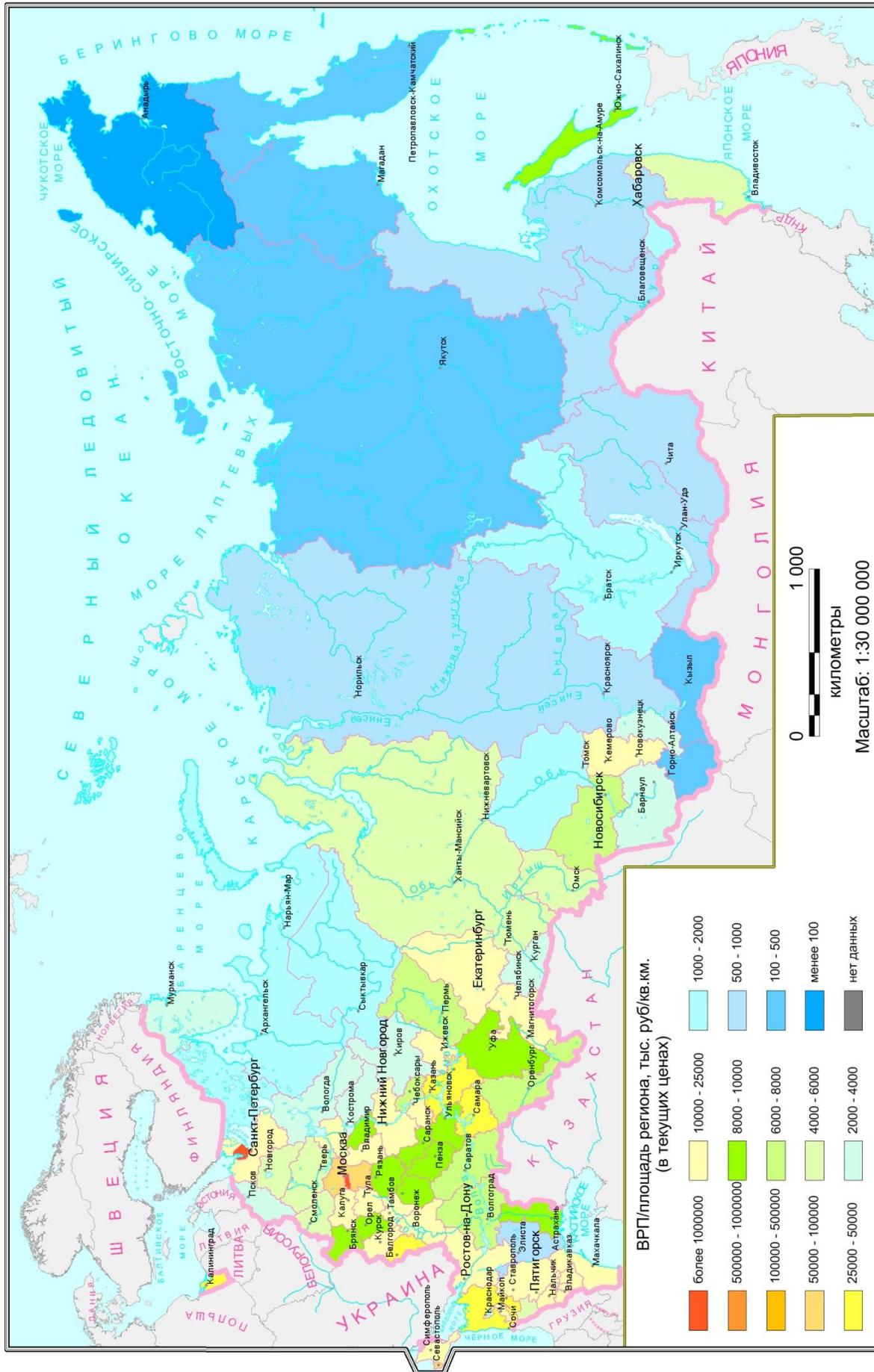

Рисунок 7.5 - Структура экономической плотности (ВРП) России в 2017 г., в текущих ценах, тыс. руб./км²

Примечание - Приложение составлено автором по: [152-159, 206].

Приложение 8

Структура экономической плотности (ВРП) России в 1995-2017 гг., в постоянных ценах

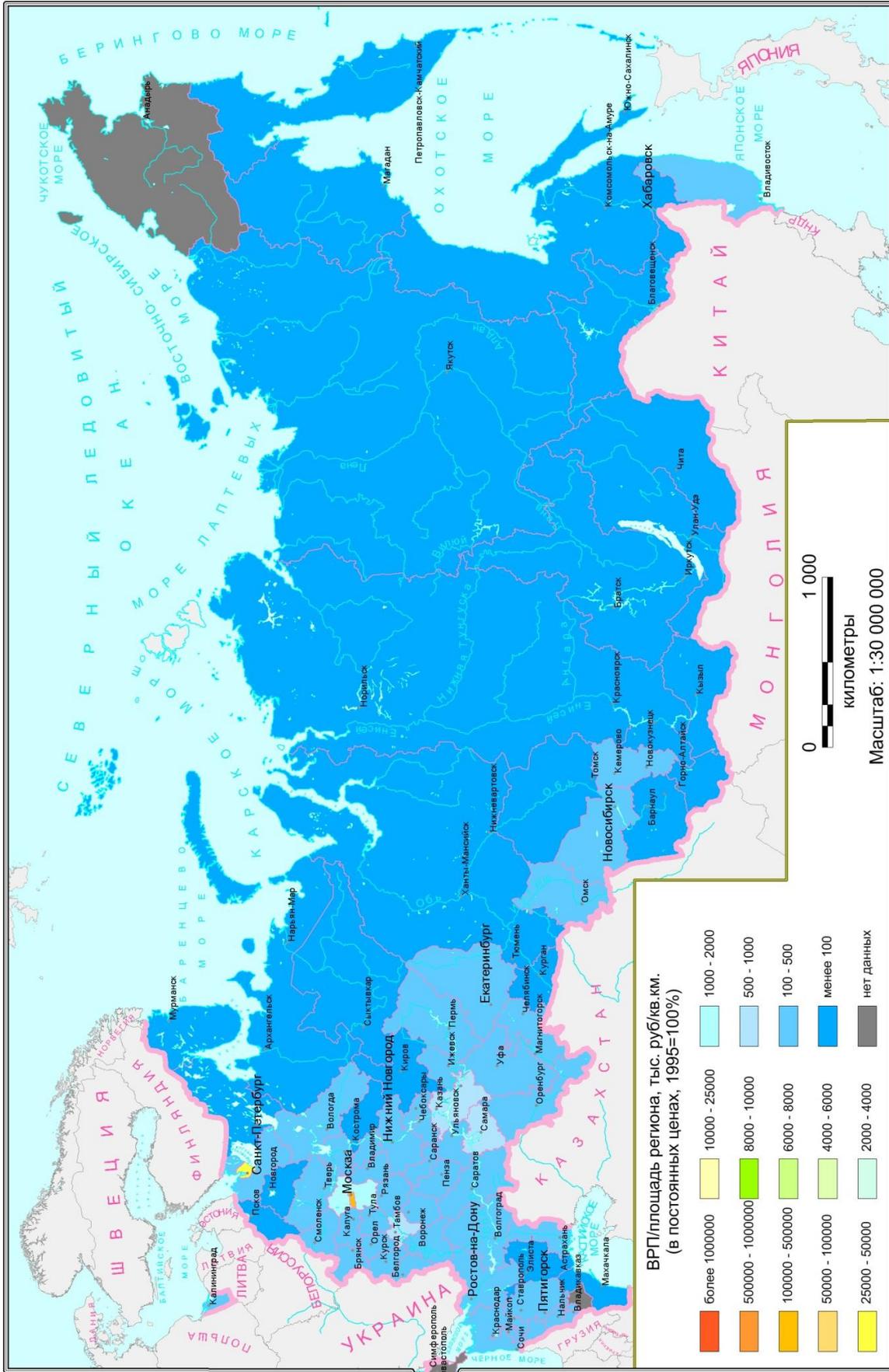

Рисунок 8.1 - Структура экономической плотности (ВРП) России в 1995 г., в постоянных ценах, тыс. руб./км²

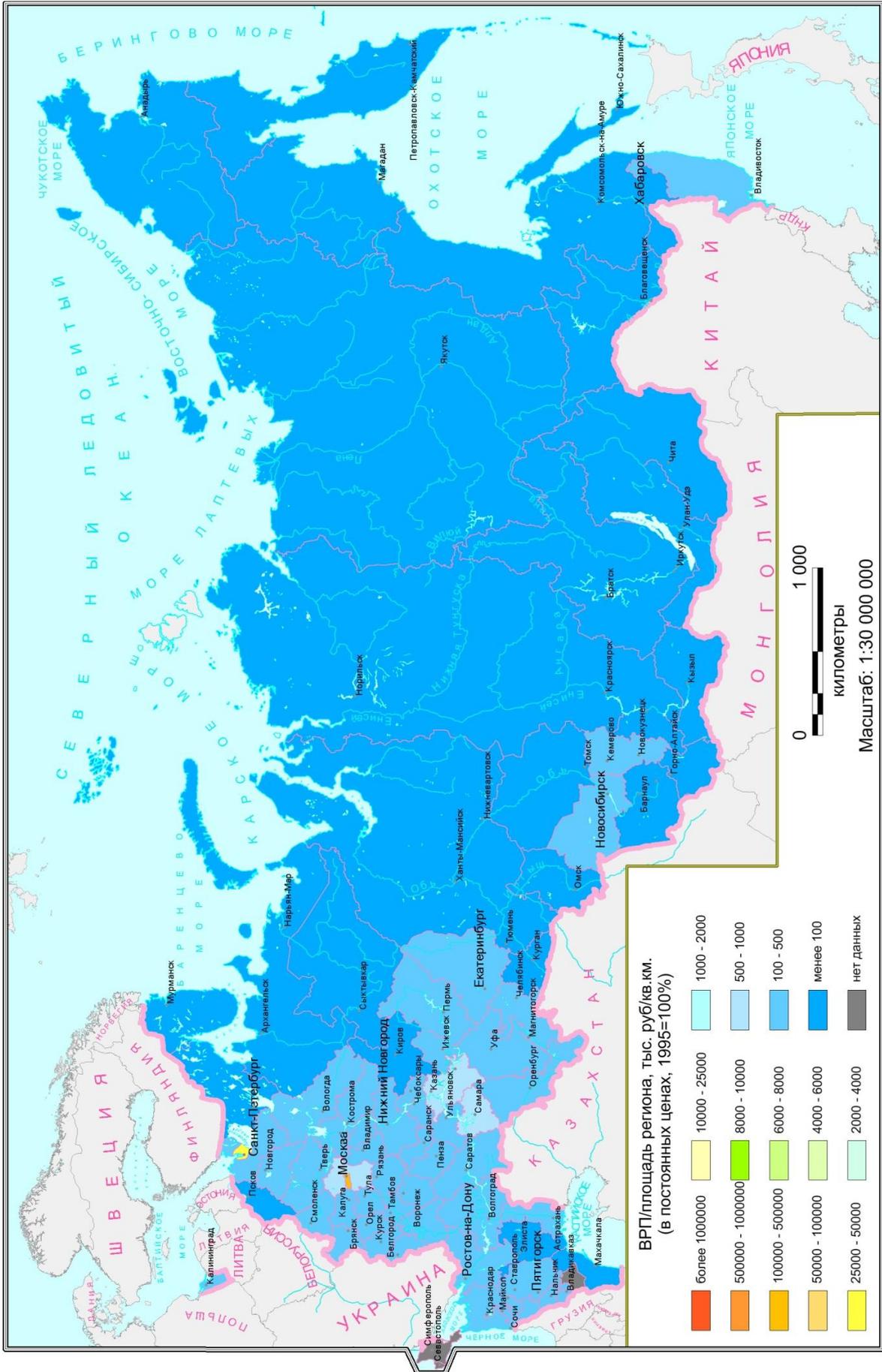

Рисунок 8.2 - Структура экономической плотности (ВРП) России в 1998 г., в постоянных ценах, тыс. руб./км²

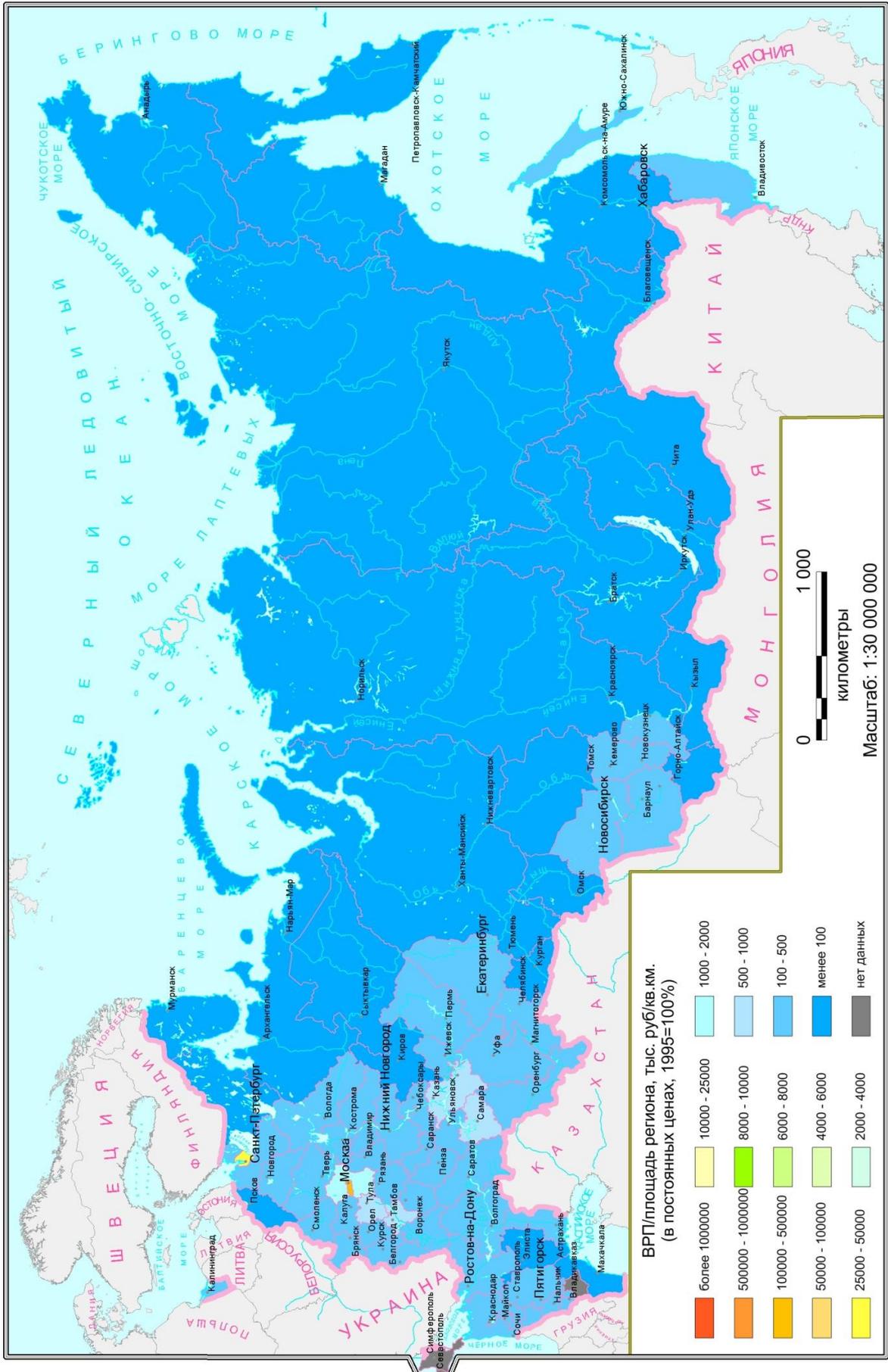

Рисунок 8.3 - Структура экономической плотности (ВРП) России в 2000 г., в постоянных ценах, тыс. руб./км²

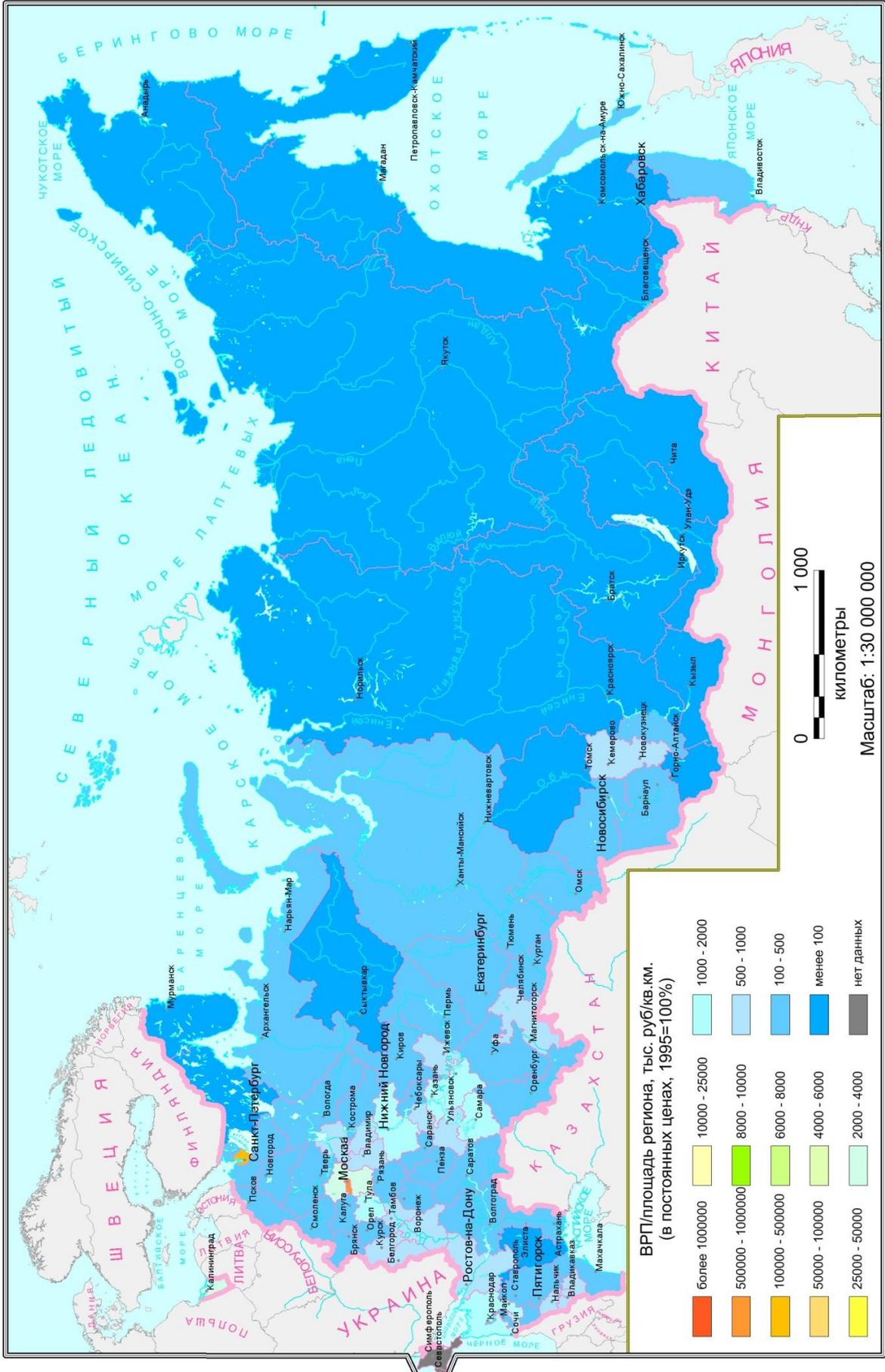

Рисунок 8.4 - Структура экономической плотности (ВРП) России в 2008 г., в постоянных ценах, тыс. руб./км²

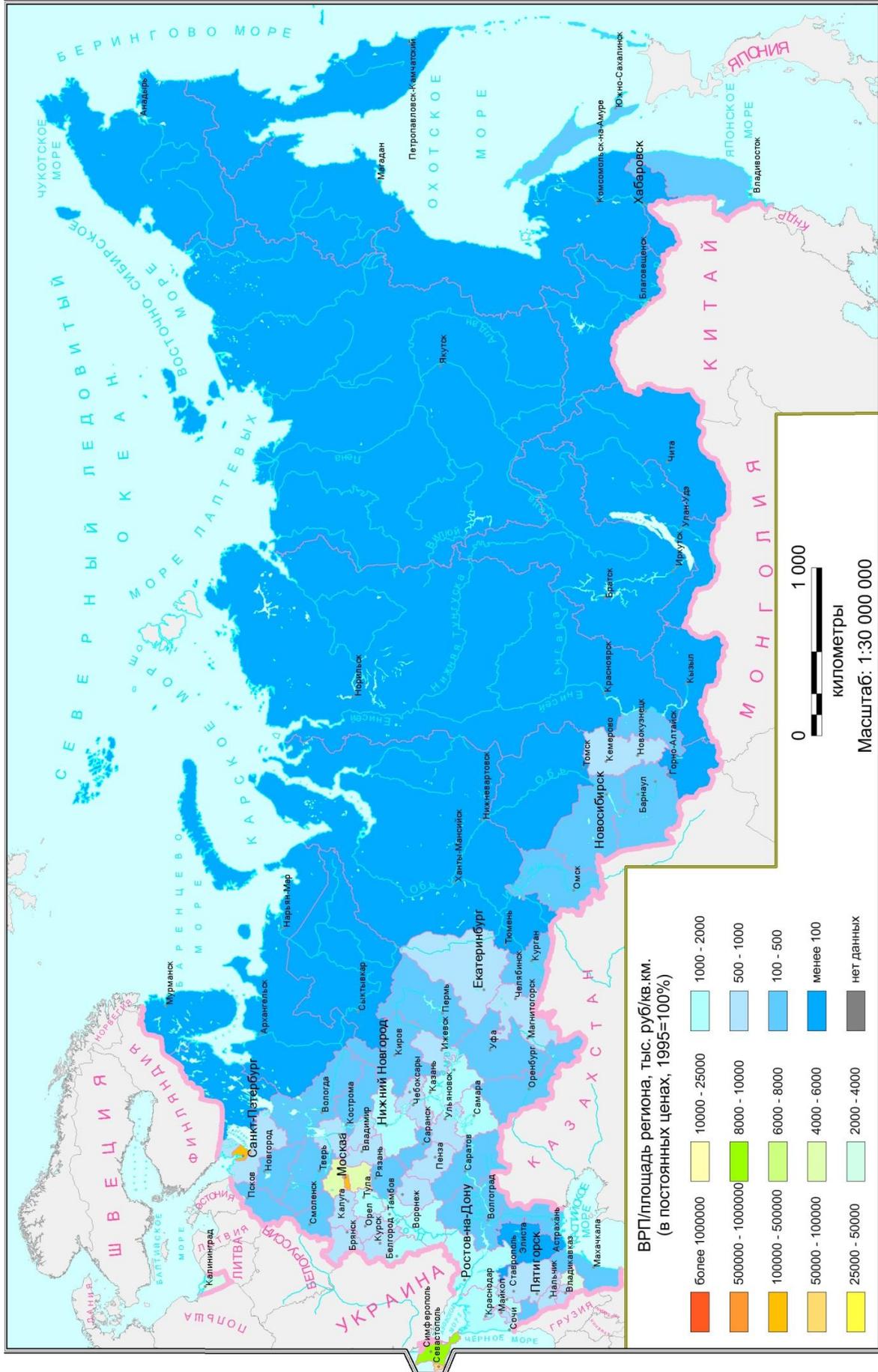

Рисунок 8.5 - Структура экономической плотности (ВРП) России в 2017 г., в постоянных ценах, тыс. руб./км²

Примечание - Приложение составлено автором по: [152-159, 206].

Приложение 9

Структура экономической плотности (занятого населения) России в 1995-2017 гг.

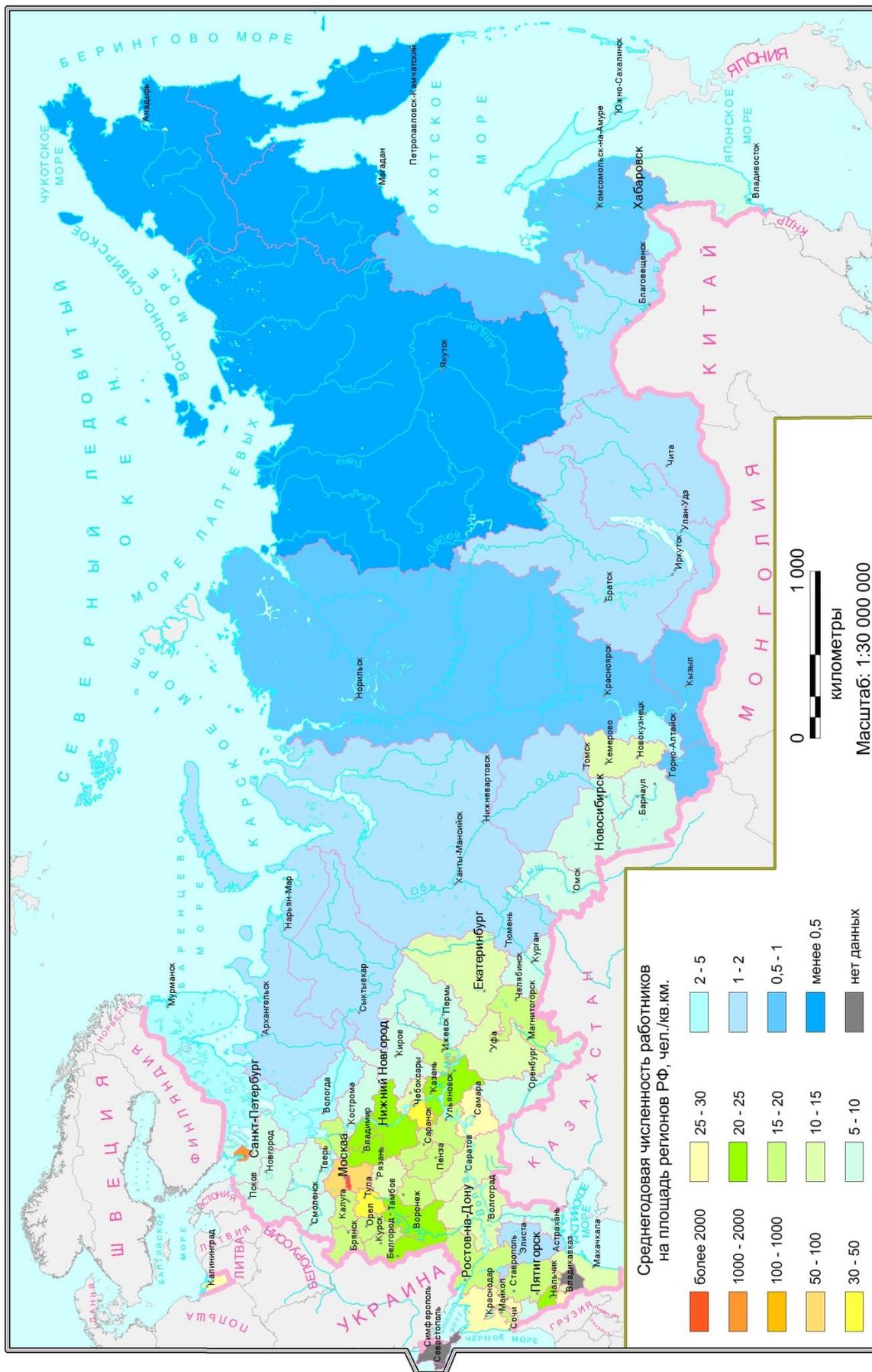

Рисунок 9.1 - Плотность занятости в России в 1995 г., чел./км²

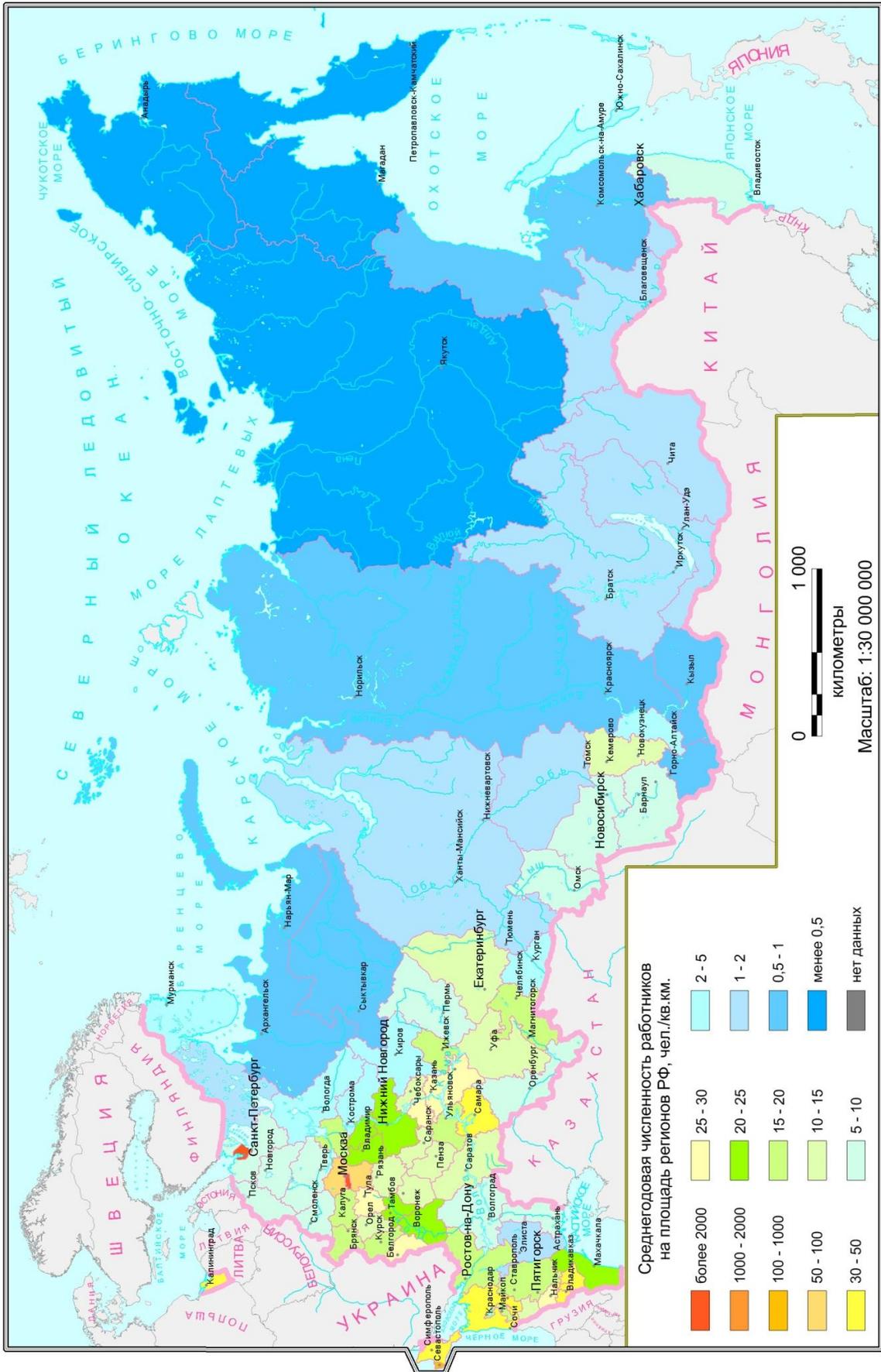

Рисунок 9.2 - Плотность занятости в России в 2017 г., чел./км²

Примечание - Приложение составлено автором по: [152-159, 206].

Приложение 10

Показатели миграции населения и заработной платы субъектов РФ в 2005-2018 гг.

Таблица 10.1 - Среднегодовая численность населения, въезжающего на работу в субъект РФ в 2005-2018 гг., тыс. чел.

Регион	Годы																	
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018				
Российская Федерация	872,8	830,1	941,0	1486,9	1325,5	1625,3	1894,1	2245,9	2323,1	2318,5	2388,0	2668,7	2836,0	3004,2				
г. Москва	544,2	505,9	532,1	841,0	735,6	902,1	1052,7	1153,8	1166,2	1126,4	1122,3	1390,8	1486,1	1640,4				
Московская область	55,0	44,0	75,2	155,8	183,1	190,5	202,8	183,3	186,1	211,8	234,4	213,4	204,0	205,9				
г. Санкт-Петербург	83,6	56,2	55,2	114	79,7	115,3	81,1	180,4	189,9	181,8	195,0	190,8	253,0	221,4				
Тюменская область	59,5	81,1	96,7	112,9	101	114,3	232,5	269,8	281,4	300,5	315,3	328,4	353,3	352,4				
Краснодарский край	18,2	20,3	31,7	49,8	33,7	54,0	56,1	83,8	98,8	73,8	64,3	64,6	63,0	65,9				

Примечание - Составлено автором по: [200, с. 312-313; 104].

Таблица 10.2 - Средняя заработная плата в субъектах РФ в 2005-2018 гг., руб.

Регион	Годы																	
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018				
Российская Федерация	8555	10634	13593	17290	18638	20952	23369	26629	29792	32495	34030	36709	39167	43724				
г. Москва	14425	17998	23623	30552	33358	38411	44899	48830	55485	61208	64310	71379	73812	83801				
Московская область	9558	12263	16235	21503	23342	25417	28586	32303	35690	38598	40643	42656	46836	51938				
г. Санкт-Петербург	10134	13033	17552	22473	23884	27190	29522	32930	36848	40697	44187	48703	53740	60421				
Тюменская область	19838	23729	28565	33877	34773	38213	42289	47177	51009	54498	56616	60090	63789	68664				
Краснодарский край	6462	7976	10260	13163	14953	16330	18416	21409	24063	25777	26767	28734	30343	33846				

Примечание - Составлено автором по: [206].

Приложение 11

Территориально-хронологическая макроэкономическая динамика производительности труда в России в 1995-2017 гг., в текущих ценах

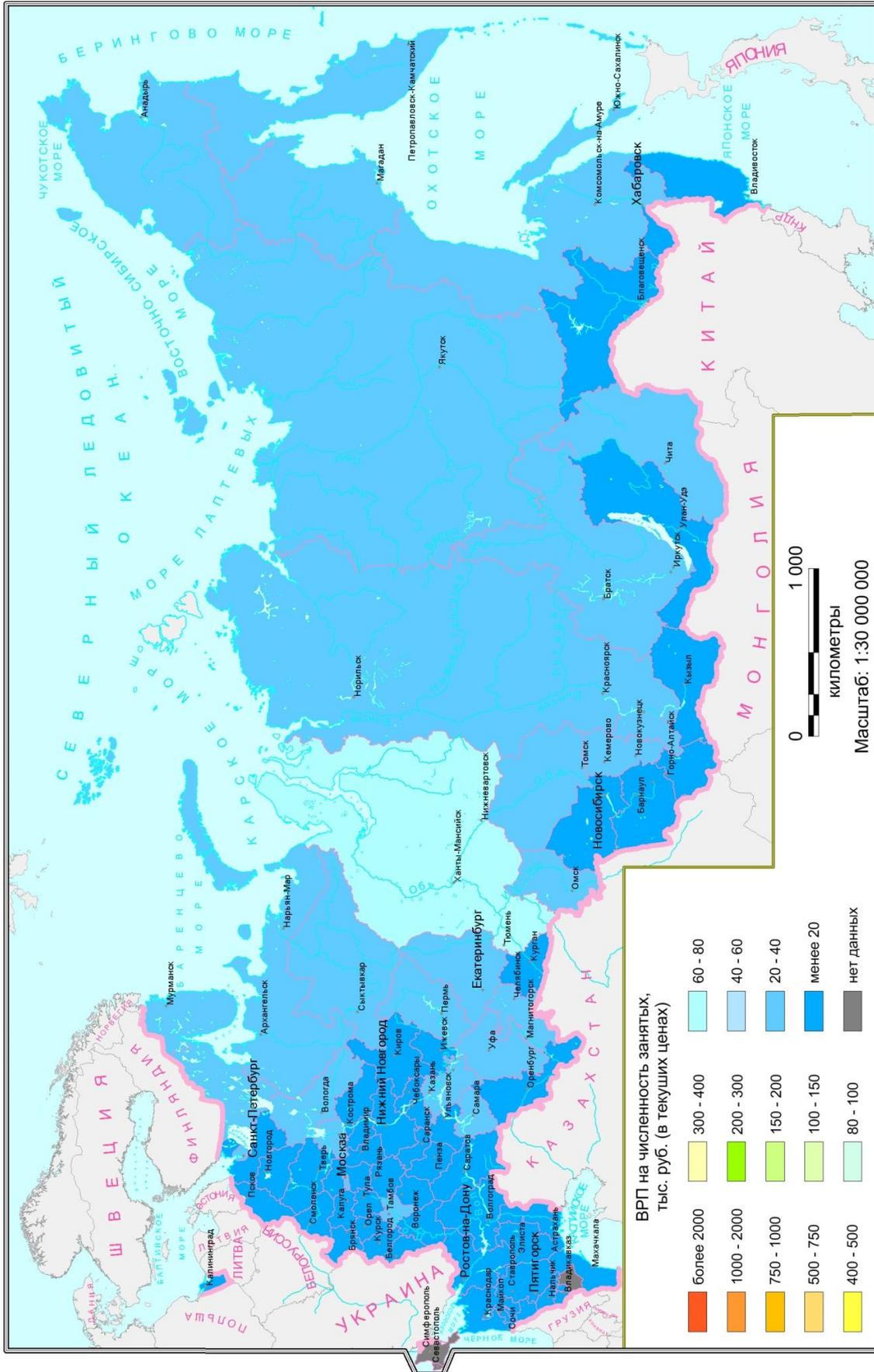

Рисунок 11.1 - Отношение ВРП к численности занятых в 1995 г., в текущих ценах, тыс. руб./чел.

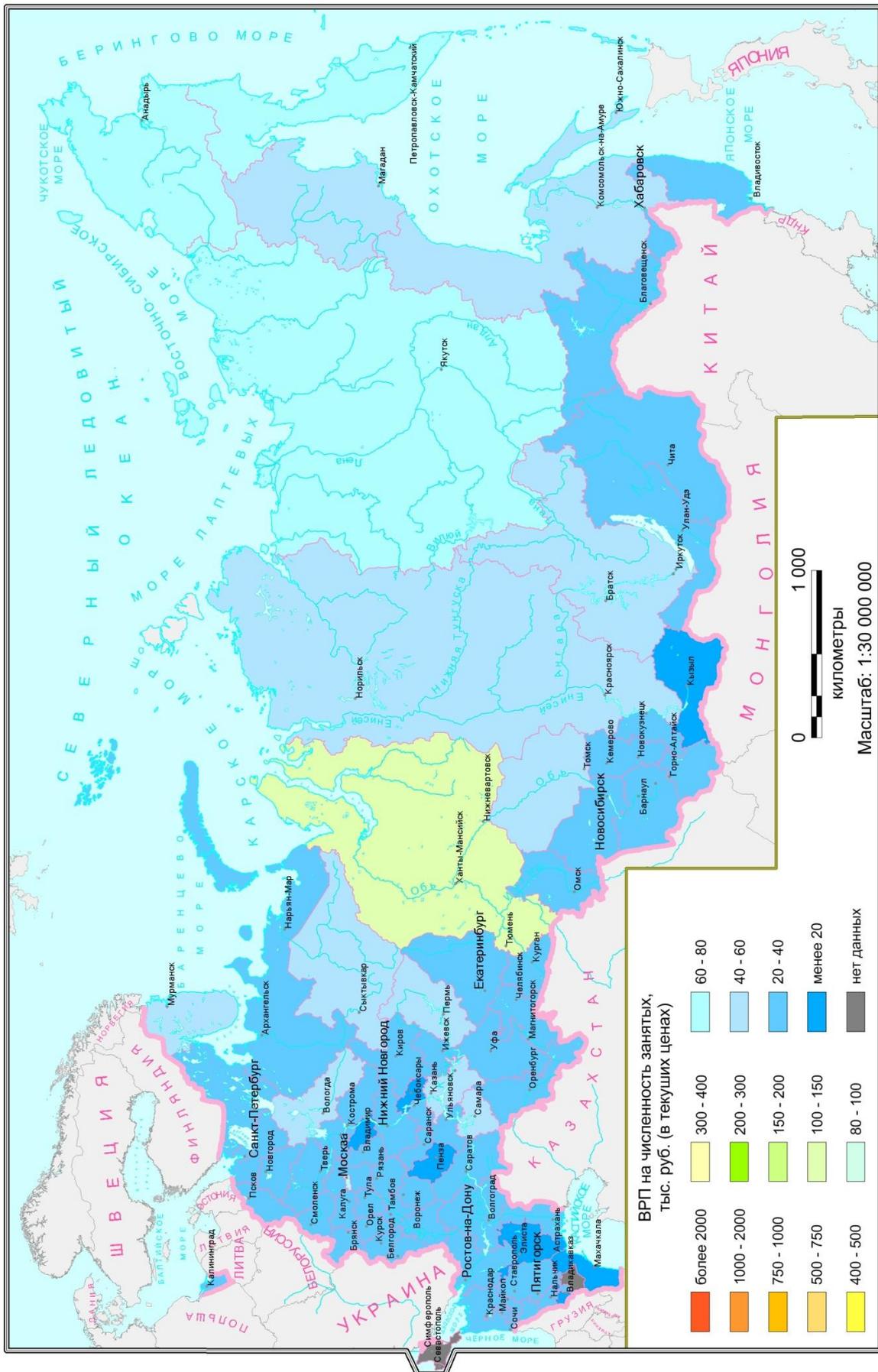

Рисунок 11.2 - Отношение ВРП к численности занятых в 1998 г., в текущих ценах, тыс. руб./чел.

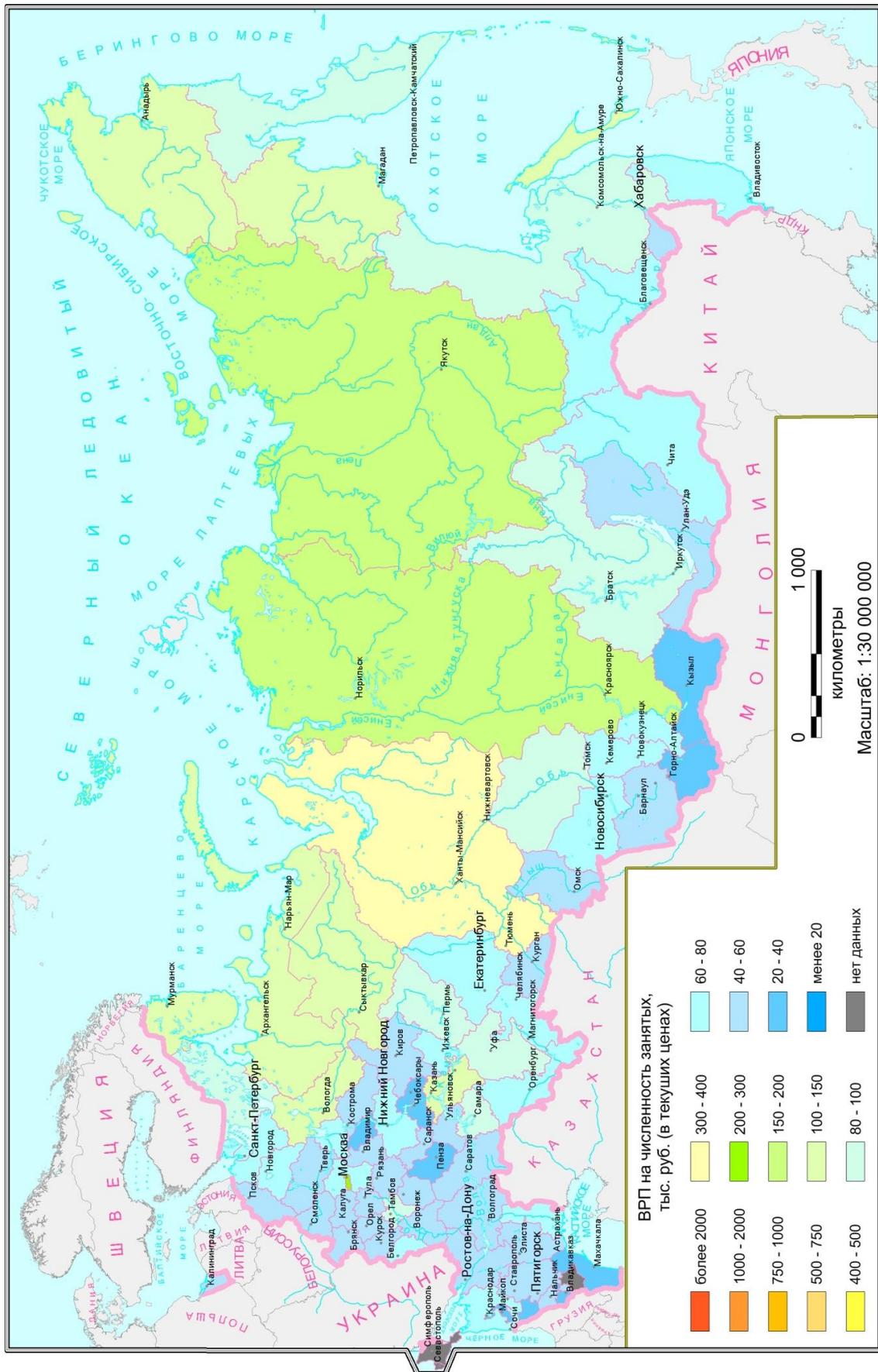

Рисунок 11.3 - Отношение ВРП к численности занятых в 2000 г., в текущих ценах, тыс. руб./чел.

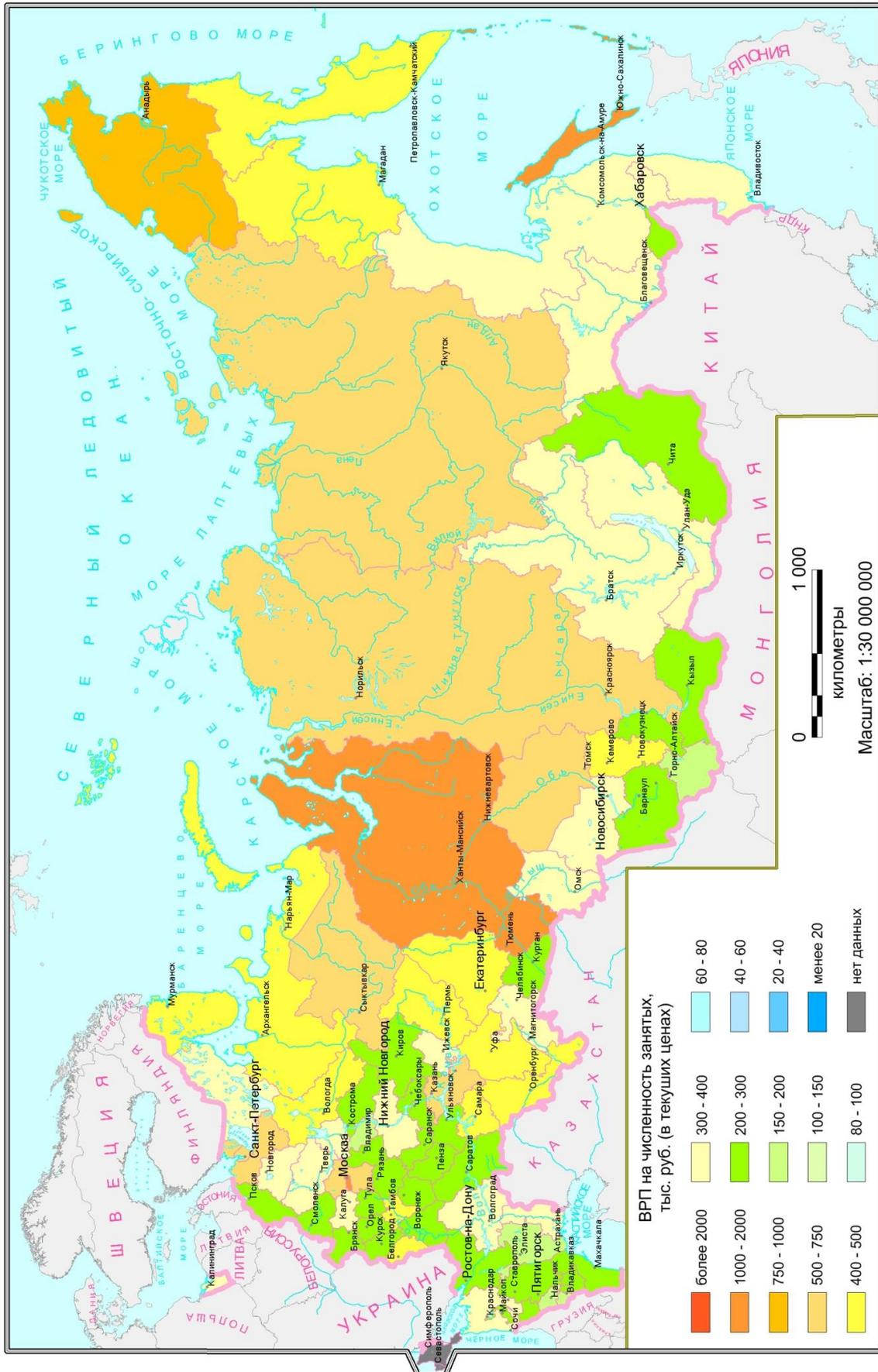

Рисунок 11.4 - Отношение ВРП к численности занятых в 2008 г., в текущих ценах, тыс. руб./чел.

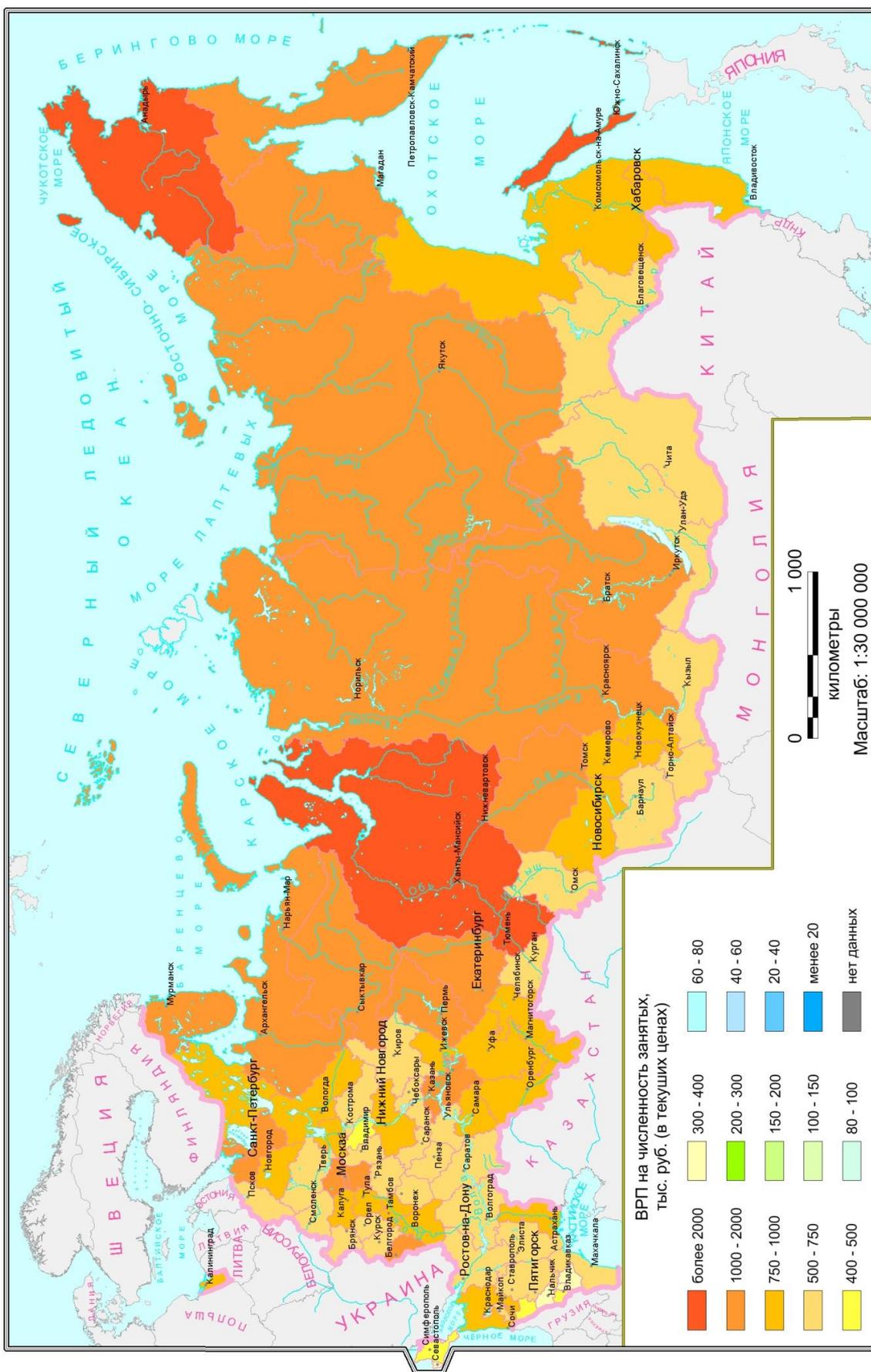

Рисунок 11.5 - Отношение ВРП к численности занятых в 2017 г., в текущих ценах, тыс. руб./чел.

Примечание - Приложение составлено автором по: [152-159, 206].

Приложение 12

Территориально-хронологическая макроэкономическая динамика производительности труда в России в 1995-2017 гг., в постоянных ценах

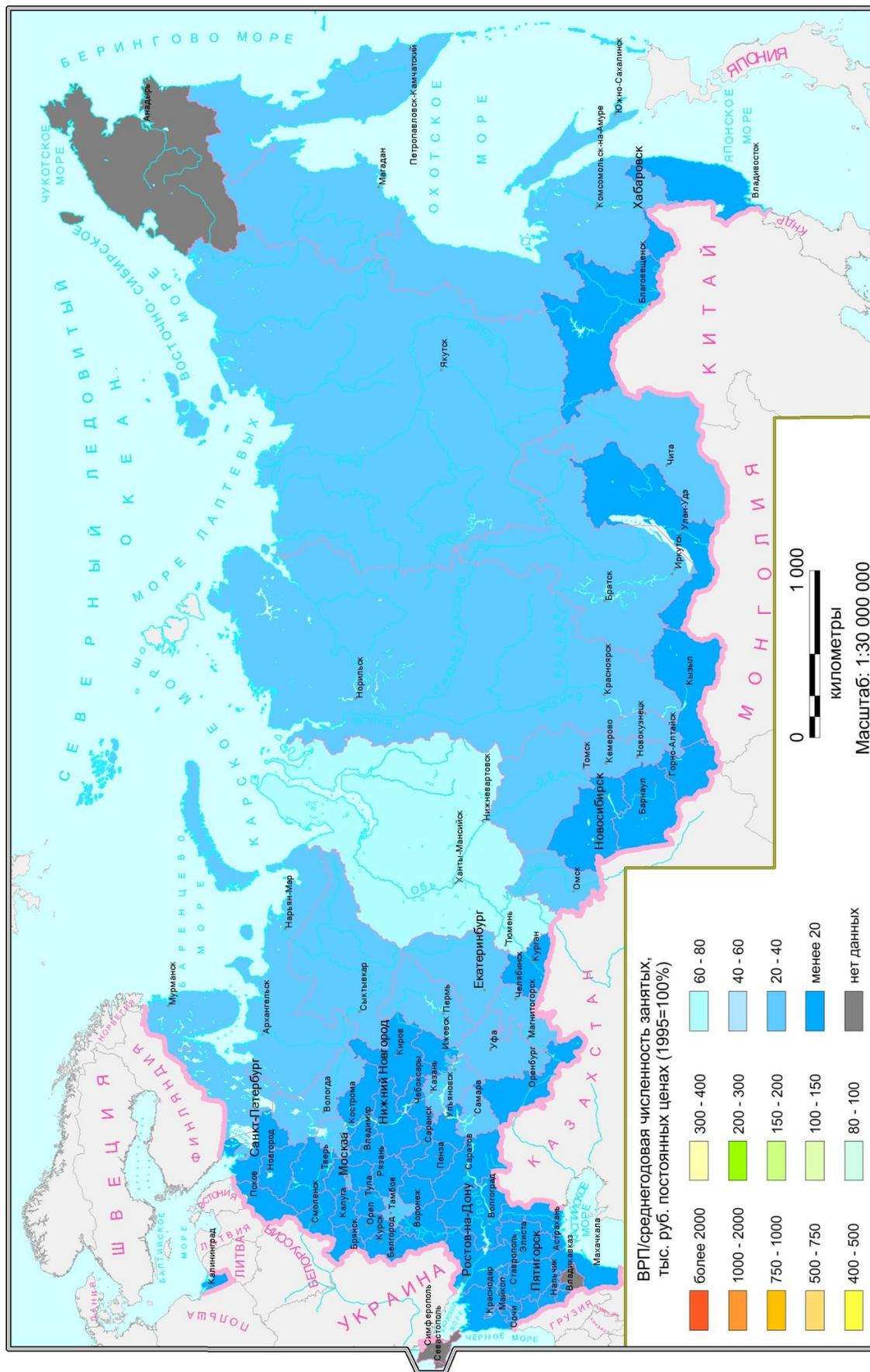

Рисунок 12.1 - Отношение ВРП к численности занятых в 1995 г., в постоянных ценах, тыс. руб./чел.

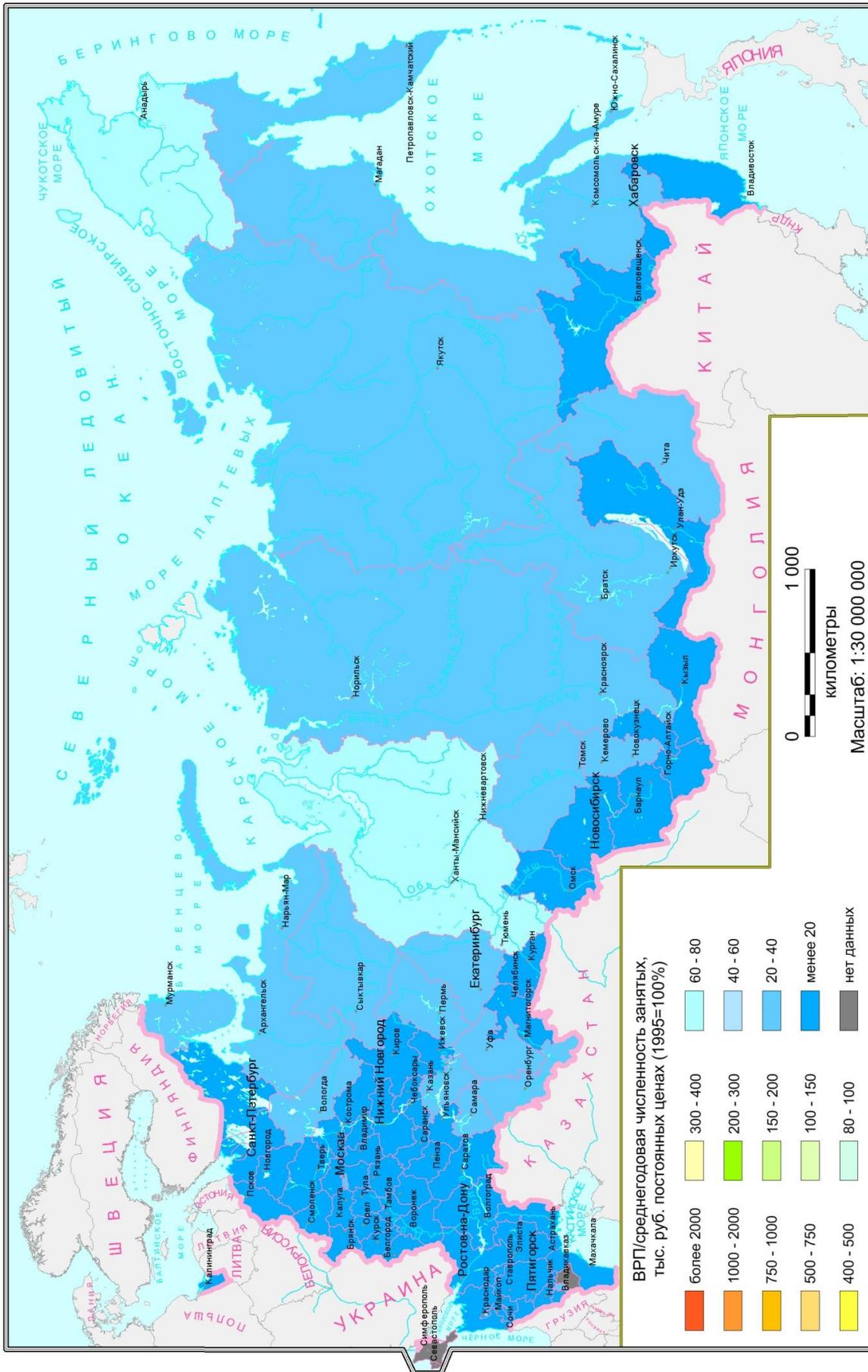

Рисунок 12.2 - Отношение ВРП к численности занятых в 1998 г., в постоянных ценах, тыс. руб./чел.

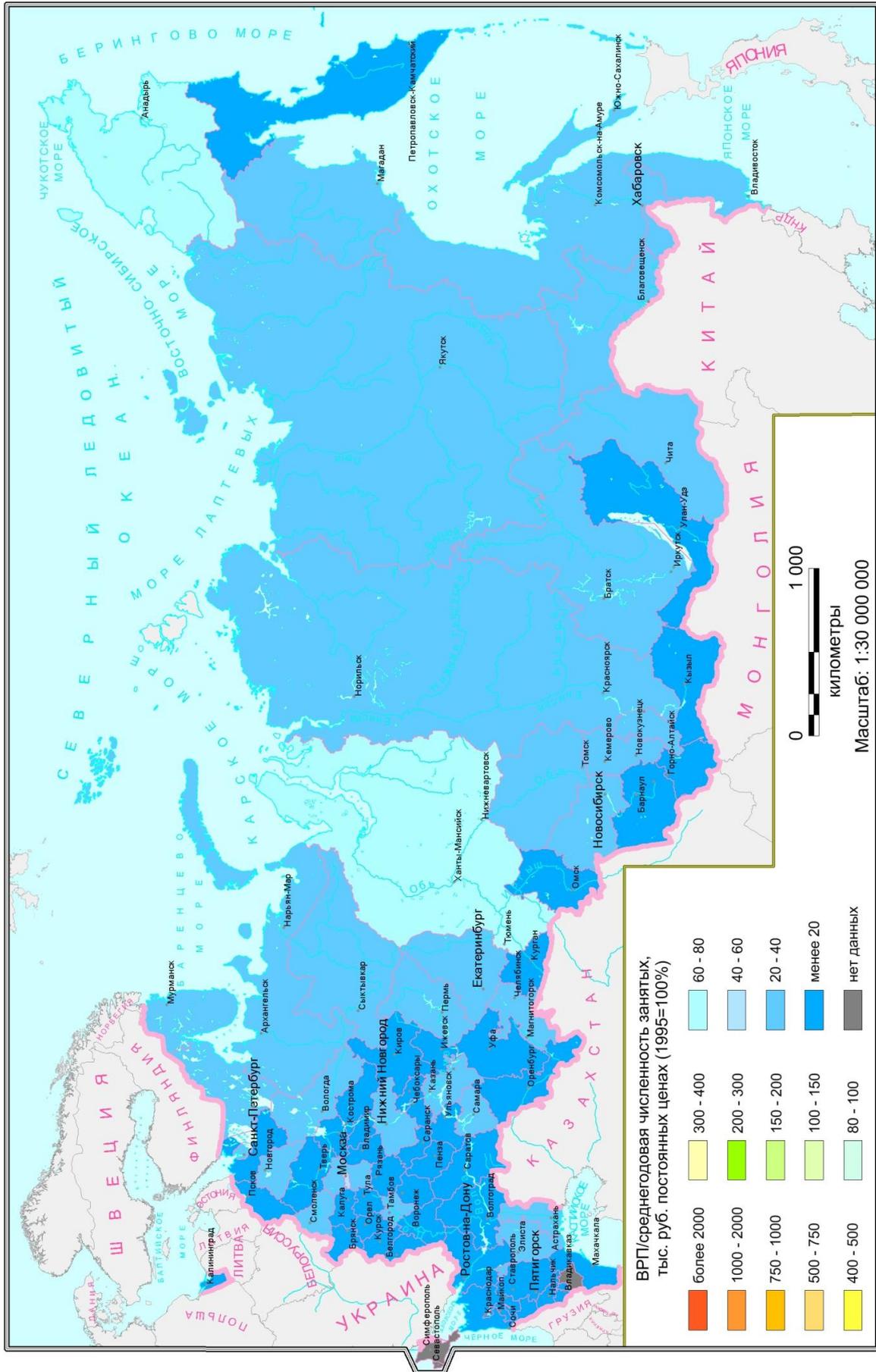

Рисунок 12.3 - Отношение ВРП к численности занятых в 2000 г., в постоянных ценах, тыс. руб./чел.

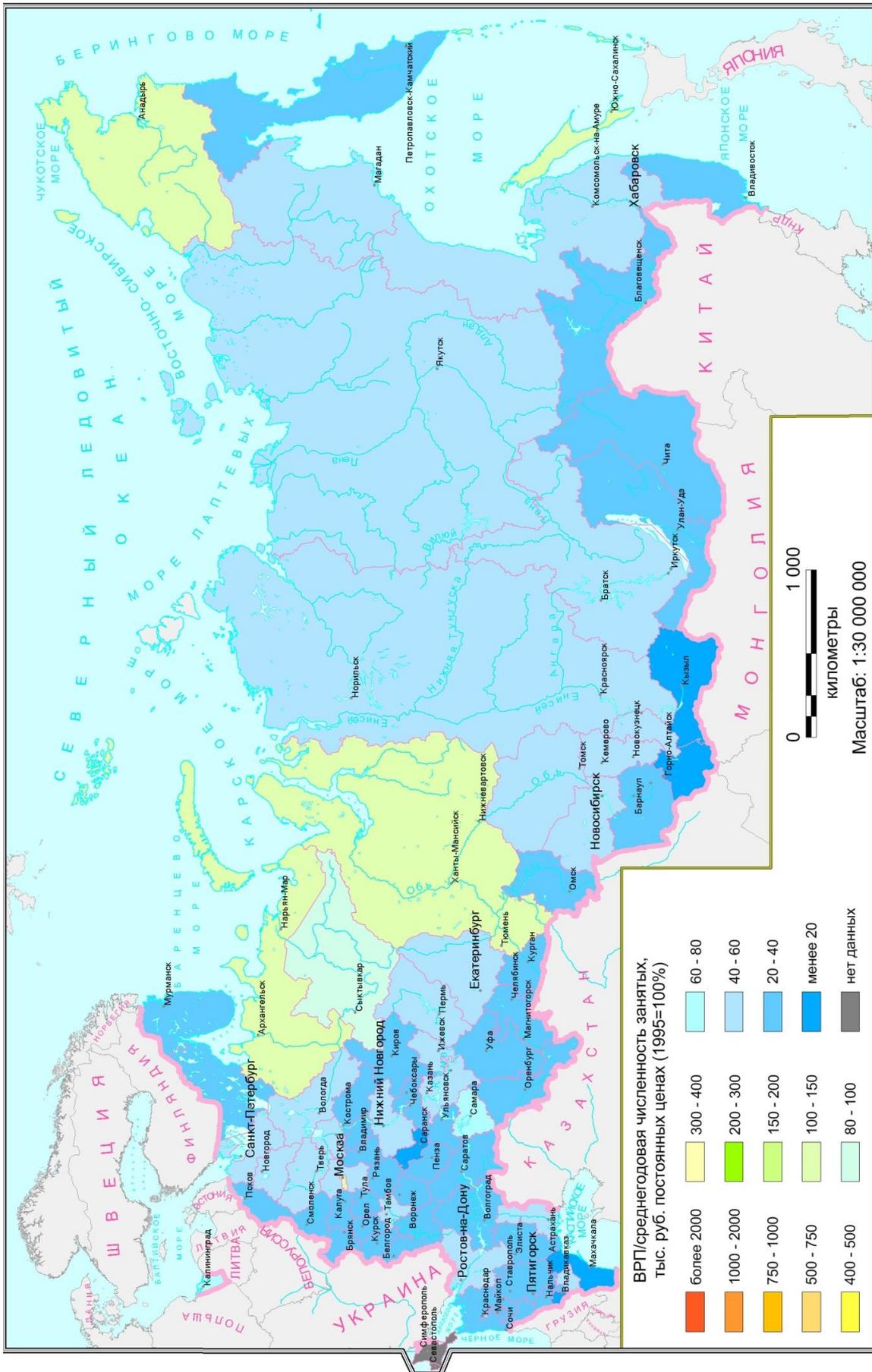

Рисунок 12.4 - Отношение ВРП к численности занятых в 2008 г., в постоянных ценах, тыс. руб./чел.

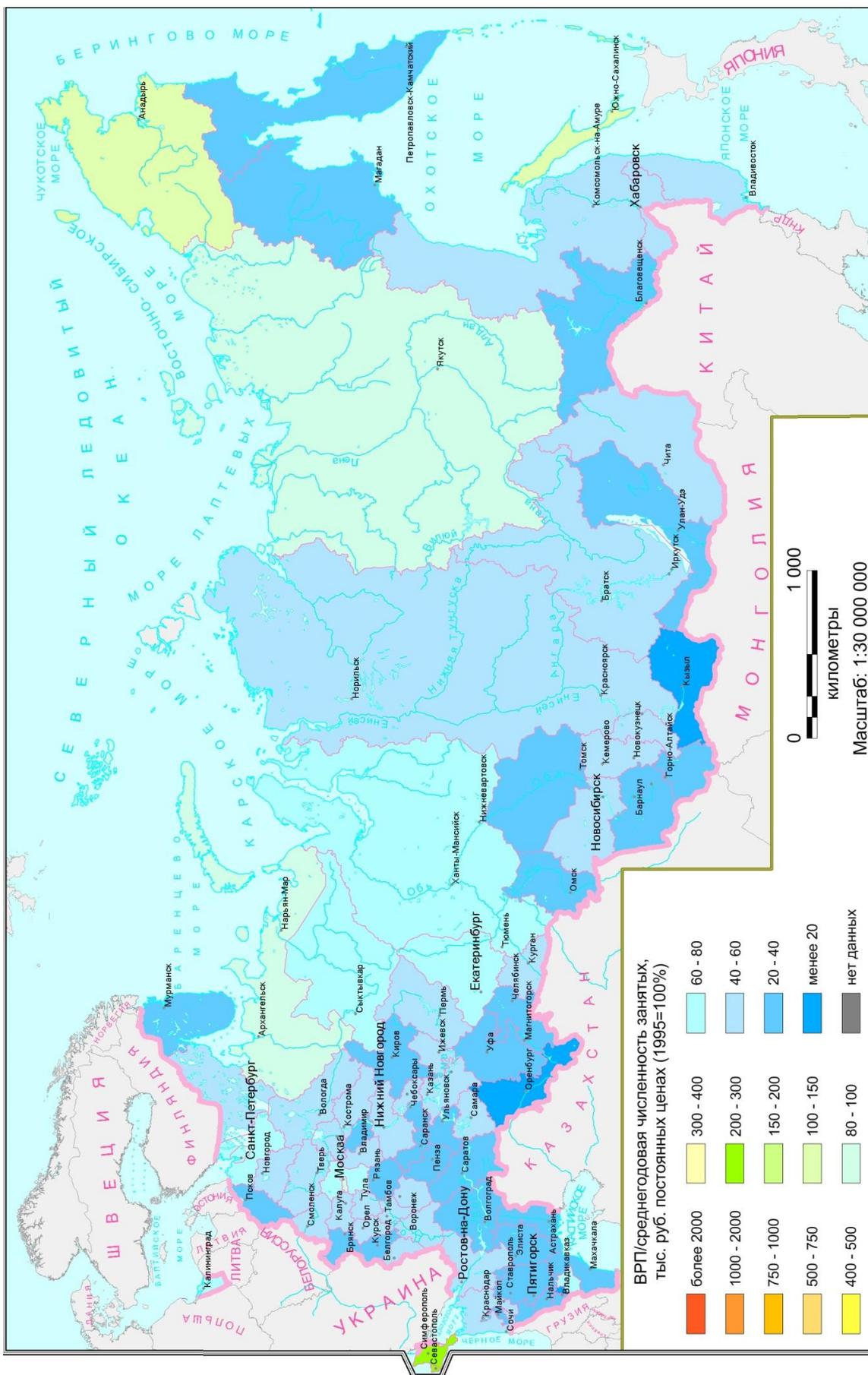

Рисунок 12.5 - Отношение ВРП к численности занятых в 2017 г., в постоянных ценах, тыс. руб./чел.

Примечание - Приложение составлено автором по: [152-159, 2006].

Приложение 13

Территориально-хронологическая макроэкономическая динамика фондоотдачи в России в 1995-2017 гг.

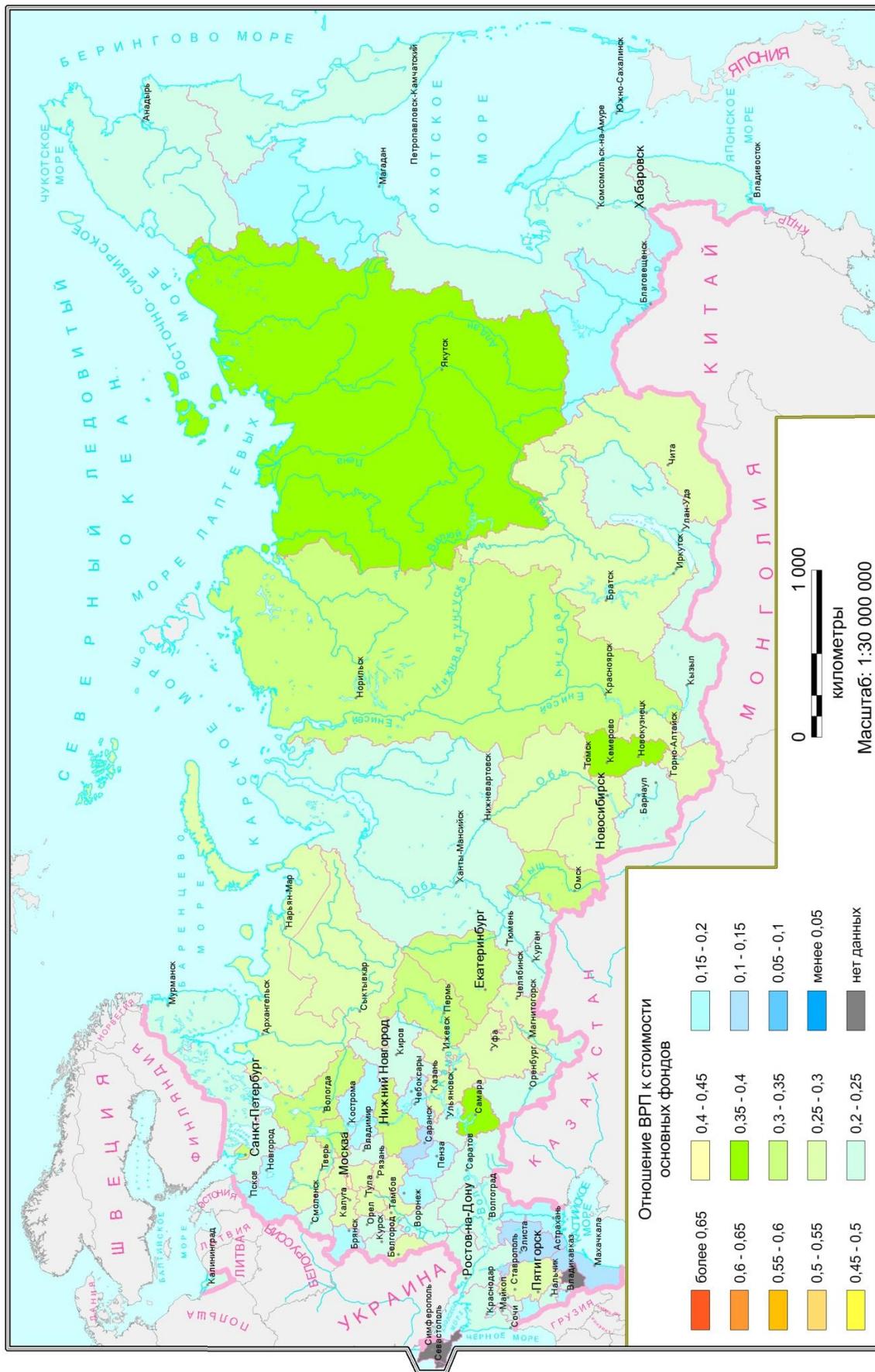

Рисунок 13.1 - Отношение ВРП к стоимости основных фондов в 1995 г.

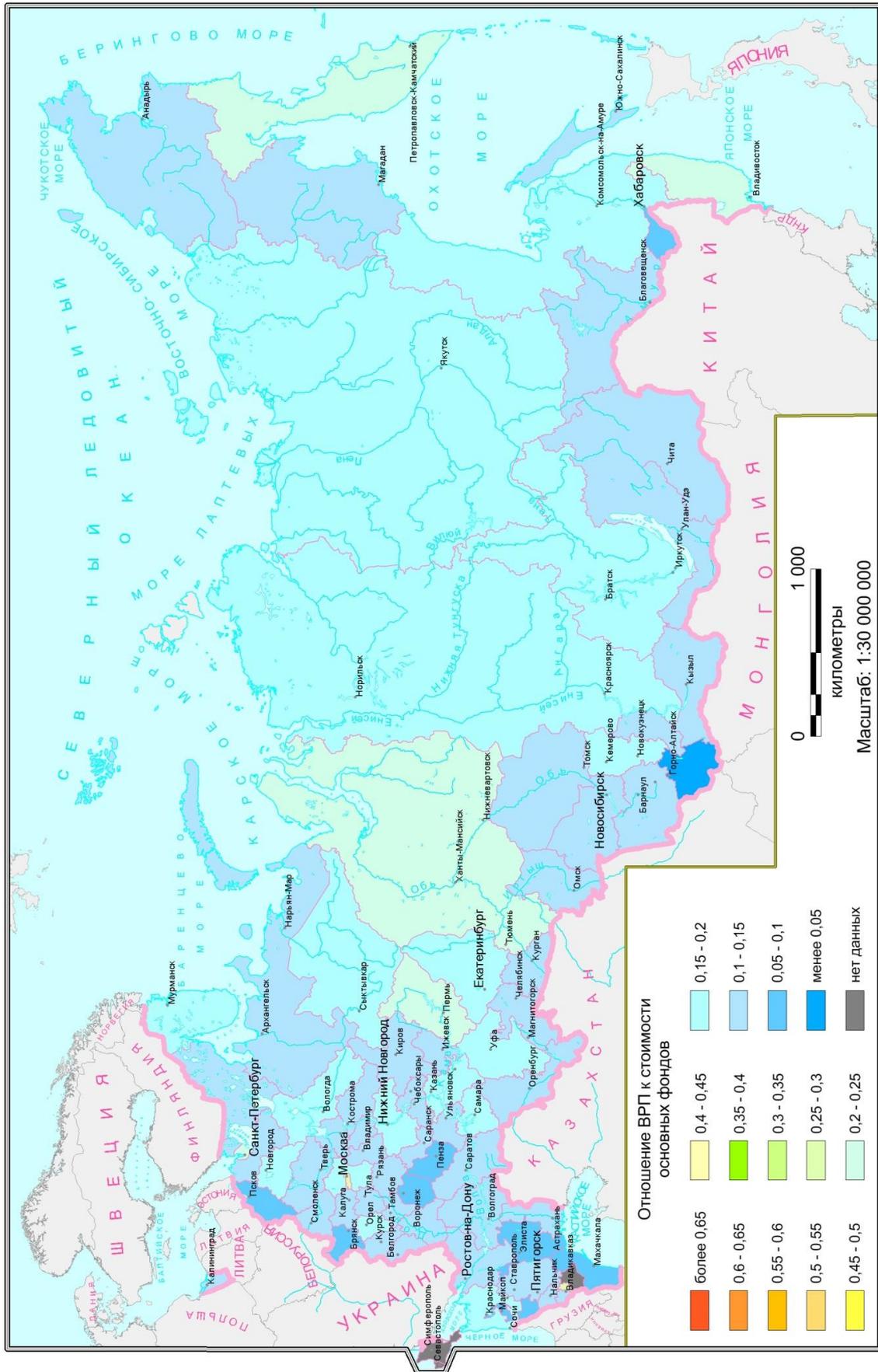

Рисунок 13.2 - Отношение ВРП к стоимости основных фондов в 1998 г.

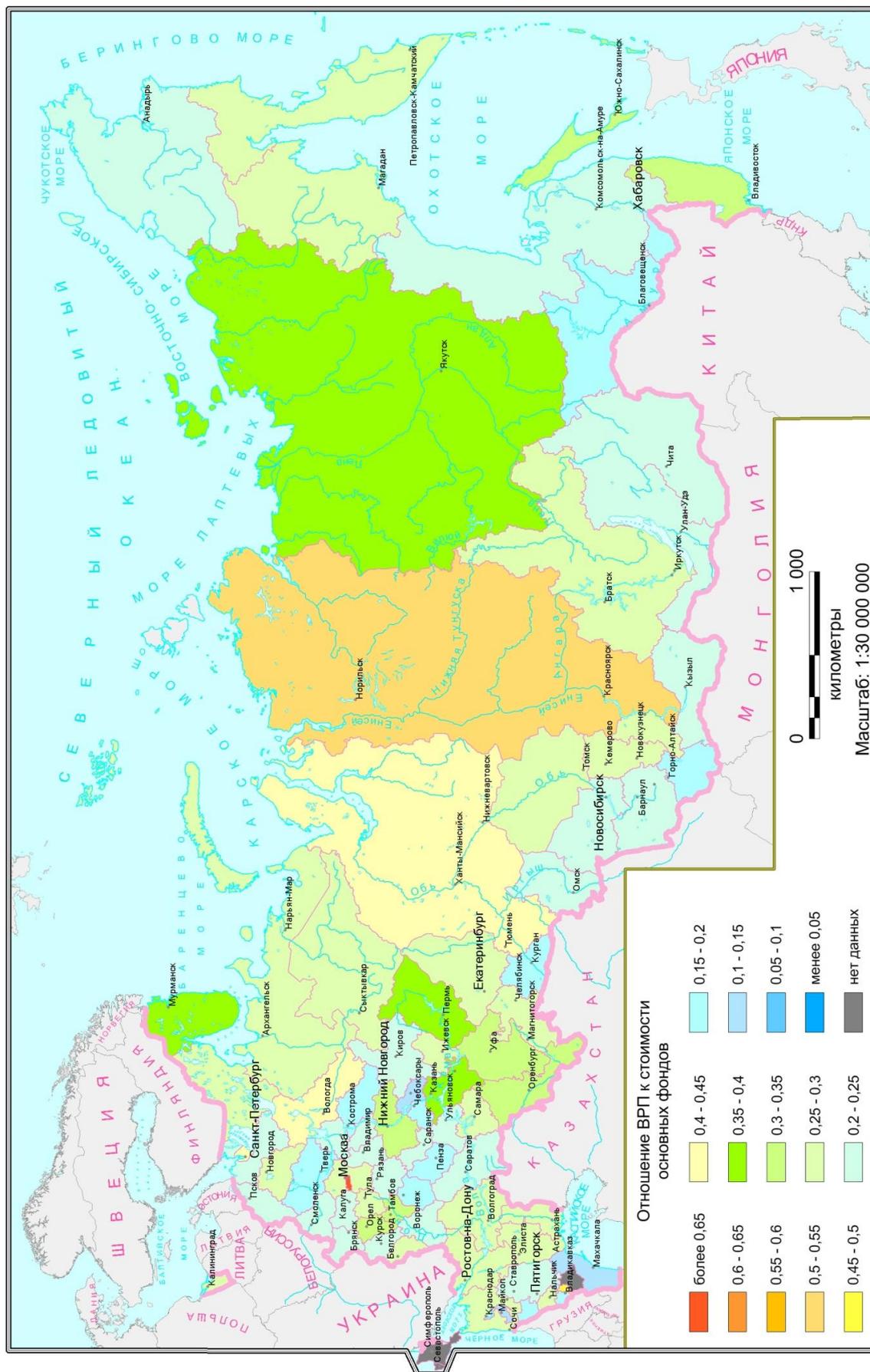

Рисунок 13.3 - Отношение ВРП к стоимости основных фондов в 2000 г.

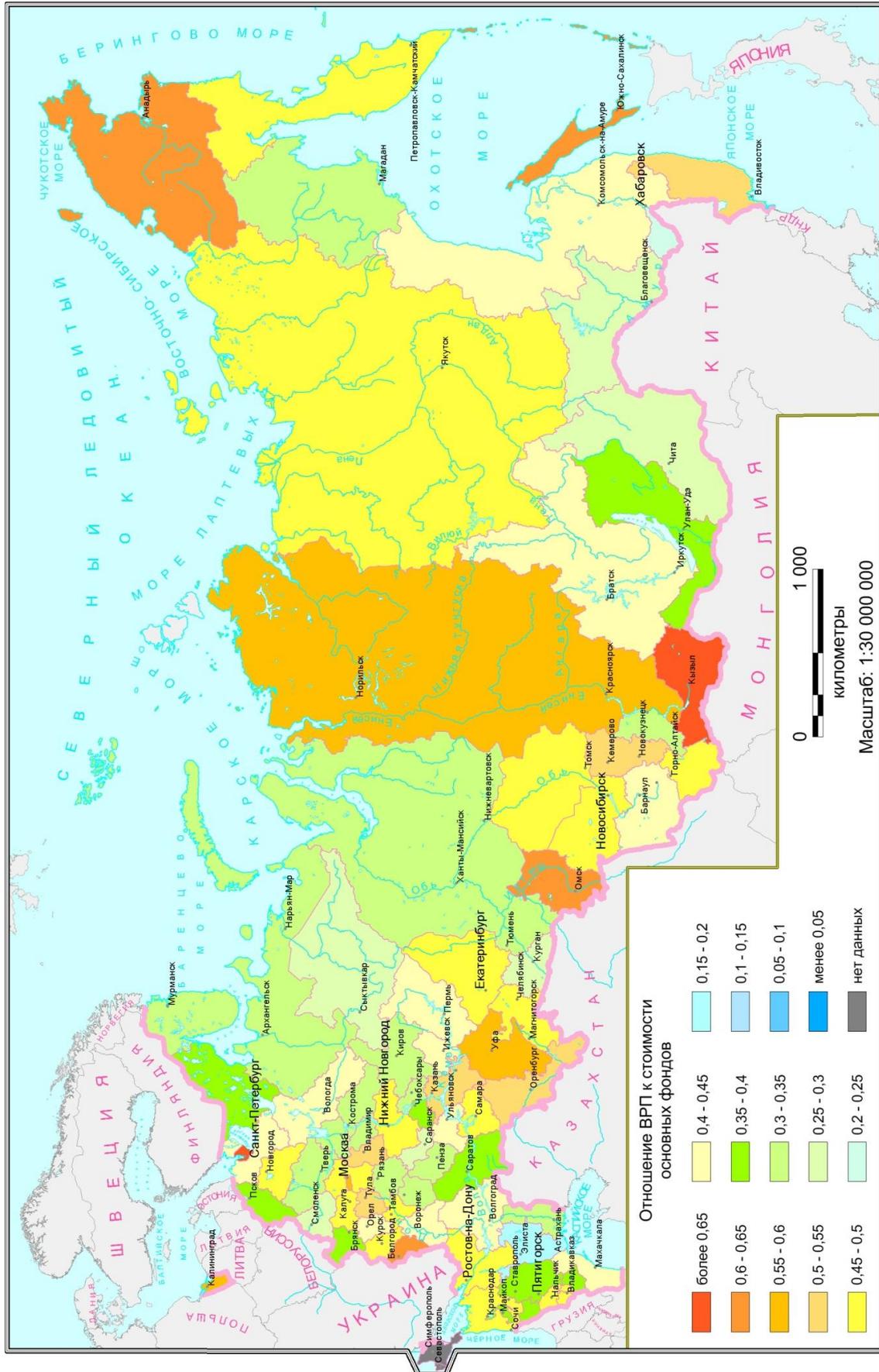

Рисунок 13.4 - Отношение ВРП к стоимости основных фондов в 2008 г.

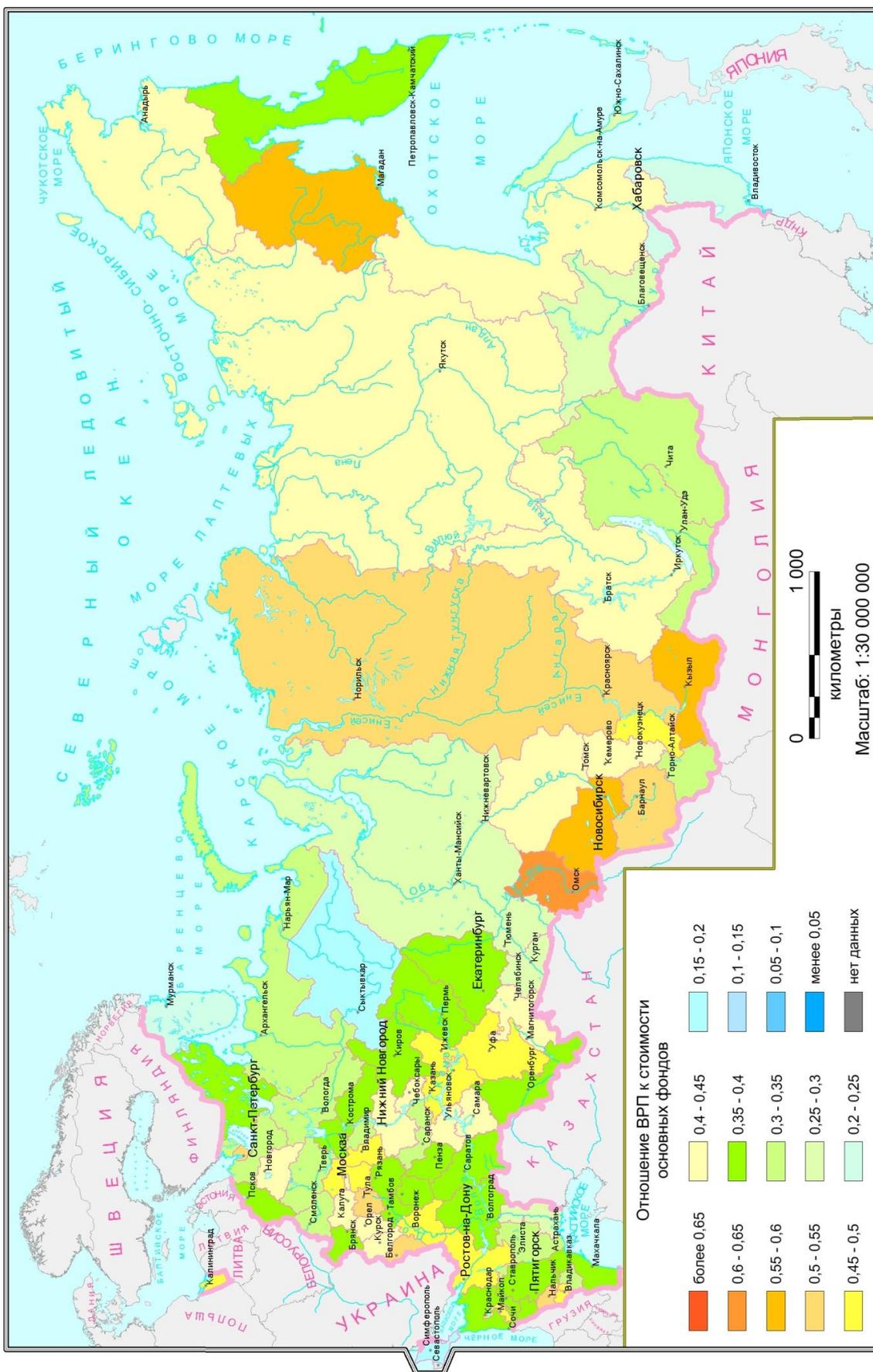

Рисунок 13.5 - Отношение ВРП к стоимости основных фондов в 2017 г.

Примечание - Приложение составлено автором по: [152-159, 206].

Приложение 14

Хронологическая динамика отраслевого разделения труда в России в 1990-2017 гг.

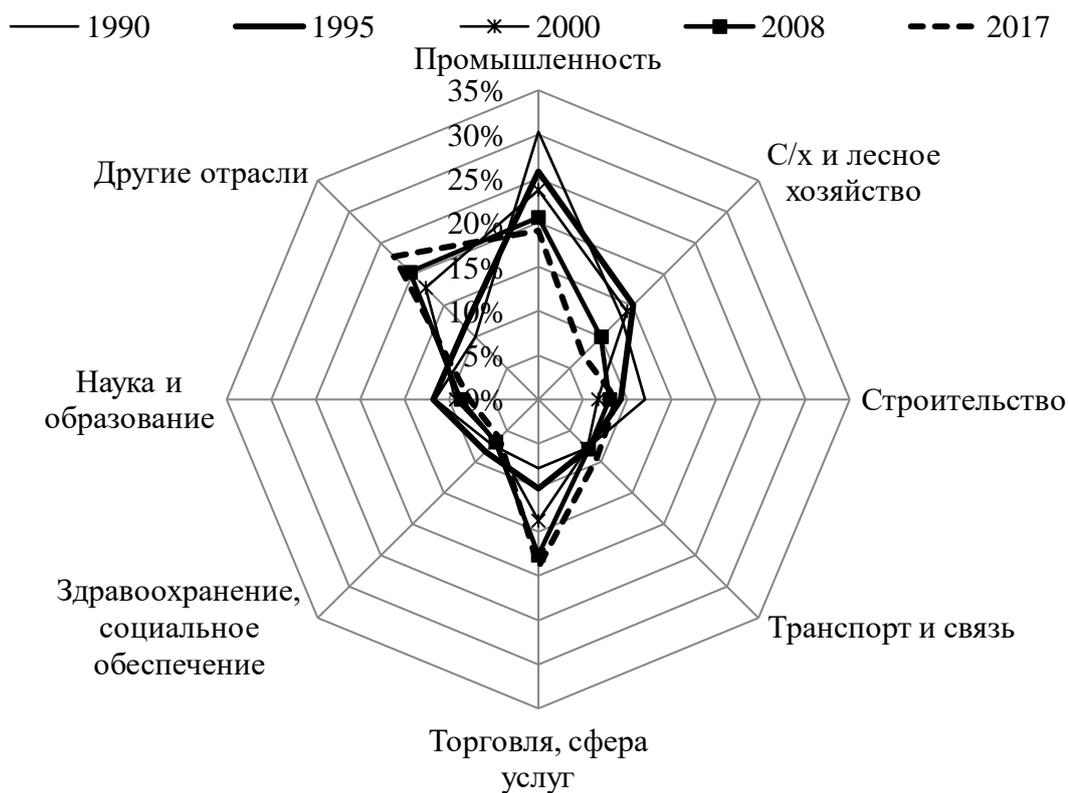

Рисунок 14.1 - Отраслевая структура занятости в России в 1990-2017 гг., %

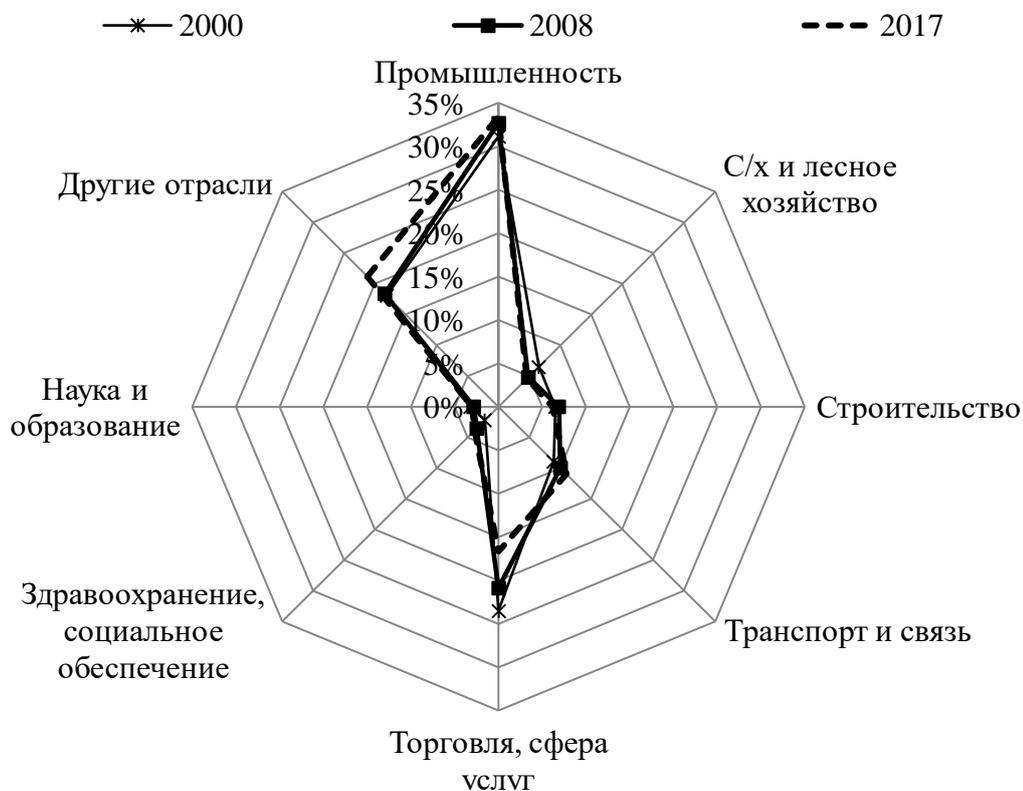

Рисунок 14.2 - Отраслевая структура валовой добавленной стоимости (ВДС) в России в 2000-2017 гг., %

Примечание - Приложение составлено автором по: [163, 167, 171, 193, 194].

Приложение 15
Хронологическая динамика отраслевого разделения труда
в г. Москве в 1995-2017 гг.

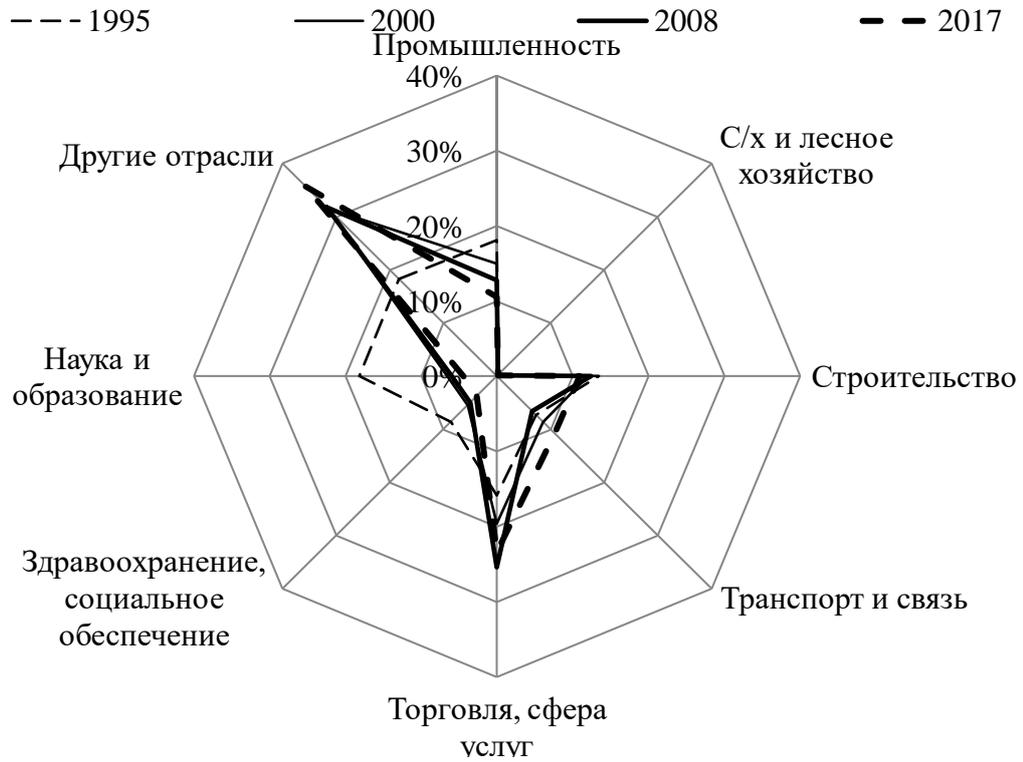

Рисунок 15.1 - Отраслевая структура занятости в г. Москве в 1995-2017 гг., %

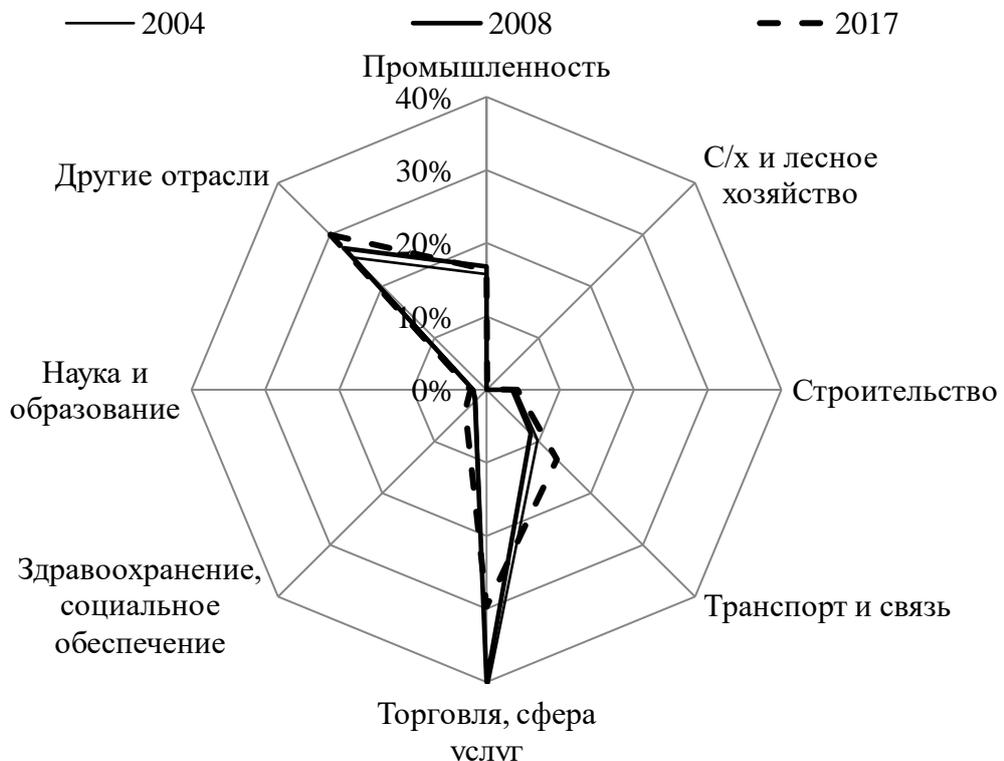

Рисунок 15.2 - Отраслевая структура валовой добавленной стоимости (ВДС) в г. Москве в 2004-2017 гг., %

Примечание - Приложение составлено автором по: [152-154, 159, 193, 194].

Приложение 16
Хронологическая динамика отраслевого разделения труда
в Московской области в 1995-2017 гг.

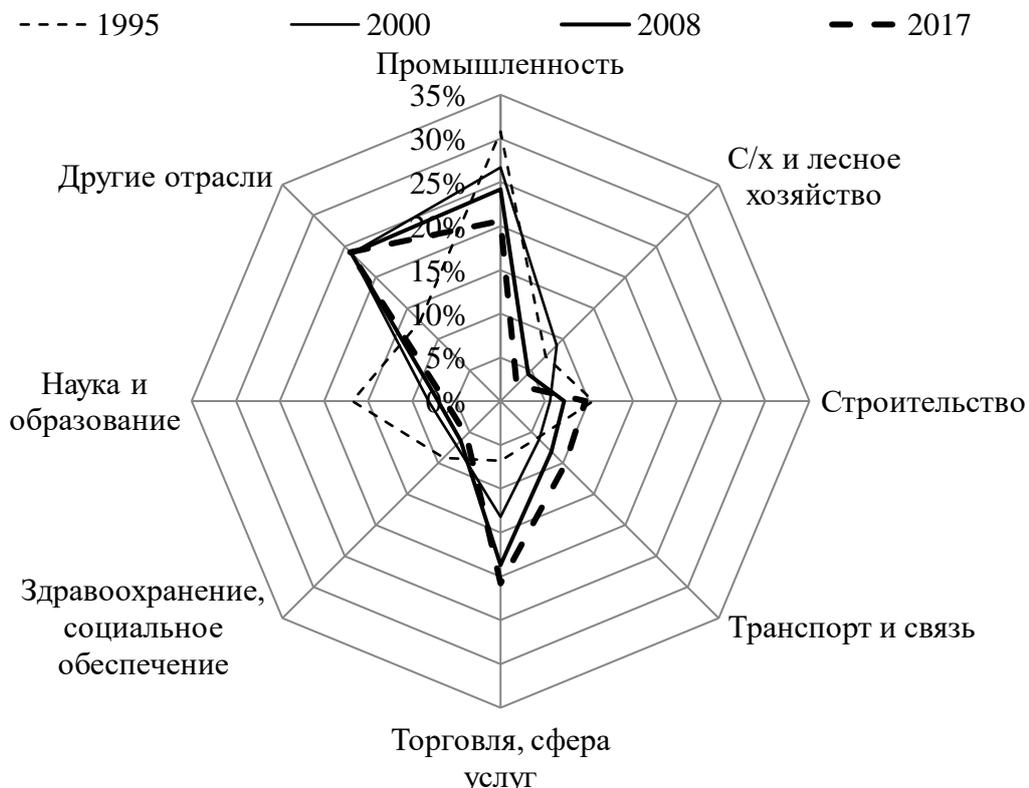

Рисунок 16.1 - Отраслевая структура занятости в Московской области в 1995-2017 гг., %

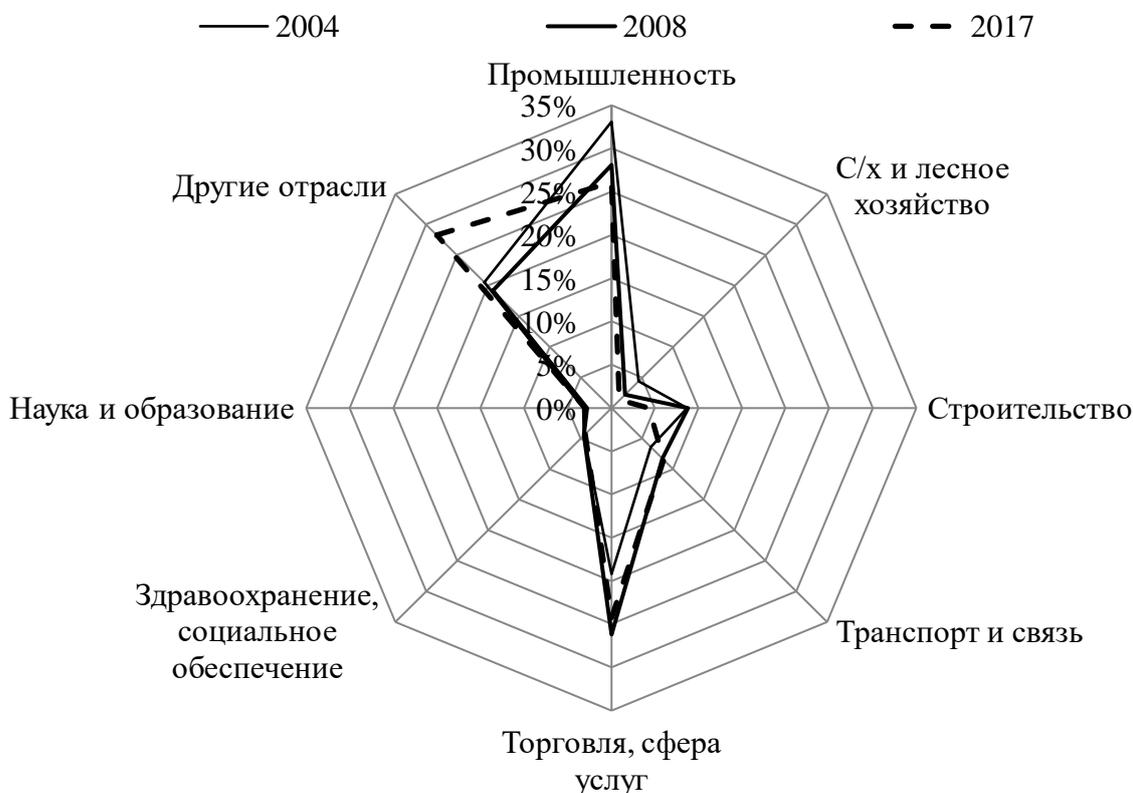

Рисунок 16.2 - Отраслевая структура валовой добавленной стоимости (ВДС) в Московской области в 2004-2017 гг., %

Примечание - Приложение составлено автором по: [152-154, 159, 193, 194].

Приложение 17
Хронологическая динамика отраслевого разделения труда
в г. Санкт-Петербурге в 1995-2017 гг.

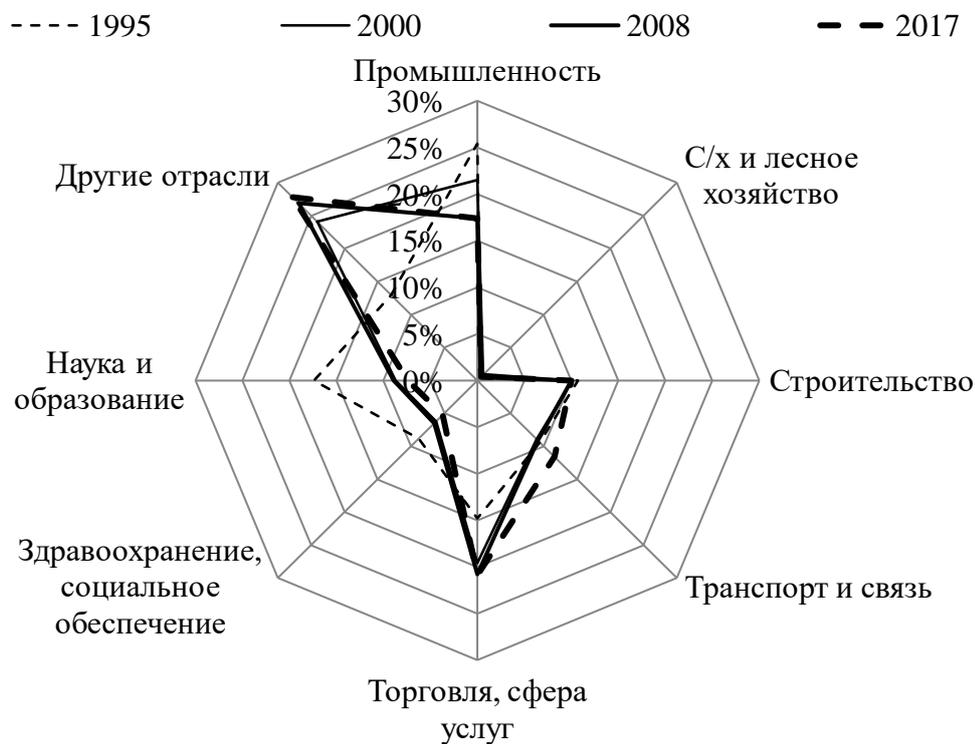

Рисунок 17.1 - Отраслевая структура занятости в г. Санкт-Петербурге в 1995-2017 гг., %

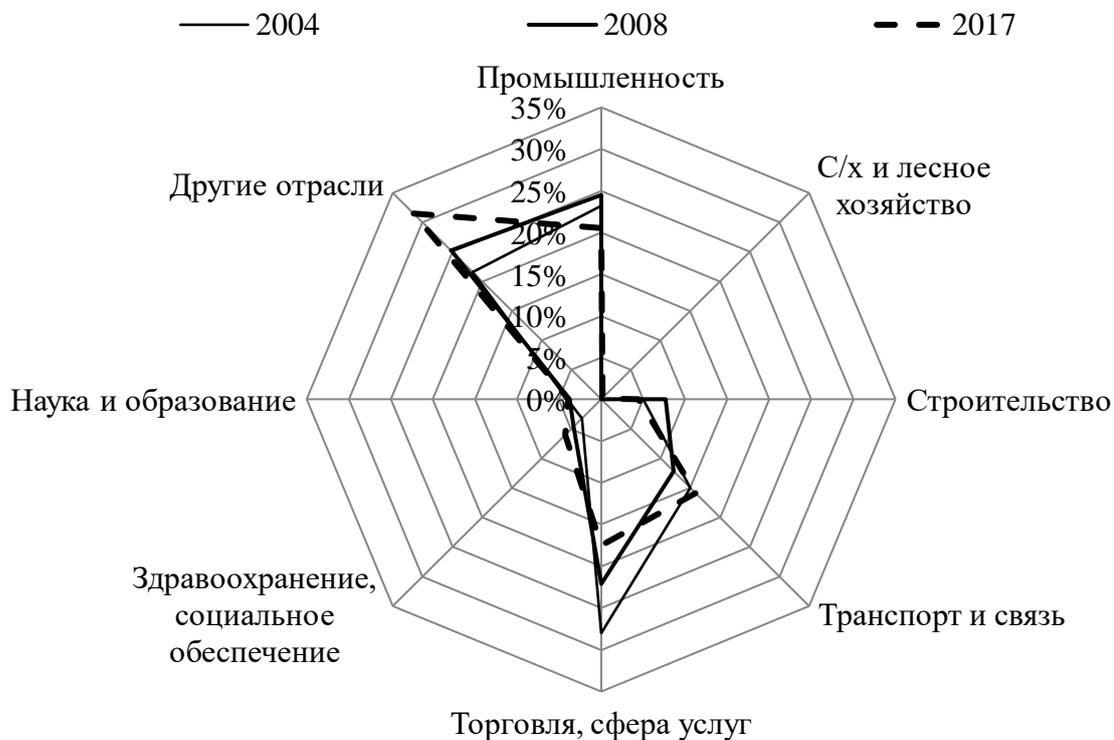

Рисунок 17.2 - Отраслевая структура валовой добавленной стоимости (ВДС) в г. Санкт-Петербурге в 2004-2017 гг., %

Примечание - Приложение составлено автором по: [152-154, 159, 193, 194].

Приложение 18
Хронологическая динамика отраслевого разделения труда
в Ленинградской области в 1995-2017 гг.

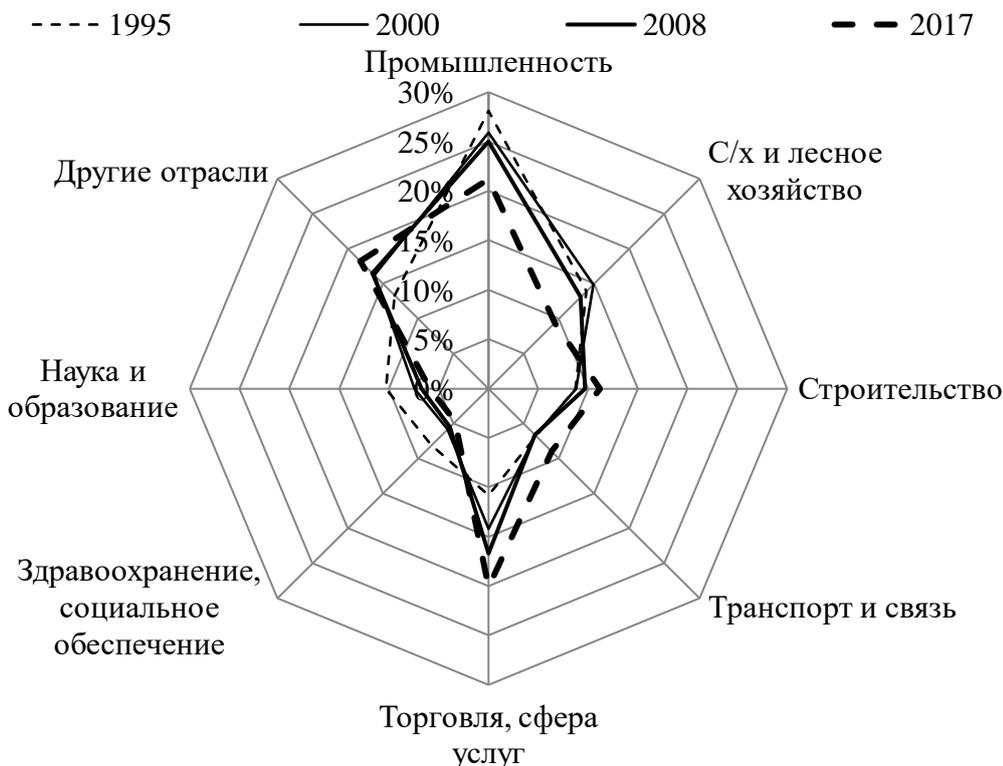

Рисунок 18.1 - Отраслевая структура занятости в Ленинградской области в 1995-2017 гг., %

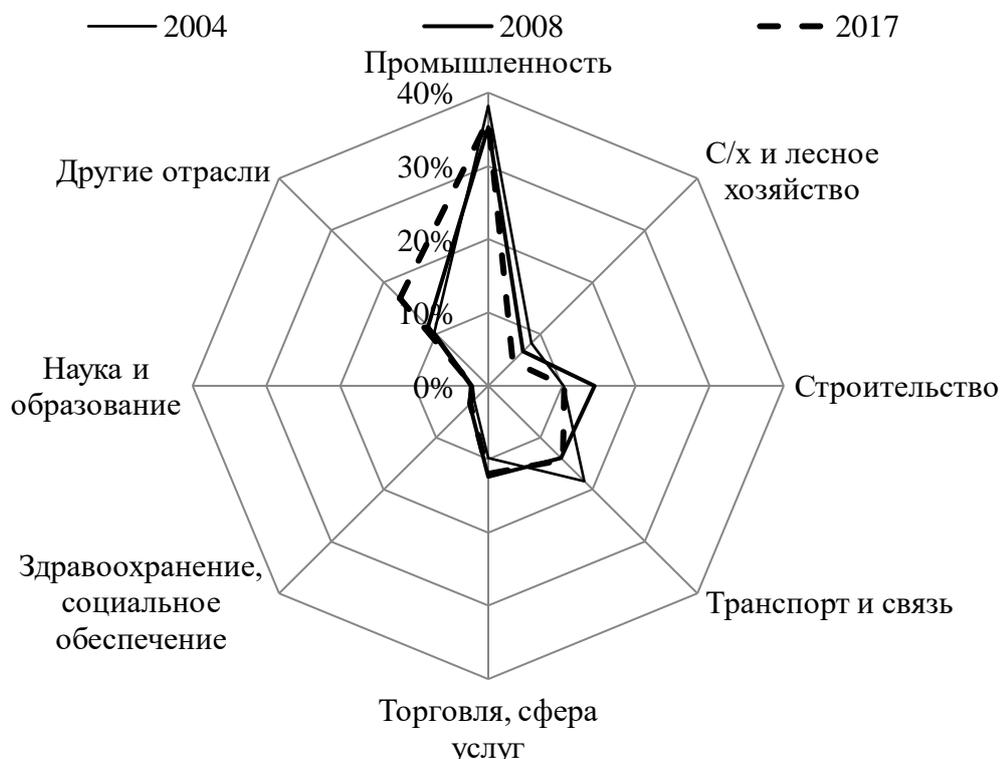

Рисунок 18.2 - Отраслевая структура валовой добавленной стоимости (ВДС) в Ленинградской области в 2004-2017 гг., %

Примечание - Приложение составлено автором по: [152-154, 159, 193, 194].

Приложение 19
Хронологическая динамика отраслевого разделения труда
в Тюменской области в 1995-2017 гг.

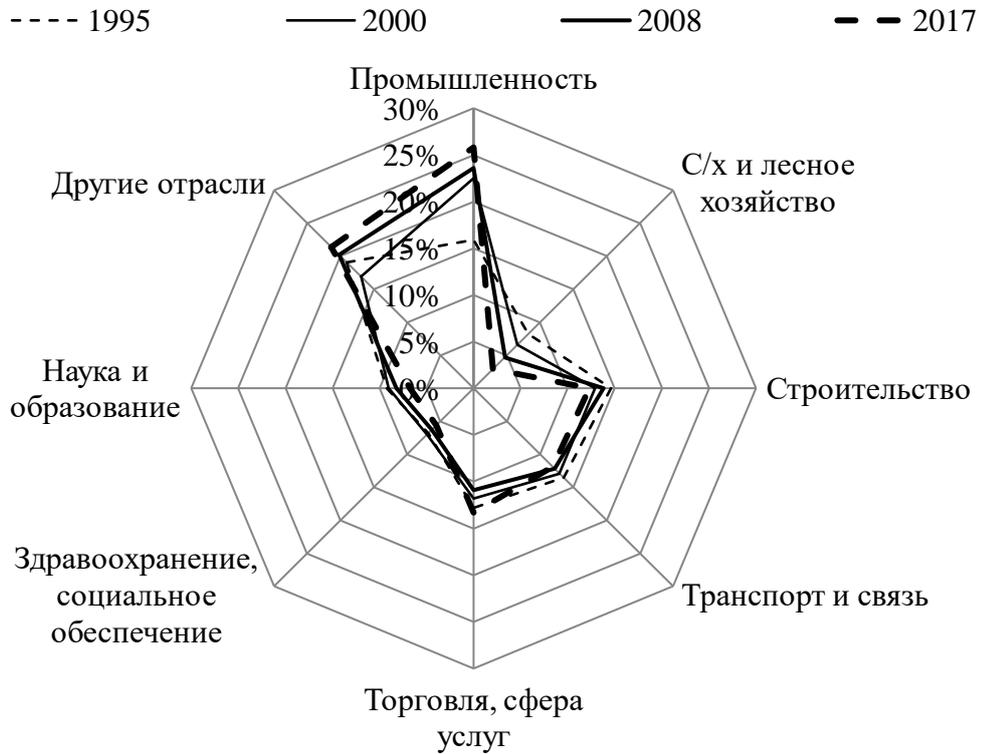

Рисунок 19.1 - Отраслевая структура занятости в Тюменской области в 1995-2017 гг., %

Рисунок 19.2 - Отраслевая структура валовой добавленной стоимости (ВДС) в Тюменской области в 2004-2017 гг., %

Примечание - Приложение составлено автором по: [152-154, 159, 193, 194].

Приложение 20
Хронологическая динамика отраслевого разделения труда
в Ростовской области в 1995-2017 гг.

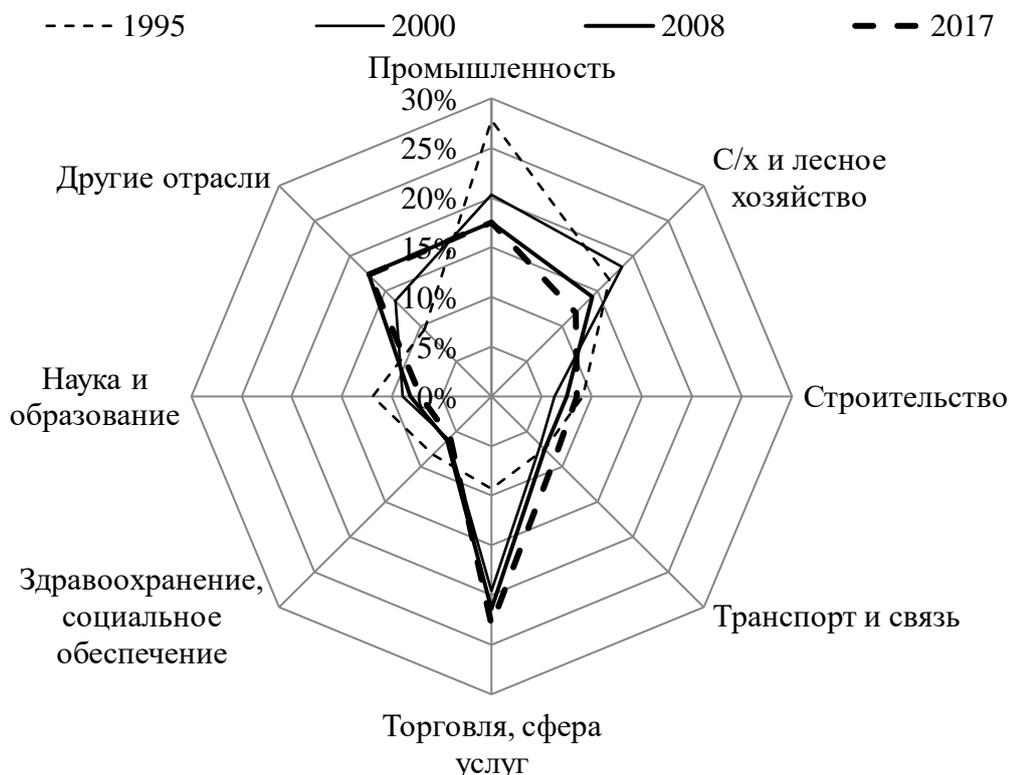

Рисунок 20.1 - Отраслевая структура занятости в Ростовской области в 1995-2017 гг., %

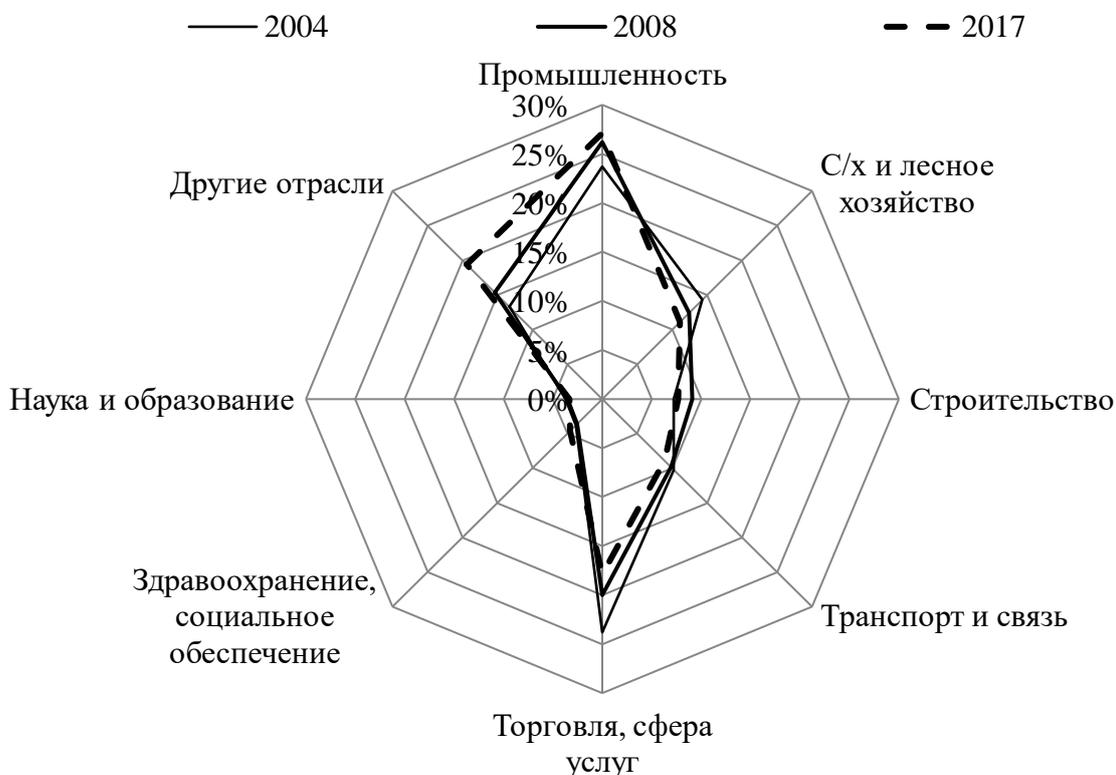

Рисунок 20.2 - Отраслевая структура валовой добавленной стоимости (ВДС) в Ростовской области в 2004-2017 гг., %

Примечание - Приложение составлено автором по: [152-154, 159, 193, 194].

Приложение 21
Хронологическая динамика отраслевого разделения труда
в Самарской области в 1995-2017 гг.

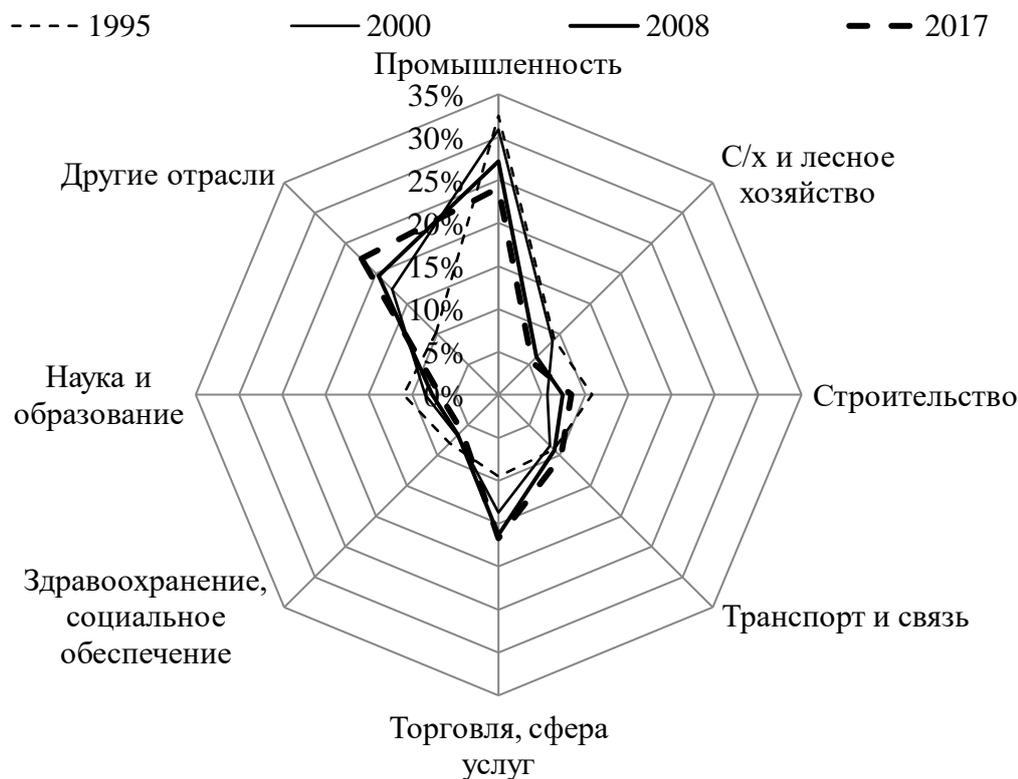

Рисунок 21.1 - Отраслевая структура занятости в Самарской области в 1995-2017 гг., %

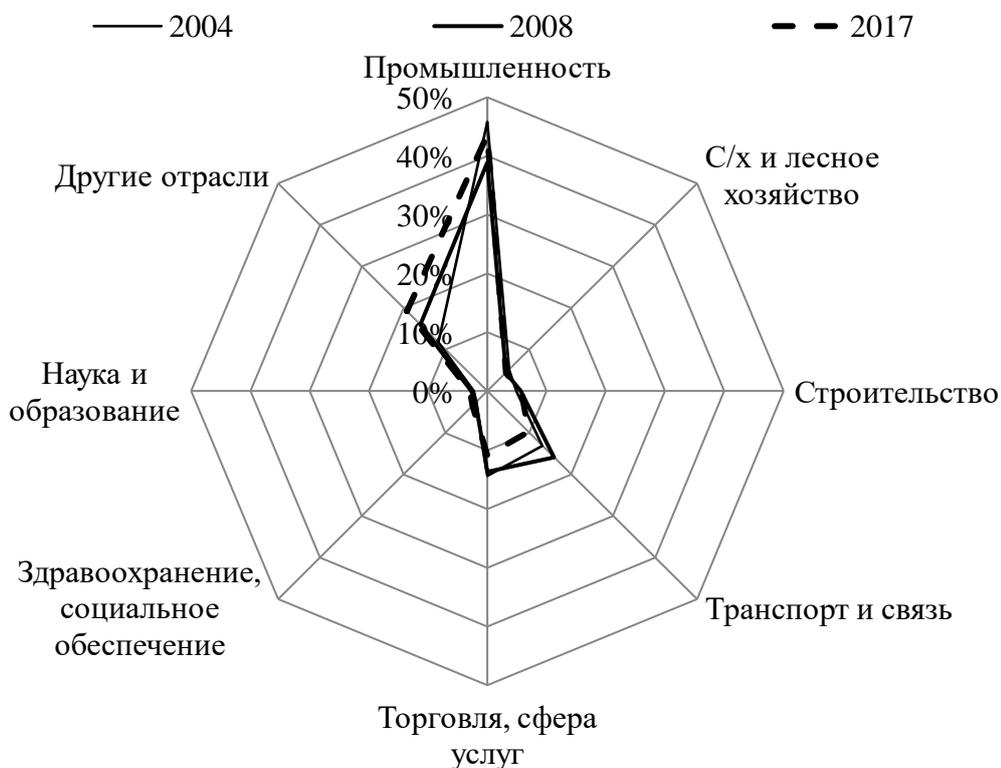

Рисунок 21.2 - Отраслевая структура валовой добавленной стоимости (ВДС) в Самарской области в 2004-2017 гг., %

Примечание - Приложение составлено автором по: [152-154, 159, 193, 194].

Приложение 22
Хронологическая динамика отраслевого разделения труда
в Республике Татарстан в 1995-2017 гг.

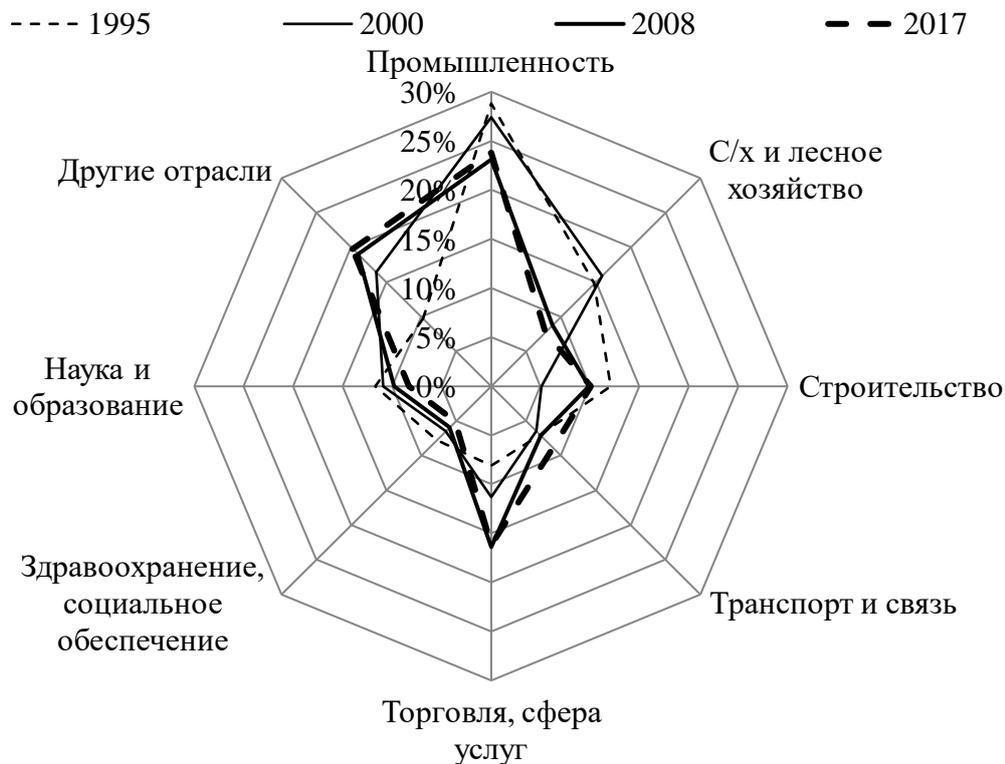

Рисунок 22.1 - Отраслевая структура занятости в Республике Татарстан в 1995-2017 гг., %

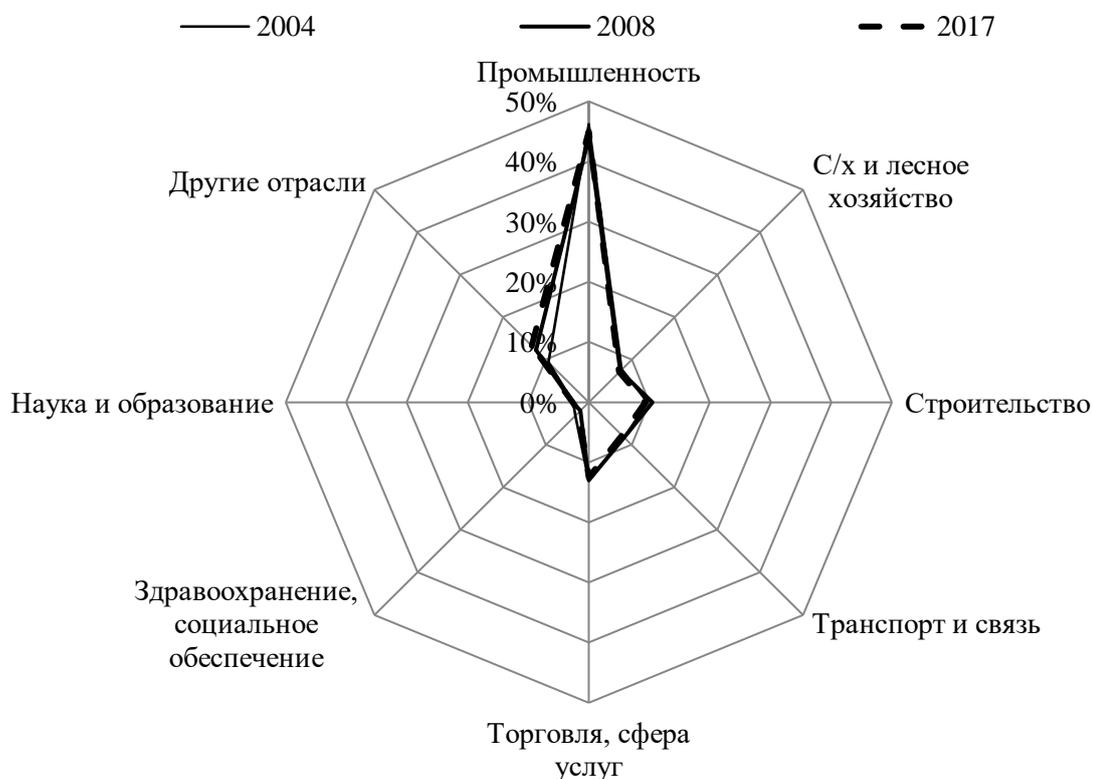

Рисунок 22.2 - Отраслевая структура валовой добавленной стоимости (ВДС) в Республике Татарстан в 2004-2017 гг., %

Примечание - Приложение составлено автором по: [152-154, 159, 193, 194].

Приложение 23
Хронологическая динамика отраслевого разделения труда
в Воронежской области в 1995-2017 гг.

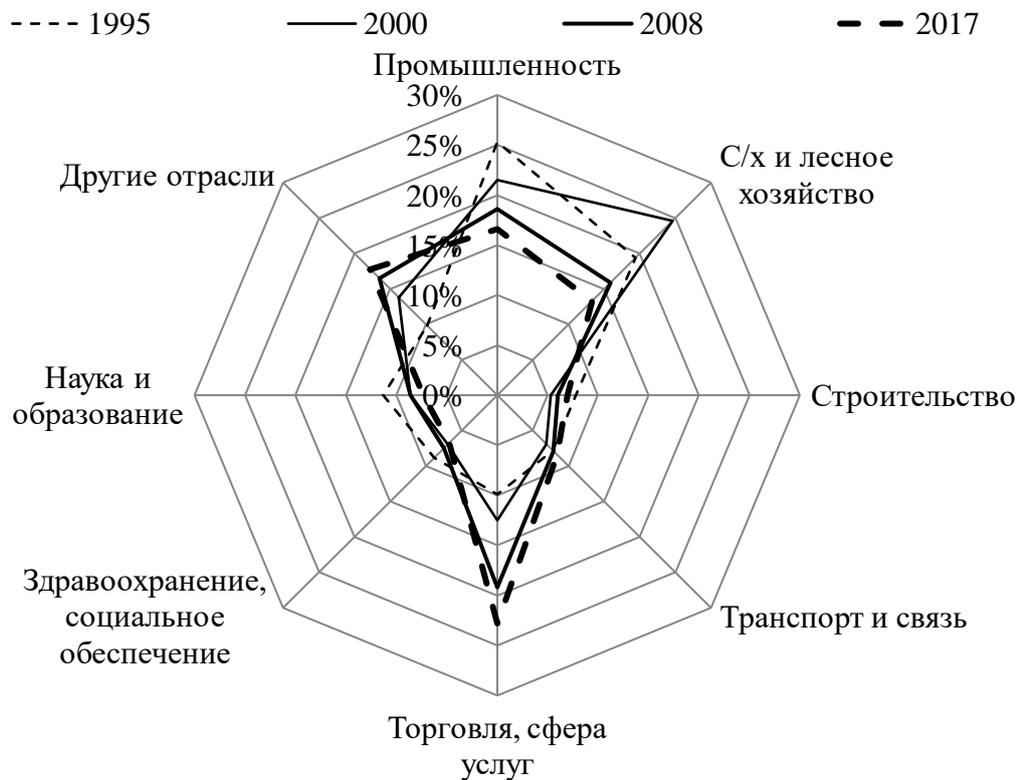

Рисунок 23.1 - Отраслевая структура занятости в Воронежской области в 1995-2017 гг., %

Рисунок 23.2 - Отраслевая структура валовой добавленной стоимости (ВДС) в Воронежской области в 2004-2017 гг., %

Примечание - Приложение составлено автором по: [152-154, 159, 193, 194].

Приложение 24
Хронологическая динамика отраслевого разделения труда
в Саратовской области в 1995-2017 гг.

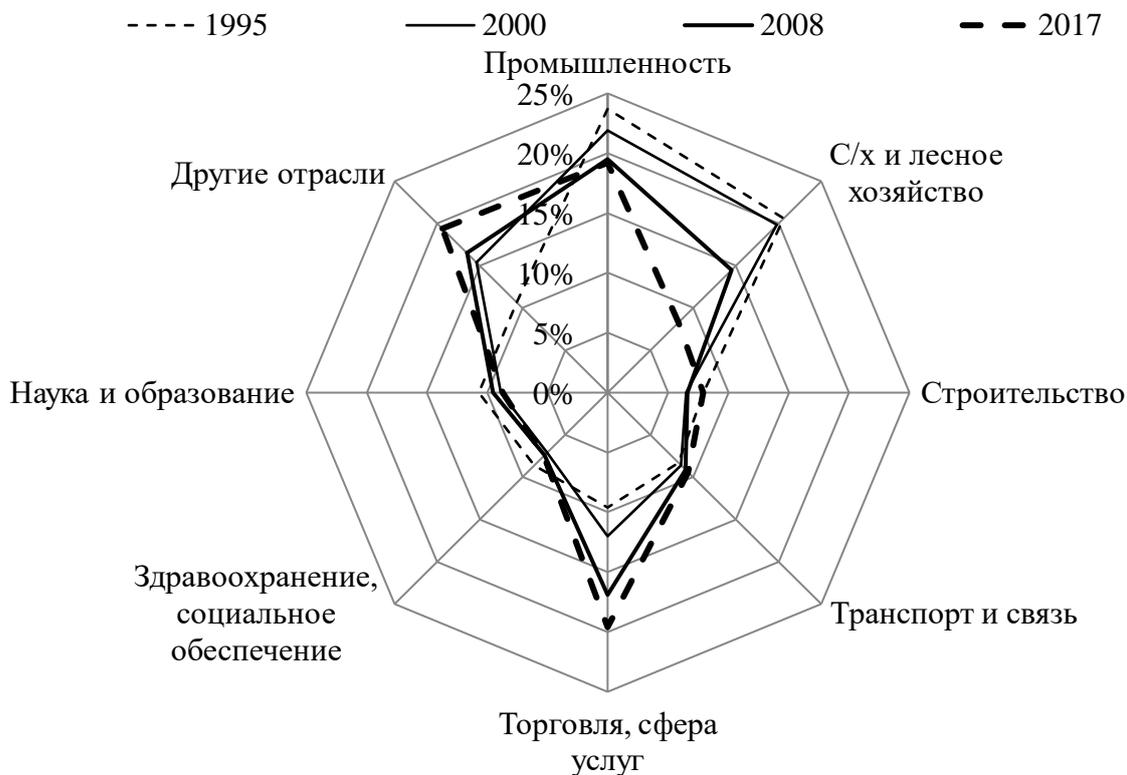

Рисунок 24.1 - Отраслевая структура занятости в Саратовской области в 1995-2017 гг., %

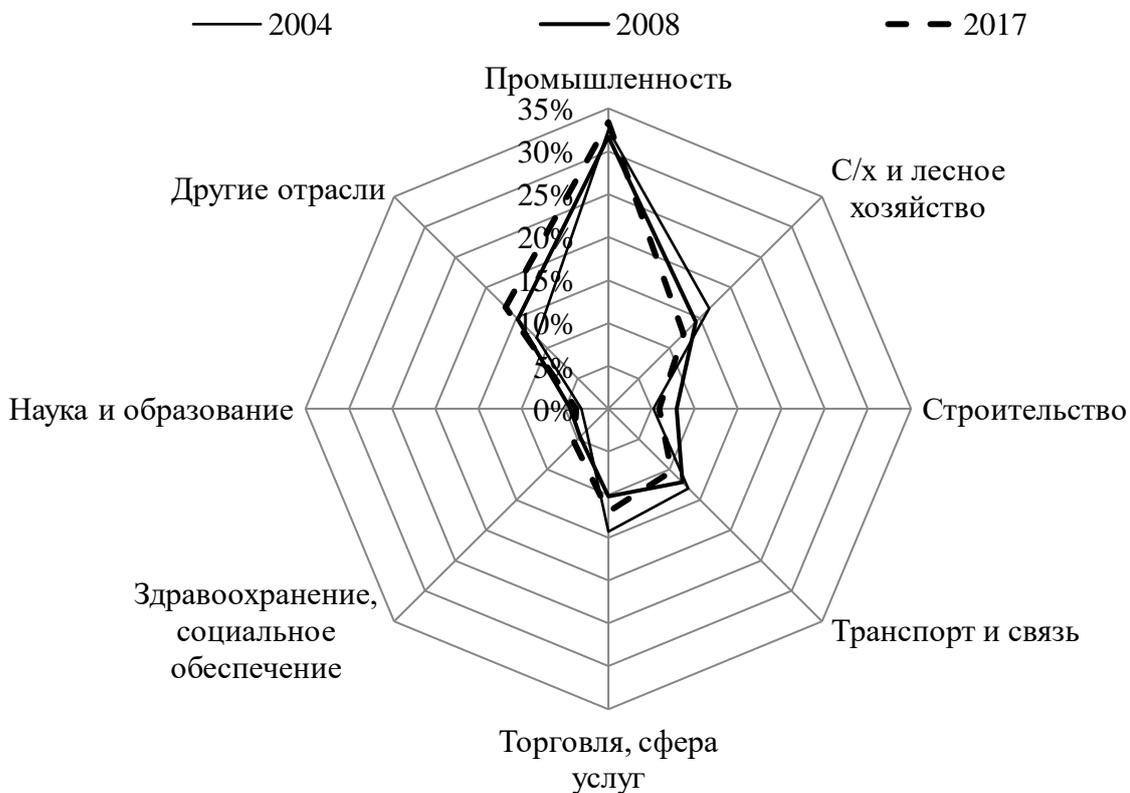

Рисунок 24.2 - Отраслевая структура валовой добавленной стоимости (ВДС) в Саратовской области в 2004-2017 гг., %

Примечание - Приложение составлено автором по: [152-154, 159, 193, 194].

Приложение 25
Хронологическая динамика отраслевого разделения труда
в Ставропольском крае в 1995-2017 гг.

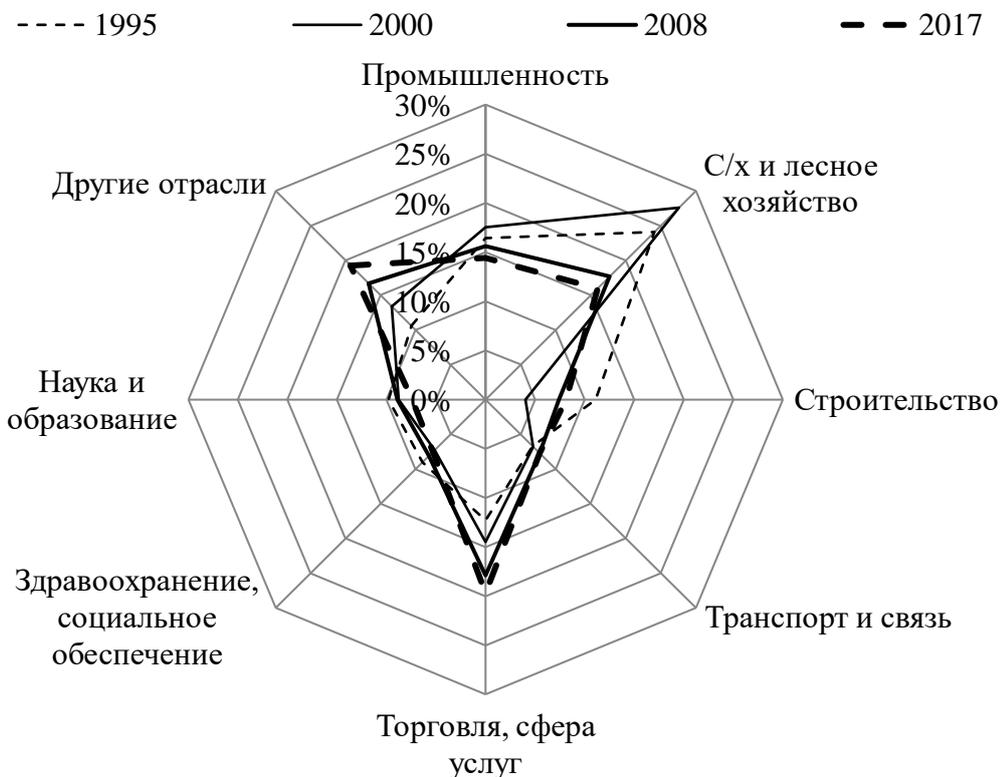

Рисунок 25.1 - Отраслевая структура занятости в Ставропольском крае в 1995-2017 гг., %

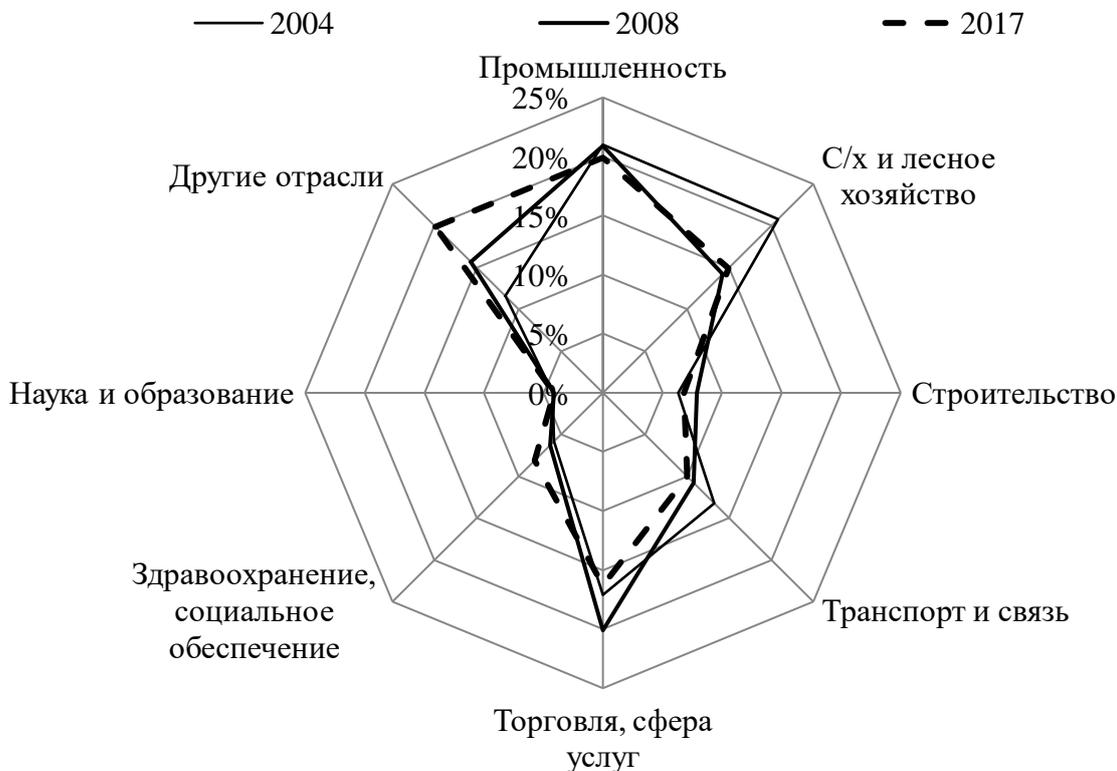

Рисунок 25.2 - Отраслевая структура валовой добавленной стоимости (ВДС) в Ставропольском крае в 2004-2017 гг., %

Примечание - Приложение составлено автором по: [152-154, 159, 193, 194].

Приложение 26
Хронологическая динамика отраслевого разделения труда
в Республике Саха (Якутия) в 1995-2017 гг.

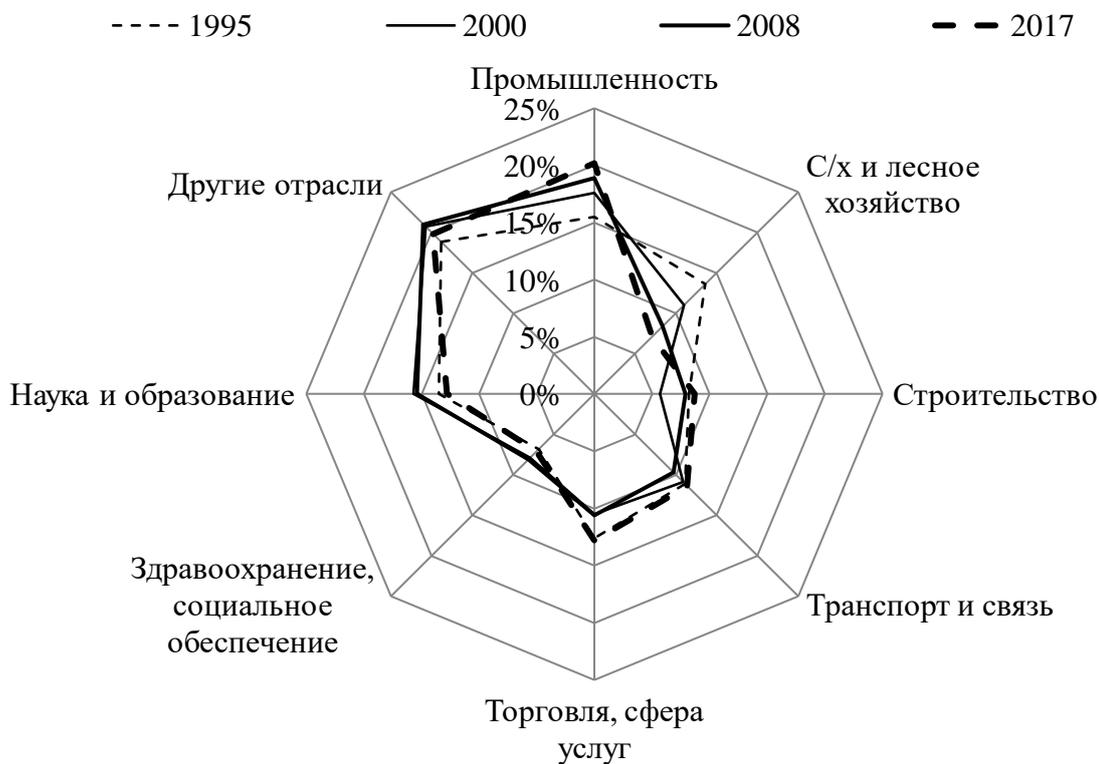

Рисунок 26.1 - Отраслевая структура занятости в Республике Саха (Якутия) в 1995-2017 гг., %

Рисунок 26.2 - Отраслевая структура валовой добавленной стоимости (ВДС) в Республике Саха (Якутия) в 2004-2017 гг., %

Примечание - Приложение составлено автором по: [152-154, 159, 193, 194].

Приложение 27
Хронологическая динамика отраслевого разделения труда
в Пензенской области в 1995-2017 гг.

Рисунок 27.1 - Отраслевая структура занятости в Пензенской области в 1995-2017 гг., %

Рисунок 27.2 - Отраслевая структура валовой добавленной стоимости (ВДС) в Пензенской области в 2004-2017 гг., %

Примечание - Приложение составлено автором по: [152-154, 159, 193, 194].

Приложение 28
Хронологическая динамика отраслевого разделения труда
в Брянской области в 1995-2017 гг.

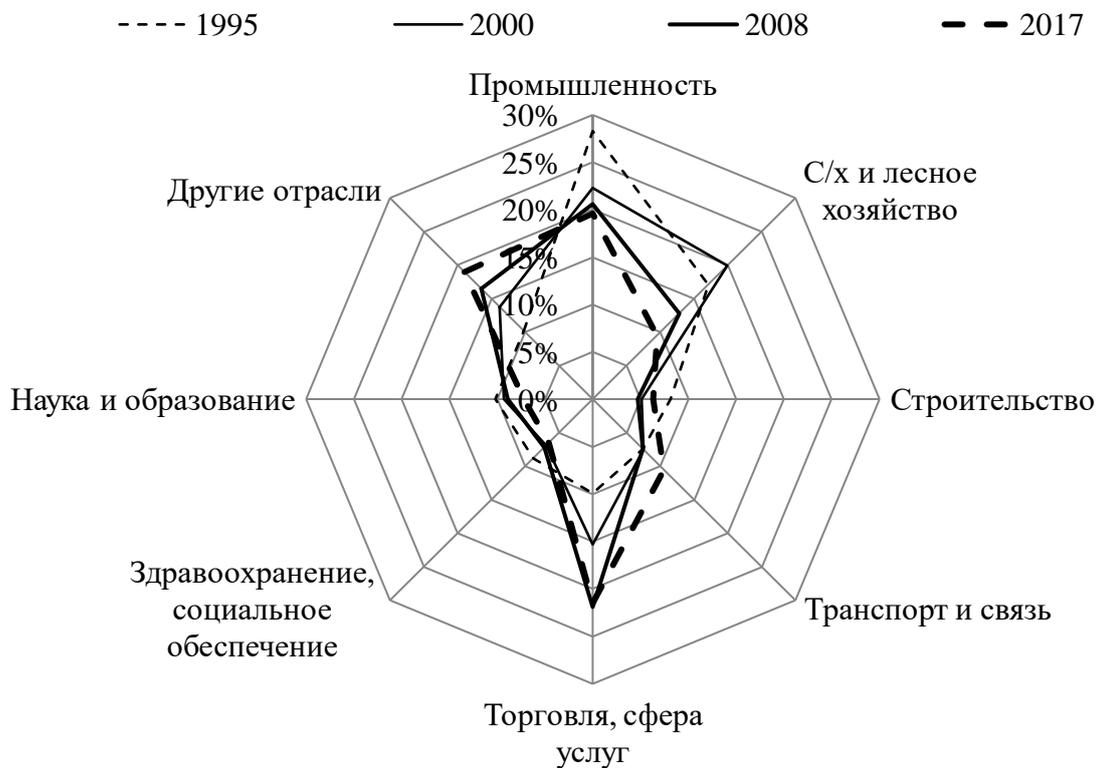

Рисунок 28.1 - Отраслевая структура занятости в Брянской области в 1995-2017 гг., %

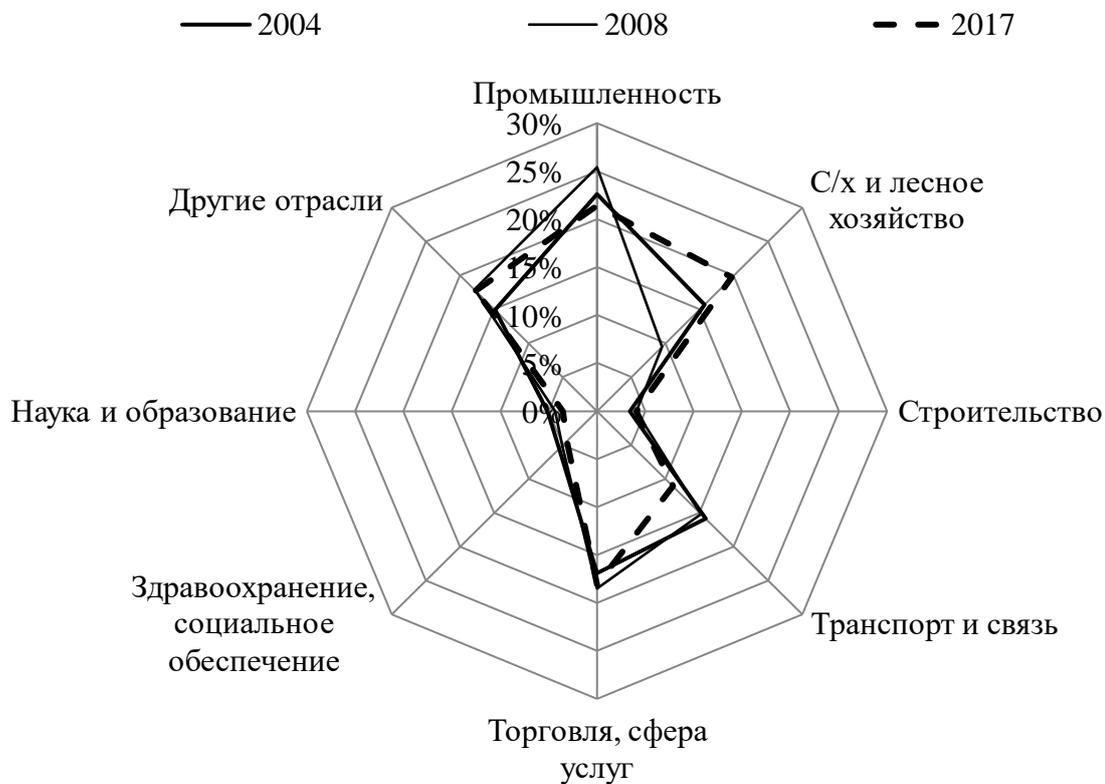

Рисунок 28.2 - Отраслевая структура валовой добавленной стоимости (ВДС) в Брянской области в 2004-2017 гг., %

Примечание - Приложение составлено автором по: [152-154, 159, 193, 194].

Приложение 29
Хронологическая динамика отраслевого разделения труда
в Республике Калмыкии в 1995-2017 гг.

Рисунок 29.1 - Отраслевая структура занятости в Республике Калмыкии в 1995-2017 гг., %

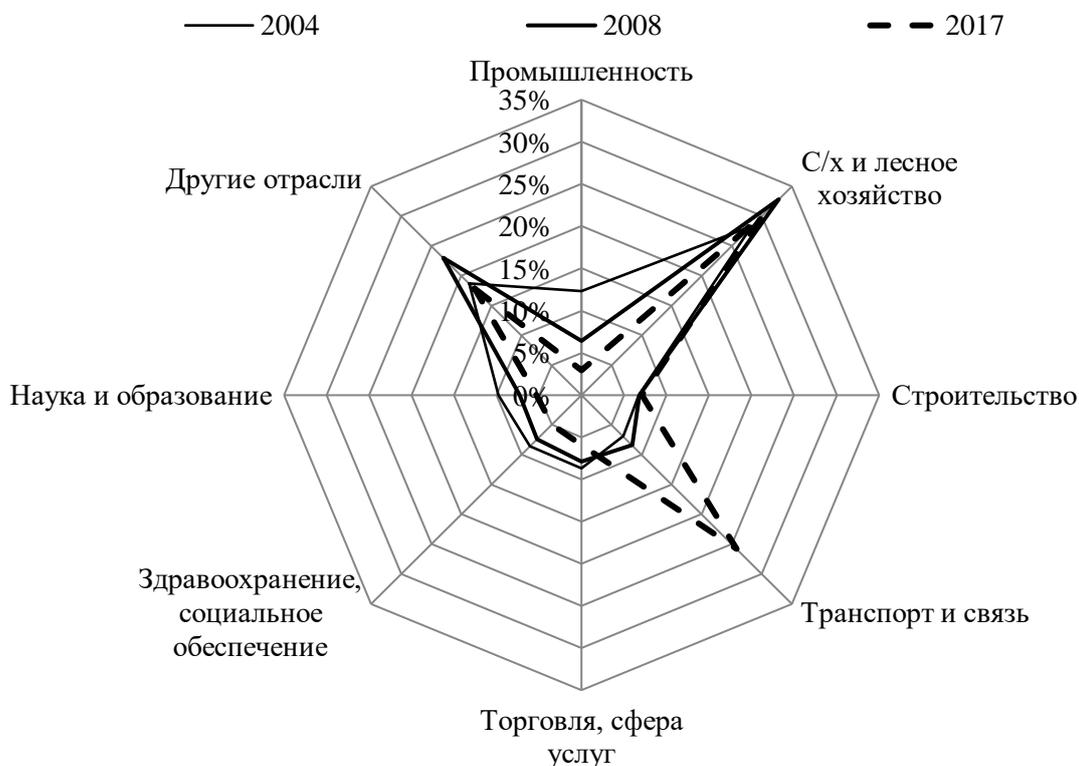

Рисунок 29.2 - Отраслевая структура валовой добавленной стоимости (ВДС) в Республике Калмыкии в 2004-2017 гг., %

Примечание - Приложение составлено автором по: [152-154, 159, 193, 194].

Приложение 30
Хронологическая динамика отраслевого разделения труда
в Республике Тыве в 1995-2017 гг.

Рисунок 30.1 - Отраслевая структура занятости в Республике Тыве в 1995-2017 гг., %

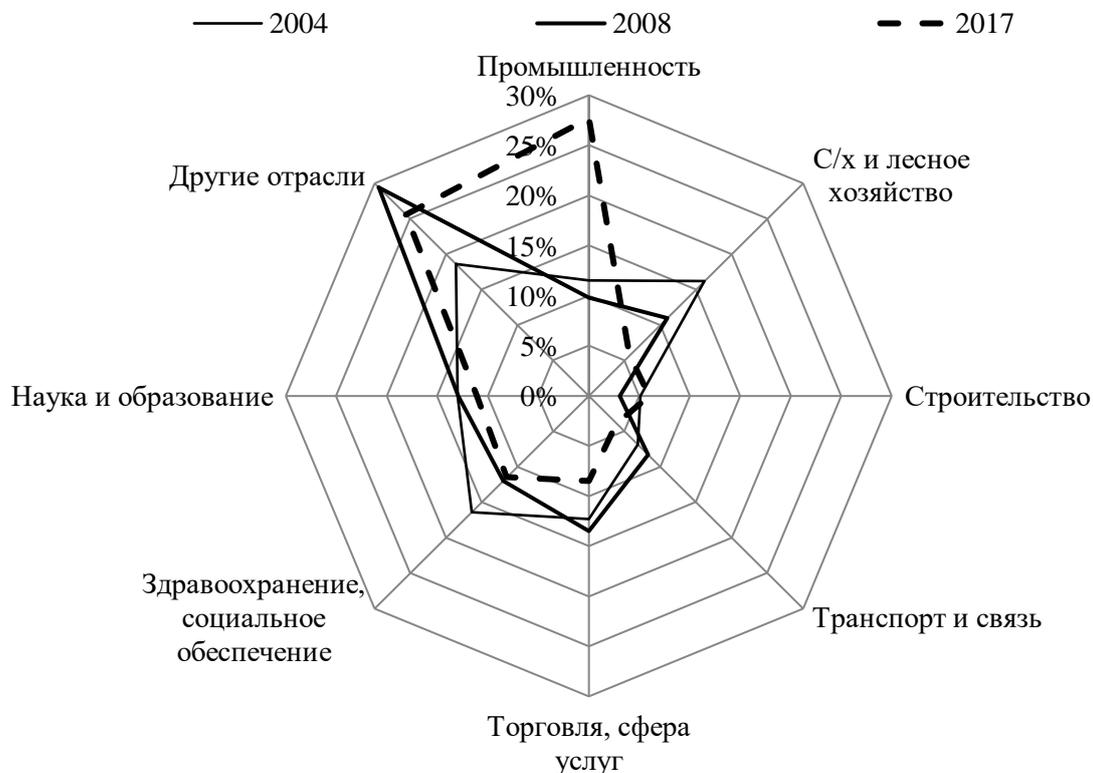

Рисунок 30.2 - Отраслевая структура валовой добавленной стоимости (ВДС) в Республике Тыве в 2004-2017 гг., %

Примечание - Приложение составлено автором по: [152-154, 159, 193, 194].

Приложение 31
Хронологическая динамика отраслевого разделения труда
в Республике Алтай в 1995-2017 гг.

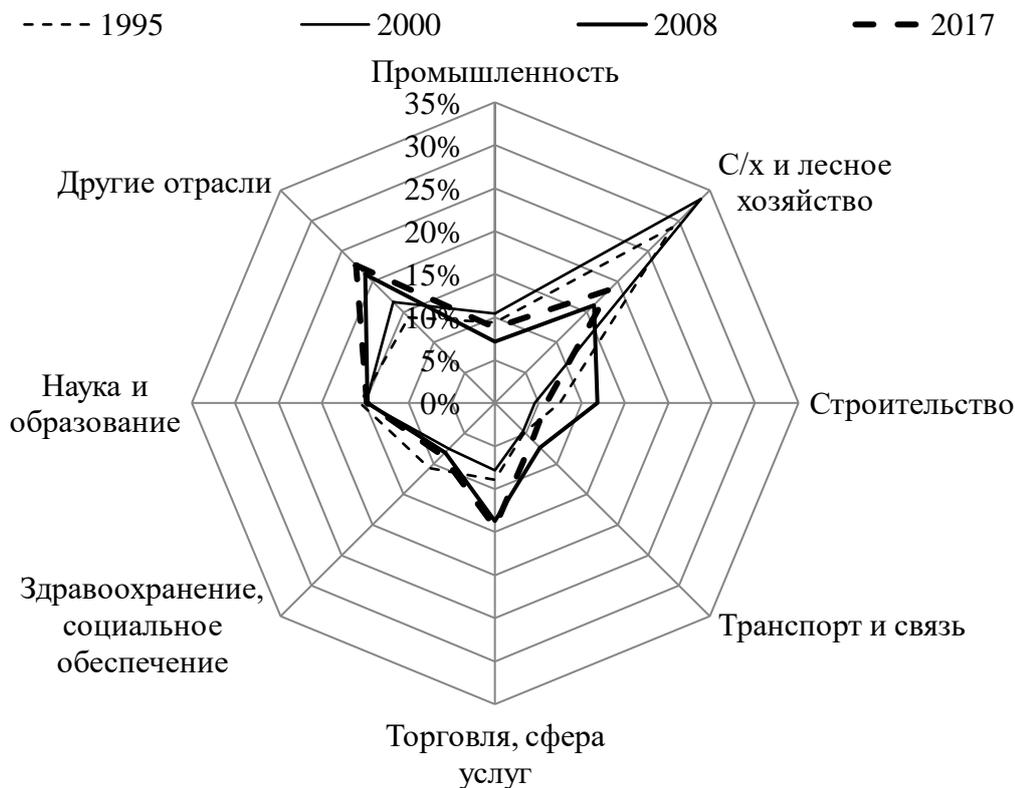

Рисунок 31.1 - Отраслевая структура занятости в Республике Алтай в 1995-2017 гг., %

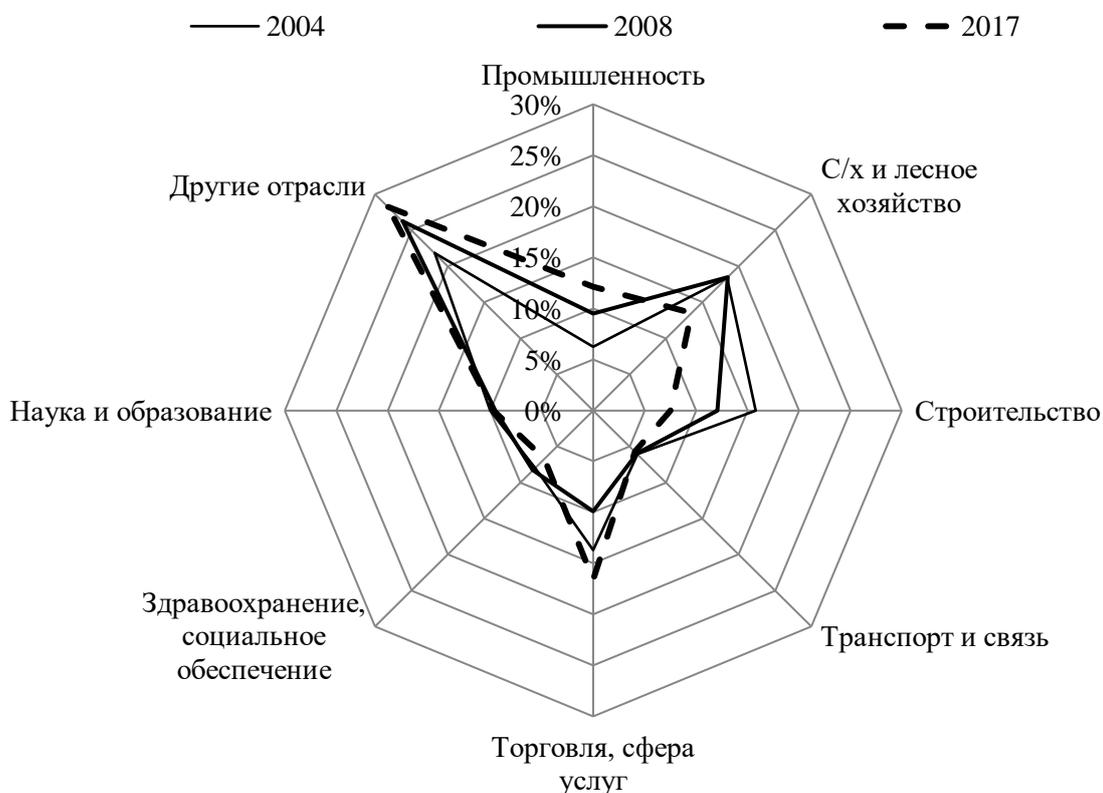

Рисунок 31.2 - Отраслевая структура валовой добавленной стоимости (ВДС) в Республике Алтай в 2004-2017 гг., %

Примечание - Приложение составлено автором по: [152-154, 159, 193, 194].

Приложение 32

Инвестиции в основной капитал по экономическим зонам России в 1995-2017 гг.

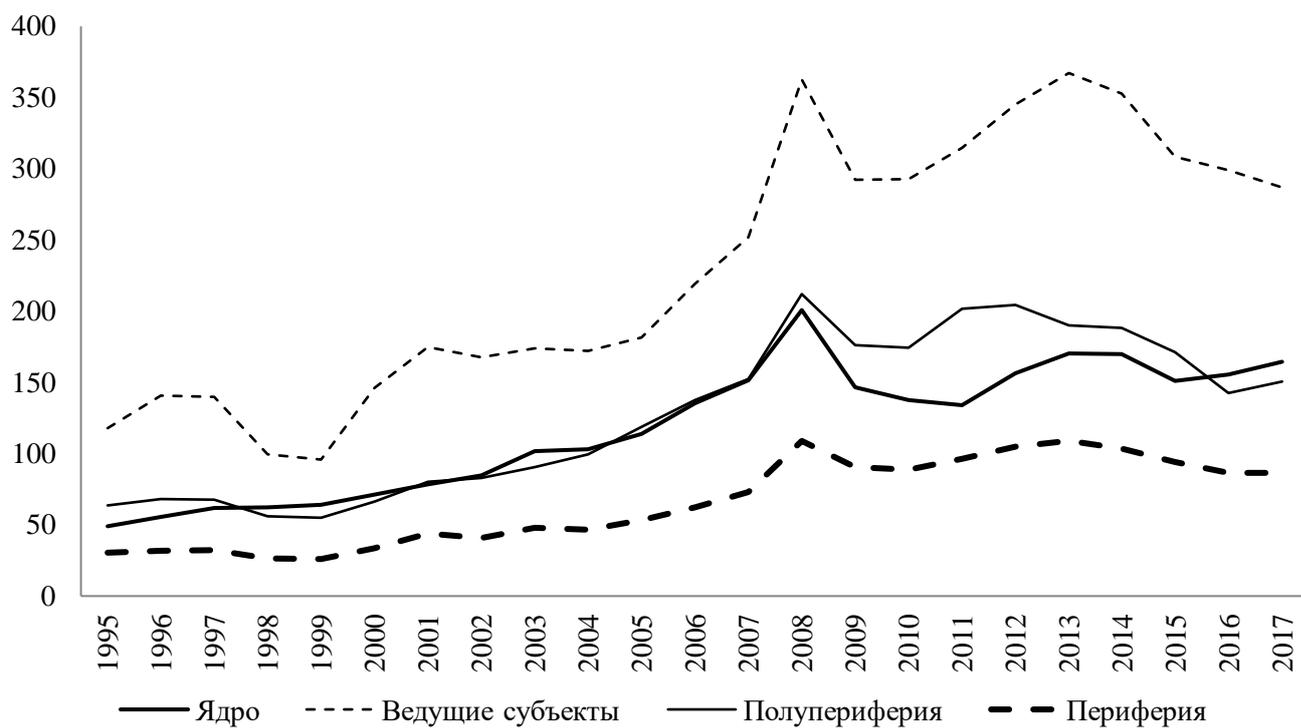

Рисунок 32.1 - Инвестиции в основной капитал по экономическим зонам РФ, в постоянных ценах, млрд руб.

Примечание - Составлено автором по: [152-159, 206].

Приложение 33
Инвестиции в основной капитал в расчете на одного занятого
по экономическим зонам России в 1995-2017 гг.

Рисунок 33.1 - Инвестиции в основной капитал в расчете на одного занятого по экономическим зонам РФ, в постоянных ценах, тыс. руб.

Примечание - Составлено автором по: [152-159, 206].

Приложение 34

Отношение прироста ВРП к инвестициям по экономическим зонам России в 1996-2017 гг.

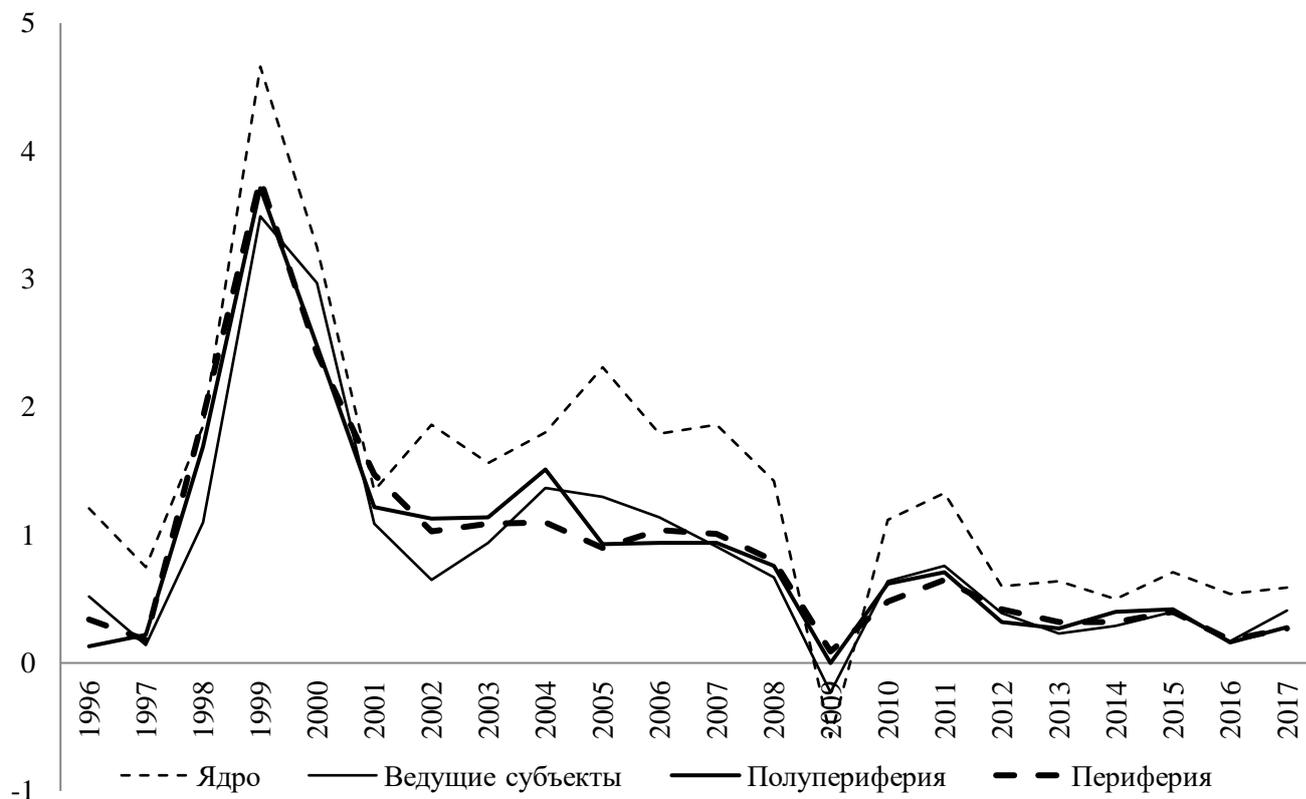

Рисунок 34.1 - Отношение прироста ВРП к инвестициям по экономическим зонам РФ

Примечание - Составлено автором по: [152-159, 206].

Приложение 35
Сумма доходов бюджетов субъектов по экономическим зонам России
в 1995-2017 гг.

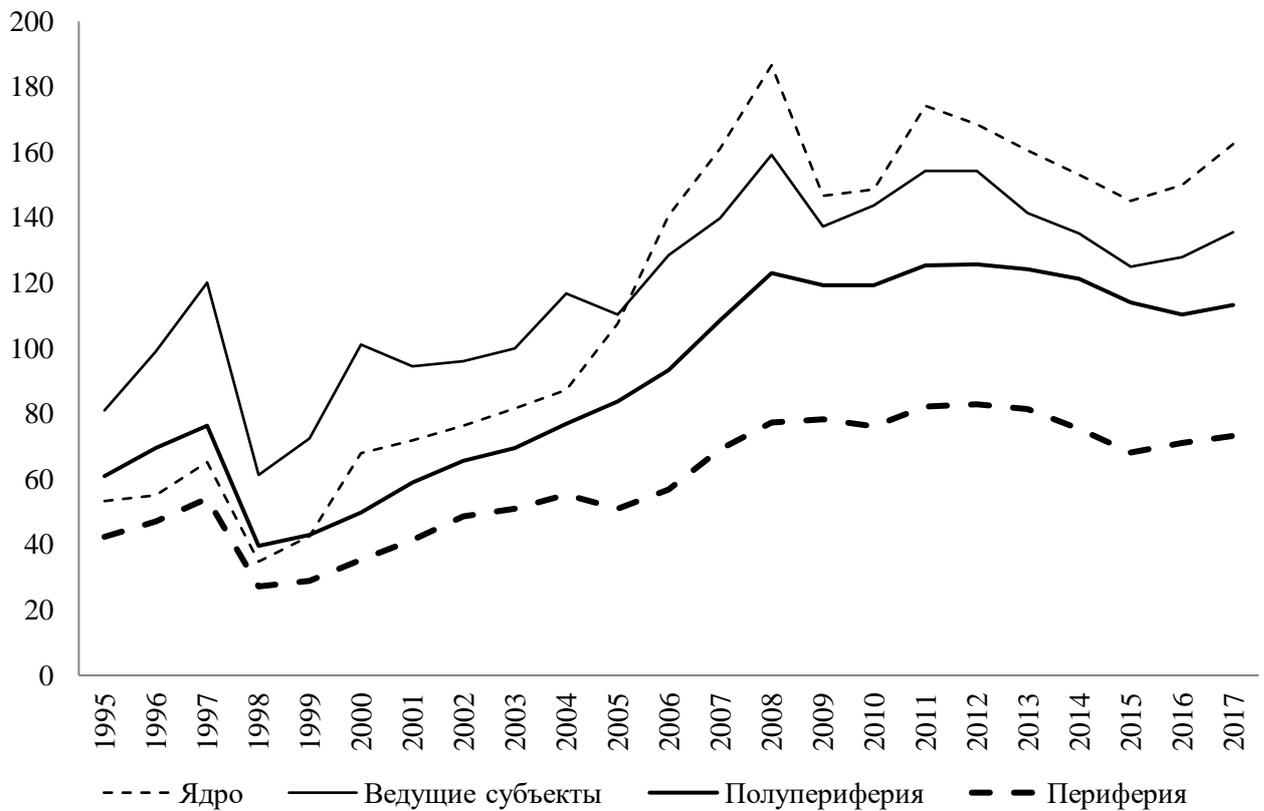

Рисунок 35.1 - Сумма доходов бюджетов субъектов по экономическим зонам РФ, в постоянных ценах, млрд руб.

Примечание - Составлено автором по: [152-159, 206].

Приложение 36
Сумма расходов бюджетов субъектов по экономическим зонам России
в 1995-2017 гг.

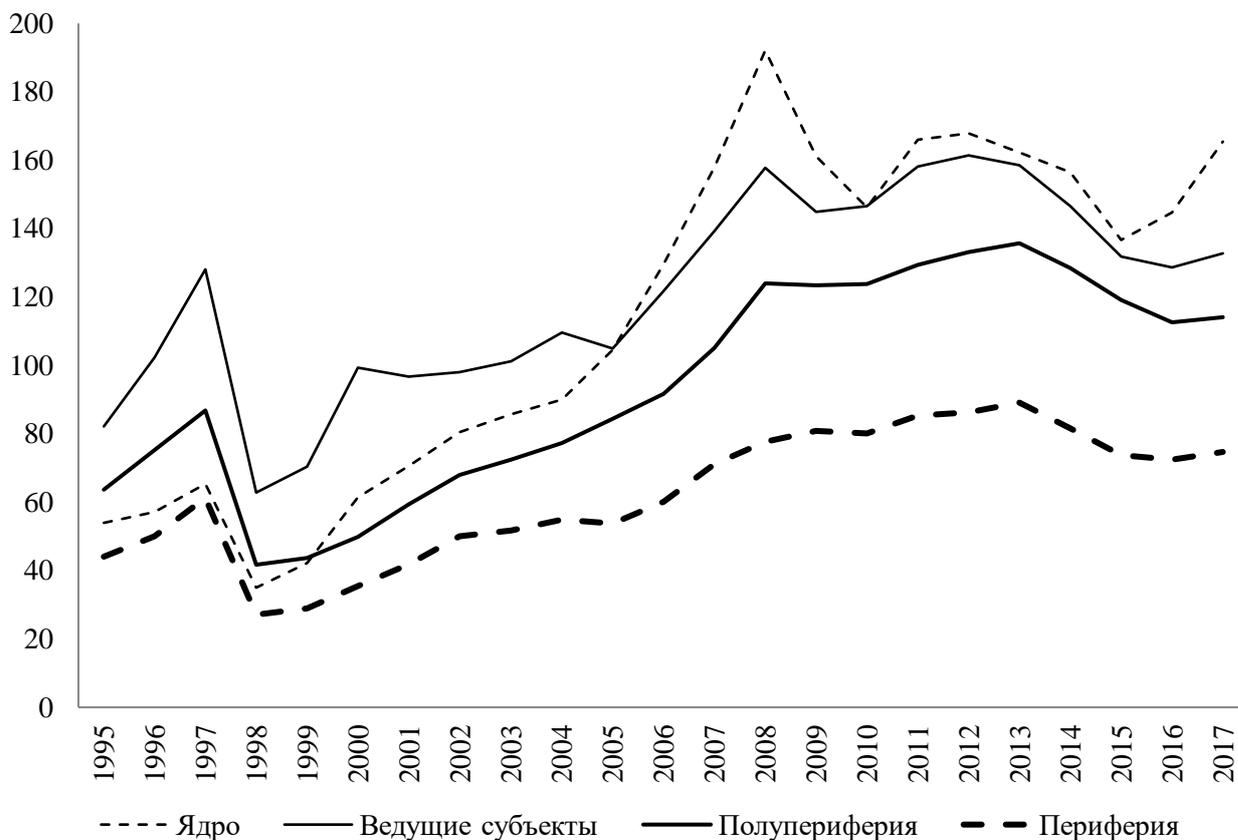

Рисунок 36.1 - Сумма расходов бюджетов субъектов по экономическим зонам РФ, в постоянных ценах, млрд руб.

Примечание - Составлено автором по: [152-159, 206].

Приложение 37

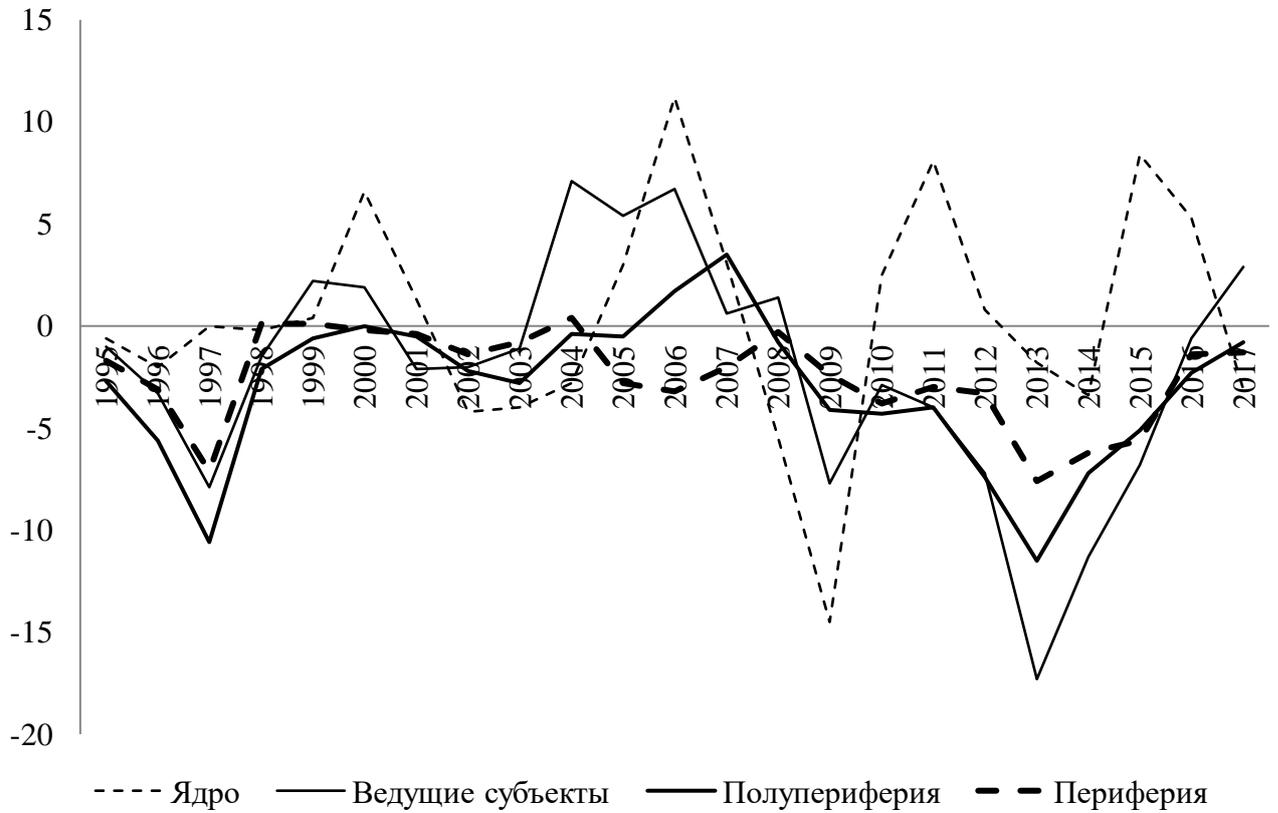
Сумма профицита/дефицита бюджетов субъектов по экономическим зонам России
в 1995-2017 гг.

Рисунок 37.1 - Сумма профицита/дефицита бюджетов субъектов по экономическим зонам РФ, в постоянных ценах, млрд руб.

Примечание - Составлено автором по: [152-159, 206].

Приложение 38

Сумма доходов бюджетов субъектов в расчете на душу населения по экономическим зонам России в 1995-2017 гг.

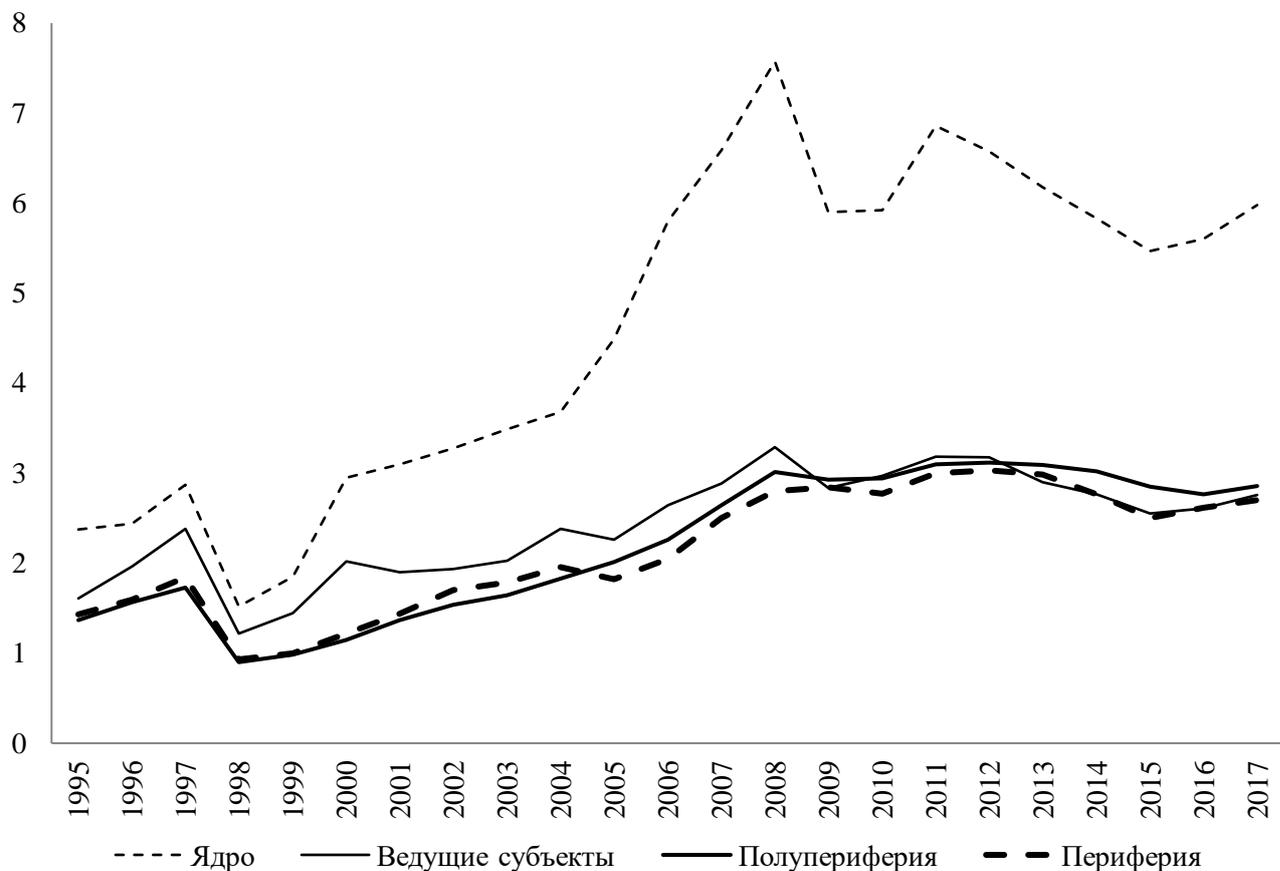

Рисунок 38.1 - Сумма доходов бюджетов субъектов в расчете на душу населения по экономическим зонам РФ, в постоянных ценах, тыс. руб.

Примечание - Составлено автором по: [152-159, 206].

Приложение 39

Сумма расходов бюджетов субъектов в расчете на душу населения по экономическим зонам России в 1995-2017 гг.

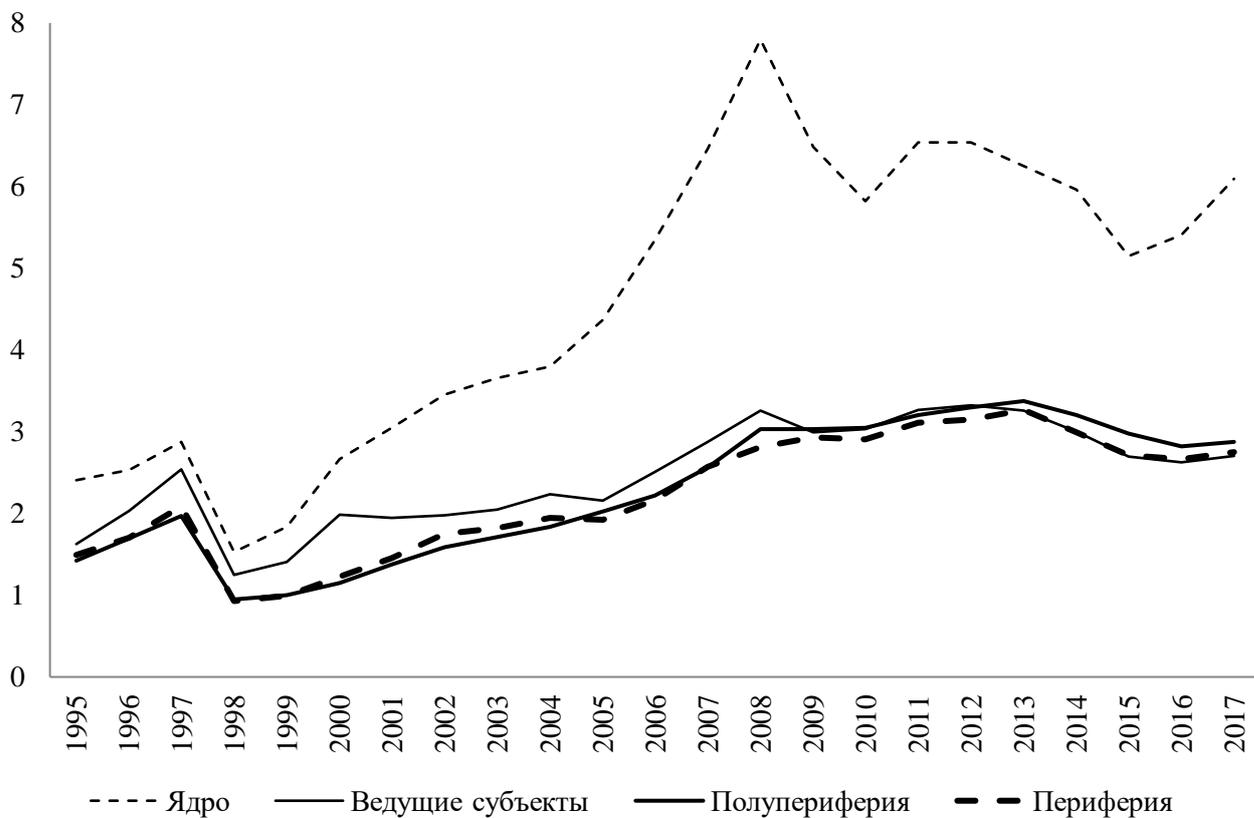

Рисунок 39.1 - Сумма расходов бюджетов субъектов в расчете на душу населения по экономическим зонам РФ, в постоянных ценах, тыс. руб.

Примечание - Составлено автором по: [152-159, 206].

Приложение 40

Отношение доходов бюджетов субъектов к ВРП по экономическим зонам России в 1995-2017 гг.

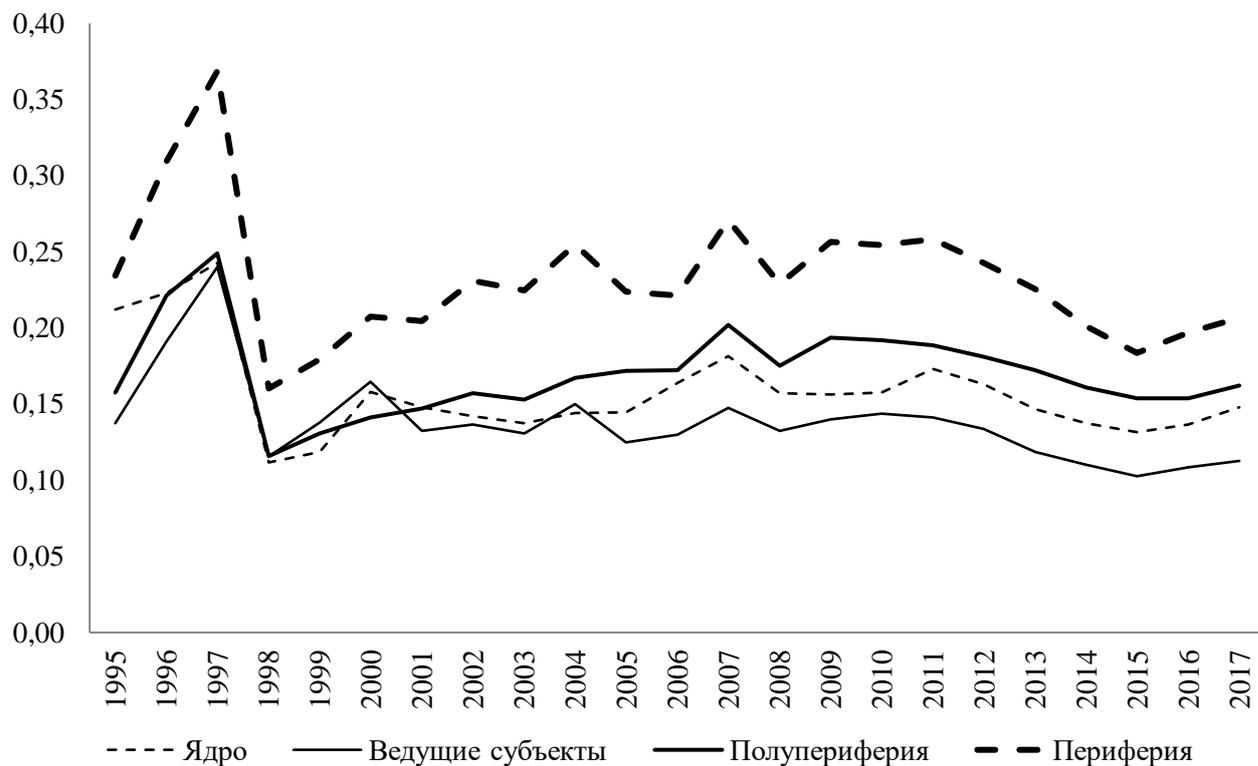

Рисунок 40.1 - Отношение доходов бюджетов субъектов к ВРП по экономическим зонам РФ

Примечание - Составлено автором по: [152-159, 206].

Приложение 41
Отношение расходов бюджетов субъектов к ВРП по экономическим зонам России
в 1995-2017 гг.

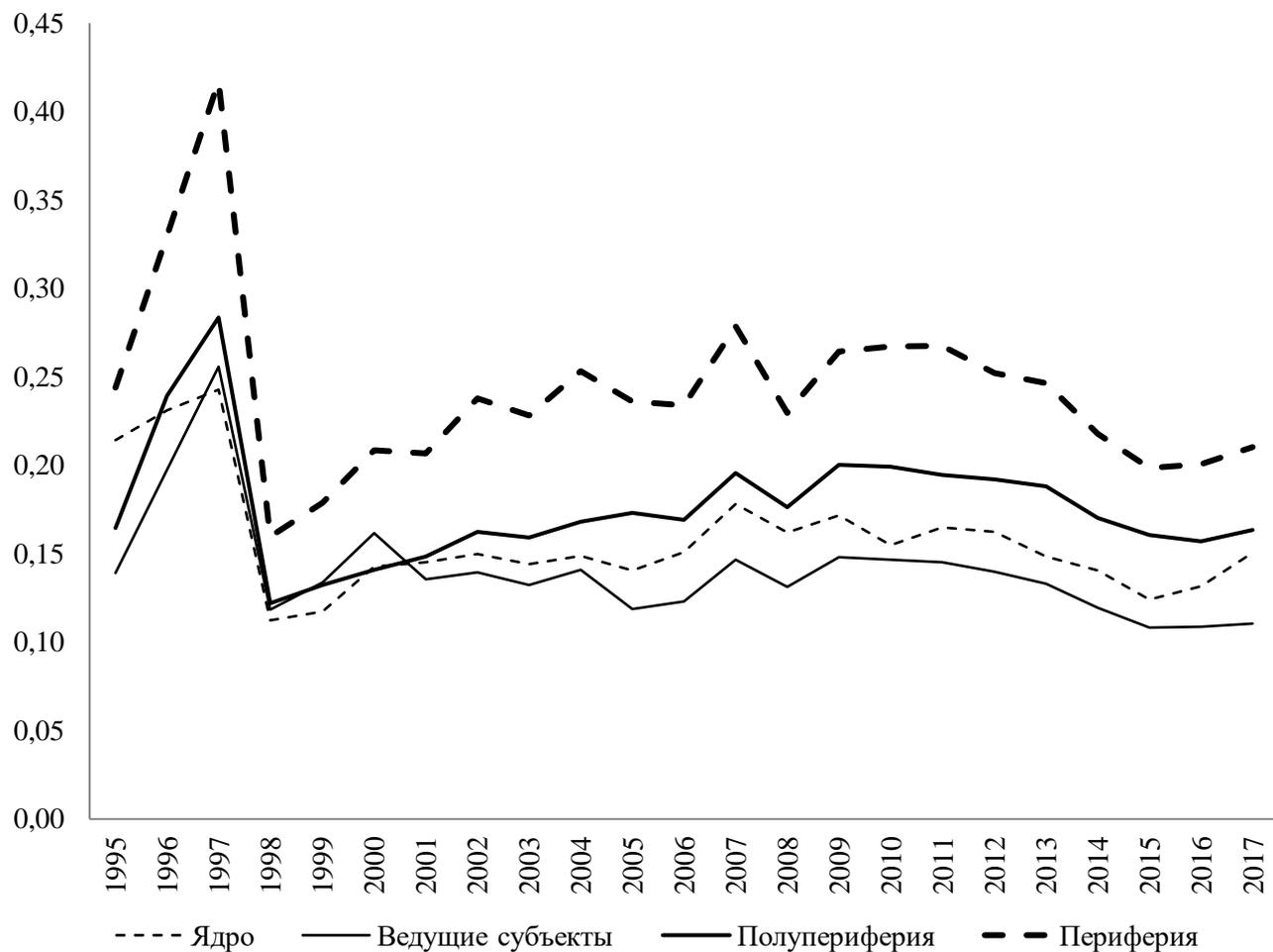

Рисунок 41.1 - Отношение расходов бюджетов субъектов к ВРП
по экономическим зонам РФ

Примечание - Составлено автором по: [152-159, 206].

Приложение 42

Доли в доходах консолидированного бюджета России суммарных доходов бюджетов субъектов и доходов федерального бюджета в 1992-2017 гг.

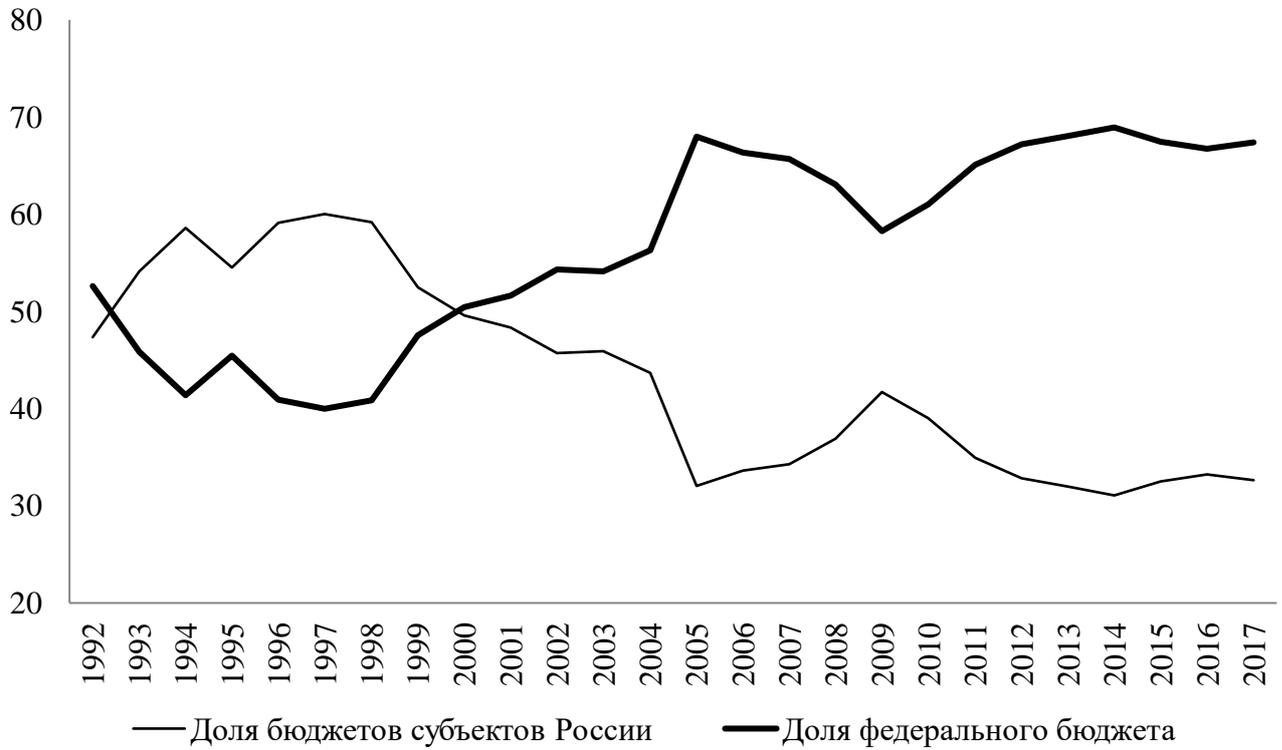

Рисунок 42.1 - Доли в доходах консолидированного бюджета России суммарных доходов бюджетов субъектов и доходов федерального бюджета, %

Примечание - Рассчитано по: [152, 153, 155-159, 163, 166, 168-171].

Приложение 43

Сумма государственного долга субъектов России в 2005-2019 гг.

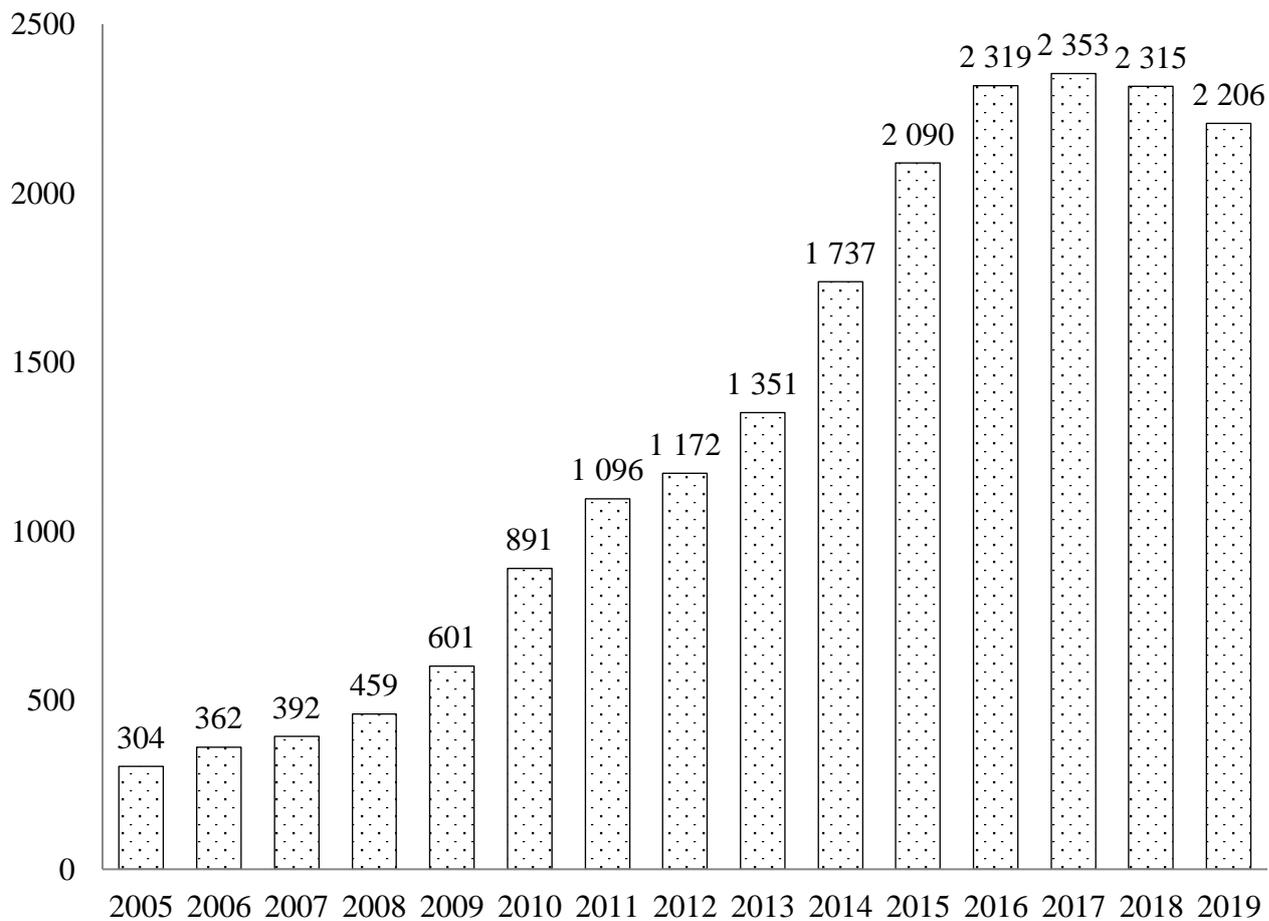

Рисунок 43.1 - Сумма государственного долга субъектов РФ, на начало года, млрд руб.

Примечание - Составлено автором по: [122].

Приложение 44
Сумма средств суверенных фондов России в 2004-2018 гг.

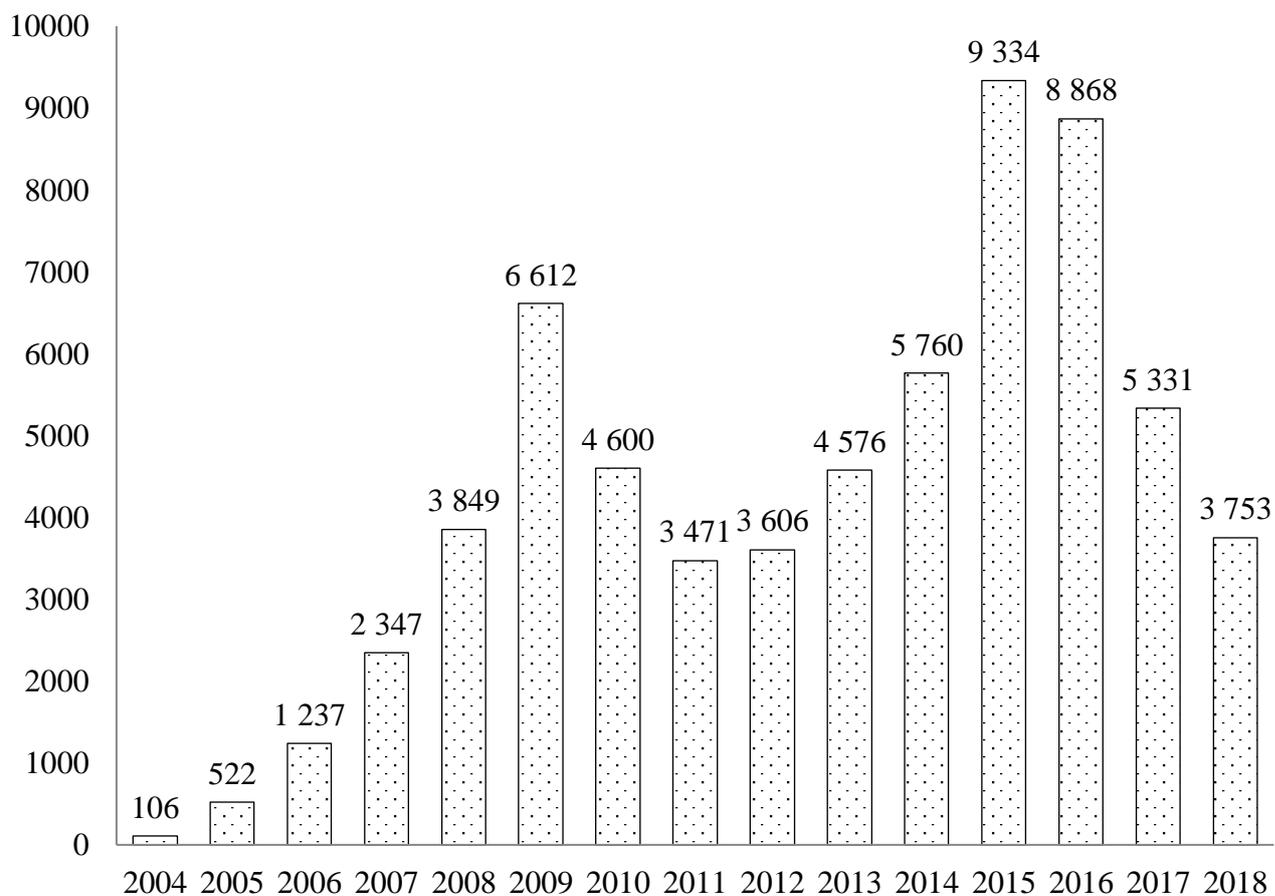

Рисунок 44.1 - Сумма средств суверенных фондов РФ (Стабилизационного фонда в 2004-2008 гг., Резервного фонда и Фонда национального благосостояния в 2009-2018 гг.), млрд руб.

Примечание - Составлено автором по: [168, 170, 171].

Приложение 45
Динамика средств суверенных фондов России в 2005-2018 гг.

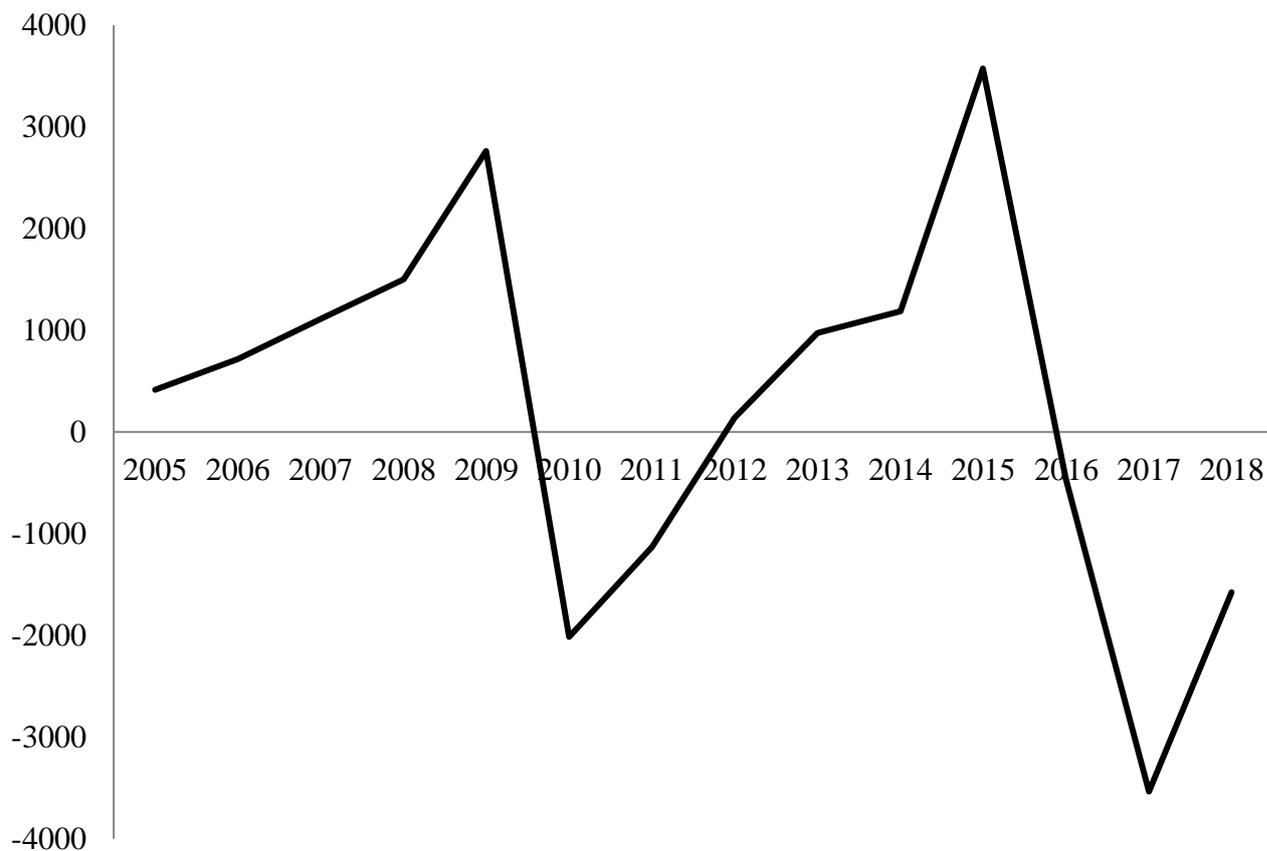

Рисунок 45.1 - Динамика средств суверенных фондов РФ (Стабилизационного фонда в 2004-2008 гг., Резервного фонда и Фонда национального благосостояния в 2009-2017 гг.), млрд руб.

Примечание - Составлено автором по: [168, 170, 171].

Приложение 46
Динамика цен нефти марки "Brent" в 1988-2018 гг.

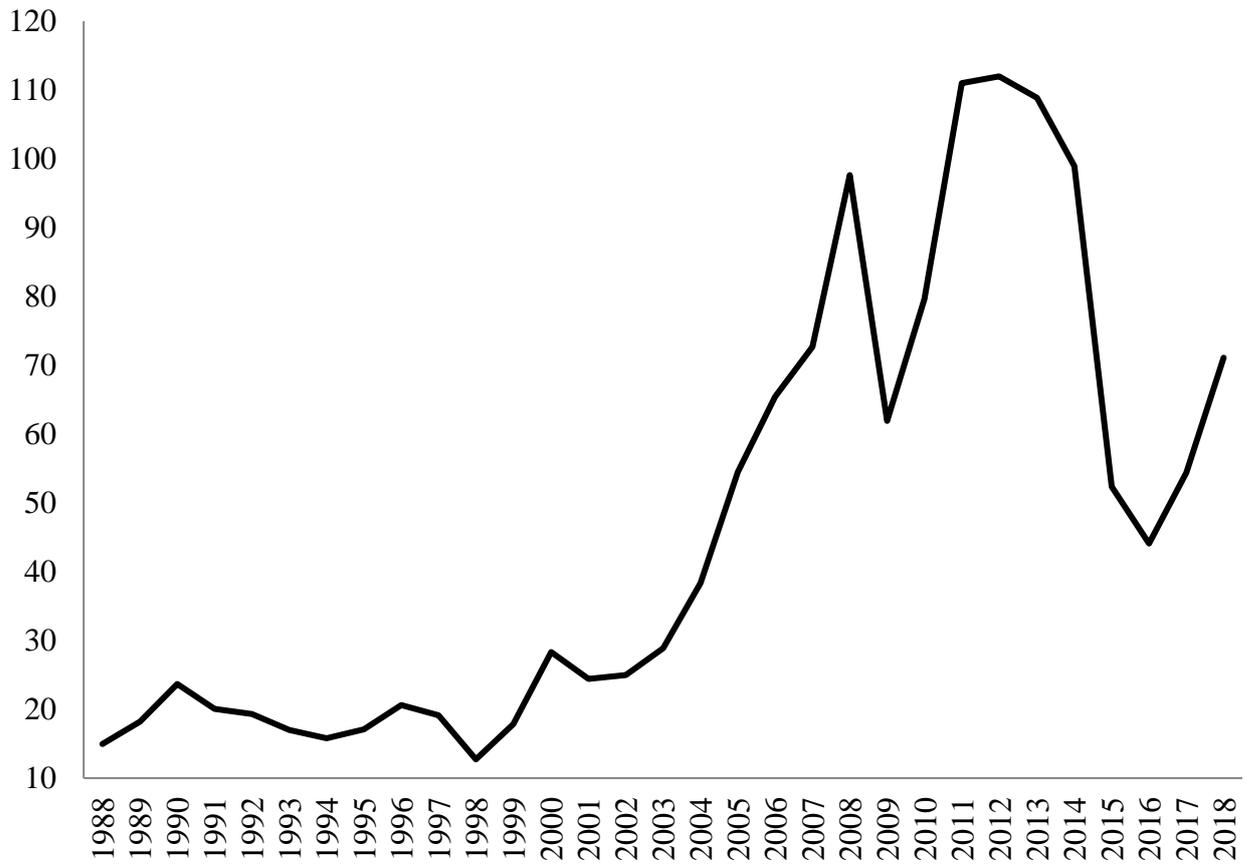

Рисунок 46.1 - Динамика цен нефти марки "Brent", долл./баррель

Примечание - Составлено автором по: [259].

Приложение 47
Динамика чистого экспорта России в 1989-2018 гг.

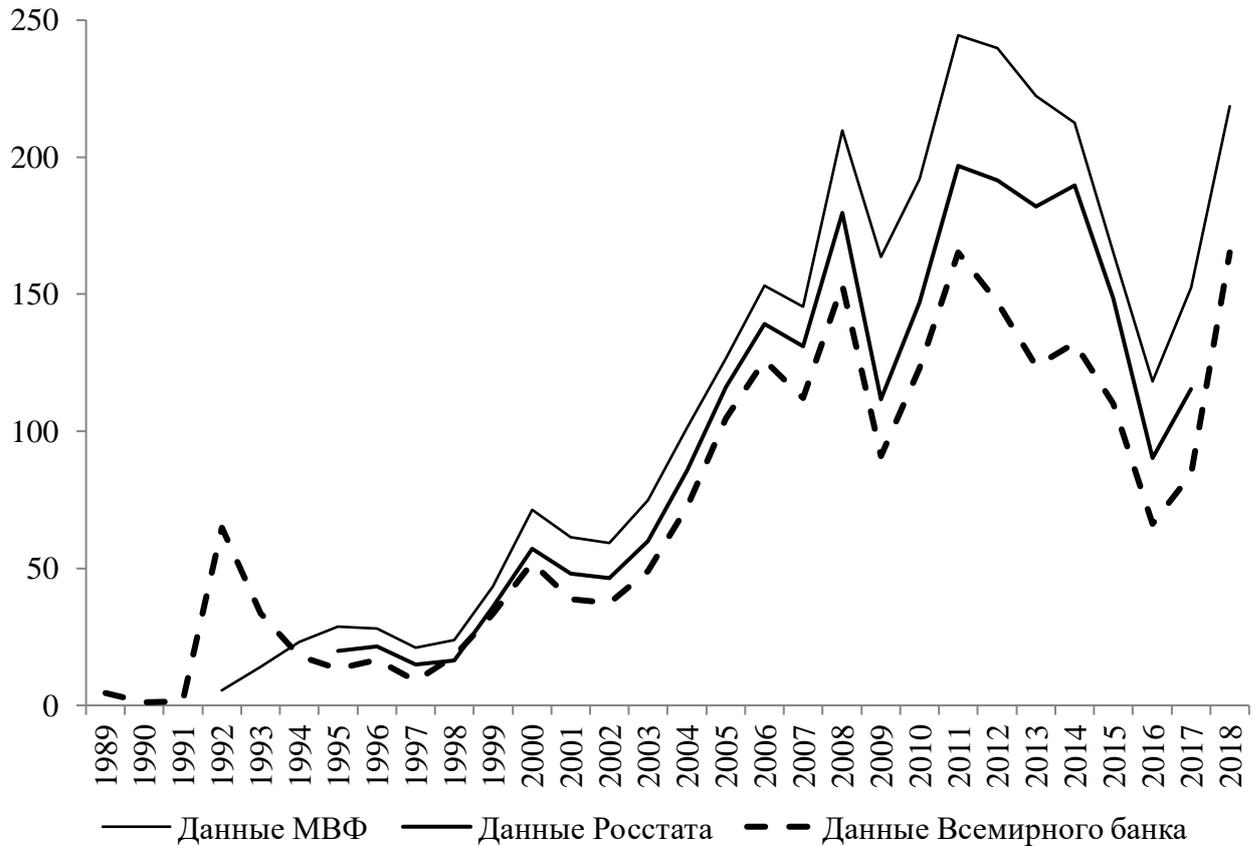

Рисунок 47.1 - Динамика чистого экспорта РФ, млрд долл.

Примечание - Составлено автором по: [163-165, 167, 170, 171, 265, 266, 277, 278].

Приложение 48
Товарная структура экспорта России в 1990-2017 гг.

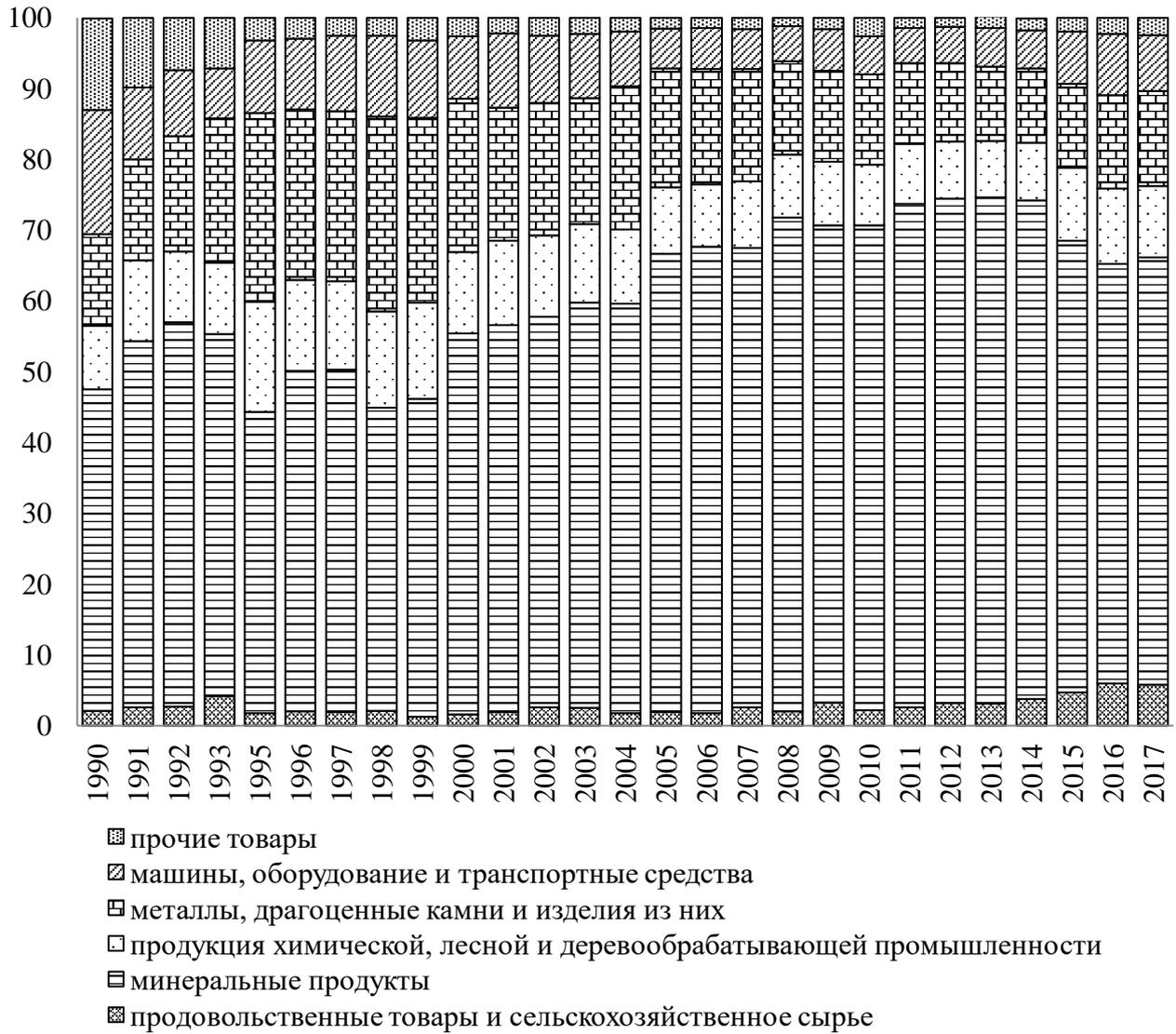

Рисунок 48.1 - Товарная структура экспорта РФ, млрд долл.

Примечание - Составлено автором по: [30, 67].

Приложение 49

Среднегодовые процентные ставки по кредитам в странах G20 в 1990-2017 гг.

Таблица 49.1 - Среднегодовые процентные ставки по кредитам, %

Страна	Период		
	1990-2000 гг.	2000-2010 гг.	2010-2017 гг.
Австралия	10,57	8,38	6,3
Аргентина	11,73	17,09	21,65
Бразилия	63,77	52,83	40,36
Великобритания	7,5	3,99	0,46
Германия	9,88	6,37	4,84
Еврозона	7,5	6,87	5,33
Индия	14,3	11,59	9,85
Индонезия	22,71	15,66	12,17
Италия	10,49	7,79	5,62
Канада	7,72	4,73	2,85
Китай	8,32	5,77	5,38
Мексика	32,82	8,93	4,78
Республика Корея	10,42	6,51	4,49
Россия	84,32	13,82	11,92
Саудовская Аравия	...	0,74	1,16
США	8,73	5,73	3,37
Франция	7,33	6,71	5,96
ЮАР	18,96	12,9	9,43
Япония	3,15	1,81	1,28
Примечание - Составлено автором по: [280].			

Приложение 50
Коэффициент монетизации экономики в 1995-2018 гг.

Рисунок 50.1 - Коэффициент монетизации экономики России (M2/ВВП), %

Примечание - Составлено автором по: [206, 219-224].

Таблица 50.1 - Коэффициент монетизации экономик стран G 20 (Broad money/GDP), %

Страна	Годы																								
	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	
Австралия	60,6	62,9	64,1	65,7	69,6	67,7	70,4	70,4	74,8	77,5	78,5	83,6	90,7	97,9	94,4	100,7	99,9	101,3	105,5	108,5	113,2	118,0	116,2	113,6	
Англия	60,8	65,2	77,9	90,2	90,5	95,1	99,8	100,1	103,8	108,7	117,0	126,5	139,3	160,1	164,5	165,6	152,8	149,5	146,8	136,6	135,5	141,9	147,6		
Аргентина	20,1	22,7	26,5	28,7	31,4	31,8	27,1	27,9	30,1	28,3	28,7	28,0	27,9	23,5	25,3	25,3	24,3	27,1	27,1	25,8	27,6	28,3	28,5		
Бразилия	32,4	35,1	37,0	39,3	42,8	46,5	58,6	55,0	56,5	56,3	60,1	63,2	68,4	70,5	76,1	74,2	76,8	79,1	78,6	81,9	88,1	93,9	93,5	96,3	
Германия	63,0	65,7	67,6	68,4	85,6	98,0	63,6	65,1	68,0	68,7	70,4	71,5	73,4	78,9	84,4	81,7	82,4	86,1	88,1	88,2	90,4	92,9			
Индия	43,5	44,7	47,5	48,9	51,1	54,6	57,7	62,6	63,2	64,6	65,5	68,1	72,3	77,4	79,1	77,7	78,8	76,9	78,2	77,9	78,0	74,7	74,1	73,5	
Индонезия	48,6	52,7	56,0	59,9	58,4	53,9	50,9	48,2	47,0	45,0	43,4	41,4	41,8	38,3	38,2	36,0	36,7	38,4	39,1	39,5	39,5	40,4	39,9	38,8	
Италия	57,7	55,6	52,1	48,8	53,1	55,2	55,0	56,3	59,9	61,6	62,8	63,9	68,8	76,6	82,8	82,3	79,9	82,6	85,4	87,0	88,7	90,9			
Канада	75,9	76,4	75,6	74,7	73,4	71,3	155,2	152,8	146,1	144,7	149,0	159,2	112,4	122,9											
Китай	99,0	106,0	115,2	123,9	133,7	135,6	141,1	145,4	153,6	149,8	151,1	157,5	149,4	148,8	175,1	176,1	174,5	180,9	186,6	191,6	203,0	209,5	204,2	199,1	
Мексика	24,4	23,0	28,4	27,5	27,3	22,4	25,2	25,1	26,0	26,2	26,6	25,5	26,0	26,4	29,8	30,6	30,7	31,3	33,0	34,5	36,5	37,8	38,6	37,8	
Республика Корея	35,9	37,1	38,4	49,3	57,1	65,0	111,2	114,5	110,7	109,0	111,1	119,0	122,1	129,1	136,0	131,2	131,4	133,3	134,4	139,8	143,7	146,6	146,2	151,5	
Россия	15,6	16,3	17,7	19,4	17,6	21,7	23,9	26,4	30,0	31,1	33,4	37,6	43,0	39,5	49,3	51,4	47,3	47,2	51,1	54,3	61,8	59,2	59,4	59,1	
Саудовская Аравия	45,0	43,6	43,8	51,3	49,7	44,3	48,0	53,6	51,1	50,0	44,6	46,9	51,0	48,1	64,6	55,2	49,2	52,2	55,8	61,6	73,3	74,7	70,1		
США	60,8	62,1	63,1	65,5	67,5	68,5	71,6	72,4	72,1	71,6	72,5	74,5	79,6	84,6	90,9	85,2	87,6	88,2	89,0	89,6	88,9	89,9	90,5	89,5	
Турция	32,2	36,6	37,1	28,2	38,1	33,7	44,6	39,0	34,2	33,5	39,1	40,7	42,1	46,5	52,1	53,2	51,0	50,0	52,6	51,8	52,7	55,6	54,3	54,0	
Франция	62,1	64,9	66,3	66,3	66,3	65,3	62,2	62,9	66,6	69,6	72,3	74,9	77,9	84,7	90,6	89,5	88,1	89,0	89,9	90,1	91,2	94,0			
ЮАР	48,6	49,4	52,5	55,1	55,7	52,7	57,3	58,3	60,6	61,6	67,0	73,2	79,1	80,8	77,7	75,8	74,6	72,9	71,0	70,9	73,4	72,6	72,2	73,1	
Япония	202,8	205,2	213,7	223,0	232,9	232,9	194,1	198,5	199,8	198,9	198,7	196,2	195,7	201,3	218,6	217,6	228,0	231,3	235,4	237,3	236,4	243,5	247,9	252,1	
Еврозона	64,7	67,4	68,8	69,4	69,9	69,1	73,4	75,8	78,6	80,1	83,7	87,1	92,0	97,6	100,6	97,3	96,9	99,4	98,9	101,6	103,0	105,1	105,8	106,8	
Мир	93,4	90,7	91,1	93,5	99,7	99,9	96,1	96,8	97,7	96,5	95,8	96,6	96,9	100,6	111,4	108,6	109,9	112,0	112,6	115,1	120,1	124,4	123,0	123,6	

Примечание - Составлено автором по: [111, 263, 294-297].